

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

**2
2016**

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Кравченко А.И.*
Кризисная постдинамика: понятийная матрица 3
- Парсонс Т.*
Проблемы социологии как профессии 19
- Перевезенцева Ю.А.*
Обратная связь в системе социального контроля власти и управления 27

ЮБИЛЕЙ КАФЕДРЫ СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ И ДЕМОГРАФИИ

- История и достижения кафедры ССид 36
- Антонов А.И.*
Опыт применения метода СД в массовых социологических и демографических опросах 1976–2015 гг. 40
- Бульжникова Ю.А., Грудина Т.В.*
Благополучие семей и социализация детей в условиях нестабильности 55
- Гусева М.А.*
Особенности репродуктивного поведения семей, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием 64
- Жворонков А.В.*
Семейные ориентации женщин в 1976, 2000, 2014 гг. 79
- Карпова В.М.*
Сравнительный анализ ценности детей и семейного образа жизни у малолетних и многодетных семей 96
- Ляликова С.В.*
Влияние ценностных ориентаций на реализацию репродуктивных установок 108
- Новоселова Е.Н.*
Семья как фактор здоровья: социологический аспект 115
- Синельников А.Б.*
Демографические и социально-психологические последствия стремления к личной независимости 130

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Аристов Л.Ю.*
Университетская практика и научный путь выдающегося слависта В.И. Григоровича в контексте формирования славистики как науки 140
- Гусарова С.В.*
Догматическая сущность индульгенции 146
- Епархина О.В., Рахманов А.Б.*
Исламская революция в Иране в фокусе

- исторической социологии Теды
Скочпол 154
- Краснова Т.В.*
Экокритика как литературное течение в современной литературной критике на рубеже XX–XXI вв. 162
- Кулапов М.Н., Сергеев П.А.*
Российская интеллектуальная образованщина и проблемы реформирования высшей школы 167
- Калинкин Л.А., Бобков Г.А., Морозов В.Н., Толстых С.С.*
К вопросу о механизмах связи соматических и психофизиологических свойств и качеств организма спортсменов, практикующих восточные боевые единоборства 174
- Марон А.И.*
Сравнительный анализ потребностей менеджеров НКО в обучении управлению проектами. 179
- Муратова И.А.*
О конструктивной валидности лингводидактических тестов 186
- Павлова М.В.*
Пути развития этнопсихологической компетентности сотрудников ФСИН России 190
- Поплавская И.А.*
Новый социальный контекст: россияне привыкают к бедности 197
- Семенова Э.Х.*
Проблемы научной организации рабочего места современного руководителя (на примере банковской сферы) 200
- Сизинцев П.В.*
Анализ социально-психологического аспекта феномена любви в произведениях профессора И.П. Четверикова 205
- Сушко Е.Л.*
«Правила жизни Оскара Уайльда» и их влияние на формирование мифа об Уайльде в России Серебряного века . 211
- Сушко В.А.*
Миграционные процессы и социальное самочувствие россиян 216
- Тань Т.*
Влияние Кяхтинского договора на статус Российских православных миссий в Пекине 222
- Янь Жун*
Структура Шанхайской организации сотрудничества: единство в многообразии 225

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Кризисная постдинамика: понятийная матрица

Кравченко А.И.

Проблема нестабильности социальных систем давно интересует мировую социологию. В советской социологии кризис рассматривался односторонне, будучи концептуально и идеологически привязан только к буржуазному обществу. Сегодня горизонты научного познания расширяются, в понятийную матрицу социологии входит множество новых понятий, в том числе связанных с кризисологией. В статье рассматривается система родственных концептов и направлений, методологически связанных с кризисной постдинамикой. В формате высоко энтропийных социальных систем динамика кризиса становится неуправляемой постдинамикой.

Ключевые слова: кризисология, кризис, аномия, маргинальность, конфликт, бифуркация, энтропия.

Kravchenko A. I.

Postdynamic crisis: a conceptual matrix

The problem of instability of social systems have long been interested in world sociology. In Soviet sociology, the crisis was considered one-sided, while conceptually and ideologically linked only to bourgeois society. Today the horizons of scientific knowledge are expanding, the conceptual matrix of sociology includes many new concepts, including those associated with crisisology. The article considers the system of related concepts and directions, methodologically associated with the crisis postdynamic. In format high entropy of social systems dynamics of the crisis becomes unmanageable postdynamic.

Key words: crisisology, crisis, anomie, marginality, conflict, bifurcation, entropy.

Научные основания кризисологии

Одним из новых явлений в современной науке стала кризисология. Кризисология (crisisology, от греч. krisis и logos- слово, учение) - формирующаяся система теоретических и практических знаний о кризисах различного рода, их содержании, особенностях, формах и видах, механизмах эволюции, о путях и способах преодоления.

Термин «кризисология» («crisisology») в конце 1960-х годов предложил французский философ и социолог Эдгар Морен¹ (Edgar Morin) после того, как подробно изучил студенческую революцию 1968 г. в Париже². В зарубежной литературе crisisology считается ветвью экономической науки, занимающейся изучением кризисов. Общества, переживающие кризис, рассматриваются на трех уровнях: системном, кибернетическом и негэнтропийном (negentropic). «Когда-то Ленин сказал, для нас важнейшее из искусств - кино. Перефразируя, сегодня можно сказать: из всех наук для нас важнейшая - кризисология, которую нужно было создавать вчера»³, - считает А.Фурсов.

По мнению О.Ю.Маслова⁴, хотя кризисология еще не сложилась как академическая дисциплина, она объединяет целый ряд известных специалистов: Н.Кондратьев, Г.Хаберлер, П.Кругман, Л.Ларуш, М.Хазин и др. Она подразумевает два круга идей – теории циклов и алармизма. Заслуга Хазина заключается в том, что

он заложил основы глобальной кризисологии. Его книга «Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы» (2001) и книга А.Кобякова и М.Хазина «Закат империи доллара и конец «Рах Америка»» (2003) являются важнейшими вехами в процессе становления кризисологии. Ряд интересных работ, посвященных мониторингу зон кризиса, опубликовал Ю.Нагорный.

Кризисология занята не только разработкой методологии диагностики – социальной, политической, техногенной, экологической, финансовой – диагностикой кризисов и рисков, но также разработкой методологии прогнозирования и предупреждения опасных явлений. Диагностика, прогноз, предупреждение и преодоление кризисных явлений разного масштаба – главная концептуальная матрица кризисологии. Огромную роль в ней играют такие инструменты, как оценочные исследования, социальные технологии, разработка практических рекомендаций для властных структур, моделирование социально-экономических процессов, «дерево» управленческих решений, кризисный и инновационный менеджмент.

Сегодня не только зарубежные, но также отечественные ученые, в частности В.В.Глуценко⁵, разрабатываются понятийный аппарат и положения науки о механизме кризисов и антикризисном управлении – кризисологии в условиях современной глобализации, сформулированы научный метод, объект, предмет, функции и роли кризисологии и финансовой кризисологии, рассмотрена структура кризисологии, механизм, функции и роли кризиса, методы диагностики кризиса, специфика структуры и методы антикризисного управления на различных уровнях социально-экономической иерархии (государство, регион, корпорация, предприятие).

Само слово «кризис» происходит от древнегреческого «кринео», что означает перекресток, распутье дорог. Этим подчеркивается тот скрытый (латентный) момент, что в кризисе всегда существует возможность выбора. Н.И.Лапин трактует кризис как «острую форму движения – через дезинтеграцию и конфликт – к иному состоянию общества»⁶. «Кризис как механизм перехода из одного качественного состояния в другое носит сложный характер, в процессе которого происходит рассогласование между раз-

личными подсистемами и элементами. При этом часто возникает ситуация, когда отдельные подсистемы, элементы и некоторые параметры системы уже соответствуют новому качественному уровню, а другие остаются на предыдущем»⁷. Кризис проявляет скрытые конфликты и диспропорции. Яркий пример кризиса – революция.

Кризис – любая точка перелома в социальном процессе, где старые механизмы или способы решения проблемы уже не действуют, а новые механизмы или способы решения еще не действуют. Кризис проявляет себя еще и как стрессогенный фактор, а также как выход из стагнации. В этом смысле трудно не согласиться с Ю.М.Осиповым, который писал: «Кризис – еще не конец, даже не катастрофа... без кризиса нет развития, нет качественных превращений... Кризис – неперемнная предпосылка и условие качественного скачка»⁸.

Социальный кризис показывает *временное* (нередко восстанавливаемое) *ухудшение* показателей качества жизни населения (в частности, здоровья), динамики развития социального и культурного капитала нации (например, уровня образования).

А. Богданов разделил социальные кризисы на «взрывные» и «замирающие». Взрывные характеризуются лавинными взрывными силами, которые, в основном, разрушают сливающиеся подсистемы. «Замирающие» – следуют закону постепенного развития с тенденцией к установлению равновесия⁹. Причины возникновения кризисов понимались А. Богдановым как свидетельство перехода к новому состоянию через нарушение равновесия¹⁰.

К важнейшим функциям кризиса А. Богданов относил:

- ослабление и устранение (либо качественное преобразование) устаревших элементов исчерпавшей себя социальной системы;
- поддержка слабых элементов нарождающейся системы или порядка;
- испытание и передача по наследству тех элементов системы, которая аккумулируется, а затем переходит в будущее¹¹.

Под *кризисом* надо понимать не только точку перелома в развитии социальной системы, когда одни механизмы себя уже изжили, а новые не появились либо не вступили в действие. Кризис – это по существу то же самое, что глу-

бокая проблемная ситуация, для которой в данный момент нет подходящей технологии решения. Характеризуя духовный кризис европейского общества конца XIX – начала XX в., М. Вебер отмечал: «Судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией и, прежде всего, расколдовыванием мира заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных людей друг к другу»¹².

Кризис разрушает системы, где высока степень неопределенности, и в то же время открывает перед ними новые возможности развития. Происходит двоякого рода разрушение – социальной реальности и наших знаний о ней. Выражаясь словами М. Вевёрки, кризис открывает новые перспективы - в действии и в обучении¹³. По мнению М. Микусовой¹⁴, кризисы – переменная величина. Они не могут быть исследованы с применением старых методов социальной науки. Феномен кризиса требует новых концепций, теорий и моделей. Эти концепции должны быть соответствующим образом изоцированы, чтобы отразить сложность кризисов.

Однако вопрос заключается не только в их сложности. Дело в том, что кризисы парадоксальны по своей природе. С одной стороны, они раскрывают латентные свойства и выявляют скрытые факторы и резервы, о которых организация не могла знать до наступления кризиса. В этом смысле кризис может принести важные изменения на различных уровнях организации. С другой стороны, из-за того, как они ведут себя, кризисы - в разнообразных формах своего проявления и характеристиках, могут служить препятствием для процесса обучения персонала. Они порождают когнитивную ригидность, страхи и беспокойство в связи с внезапным крахом организационной культуры, традиций и ценностей, которые в повседневной жизни управляли поведением людей и делали жизнь размеренной, привычной. Подобная двойственность кризисных событий может побудить менеджеров не предпринимать вообще никаких действий или не извлекать из произошедшего никаких уроков¹⁵.

Кризис – предмет широких междисциплинарных исследований и дискурсов. О нем пи-

шут и говорят социологи, политологи, экономисты, психологи, педагоги, историки, культурологи, демографы, экологи. Уделяют ему внимание специалисты даже таких, казалось бы, непрофильных для данной темы наук, как математика, география, лингвистика, физика и некоторых других.

С позиций **кибернетического подхода** восприятие кризиса – негативное, он рассматривается как следствие управленческой ошибки. Напротив, **синергетический подход** предполагает положительное восприятие кризиса. Кризис – это возможность развития и совершенствования самоорганизующейся системы¹⁶.

Политологи касаются кризиса в связи с проблемами устойчивости политических систем и политических режимов, падения доверия населения к институтам власти, крупных сбоев в механизмах голосования, деятельности судебных и исполнительных органов власти, кризиса президентской власти. Как правило, основным объектом для применения понятия «кризис» как для зарубежных, так и для отечественных политологов почему-то выступает Россия, а раньше таковым являлся СССР.

Появились новые отрасли и тематические направления, которые предметно специализируются на исследовании исключительно или по преимуществу на кризисе или/и в названии которых так или иначе представлено данное понятие. Речь идет о 1) **кризисологии**, которая в англоязычной литературе именуется «crisisology», 2) **социологии кризиса**, которая затрагивает прежде всего социетальный и институциональный уровни кризиса, где анализируется его социальную сущность; 3) **философии кризиса**, рассматривающей метатеоретические и глобально-исторические условия возникновения кризиса, прогрессирующее разложение культуры, культурные трансформации, кризис личности и мировоззрения, антропологический анализ кризиса, эсхатологизм и кризис европейской культуры¹⁷. Понятие кризисологии¹⁸, как говорилось, ввел в научный оборот французский философ и социолог Эдгар Морен¹⁹.

В США, Германии и Италии активно формируется **социология бедствий** (sociology of disaster) как специальная отрасль социологии²⁰. Наиболее известным специалистом в ней является Роберт Сталлингс²¹. В России можно об-

наружить десятки и сотни социологических исследований, посвященных чрезвычайным событиям (достаточно указать на изучение последствий Чернобыльской катастрофы), техногенным катастрофам, глобальным и локальным рискам.

В междисциплинарную матрицу кризисологии следует включить также социологию риска, конфликтологию, социологию катастроф, социологию девиантного поведения, трансформатологию, синергетику. Синергетику можно рассматривать как учение о конструктивной роли хаоса в формировании устойчивых порядков в том числе и социальных. И.Е.Дискин видит в трансформатологии специализированное научное направление в рамках общей теории функционирования социальных систем²².

Признаки и показатели кризиса

Кризис имеет несколько отличительных особенностей. М.Сигер, Т.Селнау и Р.Улмер²³ говорят о том, что кризисы обладают минимум четырьмя определяющими характеристиками - специфичность, опасность, неожиданность и нестандартность происходящих событий или серии событий, которые создают высокую степень неопределенности и угрозы (реальной либо предполагаемой) для выполнения главных, приоритетных целей социальной системы (социальной организации). Таким образом, первые три характеристики означают: 1) неожиданность (сюрприз), 2) неопределенность, 3) угрозу важнейшим целям. Если данные утверждения верны, то, на наш взгляд, все другие ситуации (не обладающие указанными чертами) нельзя считать кризисными.

С.Венетта²⁴ конкретизирует тезис в том смысле, что кризис — это процесс трансформации, когда старую систему нельзя сохранить ни при каких обстоятельствах. Таким образом, последняя, четвертая, характеристика указывает на необходимость изменений. Если изменений не требуется, то рассматриваемое событие нельзя описывать как кризисное.

Как и природные катаклизмы - извержения вулканов или цунами — социальные кризисы, созданные руками человека, по своей природе непредсказуемы. Свойство быть «неожиданным» означает, что самый первый момент возникновения социального кризиса людьми обычно упускается. Об этом начинают говорить лишь тогда,

когда кризис уже представляет опасность или угрозу²⁵. Человеку вообще свойственно уходить от неприятностей и избегать опасности, либо минимизировать их значение. Такова защитная реакция нашей психики. Под кризисом или опасностью человек понимает две модели поведения: 1) стратегия избегания — стремление (часто не осознаваемое) избавиться от проблемной ситуации, выйти из проблемы; 2) стратегия дистанцирования - попытка индивида отделить себя от проблемы, забыть о ней.

Другая причина, по которой мы не замечаем наступления кризиса, состоит в том, что мы позволяем себе быть «обманутыми», полагая, что мы делаем что-то по причинам, которые не соответствуют действительности. Иными словами, мы делаем неправильные вещи по правильным причинам. Например, мы полагаем, будто устраняем угрозу экологической катастрофы, участвуя в торгово-экономической деятельности, которая на самом деле не влияет на климат. И.Митрофф и А.Сильверс²⁶ обнаружили два типа причин появления подобных ошибок, которые они классифицировали как тип 3 (случайные) и 4 (преднамеренные) ошибки. Неспособность или невозможность значимо влиять на результат своих действий и поступков в конечном итоге может привести к кризису.

По оценке руководителя ФСКН В. Иванова, в стране наступил «наркологический апокалипсис». По его данным в последние 20 лет количество поставленных на учет наркозависимых, вовлеченных в наркопотребление, выросло в 10 раз и составило величину в 7-10 раз превышающую соответствующие показатели стран Европейского сообщества. Число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, за 15 лет увеличилось в 4 раза (с 53 тысяч в 1993 и до 232 тысяч в 2008 году). Постоянное население Российской Федерации при этом сократилось за 18 лет на 4,4%²⁷. Оказывается, помещение человека «в места социальной изоляции, вхождения в криминальную субкультуру, ведет к тому, что механизм воспроизводства ценностных ориентаций перестает быть ведущим, уступая место адаптационным механизмам... сформированная в процессе прошлого криминального опыта индивидуальная система ценностных ориентаций служит своеобразным фильтром для поступающей извне ценностной информации»²⁸

Исследователи (В.П. Павлов) отмечают такие «пределные духовно-антропологические проявления в поведении, как «галлюциногенная и наркотическая релаксация», игровое отношение к правонарушению, виртуальная «сетевая» жизнь, а также типичные правонарушения (хулиганство, грабеж, разбой, но совершаемые по таким мотивам, как демонстративное нарушение норм морали с культивированием ценностей определенных субкультур (готы, эмо, толкинисты, кислотники), немотивированная преступность, культовая символика суицида, совершение преступлений в форме развлечений ради острых ощущений, маргинальное отношение к правопорядку как условие принадлежности к определенной группе, увеличение доли виктимологических факторов в причинном комплексе преступности и др.²⁹

В своей книге «Стратегии ответных мошенников: Как мы обманываем себя и других при решении неправильных проблем» И.Митрофф и А.Сильверс³⁰ анализируют кризисное состояние основных социальных институтов американского общества - СМИ, здравоохранение, национальная безопасность, академическая наука и религия. Те, кто принимает управленческие решения, определяя стратегию развития этих институтов, либо неправильно ставят проблему, либо принимают неверные политические решения, либо предвзято оценивают действия свои и других людей. Наконец, руководители ведомств пытаются скрыть истинное положение дел в своей отрасли, создавая видимость успеха и достижений, при помощи чего они добиваются новых субсидирований. Ошибочное мышление ведет к накоплению все большего числа упущений и формированию почвы для глобального кризиса. Например, здравоохранение США рекламирует себя технически как самое передовое в мире, но на самом деле, по мнению авторов книги, оно не способно обеспечить высококачественный уход для широких масс людей.

В зависимости от социетального типа кризиса (экономического, политического, социального или духовного), его масштаба и глубины в качестве признаков проявления (или появления) кризиса могут выступать следующие симптомы: конфликты, протестные акции, забастовки на производстве, массовые миграции, паника населения, самопроизвольный рост цен, закрытие предприятий, перебои в функциониру-

нии транспорта и служб социальной инфраструктуры, коррупция, усиление репрессивных действий со стороны государства.

Ю.В. Слияков³¹ выделяет общие для всех видов признаки кризисов: неопределенность причин (вследствие их множественности) и последствий; кризисные ситуации – маловероятные события, угрожающие целостности и существованию организации; ограниченное время на сбор информации и локализацию последствий кризиса; модификация или парализация работы команды топ-менеджеров; необходимость быстрого принятия управленческих решений, имеющих важные последствия для организации.

Характерные черты кризисной ситуации - как объективные, так и субъективные – выделяет Е.А.Грызунова³²: наличие угрозы; внезапность; эскалация событий; потеря контроля; нарастание вмешательства внешних сил; паника; усиление внимания к объекту кризиса³³; неизвестность; восприятие ситуации как кризисной³⁴; нарушение ожиданий и представлений об объекте кризиса³⁵.

Современную «эру кризисов», по мнению Е.А. Грызуновой³⁶, отличают следующие характерные черты: усиление трансграничного и транссистемного характера кризисов; возрастание роли средств массовых коммуникаций (СМК) и «массовых самокоммуникаций»³⁷ (новых социальных медиа) в развитии кризисов, расширении «виктимизации»³⁸ населения и сокращении времени кризисного реагирования; усиление фактора новых технологий в генезисе и усугублении кризисов; ослабление государства и усиление частных компаний и транснациональных корпораций (ТНК) как причина амплификации кризисов (приоритет экономической выгоды над безопасностью, ослабление возможностей государственного контроля и применения санкций); усиление угроз, связанных с асимметричным противостоянием международных сетевым криминальным и террористическим группам; «политизация кризисов и их последствий»; мутация кризисов, образование новых сложных форм за счет комбинаций кризисных элементов, превращение кризисов в «самоподдерживающийся процесс» путем воспроизводства или перетекания в новые формации³⁹.

Ж.Т.Тощенко отмечает такие негативные черты духовной жизни и общественном сознании

современного российского общества, как: рост ксенофобии, мигрантофобии, «макдонализация сознания», «архаизация социальных практик и др.

В социологии Х. Ортеги-и-Гассета признаками культурного кризиса выступают: 1) чрезмерное усложнение понятия о ценностях и нормах поведения, их выход за рамки умственных способностей и моральных убеждений человека; 2) схематизация нормативно-ценностных понятий, утрата ими своей очевидной наглядности, а вместе с тем и убедительности для простых граждан, превращение их в безжизненные сущности, лишённые практической ценности; 3) низведение ценностей и образов высокой культуры в механические стереотипы массовой культуры. Кризис - время проявления предельной неадекватности, усложнённости культуры, наличного знания. Он напрямую связан с экзистенциальным самоощущением человека, с поиском устойчивого ядра личности⁴⁰.

Каждая культура когда-нибудь достигает предела своего развития, выявляет собственную ограниченность и противоречивость. Кризис есть момент перехода культуры из одного устойчивого состояния в другое, ещё только предполагаемое⁴¹.

Несмотря на свою болезненность кризис позволяет культуре выявить скрытый потенциал развития, раскрыть внутренние возможности общества и культуры.

Показатели социального и духовно-нравственного кризиса могут и должны не совпадать друг с другом, хотя и находиться в различных видах взаимосвязи – функциональной, корреляционной, причинно-следственной, комплементарной и т.д. По мнению В.И. Жукова, глобальный кризис имеет в своей основе не экономический, не финансовый, а мировоззренческий характер, поскольку ни одна из доктрин (либеральных, коммунистических, социал-демократических), положенных в основу развития обществ и цивилизаций, себя не оправдала⁴².

Кризис в системе аутентичных социологических категорий

Правильное понимание кризиса возможно только через рассмотрение его в ряду рядоположенных и/или синонимичных понятий. В качестве синонимов кризису выступают: депрес-

сия, регресс, культурная травма, культурный шок, инфляция, смута, бунт, революция, дефицит, падение, маргинальность, деприватизация, энтропия, девальвация, упадок, конфликт.

Кризис – это состояние хаоса и броуновского брожения между двумя устойчивыми состояниями – старыми нормами, от которых отказались, и новыми ценностями, которыми ещё не овладели.

Аномия – так можно назвать это внутреннее состояние брожения. Аномия – безнормие, хаос, девиантность. Аномия – термин для описания внутреннего содержания кризиса.

Маргинальность – пограничное состояние отчаяния между твердым старым, от которого отказались, и призрачным новым, которым не овладели или в котором не определились. Маргинальность – описание внешней формы кризиса.

Само понятие кризиса и сходные с ним по смыслу термины описывают главное в обществе – переживаемые им трудности, нарушение целостности, проблему недостаточного поддержания своей интеграции.

Конфликт. «Конфликт – пишет М. Вевёрка, - возникает, когда акторы участвуют в отношениях, которые они признают как связующие в единое целое либо противопоставляющие их друг другу; акторы признают, что эти отношения вовсе не беспроблемные, однако есть такие вопросы, которые являются одинаковыми для всех, и что каждый из них стремится контролировать или овладеть ими»⁴³.

В 1970-х годах Ален Турен сопоставил три уровня конфликта и три уровня кризиса. Самый высокий уровень - уровень историчности. «Та дистанция, которую общество возводит между собой и своей деятельностью, и то действие, которым оно определяет категории своей практики, я называю историчностью. Общество – не то, что оно есть, а то, что оно делает. через знание, которое создает структуру отношений между обществом и окружающей средой; через накопление, которое выводит часть произведенного им продукта из цикла потребления; через культурную модель, которая охватывает творчество в формах, зависимых от практического господства общества над своим собственным функционированием»⁴⁴. На уровне историчности конфликт отсылает нас к существованию социального движения, которое является дей-

ствием управляемого и контролируемого актора, вовлеченного в борьбу с более массовыми акторами и лидерами за контроль над историчностью. На «уровне историчности кризис возникает, когда социальный конфликт или невозможен, или уже невозможен, когда он разрушает государство и обгоняет его, когда он не способен действовать и представлять социальную сущность в ее нынешнем состоянии, но также в ее будущем и в ее прошлом. Кризис возникает, когда отсутствует государственная власть или когда она сводится к простому применению силы, когда ее можно преодолеть и разбить. Государство, которое находится в глубоком кризисе, генерирует активные формы поведения, которые в конечном итоге может завершиться революцией. Например, в России в 1917 г. было весьма эффективно социальное движение рабочих, но если произошла революция, то это случилось не потому, что рабочие и работодатели находились в натянутых отношениях, это произошло потому, что русское государство, как я сказал, рухнуло, проиграв войну»⁴⁵.

Кризис не обязательно предотвращает конфликты, поясняет ситуацию М. Вевьёрка, кризис оказывает влияние на конфликт так же, как он может служить источником или результатом конфликта. Социолог не должен ограничиваться суждением о том, будто степень насилия в конфликте обратно пропорционально связана с масштабом кризиса. Правильнее считать, что сфера конфликта увеличивается тогда, когда кризис клонится к закату, и наоборот⁴⁶.

На политическом (институциональном) уровне кризис возникает в том случае, если политическая система блокируется, оказывается не в состоянии справиться с требованиями, которые исходят из общества или от отдельных его секторов, или если она не способна оформить общественную дискуссию. Например, итальянский терроризм во многом стал следствием политического кризиса. «Молодые люди, которые относились к высококвалифицированной рабочей силе, могли трудоустроиться только на рабочих местах на конвейере, хотя мечтали они совсем о другой культуре. Поняв, что университет превратился в средство контроля за ними, они вступили в террористические организации. Вообще говоря, кризисный тип поведения часто принимает форму насилия. На политическом или институциональном уровне

конфликт, в противоположность кризису, предполагает давление актеров, стремящихся улучшить свою относительную позицию в политической системе для доступа в нее или усиления влияния на нее. Таков главный урок из того, что известно нам как теория мобилизации ресурсов»⁴⁷.

На третьем, организационном (групповом) уровне «конфликт есть такое отношение, в рамках которого акторы стремятся получить лучшее вознаграждение за свой вклад; организационный кризис является признаком неорганизованности, неспособности справиться с внутренними проблемами и влиянием извне. Он выражает ухудшение, разрыв между ценностями и дискурсом. Кроме того, он может быть выражен через насильственные формы поведения. Почти всегда насилие ассоциируется у нас с конфликтом и в этом случае оно проявляет себя в инструментальной функции - как орудие или ресурс, используемый некоторыми акторами для достижения своих целей. Или оно может быть связано с кризисом в его чисто экспрессивной и даже безрассудной форме, например, при бунте»⁴⁸.

Кризисогенные понятия

Широкое распространение в современной науке получили представления о становлении порядка через хаос, понятия бифуркационных изменениях, необратимости времени, неустойчивости как фундаментальной характеристики эволюционных процессов.

Нужно сказать, что начиная с Э. Дюркгейма и американского функционализма 1930-1950-х годов, кризис связывают с целым рядом негативных явлений, в первую очередь с идеей аварии, нарушения в системе или крушением системы. По мнению исследователей⁴⁹, понятие «кризис» соотносится со следующими группами логически взаимосвязанных явлений: 1) риск (risk), угроза (threat), опасность (hazard/danger) и vulnerability (уязвимость); 2) чрезвычайная ситуация (emergency), бедствие (disaster) и катастрофа (catastrophe/calamity); 3) авария (accident), провал (failure) и должностное преступление (executive malfeasance); 4) коллективное потрясение (collective stress) и массовая депривация (mass deprivation)⁵⁰; 5) транссистемный социальный излом (trans-system social rupture, TSSR)⁵¹, социально усиленные кризисы и бед-

ствия (socially amplified crises and disasters, SACD)⁵², повреждение критической инфраструктуры (critical infrastructure breakdown, CI breakdown)⁵³. Если бедствие, считает Е.А.Грызунова⁵⁴, чрезвычайная ситуация и катастрофа обязательно подразумевают наличие физического ущерба в той или иной форме, то кризис, полагает А. Боин, несёт социальные последствия и развивается в субъективной плоскости коллективного осознания⁵⁵ – кризисной является та ситуация, которая воспринимается как таковая⁵⁶. В том числе сопровождаемая разрывом социальных связей, в частности бифуркацией, энтропией и аномией.

Термин «бифуркация» часто встречается на страницах научных журналов и обычно используется как синоним понятия «кризис». Он появился в естествознании (из неравновесной термодинамики и синергетики), а недавно был перенесен в общественные науки. В теории катастроф бифуркация представляется как скачкообразная качественная перестройка системы при плавном изменении параметров. **Бифуркация** – нарушение устойчивости эволюционного режима развития системы, приводящее к возникновению целого спектра альтернативных сценариев эволюции.

В «естественнонаучной» синергетике бифуркация представлена как критическое состояние системы, точка перехода от хаоса к порядку, момент оформления, возникновения нового порядка, завершающий период развития системы в режиме с обострением⁵⁷. Она понимается также как приобретение нового качества в движениях динамической системы при малом изменении ее параметров. Основы теории бифуркации были заложены А. Пуанкаре и А. М. Ляпуновым в начале XX в., а позже продолжены в работах А. А. Андропова. Знание законов бифуркаций помогает при исследовании физических, химических или биологических систем, в частности предсказать характер новых движений, возникающих в момент перехода системы в качественно другое состояние. *Бифуркация* – переход из одного устойчивого состояния социальной системы в другое устойчивое состояние через неустойчивость.

Как считает А.А.Черепанов⁵⁸, **социальная бифуркация** – это момент когда между объективными и субъективными представлениями возникает противоречие и кризис. При этом

социальный кризис можно представить как точку бифуркации – выбора одного из двух возможных направлений. Социальная бифуркация, по мысли С.Г.Ларченко⁵⁹, фиксирует возможность некоторой двойственности разрешения ситуации, в котором оказалось общество, столкнувшись с необходимостью изменения своего состояния.

Задача социолога – научно прогнозировать точки бифуркации (точки наибольшей неустойчивости) социальной системы и организовывать «малые», «топографически точные», «резонансные» воздействия на неё⁶⁰. Как полагают авторы книги «Закат цивилизации или движение к ноосфере (экология с разных сторон)», «...развитие общества проходит через определенные устойчивые состояния, которые преобразуются друг в друга через неустойчивости и бифуркации. Если рассматривать общество в целом, то такими устойчивыми состояниями являются общественно-экономические формации. Переходы между ними возникают путем революций, реформ, массовых волнений, то есть бифуркаций в обществе»⁶¹.

Точки бифуркации – особые моменты в развитии живых и неживых систем, когда устойчивое развитие, способность гасить случайные отклонения от основного направления сменяются неустойчивостью. Устойчивыми становятся два или несколько (вместо одного) новых состояний. Выбор между ними определяется случаем, в явлениях общественной жизни – волевым решением. После осуществления выбора механизмы саморегулирования поддерживают систему в одном состоянии (на одной траектории), переход на другую траекторию становится затруднительным. Например, эволюция живых организмов и возникновение новых видов полностью укладываются в эту схему. По мере изменения условий, вид, ранее хорошо приспособленный, теряет устойчивость, и в итоге бифуркации дает два новых вида, отличающихся от прежнего, и в еще большей степени – друг от друга⁶².

Отличительными чертами социальной бифуркации, по мнению ряда специалистов, являются: дезорганизация взаимодействия субъектов социальных отношений, ценностная напряженность, противоречия, конфликты, обуславливающие направленность будущего развития общества, в котором определяются возможно-

сти реализации ценностных оснований действующих в обществе субъектов⁶³. Жизненный цикл современного человека превращается в своего рода «перманентную бифуркацию», а процесс принятия решений включен во внешнюю ситуацию - когда само общество просто не дает человеку вести инерционное существование⁶⁴.

Представление о разветвлении в траектории движения системы в определенной точке либо приобретение нового качества в движениях динамической системы при малом изменении ее параметров, по нашему мнению, может сыграть положительную роль также в социологии и в социальных науках в целом.

Важным понятием, связанным с кризисом, является **опасность**, понимаемая как способность причинения какого-либо вреда (ущерба), в том числе угроза жизни и здоровью человека, его материальным и духовным ценностям. Опасность повышает степень уязвимости человека или общества в ситуации кризиса. Причем кризису присущи как реальные, так и мнимые опасности, создаваемые воображением человека и поддерживаемые в общественном сознании СМИ.

Степень опасности угроз и уязвимости отражает уровень риска для социальной системы. В узком смысле **риск** – количественная оценка опасностей, определяется как частота одного события при наступлении другого. Он также понимается как вероятность наступления неблагоприятного события, мера возможной опасности, выраженная как в количественной, так и в качественной форме. Для бизнеса риск представляет собой вероятность наступления событий, в результате которых возможны непредвиденные потери денежных средств, недвижимости, дохода и др. В основном под риском понимают вероятность потерь.

Н.Луман в своей книге «Социология риска» утверждал, что современное общество рассматривает опасности всерьез только как риски⁶⁵. Аналогичной позиции придерживается и автор концепции «общества риска» У. Бек⁶⁶. Ведущие эксперты по кризисному управлению О. Лербингер и Т. Кумбс относят оценку рисков и управление ими к начальному этапу кризисного управления⁶⁷.

Риск служит характеристикой меры масштаба и глубины кризиса. При этом сам «риск» исчисляется путем перемножения вероятности

упомянутого события на ущерб, по сути отражая масштаб и серьезность ожидаемой угрозы⁶⁸. Рискология как наука возникла в конце 1970-х годов в связи с ухудшением экологической ситуации в США. С последней четверти XX в. активно развивается социология риска. Помимо того в настоящее время теория рисков рассматривается как часть кризисологии – науки о кризисах⁶⁹.

В традиционном подходе к исследованиям восприятия рисков обычно изучаются последствия, то есть отклики на произошедшие события – техногенные катастрофы, случаи загрязнения и др. Для развивающихся новых технологий будущего очень важен так называемый *upstream* – подход («вверх к истокам»), т.е. стремление разобраться не с последствиями, а с начальной проблемой⁷⁰. Мониторинг восприятия рисков нанотехнологий обществом целесообразно проводить до начала массового внедрения продуктов наноиндустрии или широкой волны критики в прессе относительно негативных последствий нанотехнологий.

Социальная аномия

С социальной энтропией и кризисом тесно связано понятие **социальной аномии**: переживания равнодушия к личным запросам и нуждам со стороны государства, снижение возможностей для достижения жизненных целей, состояние нереализованности и отсутствие поддержки со стороны непосредственного окружения. Под аномией понимается обычно разрушение единства культуры, отсутствие четкой системы социальных норм, вследствие чего жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным нормам. Н.П.Фетискин определяет аномию как «субъективную неспособность общества установить нормы, эффективно регулирующие общественное поведение, деградацию, деактуализацию норм»⁷¹. Аномию можно также определить как состояние общественного сознания, которое характеризуется разложением системы ценностей, обусловленным кризисом общества, противоречием между провозглашенными целями и невозможностью их реализовать.

Как считают Ю.М.Беспалова и С.М.Герцен, аномия - это состояние «рассогласования, размытости у части молодежи важных нравственных ценностей, нарастание неопределенности

в отношении того, что считать правильным, а что — нет». Как следствие аномии, в глазах молодежи снижается значение таких ценностей, как «товарищество и бескорыстие, трудолюбие, честность, патриотизм и любовь к Родине, законопослушание, жизнь в ладу со своей совестью, которые прививались старшим поколениям»⁷².

Аномия присуща в еще большей мере девичантной молодежи. Проведенное А.В.Симоненко исследование ценностных ориентаций несовершеннолетних преступников выявило ряд закономерностей: «Несовершеннолетние преступники находятся в состоянии расстройств индивидуальной ценностной системы. На доминирование претендуют сразу несколько терминальных ценностей, низка их дифференциация. Ни одна из четырех ценностей, находящихся в ядре ценностной структуры, не может претендовать на абсолютное лидерство. На формальном первом месте находится интегрирующая ценность «семья», которая в условиях социальной изоляции подростков становится центром притяжения их душевных и физических сил. На 2–3-м местах двойственная ценность работы и дифференцирующая ценность «благополучие». На 4-м месте двойственная ценность «жизнь человека». Настораживают высокие ранги ценностью «работа» и «благополучие», которые выступают ценностями потребительского характера, что не свойственно традиционным общероссийским социокультурным параметрам ценностей. Ценности интегрирующего резерва этой группы («традиционность», «нравственность», «инициативность») находятся в неопределенном, хаотичном состоянии... Обращает на себя внимание наличие высокого ранга ценностей «вольность» и «авторитетность», свойственных для традиционного «хвоста». Низкие ранги наблюдаются у обычно высокоранговых ценностей «общение» и «законность», которые в идеале должны составлять ядро базовых ценностей... В «хвосте» находятся ценности, которые призваны составлять основу интегрирующего резерва в нормальной социокультурной ситуации: «самопожертвование», «независимость», «свобода». Таким образом, система ценностных ориентаций несовершеннолетних преступников характеризуется ее расстройством, аномией»⁷³.

Как считает Е.М.Бабосов, одной из «существенных причин нарастания социально-энтро-

пийных явлений являются более или менее серьезные нарушения нравственных предписаний и правовых норм, существующих в обществе. Мораль и закон призваны в нашем обществе шествовать рука об руку друг с другом. Но, с точки зрения их значимости в обуздании элементов социальной энтропии, необходимо иметь в виду, что действие нравственности, в отличие от правовых норм, обеспечивается не системой внешнего принуждения и поощрения, а внутренними побуждениями, внутренними мотивами, собственными внутренними чувствами человека. Мораль, представляющая собой свод правил поведения людей в обществе, их отношений к другим людям, любви, страху, труду, собственности, справедливости и несправедливости, воспитывает в человеке совесть, благородство, чувство долга, верность, честность, доброту, создавая тем самым благоприятный нравственно-психологический климат для повышения организованности в обществе, снижения в нем уровня энтропии. Всякие же отклонения от норм морали, воплощаемые в лживости, обмане, измене, подлости и других проявлениях безнравственности, ведут к увеличению социальной энтропии, к дезорганизации личной и общественной жизнедеятельности»⁷⁴.

В зарубежной социологии в тесной связи с аномией сегодня рассматриваются с теорией социальной дезорганизации и девиации, теорией стигматизации, теорией «радикальных криминологов» О.Турка⁷⁵.

Социальный кризис и социальная энтропия

Кризисную динамику, на наш взгляд, можно охарактеризовать также через понятие социальной энтропии.

Формальные определения кризиса, энтропии и социальной энтропии как нарастания беспорядка практически совпадают. **Социальная энтропия** является макросоциологической теорией социальных систем. В ней социальная энтропия понимается как мера естественного распада в социальной системе. Это может относиться к разложению социальной структуры или исчезновению социальных различий. Большая часть энергии, потребляемой социальной организацией, производится для поддержания ее структуры, противодействия социальной энтропии, например, с помощью правовых инсти-

тутов, образования и даже поощрения просмотра телевидения. Анархия - это максимальное состояние социальной энтропии. Социальная энтропия предсказывает, что по мере того как творческий интеллект становится все более мощным, сплоченность общества ослабевает⁷⁶.

Социальную энтропию и кризис объединяют два свойства: 1) отклонение от эталона (норматива), 2) усиление неопределенности, хаоса, беспорядка. Социальная энтропия – это мера отклонения социальной системы от эталонного (нормального) состояния⁷⁷. Как выяснили ученые, отклонение проявляется в снижении уровня организации, эффективности функционирования, темпов развития системы.

Современные западные общества, представляющие собой сложные открытые системы, организованы с использованием больших количеств энергии для противодействия возрастающему потоку энтропии (беспорядка), согласно второму закону термодинамики. Из него следует, что энтропия (беспорядок) увеличивается со временем. Поскольку система становится более сложной, путем обеспечения доступа к энергии, то она становится более восприимчивой к изменениям, которые могут произойти, если бы пришлось удалить этот источник энергии. Если порядок в социальной системе – правовой, административный – не поддерживать ежедневными усилиями, будь то полицейские или обычные дворники, т.е. не осуществлять энергозатрат, система, в том числе общество в целом, становятся подверженными растущей анархии, беспорядку и сплоченности частей⁷⁸. К примеру, в случае эмбарго на поставки нефти, принятое мировым сообществом, политический режим нефтедобывающей страны становится рискованным, менее стабильным, более дезорганизованным и беспорядочным. Состояние российского общества, квалифицируемое как непрерывно длящийся уже более 20 лет *системный кризис*, можно квалифицировать как проявление социальной энтропии. По мнению Н.П.Фетискина энтропия может принимать крупномасштабный социетальный характер: «Социально-экономические реформы, как правило, протекают на фоне жизненной неопределенности, неустойчивости базовых целей, конфликте ценностных, сломе установок, норм и поведенческих стереотипов, актуализации смысло-жизненных кризисов, личностных деформаций,

маргинализации молодежи и взрослого населения, резком возрастании девиантного и противоправного поведения. В силу этого эпохально-переходные периоды именуются либо в форме аномии, либо трансформации, либо социальной энтропии»⁷⁹.

Академик Т.И.Заславская назвала ситуацию середины 1990-х годов тревожной – деградация и откат назад ее характерные признаки: «Во многих сферах общественной жизни - от экономики до нравственности, от политики до культуры - наряду с определенным прогрессом, заметны признаки деградации. Доверие россиян к любым политическим силам исчерпано. Они равно не доверяют ни президенту, ни правительству, ни Федеральному собранию, ни партиям и движениям, ни их лидерам. Извечно бывшая слабой в России связь власти с управляемым ею обществом еще более истончилась. Правящий слой обособился от остального общества, которое ответило ему тем же и занялось собственными делами... по ряду критериев, в первую очередь по уровню и условиям жизни большинства населения, можно констатировать заметный откат назад»⁸⁰.

Ещё одно важное социальное проявление второго начала термодинамики состоит в том, что рост энтропии вызывает деградацию не только материальных сущностей, но и идей. Идею можно рассматривать как некую идеальную сущность, идеализированную модель материальной сущности. В момент генерации идеи её автором она выражена единственным способом и её энтропия минимальна. Но как только идея становится общественным достоянием и начинает обсуждаться, особенно в кругах интеллигенции, появляется множество разных точек зрения, других пониманий этой идеи. Это означает, что растёт множество способов существования идеи, то есть растёт её энтропия. В результате идея превращается в некое расплывчатое понятие, люди перестают понимать её первоначальный смысл, она теряет свою мобилизующую силу. Этот процесс роста идеологической энтропии можно назвать **термодинамической деградацией идеи**.

Примером термодинамической деградации крупных социальных идей может служить коммунистическая идея. В исходном состоянии она была сформулирована в 1848 году в «Коммунистическом манифесте» Маркса и Энгельса пре-

дельно ясно: коммунизм – это отмена частной собственности. А к концу XX века, после обсуждения коммунистами многочисленных различных точек зрения, в проекте последней программы КПСС она в соответствии со вторым началом деградировала и трансформировалась в предельно туманную формулировку: «общественный идеал, основанный на общечеловеческих ценностях, на гармоничном соединении прогресса и справедливости, свободной реализации личности». Под этим определением мог бы подписаться любой капиталист.

Другим примером может служить термодинамическая деградация демократической идеи в нашей стране после 1991 года. Вначале она воспринималась однозначно, как идея свободы. Но идея свободы получила множество интерпретаций. Оказалось, что свободу можно понимать не только как свободу слова, шестивий и собраний, но и как свободу быть независимым от общества, действовать вопреки его интересам, грабить народ, лгать, умирать с голоду и т.д. В итоге демократическая идея стала высокоэнтропийной и тоже потеряла сейчас свою мобилизующую силу.

Понятие социальной энтропии сегодня активно используется социологами как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Так, в ходе одного эмпирического исследования социальной энтропии, понимаемой как качество социального самочувствия и жизненных планов российского населения, было обнаружено, что социальная системная неопределенность порождала состояние беспомощности (у мужчин – 38,6%, у женщин – 28,6%). Транзитивные и быстротекучие перемены отразились на повышении эмоционального дискомфорта, тревожности и неуверенности. У мужчин эти показатели проявлялись на уровне 39%, у женщин – в 70% случаев. При этом в мужских выборках имели место инфантильные реакции, в виде безразличия (16%) и острые переживания в форме экстрапунитивной фрустрации (9,0%). Большинство женщин либо не строит никак их жизненных планов (60%), либо отказывается от их планирования из-за отсутствия возможностей. В мужских группах у 8% исследуемых отсутствовали какие-либо планы, а у 39% – носили формальный, не конкретизированный характер, нацеленных либо на «достижение цели» (8%), либо «огромные» (24,0%), либо перспективные (7,0%)⁸¹.

Среди факторов, вызывающих – прямо или косвенно – социальную энтропию, Н.П.Фетискин выявил непредсказуемость социально-экономической политики (38,5%), трудности в построении жизненных планов и перспектив (30,8%), негативные ожидания со стороны государственных органов (12,8%), неустойчивость в профессиональной деятельности (15,4%), обесценивание полученных знаний и социального опыта (20,5%), нестабильность социальных ценностей и государственных стратегий (17,9%)⁸².

Социальная энтропия, неизбежная в любой ячейке общества, ведет к росту дезорганизации, увеличению числа ошибок в воспроизводстве культуры, разрушению социальных отношений. Напротив социальное конструирование и социальные технологии ведут к росту упорядоченности и организованности современного общества. Столкновение социальной энтропии и активного социально-конструктивного действия может, по мнению специалистов⁸³, рассматриваться как сердцевина жизнедеятельности общества.

Ссылки:

1 Morin – это псевдоним, который Edgar Nahoum, родившийся в 1921 г., взял себе во времена Французского Сопrotивления периода второй мировой войны. Сочувствуя марксизму, Морен в 1941 г. вступил в ряды французской компартии.

2 Morin E. Pour une sociologie de la crise // Communications, 1968, n°12 : 2-16; Morin E. Pour une crisologie // Communications, 1976, n° 25.

3 Цит. по: Маслов О.Ю. Наука кризисологии или от локальных кризисов к Первой глобальной Великой депрессии XXI века. 12.05.2008 // <http://www.polit.nnov.ru/2008/05/12/crisisology/>

4 Маслов О.Ю. Наука кризисология или от локальных кризисов к Первой глобальной Великой депрессии XXI века. 12.05.2008 // <http://www.polit.nnov.ru/2008/05/12/crisisology/>

5 Глуценко В. В. Введение в кризисологию. Финансовая кризисология. Антикризисное управление. М., 2008.

6 Лапин Н.И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социс, 1993. № 9, с.18.

7 Подоляк В.И. Влияние циклических процессов на развитие кризисных ситуаций // <http://pozdneyakov.tut.su/Seminar/a0101/a011301.htm>

8 Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 92, 219.

9 Подробнее см.: Смирнов Е.А. Анализ кризиса в «тектологии» А. Богданова и современность // Социальный кризис и социальная катастрофа. Сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.70-75.

10 Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 2. М., Экономика. 1989, с.218.

11 Подробнее см.: Смирнов Е.А. Анализ кризиса в «тектологии» А. Богданова и современность // Социальный кризис и социальная катастрофа. Сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.70-75.

12 Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв.: пер с нем. М., 1990. С. 733-734.

13 Wiewiorka M. Sociology in Times of Crisis / Facing an Unequal World: Challenges for a Global Sociology. Vol. 1: Latin America and Africa. Taiwan: Academia Sinica, 2010, p.40.

14 Mikusova M. Changes in the Research of Crisis // World Academy of Science, Engineering and Technology, 2011. № 56. p.307-311.

15 Roux-Dufort C. Why Organizations Don't Learn from Crises: The Perverse Power of Normalization // Review of Business, 2000. Vol. 21. № 3.

16 Грызунова Е.А. Социология кризисного управления // Социология, 2012. №3, с. 105.

17 Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. М.: Флинта-Наука, 2003.

18 Morin E. Sociologie. Paris: Fayard, 1984; Morin E. Pour sortir du XX-e siècle. P., 1981; Morin E. For a Crisiology (Trad. T. C. Pauchant) // Industrial and Environmental Crisis Quarterly (1993). 7(1), 5-21.

19 Основные работы посвящены современной западной цивилизации, массовой культуре, месту интеллектуалов в нынешнем мире. Опираясь на идеи Жака Моно, Джона фон Неймана, Ильи Пригожина и др., развивает проект комплексной социологии, в центре которой – принципы непредопределённости, самоорганизации и диалогичности. Разрабатывал идеи «антропологической этики» и планетарного гуманизма. Пионерскими стали введенные Мореном формы «социологической вылазки», группово-

го, близкого к этнографическому обследованию и описания «одного случая» – «Коммуна во Франции: Метаморфозы Плозева» (1967) и «Слухи в Орлеане» (1969), а также жанр социологического дневника («Калифорнийский дневник», 1970), использование фото- и кинодокументов в социологии. Опубликовал более 30 книг и сотни статей по социологии, политике, культурной и философской антропологии, теории познания (эпистемологии, методологии социальных наук и т. п.), футурологии. Морен – президент Европейского агентства по культуре при ЮНЕСКО. С 2008 г. в Высшей школе социальных наук действует Центр Эдгара Морена (См.: Википедия; Электронная еврейская энциклопедия // <http://www.eleven.co.il/article/12846>; Ethique pour un monde incertain // http://nouvellevuemoderne.free.fr/edgarmorin_ethique.htm)

20 См.: Prince S.H. Catastrophe and Social Change. London: Kind and Son, 1920; Carr L. Disaster and the Sequence-Pattern Concept of Social Change // American Journal of Sociology, 1932, Vol. 38. P.207-218; Kutak R. The Sociology of Crises: The Louisville Flood of 1937 // Social Forces, 1938, Vol. 17. P. 66-72; Barton A.H. Communities in Disaster. A Sociological Analysis of Collective Stress Situations. Sl: Ward Lock, 1969; Catastrophe and Culture: The Anthropology of Disaster / Susanna M. Hoffman and Anthony Oliver-Smith, Eds. - Santa Fe NM: School of American Research Press, 2002; Clausen L. Social Differentiation and the Long-Term Origin of Disasters // Natural Hazards, 1992 (VI), No. 2, p. 181-190; Quarantelli E. (ed.): What Is A Disaster? London: Routledge 1998; Altheide D. L. Creating Fear: News and the Construction of Crisis. New York: Aldinede Gruyter, 2002; Peek L.A., Sutton J.N. An Exploratory Comparison of Disasters, Riots and Terrorist Acts // Disasters, 2003, Vol. 27 (4). P. 319-335; Boin A. From Crisis to Disaster: towards an Integrative Perspective // Perry R.W., Quarantelli E.L. What is a Disaster? New Answers to Old Questions. Philadelphia, PA.: Xlibris, 2005. P. 153-172; Quarantelli E.L., Lagadec, P., Boin A. A Heuristic Approach to Future Disasters and Crises: New, Old and In-between Types // Rodriguez H., Quarantelli, E.L., Dynes R. Handbook of Disaster Research. New York: Springer, 2006. P. 16-42; Porfiriev B.N. Disaster and Crisis Management in Transitional Societies: Commonalities and Peculiarities // Rodriguez, H., Quarantelli, E.L., Dynes, R. Handbook

- of Disaster Research. New York: Springer, 2006. P. 368-387; Boin A., t'Hart P. The Crisis Approach // Rodriguez H., Quarantelli E.L., Dynes R. Handbook of Disaster Research. New York: Springer, 2006. P. 42-54; Coombs T. W. Ongoing Crisis Communication: Planning, Managing, and Responding. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 2007; Beck U. World at Risk. Polity Press, 2009; Andersen N. B. Situational Analysis of Crisis Communication and Warnings. Abstract from the 17th ISA World Congress of Sociology. Göteborg, Sweden, 2010; Andersen N. B., Almlund P. The Use of Actor-Network Theory in Analysis of Social Crisis and Disasters. Abstract from the 10th Conference of the European Sociological Association "Social Relations in Turbulent Times". Geneva, Switzerland, 2011; Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011; Lucini B. An Innovative Theoretical Analysis by Sociological Perspectives in Social Crisis Contemporary Context: Rethinking Phenomenological and Symbolic Interactionism Approaches and their Methodological Relapses. Abstract from the 10th Conference of the European Sociological Association "Social Relations in Turbulent Times". Geneva, Switzerland, 2011; Lerbinger O. The Crisis Manager: Facing Disasters, Conflicts, and Failures. NY: Routledge Communication Series, 2012.
- 21 Stallings Robert A. Promoting Risk: Constructing the Earthquake Threat. New York: Aldine de Gruyter, 1995; Stallings Robert A. Methods of Disaster Research (ed.). Philadelphia, PA: Xlibris, 2003.
- 22 Дискин И.Е. Российская модель социальной трансформации // Pro Contra. Лето 1999. Т. 4. № 3. С. 5-40.
- 23 Seeger M., Sellnow T., Ulmer R. Communication, organization, and crisis // Communication Yearbook, 1998. Vol. 21, pp. 231-275.
- 24 Venette S. Risk communication in a High Reliability Organization: APHIS PPQ's inclusion of risk in decision making. Ann Arbor, MI: UMI Proquest Information and Learning, 2003.
- 25 Mitroff I. Why Some Companies Emerge Stronger And Better From a Crisis: Seven Essential Lessons For Surviving Disaster. N.Y.: AMACOM, 2005, p.36.
- 26 Mitroff Ian I., Silvers A. Dirty Rotten Strategies: How We Trick Ourselves and Others into Solving the Wrong Problems Precisely. Stanford: Stanford Business Press, 2009.
- 27 См.: Теребихин В.М. О проблеме духовно-нравственного развития // <http://www.oprk.ru/news/674/>
- 28 Симоненко А.В. Система ценностных ориентаций в механизме преступного поведения личности // Вестник Волгоградской Академии МВД России, 2012. № 1. С.58-62. Электронный ресурс: <http://rudocs.exdat.com/docs2/index-576068.html?page=4>; Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 98.
- 29 См.: Теребихин В.М. О проблеме духовно-нравственного развития // <http://www.oprk.ru/news/674/>
- 30 Mitroff Ian I., Silvers A. Dirty Rotten Strategies: How We Trick Ourselves and Others into Solving the Wrong Problems Precisely. Stanford: Stanford Business Press, 2009.
- 31 Сляняков Ю.В. Антикризисное управление в жилищно-коммунальном хозяйстве // <http://rudocs.exdat.com/docs/index-93460.html>
- 32 Грызунова Е.А. Социология кризисного управления // Социология, 2012. №3, с. 104.
- 33 Галумов Э.А. Основы PR. М., Летопись XXI, 2004.
- 34 Boin A. From Crisis to Disaster: towards an Integrative Perspective // Perry R.W., Quarantelli E.L. What is a Disaster? New Answers to Old Questions. Philadelphia, PA.: Xlibris, 2005. С. 153-172.
- 35 Coombs T.W. Ongoing crisis communication: planning, managing, and responding. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 2007.
- 36 Грызунова Е.А. Концепции кризиса социальной системы: сравнительный анализ // Вестник МГИМО-Университета, 2012. № 4, с.271.
- 37 Castells M. Communication Power. New York: Oxford University Press Inc., 2009. P. 63-71.
- 38 Altheide D. L. Creating Fear: News and the Construction of Crisis. New York: Aldinede Gruyter, 2002. P. 188.
- 39 См.: Акимов В.А., Порфирьев Б.Н. Кризисы и риск: к вопросу взаимосвязи категорий / Проблемы анализа риска. 2004. Т. 1, № 1. С. 41-44.
- 40 Кризисы культуры // http://www.mistcity.ru/Biblio/TGU/umk/kult/02_10.htm
- 41 Кризисы культуры // http://www.mistcity.ru/Biblio/TGU/umk/kult/02_10.htm

- 42 Жуков В.И. Мировой кризис: экономика и социология глобальных процессов. М., 2009, с.8.
- 43 Wiewiorka M. *Sociology in Times of Crisis / Facing an Unequal World: Challenges for a Global Sociology*. Vol. 1: Latin America and Africa. Taiwan: Academia Sinica, 2010, p.42-43.
- 44 Touraine A. *Production de la Sociйtй*. Paris: Seuil, 1974, p.4.
- 45 Wiewiorka M. *Sociology in Times of Crisis / Facing an Unequal World: Challenges for a Global Sociology*. Vol. 1: Latin America and Africa. Taiwan: Academia Sinica, 2010, p.43.
- 46 Wiewiorka M. *Sociology in Times of Crisis / Facing an Unequal World: Challenges for a Global Sociology*. Vol. 1: Latin America and Africa. Taiwan: Academia Sinica, 2010, p.44.
- 47 Wiewiorka M. *Sociology in Times of Crisis / Facing an Unequal World: Challenges for a Global Sociology*. Vol. 1: Latin America and Africa. Taiwan: Academia Sinica, 2010, p.44.
- 48 Wiewiorka M. *Sociology in Times of Crisis / Facing an Unequal World: Challenges for a Global Sociology*. Vol. 1: Latin America and Africa. Taiwan: Academia Sinica, 2010, p.45.
- 49 Грызунова Е.А. Социология кризисного управления // *Социология*, 2012. №3, с.104-105.
- 50 Barton A.H. *Disaster and collective stress / Perry R.W., Quarantelli E.L. What is a Disaster? New Answers to Old Questions*. Philadelphia, PA.: Xlibris, 2005. С. 125-152.
- 51 Quarantelli E.L., Lagadec P., Boin A. A heuristic approach to future disasters and crises: New, old and in-between types // Rodriguez H., Quarantelli E.L., Dynes R. *Handbook of Disaster Research*. New York: Springer, 2006. С. 16-41.
- 52 Quarantelli E.L., Lagadec P., Boin A. A heuristic approach to future disasters and crises: New, old and in-between types // Rodriguez H., Quarantelli E.L., Dynes R. *Handbook of Disaster Research*. New York: Springer, 2006. С. 16-41.
- 53 Boin A., McConnell A. Preparing for Critical Infrastructure Breakdowns: The Limits of Crisis Management and the Need for Resilience // *Journal of Contingencies and Crisis Management*, Volume 15, № 1, 2007. С. 50-59.
- 54 Грызунова Е.А. Социология кризисного управления // *Социология*, 2012. №3, с. 105.
- 55 Boin A. *From Crisis to Disaster: towards an Integrative Perspective* // Perry R.W., Quarantelli E.L. *What is a Disaster? New Answers to Old Questions*. Philadelphia, PA.: Xlibris, 2005. С. 153-172.
- 56 Boin A. *From Crisis to Disaster: towards an Integrative Perspective* // Perry R.W., Quarantelli E.L. *What is a Disaster? New Answers to Old Questions*. Philadelphia, PA.: Xlibris, 2005. С. 153-172.
- 57 Музыка О.А. Бифуркации в природе и обществе: естественнонаучный и социосинергетический аспект // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – № 1 – стр. 87-91.
- 58 См.: Черепанов А.А. Проблема социального кризиса: философско-синергетический подход: философско-синергетический подход: дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2006.
- 59 Ларченко С.Г. Социальная напряженность в общественном развитии // <http://library.by/portalus/modules/philosophy>
- 60 Кудрявцева М. Синергетический подход к вопросам изучения и управления андрагогическими системами // http://jornal.znanie.org/n3_04/sin_podh.html
- 61 Лисичкин В.А., Шелепин Л.А., Боев Б.В. *Закат цивилизации или движение к ноосфере (экология с разных сторон)*. М., 1997, с.310.
- 62 Музыка О.А. Бифуркации в природе и обществе: естественнонаучный и социосинергетический аспект // http://www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=6720
- 63 Музыка О.А. Бифуркации в природе и обществе: естественнонаучный и социосинергетический аспект // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 1, с. 87-91.
- 64 Кульпин Э.С. *Бифуркация Запад-Восток*. М., 1996 // *Российская эл. Библиотека «Эрудиция»*.
- 65 Luhmann N. *Sociologie des Risicos*. Berlin: Walter de Gruyter, 1991.
- 66 Beck U. *Risk society: Toward a new modernity*. London: Sage, 1992.
- 67 См.: Coombs, T. W. *Ongoing Crisis Communication: Planning, Managing, and Responding*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 2007. P. 23-24, 32-34, 54-56; Lerbinger, O. *The Crisis Manager: Facing Disasters, Conflicts, and Failures*. NY: Routledge Communication Series, 2012. P. 78-83.
- 68 Акимов Н.А., Порфирьев Б.Н. Кризисы и риск: к вопросу взаимосвязи категорий // *Проблемы анализа риска*. М.: Деловой экспресс, 2004. Т 1. №1. С. 49.
- 69 Глущенко В. В. Введение в кризисологию. Финансовая кризисология. Антикризисное

управление. – М.: ИП Глущенко В. В., 2008. – 88 с.

70 Нанотехнологии и общество // http://fondmk.ru/page/page_837

71 Фетискин Н.П. Феномен социальной энтропии и гендерной самореализации россиян в изменяющемся обществе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал (Тверь), 2007. Т. 1. №: 6. С. 131.

72 Беспалова Ю.М., Герцен С.М. Ценностные ориентации молодежи современной России (межпоколенный подход) // Вестник Тюменского государственного университета, 2009, №4, с.123.

73 Симоненко А.В. Система ценностных ориентаций в механизме преступного поведения личности // Вестник Волгоградской Академии МВД России, 2012. № 1. С.58-62. [<http://rudocs.exdat.com/docs/2/index-576068.html?page=4>]

74 Бабосов Е.М. Антиэнтропийная направленность человеческого бытия и социальная энтропия // Социология, 2011. №1, с. 17.

75 Подробнее см.: Фетискин Н.П. Феномен социальной энтропии и гендерной самореализации россиян в изменяющемся обществе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал (Тверь), 2007. Т. 1. №: 6. С. 131-135.

76 Klaus Krippendorff's Dictionary of Cybernetics. University of Pennsylvania, 1986.

77 См.: Прохоров Б.Б. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. Ростов-на-Дону, 2005; Antinazi. Энциклопедия социологии, 2009 [<http://www.soclexicon.ru/entropiya-socialnaya>]

78 Klaus Krippendorff's Dictionary of Cybernetics. University of Pennsylvania, 1986.

79 Фетискин Н.П. Феномен социальной энтропии и гендерной самореализации россиян в изменяющемся обществе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал (Тверь), 2007. Т. 1. №: 6. С. 131.

80 Заславская Т.И. Роль социологии в преобразовании России // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 6.

81 Фетискин Н.П. Феномен социальной энтропии и гендерной самореализации россиян в изменяющемся обществе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал (Тверь), 2007. Т. 1. №: 6. С. 131-135.

82 Фетискин Н.П. Гендерные детерминанты социальной энтропии в изменяющемся обществе // Психология XXI столетия. Т.2 / Под ред. Козлова В.В. – Ярославль, МАПН, 2007.

83 Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии: Курс лекций. - М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1999.

Проблемы социологии как профессии¹

Парсонс Т.

С исторической точки зрения, все теоретические знания высшего уровня о социальном поведении людей получены в самое последнее время благодаря достижениям в области экономической теории и статистики. За короткое время социология совершила стремительный рывок. Но культурный рост настолько сложен, а время настолько продолжительно, что социология сейчас находится только в начальной стадии своего развития.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что различие между социальной наукой, с одной стороны, и большинством тесно связанных с ней ненаучных или частично научных компонентов общей культуры – с другой, является пока еще не четким, неустойчивым. Я говорю об отделении социальной науки от «социальной философии» и «социальных проблем». Научная область не может институциализоваться до тех пор, пока нет достаточно ясной ориентации на собственные исследовательские проблемы, ориентации, на которую не влияли бы социально важные, но по большей части своей ненаучные сферы интереса. Третья проблема разграничения сводится к определению места социологии среди научных дисциплин, особенно среди тех, которые изучают человеческое поведение. Обсудим по порядку каждую проблему.

Во-первых, в рамках самого общего разграничения социальной науки от философской матрицы, в которую она первоначально была включена, мы можем говорить о религиозном, фи-

лософском в широком смысле научном аспекте такой матрицы. Относительно преобладание этих аспектов частично соответствует основным этапам западной интеллектуальной истории.

На ранних этапах произошло отделение светской социальной мысли от религиозной апологетики; это движение стало заметным только в 17 веке. Главным содержанием раннего этапа секуляризации явилась политика в широком смысле; светское общество рассматривалось как политически организованное «государство» в противовес церкви. Как только был сделан первый шаг, постепенно возникала дифференциация основных направлений внутри данной области.

Только к концу 18 века экономика выделилась из диффузной политической матрицы. Адам Смит был первым выдающимся мыслителем, способствующим формированию классической экономики. Фокус политической теории значительно сузился, центр внимания сместился на формы правления в различных типах общества, возникавших в тот период. Так, наряду с историей, не пожелавшей идентифицировать себя ни с каким отдельным направлением, в 19 веке сформировалось широкое поле деятельности для политической науки и экономики.

Эта интеллектуальная ситуация подготовила почву для развития социологии по одному из своих главных направлений, а именно для анализа тех макроскопических объектов общества, которые не получили адекватного объяснения в рамках утилитарной традиции, которая серьезно повлияла на политическую теорию и экономику. Опираясь на Конта, как на одного из своих главных предшественников, и на Маркса, доказавшего важную роль «экономических факторов», Дюркгейм и Вебер в Европе явились теми великими теоретиками, которые создали атмосферу, необходимую для возникновения нового социологического подхода, и одновременно занимавшегося анализом институциональных рамок, внутри которых протекали современные экономические процессы, в определенной степени независимые от действий политических организаций. Они были ориентированы на «коллективистский» способ мышления, отталкиваясь при этом от Руссо и немецкого идеализма, которые предоставили им базу для критики утилитаризма. При анализе ключевых понятий они оперировали скорей «идеальными» факторами,

такими как ценность и институциональные нормы, нежели «материальными».

В рамках «научного» аспекта философской матрицы социального мышления, о которой говорилось выше, этап, толчком к развитию которого послужила биология Дарвина во второй половине 19 века, имеет особое отношение к социологии. Спенсер и американские эволюционисты Самнер и Уорд отталкиваются именно от этого основания в его сложной взаимосвязи с утилитаризмом и позитивистским рационализмом. В дополнение к их влиянию, оказанному на развитие социологии, понятия эволюции и широкий контекст взаимосвязи между конкуренцией и кооперацией, свободным предпринимательством и планированием образовали интеллектуальную матрицу, из которой выросла антропология в Великобритании и которая лежит в основе развития современной психологии. Благодаря Фрейдю образовалась сложная связь между психологией и медицинской биологией; а антропология, находившаяся в этой стране под сильным влиянием Франца Боаса, была инспирирована немецким историко-идеалистическим мышлением. В Соединенных Штатах «социальная психология» Дж. Мида стала мостом, соединяющим оба интеллектуальных течения.

Таково схематичное представление основных тенденций в интеллектуальном развитии социальных наук на Западе. Легко видеть, что границы, отделяющие их друг от друга, очерчены нестрого. По сравнению с макроскопическими дисциплинами, какими являются наука и экономика, социологию часто рассматривали как остаточную категорию, либо как более или менее «эмпирическую» сумму знаний в обществе. В частности, в Германии наблюдалась склонность отождествлять социологию с философией истории и видеть единственное различие между ними в большей эмпирической направленности социологии. Тем не менее, внимание ученых в возрастающей степени начало фиксироваться на феномене ценностей и норм в их взаимосвязи с личностью, независимо от технических интересов, в частности - от экономики.

Внутри комплекса наук, концентрирующихся вокруг биологии Дарвина, обнаружилось не менее сложные проблемы разграничения их с антропологией и психологией. До тех пор, пока антропологи занимались исследованием до-

письменных сообществ людей, подобные вопросы не возникали, но в последнее время различие между социологией и антропологией стало не таким очевидным. Непростой вопрос о том, ставить ли акцент на «культуре» как это делают многие американские антропологи, или на социальной системе, как поступают некоторые социологи, служит достаточным основанием для разграничения двух дисциплин. В отличие от них психология, кажется, совершенно ясно сконцентрировалась на изучении четко различимых при помощи анализа компонентах поведения, характеризующих «индивида». Поскольку все человеческое поведение является не только индивидуальным, но и социальным (а также культурным), трудности на пути проведения четких аналитических границ, до конца не сняты, отсюда двусмысленность положения социальной психологии.

Видимо, в самой природе этих дисциплин заложено то обстоятельство, что, во-первых, при изучении эмпирических явлений любая аналитическая классификация обязательно пересекается с классификациями, основанными на здравом смысле. Так, экономика не может теорией «бизнеса» в некотором упрощенном смысле, политическая теория не может быть теорией «правления», также как психология не может быть теорией индивидуального поведения в большей степени, чем физиология – исследование живых организмов, а химия – неживой материи. Во-вторых, нельзя провести четкую границу между научными компонентами этих дисциплин и их ненаучной философской матрицей. К примеру, такие вопросы, как позитивизм и онтологический статус личности в рамках утилитаризма не могут быть полностью исключены из теоретической дискуссии в социальных науках.

Эти интеллектуальные проблемы, которые вряд ли поддаются быстрому и легкому решению, оказывают важное влияние на позицию и поведение профессиональных групп, которые ими занимаются. Они служат источником напряжения как внутри, так и между дисциплинами. Социальные науки сформировали «семейство», которое достаточно хорошо структурировано для определенных рабочих целей, но которое содержит пока еще много неясностей, а также создает зону для потенциальных и даже реальных конфликтов. Возможно, лишь малая

часть членов соответствующих профессиональных групп постоянно проявляет интерес к подобным проблемам, что не оправдывает отношения к ним как к тривиальным с точки зрения их значимости для профессиональной ситуации.

Я думаю, что исторический процесс разграничения социальных дисциплин настолько тесно переплетен с процессом их постепенного выделения из общей философской матрицы, что необходим общий подход к этим двум тенденциям. Обращаясь к третьей проблеме разграничения – дифференциации между научными дисциплинами и практическими предписаниями, могу только заметить, что самым поразительным является факт недавнего возникновения окончательной дифференциации; и политическая, и экономическая теория на этапе своего формирования были непосредственно связаны с предписаниями общественной политики, не принимая серьезных попыток отделить, хотя бы концептуально, основания эмпирической генерализации от оценочного базиса политических рекомендаций. Марксизм представляет собой яркий пример экономической теории, которая не стремилась к подобному разграничению, напротив, отрицала его легитимность. Макс Вебер, вероятно, был первым из крупных теоретиков, кто заявил о фундаментальной важности тщательного разграничения между проблемами научной генерализации, с одной стороны, и проблемами оценки и политики – с другой, разработав четкую методологическую базу для такого разграничения. Лишь при жизни последнего поколения подобное разграничение получило признание среди представителей социальных наук, но проблема до конца так и не решена...

В сегодняшней ситуации важно подчеркнуть одну особенность истории американской социологии, которая отличается от европейской (особенно континентальной). Европейские социальные науки в целом и социология в частности, как правило, занимались макроскопической интерпретацией общественного развития. Отсюда и выдвигание таких общих тем, как капитализм и социализм. Однако в Соединенных Штатах макроскопической интерпретации уделялось намного меньше внимания. Схематичное представление об обществе и его основных ценностях принималось как нечто само собой

разумеющееся, а акцент ставился на отдельных «социальных проблемах». Глубокий интерес проявлялся к тому, как реальные ситуации отклоняются от ценностей, которые считаются прежде всего ценностями либерального протестантизма в эпоху, когда «социальная проповедь» была особенно популярна. В центре внимания оказались такие проблемы, как трущобы, сельский образ жизни, иммиграция, отношения между черным и белым населением.

Такая направленность интереса помогает нам лучше понять, почему американская социология, в отличие от европейской, в меньшей степени касалась проблемы демаркации с философией. Она оказалась в большей мере подготовленной к отделению от политической теории и экономики, поскольку те развивали макроэкономический подход к обществу. При подобных обстоятельствах самые серьезные проблемы дифференциации для американской социологии коренятся в ее прикладных интересах. На более ранней стадии своего развития социологию отождествляли с религиозно-этическими обстоятельствами, а также с филантропией, которые институционализировались в качестве разделов комьюнити-сервис и социальной работы. Так, ранее американские социологи обучались в соответствующем министерстве, а некоторые университетские департаменты объединили социологию и социальную работу. Однако резкая критика такого рода объединения привела к превращению этих дисциплин в самостоятельные области вначале в Чикагском университете, а позднее в Гарвардском.

Хотя проблема демаркации с прикладными интересами оставалась сугубо американской, концентрация на менее глобальных вопросах дала ряд преимуществ. Она привела к разработке разнообразной техники эмпирического исследования, в частности, метода включенного наблюдения, анализа личных документов, интервьюирования и опросных методов. Особенно важно то, что быстрое развитие техники совпадало с соответствующим развитием статистики. В атмосфере всеобщего интереса американцев к практическим вопросам, акцент на технике, намного ярче выраженный, чем в Европе, ускорил превращение социологии в эмпирическую науку.

Важно и то обстоятельство, что микроскопический акцент американской социологии при-

вел ее к более тесной взаимосвязи с психологией и антропологией, в частности, в изучении малых сообществ (комьюнити), которые выступали первым крупным объектом антропологических исследований в современном обществе. Психологи и антропологи были теми, кто разными путями проявили наибольшую активность в разработке детального эмпирического исследования. Европейская континентальная социология столкнулась со значительными трудностями в процессе интеграции с общим направлением эмпирического исследования в сравнении с Соединенными Штатами. Трудно переоценить роль сильной традиции эмпирического исследования для отграничения социологии как научной дисциплины от ее прикладных разработок в области социальной политики.

Подводя итоги, скажу, что на протяжении жизни последнего поколения социология как научная дисциплина достигла того, что можно было назвать первым уровнем зрелости. Хотя процесс дифференциации еще далек от своего завершения, и остается еще много областей, не имеющих четко обозначенных границ, социология наряду с другими социальными науками, приобрела относительную автономию от философской матрицы. Несмотря на неясности, она занимает определенное место в общем комплексе научных дисциплин, которые изучают человеческое поведение. Социология освободилась также от существовавшего прежде отождествления ее с набором специфических практических задач, решаемых обществом, став самостоятельной, относительно «чистой» дисциплиной с собственной исследовательской базой и теоретической традицией. Однако, мы видели, проблемы, связанные с дифференциацией, стоят еще достаточно остро, и неясность культурных границ является источником напряженности во многих отношениях. Я бы сказал, что проблема идеологической контаминации (загрязненности) является наиболее важной в рамках философского контекста: проблема междисциплинарного вторжения и конфликта является наиболее актуальной в плане взаимоотношения с родственными дисциплинами; наконец, приверженность идеалам чистого исследования и обучения, а не формирования социальной политики, является самой насущной на прикладном фронте.

Институционализация социологии в университетах

...В настоящее время социология признается в качестве регулярной академической дисциплины в большинстве университетов Соединенных штатов — после того, как Джону Хопкинсу удалось составить их список. Лишь в нескольких элитарных колледжах свободных искусств, например, в Амхерсте, Уильямсе и Суарморе, этот процесс еще не закончен. Такое положение дел резко противоречит тому, что есть в Европе, где общее число кафедр составляет лишь малую часть общего числа кафедр в Америке. Незначительное признание социология получила лишь в Оксфорде и Кембридже, а на континенте лишь половина континентов к северу от Альп проявляет к ней некоторый интерес.

Если принять концепцию социологии как профессии, которая организовалась в рамках научной дисциплины, то значимость факта ее широкого распространения в Соединенных Штатах будет трудно переоценить. Прочее положение, которое занимает эта дисциплина на университетских факультетах, послужит структурной базой для научной ориентации профессиональных кадров. Социология, таким образом, вовлечена в процесс становления научных профессий, особенно в области социальных наук. И все-таки ничто другое не смогло послужить такой надежной основой для дальнейшего прогресса социологии, как ее превращение в научную дисциплину и ее влияние в обществе...

Поскольку социологии отведена ведущая роль на университетских факультетах, возникает немаловажный вопрос о ее месте в кругу родственных ей дисциплин. Как указывалось ранее, существует множество критериев, с точки зрения которых, в терминах интеллектуального содержания, демаркационные линии проведены не четко. И хотя многие аспекты разграничения не получили ясного определения по существу, так и организационно, в целом ситуация достаточно удовлетворительная. С точки зрения профессиональной институционализации в академическом сообществе, существует два обнадеживающих факта. Во-первых, социология как «предмет» получила академическое «гражданство». Во-вторых, хотя социологию организованно пытаются объединить с другими дисциплинами — иногда с комплексом политико-экономических наук, иногда с психоло-

гией и антропологией или и с той и с другой, — нет угрожающего единообразия в том, как это делается.

Промежуточное по отношению к другим «поведенческим наукам» положение социологии, несомненно, является стратегически выгодным. Нет ни малейшей опасности того, что данная профессиональная группа будет поглощена соседней группой; более того, социология обогащает родственные дисциплины. Например, экономистам и политологам она предоставляет возможность более глубокого понимания «институциональных» факторов, чем это достижимо в пределах собственной дисциплины. Психологам она помогает увидеть такие «социальные» факторы, которые нельзя описать в индивидуальных терминах. Что касается антропологии, то демаркация здесь не столь очевидна, но, не желая никого обидеть, можно было бы сказать, что антропологам, базирующимся на исследовании относительно недифференцированных обществ, весьма полезен анализ современных обществ со сложной структурой. Это как раз та область, где социологи достигли ведущих позиций...

Последний пункт, касающийся отношений социологии с родственными ей дисциплинами, связан с растущим участием социологов в разработке междисциплинарных исследовательских проектов. Одним из главных видов междисциплинарного исследования является «региональное», но существует много других типов исследований, таких как изучение организаций и локальных сообществ. Эти проекты важны с точки зрения прояснения природы участвующих в них дисциплин.

Я кратко обрисовал укрепление позиции социологии в качестве научной дисциплины и учебного курса в университетах, развитие ее исследовательских и обучающих функций; я также коснулся вопроса о том вкладе, который социология может внести в развитие родственных дисциплин. Осталось рассмотреть еще два важных момента. Предваряя в чем-то последнюю дискуссию, во-первых, можно сказать, что влияние социологии на идеологическое «определение ситуации» в нашем обществе за последнее время значительно возросло. Частота, с которой термин «социология» появляется в массовых дискуссиях, хотя употребляется он технически не всегда правильно, служит нагляд-

ным показателем изменившейся ситуации. Вторых, хотя социологи все еще отстают от своих коллег в экономической, политической и психологической областях, произошедшие за последние двадцать лет изменения, в результате которых социология завоевала прочное положение в практическом мире, очевидны. Следствием подобных изменений, где ни один фактор не играл решающей роли, может стать постепенное превращение социологии из наименее уважаемой в наиболее дискуссионную науку.

Вклад социологии в современную идеологию

Важным показателем взаимосвязи между изменениями в самом обществе и тем местом, какое занимают в нем профессии из сферы социальных наук, выступает тот факт, что термин «социология» все больше становится центральным символом в массовых идеологических течениях нашего времени. В этом смысле можно говорить, что в идеологии наступила «социологическая эра», пришедшая на смену «экономической», а затем и «психологической» эрам.

Возникновение индустриальной экономики не стало только новым выдающимся событием в промежутке между последней четвертью 19 века и началом нашего столетия; в интеллектуальном плане экономическая теория в ее различных вариантах выработала термины, определяющие сущность данного периода. Различные школы теоретического либерализма и реформизма, простирающиеся от крайне ортодоксальных, оправдывающих *laissez-faire* капитализм, до радикального социализма, в конечном итоге кристаллизовались в марксизм; но их основу составлял набор общеизвестных утверждений о решающей роли «экономических факторов». Эта идеологическая эра, последней фазой которой стал период «нового курса»², теснейшим образом была связана с процессом утверждения экономики как науки в академическом мире. Роль экономики как идеологического фокуса в то время значительно снизилась, хотя, разумеется, она продолжала занимать важное место в различных вопросах общественной политики. За экономической эрой последовала, хотя и не в таких масштабах, психологическая эра. Изменения, ставшие очевидными в 1930-е годы, ознаменовались возрастающим интере-

сом к роли рациональных (в противовес «иррациональным») факторов в мотивации человека. Как и в предыдущем случае, произошедшие изменения были тесно связаны с быстрым развитием психологии как научной дисциплины.

В то время как экономическая эра в идеологии была привязана к самому факту индустриализации, психологическая эра ограничивалась последствиями индустриализации для индивида. Если психологическое движение поставило под сомнение адекватность упрощенных экономических интерпретаций человеческого поведения, то ясное понимание сложности и изменчивости крупномасштабного общества и его «массовых» явлений, потребовало чего-то большего, нежели просто анализ индивидуального поведения. Новую идеологическую эру, которая совпадает с психологической, можно описать как диалектическую связь, существующую между направленностью психологов на индивида и направленностью интересов социологов на общество. В этом комплексе проблема подавления человеческой свободы неизбежно становится центральной. Она лежит в основе современного интереса к проблеме «конформности». Отмечу, что акценты сейчас и тогда – в эпоху господства экономики в идеологии, когда основная проблема формулировалась как «производительность или равенство» и сводилась к тому, чтобы найти подходящий способ «удовлетворения потребностей», – расставлялись по-разному. В определенном смысле проблема конформности специфична для «общества изобилия».

Появление столь обширной идеологической проблематики повлияло на статус социологической профессии: теперь социолог воспринимался широкими слоями общественности как эксперт по интеллектуальным проблемам, имеющим общественный характер. Тот факт, что подобная экспертиза проводилась со значительной долей амбивалентности, не снижает статус профессии социолога в обществе...

Прикладная функция

Еще одной важной сферой профессиональной включенности в структуру общества является прикладная деятельность. Как уже отмечалось, этот интерес особенно ярко проявился на ранней стадии развития социологии, особенно в области социальных проблем, но затем пос-

ледовал резкий уход в сторону построения академического ядра дисциплины. В последнее время, однако, отмечается возврат к прикладным интересам даже в более широком масштабе, чем прежде. Отправным моментом послужила попытка мобилизовать социальные науки для военных целей во время второй мировой войны. То было движение, в котором социология играла значительную, но далеко не ведущую роль. Достижения в таких областях, как индустриальная социология и маркетинговые исследования, также дали толчок для непрерывного расширения прикладной функции.

На начальных этапах развития новой дисциплины, имеющей выход на практику, для представителей данной профессиональной группы характерно непосредственное выполнение практических функций, а в некоторых профессиях подобная модель поведения сохраняется и становится все более распространенной. Химия, возможно, это та сфера, которой в наибольшей степени присуща такая модель; велико число ученых со степенью доктора философии в химии, которые в действительности выполняют технологические работы для промышленности и по заказам правительства; их численность, вероятно, даже превышает количество инженеров-химиков. Подобная практика отличает и современное развитие социологии. Возможно, что и в дальнейшем прикладные исследования будут широко применяться на промышленных предприятиях, в правительственных организациях, особенно, в вооруженных силах; в изучении общественного мнения и установок; и в различных социальных агентствах, интересующихся проблемами здравоохранения, криминологии и т. д. Но пока еще значительное число социологов со степенью доктора философии – около 86% - работают в колледжах и университетах, уступая по численности только историкам, литературоведам и представителям других гуманитарных наук, но превосходя численность ученых со степенью доктора философии из политических наук и экономики (76% и 69% соответственно).

Важным и быстро расширяющимся местом соединения академической и неакадемической сфер занятости является консультативная работа в различных неакадемических организациях. Она проводится в форме индивидуального обслуживания клиентов, а также в виде «конфе-

ренций», когда междисциплинарная группа профессионалов собирается заняться широкой практической проблемы.

Различие между психологией и социологией в части прикладных функций состоит в том, что в социологии реже встречается такая «практика», как индивидуальное обслуживание за определенный гонорар. Предпочтительнее, чтобы социологов нанимали на полный день или в статусе консультанта – такие структуры, как коммерческие фирмы, правительственные организации, социальные агентства, исследовательские учреждения, которые не нуждаются в защите от всякого рода шарлатанов и авантюристов. Защита скорее необходима частному лицу, прибегающему к услугам профессиональных служб. Следовательно, в социологической профессии больше возможностей избежать тех сложных проблем, связанных с законным получением сертификатов и лицензий, с которыми столкнулись сейчас психологи.

В последнее время возникла новая сфера прикладной деятельности: социологи совместно с представителями других «базисных наук» участвуют в исследованиях и обучении специалистов для целого ряда прикладных профессий. Исторически самый тесный союз социологии с прикладной специальностью существовал в сфере социальной работы. Когда социологи ушли, социальные работники заключили союз с психиатрией. Лишь недавно прерванные связи возобновились главным образом через участие социологов в обучении аспирантов, специализирующихся на социальной работе, и через исследования, проводимые в области социальной работы.

Выдающихся успехов новая сфера достигла в области здравоохранения, особенно в области психического здоровья. После того, как в первой части нашего столетия окончилось господство «научной» медицины в статусе «органической» медицины, появился интерес к психологическим и социальным факторам заболеваний и здоровья. В этом направлении именно социологи, а не представители других «поведенческих» наук, продвинулись дальше всех, сотрудничая и дружески конкурируя с антропологами и, несомненно, опережая психологов, хотя последние составляют по численности и организованности более сильную группу. Повидимому, такое стало возможным из-за того,

что на социологов не возлагался контроль за процессом лечения отдельных пациентов. Социолог помогает разобраться с проблемами, с которыми сталкивается медицина и народное здравоохранение, но его функции нельзя сводить к практике в традиционном медицинском смысле. Следовательно, социологию, в отличие от клинической психологии, нельзя рассматривать как помеху в психиатрическом лечении пациентов.

Сегодня хорошо известно, что работа в медицинских учреждениях и организациях здравоохранения составляет одну из основных сфер занятости социологов, вероятно, самую крупную область, за исключением сферы образования и исследовательской деятельности. Характер предоставляющихся здесь возможностей разнообразен, но, вероятно, наиболее престижной можно считать преподавательскую работу в медицинских колледжах и институтах сферы здравоохранения. В настоящее время, безусловно, можно говорить о включении социологии в число базисных наук, лежащих в основе медицинской практики и, следовательно, об объединении социологов с представителями других «поведенческих» наук и о получении ими такого же организационного статуса, какой имеется у физиологов, биохимиков, биофизиков, бактериологов и т.д.

Сфера медицины, однако, является лишь одной из нескольких прикладных областей, на которые направлена деятельность социологов. Хотя и не в таком объеме подобная тенденция наблюдается по отношению к социальным наукам в целом и к социологии в частности, в школах бизнеса и публич-администрейшн, в области образования, права и даже богословия. Пожалуй, наибольший прогресс достигнут в школах бизнеса, а предшествовал такому процессу период развития аграрной социологии и сельскохозяйственных колледжей. Двумя основными направлениями развития социологии в школах бизнеса являются индустриальная социология и выборочные обследования. Вероятнее всего той областью, где роль социологии в ближайшем будущем заметно возрастет, является образование, и не в последнюю очередь из-за потребности нашего общества в расширении и улучшении условий образования. Проникновение социальных наук в область права происхо-

дит достаточно медленно вопреки мнению декана юридической школы Вашингтонского университета Эрвина Гриссулда о том, что право само по себе является социальной наукой. Однако можно предполагать, что в конечном счете положение дел изменится...

Заключение

Этот обзор дает достаточно ясную картину. Социология – профессия, сформировавшаяся вокруг быстро развивающейся научной дисциплины, которая в последнее десятилетие достигла нового уровня зрелости и заняла достаточно высокое стратегическое положение среди социальных наук. Социальные науки, в свою очередь, в нашем столетии заняли такое место в жизни общества, какое раньше им никогда не отводилось. В течение жизни последнего поколения достигла высокого уровня техническая база социологии, усовершенствовалась исследовательская технология, на новый уровень поднялась социологическая теория. В исследованиях получено много интересных результатов, а их качественный уровень в среднем существенно повысился.

Что касается социологической профессии, то база для ее развития в университетах существенно расширилась и укрепилась: теперь каждый крупный американский университет предоставляет место для социологии. За двадцать лет почти в три раза возросла численность профессиональных кадров, и она, несомненно, будет еще увеличиваться. Социология заняла центральное место в современном интеллектуальном мире. Расширилось привлечение социологов для решения практических задач. Начался процесс утверждения социологии в качестве базисной науки, лежащей в основе целого комплекса прикладных профессий. Увеличилось количество профессиональных ассоциаций, а их положение укрепилось. Я думаю, во всех областях социологии будет наблюдаться прогресс.

Ссылки:

1 Перевод с англ. М.В. Калашниковой под научным руководством проф. А.И. Кравченко по: Parsons T. Some Problems Confronting Sociology as a Profession, *American // Sociological Review*, 1959 vol. 24 (no. 4): 547-59.

2 Система экономических мероприятий президента Ф.Рузвельта - прим. ред.

Обратная связь в системе социального контроля власти и управления

Перевезенцева Ю. А.

В статье рассматривается место обратной связи в системе социального контроля власти и управления. Выделяются два структурных компонента системы социального контроля власти и управления: контроль «сверху» (регулирование) и контроль «снизу» (обратная связь). Анализируется роль формальных и неформальных механизмов контроля «снизу» в функционировании общественно-политической системы.

Исследование роли механизмов обратной связи в системе социального контроля власти и управления способствует нахождению эффективных способов взаимодействия политической элиты и граждан для установления необходимого баланса интересов власти и общества. Доказана значимость таких механизмов контроля «снизу», как институт выборов, общественный контроль, СМИ, общественное мнение и деятельность групп интересов.

Обратная связь как элемент политической системы встроена в систему социального контроля власти и управления. Делается вывод о том, что качественная обратная связь и основанные на ней действенные механизмы социального контроля способствуют стабилизации общественно-политической системы. В то время как отсутствие реакции власти и управления на обратную связь может стать причиной разрушительных последствий.

Ключевые слова: обратная связь, социальный контроль, контроль «снизу», политическая система, власть, администрация, гражданское общество, государственное управление.

Perevezentseva J. A.

Feedback in the system of social control of power and administration

The article discusses the place of the feedback in the system of social control of power and administration. There are two structural component of the system of social control of power and administration: control «from above» (regulation) and control «from below» (feedback). The role of formal and informal mechanisms of control «from below» in the functioning of the socio-political system had been analyzed.

Investigation of the role of feedback mechanisms in the system of social control of power and administration contributes to finding effective ways of interaction between political elites and citizens to establish the necessary balance between the interests of government and society. The importance of such mechanisms of control «from below» as the institution of elections, public control, the media, public opinion and the activities of interest groups had been proved.

Feedback as an element of a political system built into the system of social control of power and administration. The conclusion is that qualitative feedback and based on it effective mechanisms of social control contribute to the stabilization of the socio-political system. While the absence of a reaction of power and administration in the feedback can cause devastating consequences.

Key words: feedback, social control, control «from below», political system, power, administration, civil society, governance.

Социальный контроль аппарата власти и управления представляет собой систему механизмов воздействия на субъекты и институты политического властвования, которая обеспечивает следование установленным образцам деятельности и соблюдение ограничений. Их нарушение отрицательно сказывается на функционировании общественно-политической системы и препятствует ее развитию.

Система социального контроля власти и управления предполагает взаимодействие двух структурных компонентов: контроля «сверху» (регулирования) и контроля «снизу» (обратной связи).

Регулирование осуществляется с помощью формальных и неформальных инструментов: политическое руководство со стороны министров, институт министерских советников, парламентский и судебный контроль, профессиональные стандарты, корпоративная этика, надзор со стороны вышестоящих чиновников.

Обратная связь представляет собой контроль управляемых над управляющими, когда «любое отклонение управляемой подсистемы от параметров, заданных управляющей подсистемой, порождает действие, корректирующее эти параметры»¹. Поэтому конструктивность и действенность инструментов социального контроля власти и управления напрямую зависят от качества обратной связи.

Качество обратной связи определяется характером взаимодействия элементов и механизмов взаимного контроля и ответственности власти и общества. Оказывая непосредственное влияние на процесс развития политической системы, качество обратной связи может способствовать как ее стабилизации, так и дестабилизации.

Качественная обратная связь способствует адаптации общественно-политических систем. Выступая ориентиром для деятельности аппарата власти и управления, она регулирует и гармонизирует общественно-политические отно-

шения и процессы. Политические институты при этом функционируют в соответствии с заданным обществом направлением, обеспечивая слаженную работу на благо граждан и государства. Подобный симбиоз общественного и политического позволяет в долгосрочной перспективе добиться внушительных успехов в совершенствовании системы государственного управления.

Некачественная обратная связь препятствует адаптации общественно-политических систем. Становясь причиной накопления ошибок в деятельности субъектов властных отношений, она тормозит развитие общества и дестабилизирует общественно-политическую обстановку. Отсутствие слаженной работы механизмов обратной связи ведет к трансформации политической системы в отдельный от общества организм. При этом в качестве приоритета выступает обеспечение и поддержание ею собственной жизнеспособности, а не общественное благополучие. В конечном итоге, это приводит к дестабилизации и системному кризису.

Каналы связи между политической системой и обществом могут не работать по нескольким причинам. Например, ввиду пассивного принятия массами социального порядка, который отличается от их представлений о справедливом распределении общественных благ и статусов. Причина может состоять и в блокировании властью доступа к процессу обсуждения принимаемых решений. Это связано со стремлением субъектов властных отношений удержаться на своих позициях как можно дольше. Политическая элита защищает, прежде всего, свое привилегированное положение, веря при этом в то, что знает потребности граждан лучше, чем они сами². Подмена пользы для общества личной выгодой и даже нарушение закона часто преподносятся как «блага для отечества»³.

Недостаток действенных механизмов контроля управляемых над управляющими делает политическую элиту все более изолированной и закрытой. Выступая в качестве одного из факторов низкой эффективности государственного управления, закрытость элиты порождает различные виды девиаций поведения чиновников, в том числе коррупцию.

Реальность такова, что человек оказывается на высоких ступенях властной иерархии благодаря упорству, энергии, экономическому и по-

литическому капиталу⁴, а не исключительным моральным качествам. Продолжительное пребывание у власти может способствовать неадекватному восприятию потребностей населения, сопровождаясь злоупотреблениями должностными полномочиями и подменой общественных интересов личными. Поэтому необходимы не только колоссальная личная выдержка чиновника в борьбе с соблазнами и эффективное регулирование «сверху», но и постоянный контроль со стороны общества. Выступая перед Федеральным собранием в 2012 году, президент РФ В.В. Путин подчеркнул: «Если человек выбрал госслужбу, он должен быть готов к этим ограничениям, к общественному контролю, к выполнению специальных требований...»⁵.

Обратная связь как контроль «снизу» осуществляется с помощью института выборов и общественного контроля, имеющих формальный характер, и неформальных внешних инструментов: СМИ, общественного мнения и групп интересов.

Значимость института выборов как механизма контроля аппарата власти и управления в демократических государствах сложно переоценить. Выборы позволяют населению регулярно выносить свой вердикт власти, изменять состав органов власти, корректируя тем самым политический курс.

Во Всеобщей Декларации прав человека, устанавливающей перечень основных прав и требований к их осуществлению, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году говорится: «Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования»⁶. Таким образом, диктуя свою волю на голосовании, граждане превращаются в непосредственные субъекты политического властвования. От того, каким политическим силам они отдадут свой голос, зависит вектор развития страны на ближайшие годы. Наделяя своих представителей официальными полномочиями, народ косвенно участвует и в формировании невыборных органов власти. Ведь их состав определяется избранными на руководящие посты должностными лицами.

Выступая своеобразным «окном возможностей», выборы помогают оказывать влияние на государство и общество. Решающую роль здесь играет политическая конкуренция, обеспечивающая равные шансы политических партий и независимых кандидатов в борьбе за власть. Таким образом, различные политические силы представляют свое видение общественных проблем и выдвигают программы их решения. Это способствует отбору альтернатив, созданию благоприятных возможностей для преодоления неэффективной политики и утверждения жизнеспособных идей и политических сил. Делая свой выбор, граждане восстанавливают баланс интересов, показывая свое отношение к власти и оппозиции.

Выборы являются важнейшим инструментом контроля общества над теми субъектами политического властвования, которые занимают позиции во властной иерархии на основании результатов голосования. Однако они не могут обеспечить комплексный контроль за деятельностью невыборных органов власти. Как уже было отмечено, административные должностные лица получают свою власть не напрямую от граждан. Они назначаются на свои посты на определенный срок другими политическими субъектами. Поэтому помимо института выборов необходимо функционирование в общественно-политической системе и других инструментов воздействия общества на власть и администрацию. Одним из них является общественный контроль.

Общественный контроль — это формальный институт, обеспечивающий следование закону, ответственное и компетентное отношение власти и администрации к исполнению своих обязанностей перед обществом, способствующий эффективности их деятельности. В современных бюрократических государствах демократический контроль осуществляется через политическое участие, отношения клиентуры, следование общественному интересу, подотчетность и самоконтроль должностных лиц⁷.

Согласно Федеральному закону от 21.07.2014г. N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», субъектами общественного контроля являются: Общественная палата РФ, общественные палаты субъектов РФ и муниципальных образований, общественные советы при федеральных

органах исполнительной власти, законодательных и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ. Также могут создаваться общественные наблюдательные комиссии и инспекции, группы общественного контроля и иные организационные структуры общественного контроля. Общественный контроль осуществляется в формах общественного мониторинга, общественной проверки и экспертизы, общественных обсуждений и слушаний⁸.

Сегодня в РФ функционируют некоммерческие общественные объединения и организации, которые стремятся осветить общественно-политические проблемы и повлиять на процесс принятия решений. Некоторая часть таких организаций отличается оппозиционной направленностью и резко критическим отношением к руководству страны, другая — более нейтральна или лояльна власти. Нежелания первых идти на компромиссы и договариваться о взаимном сотрудничестве является причиной отсутствия у них доступа к процессу принятия значимых решений. Другие же, благодаря своей сговорчивости, фактически имеют больший доступ к процессу принятия решений. Критика деятельности федеральных министров оппозиционными организациями остается «не услышанной» высшим руководством страны. Подобные действия прокремлевских организаций, в свою очередь, поощряются и способствуют реальным изменениям. Так, умение находить пути выхода на лиц, принимающих решения, и особенно влияние на эти решения предполагает определенную степень уступчивости.

Отсутствие равных условий для НКО представляет большую проблему для современной России. Ситуацию усугубило принятие в 2012 году закона об иностранных агентах⁹, который критикуют за недостаточную проработанность как чиновники, так и правозащитники. В частности, необходимость конкретизации в законе понятия «политическая деятельность» была отмечена В.В. Путиным: «Оно не должно быть резинovým, должно быть единообразно понимаемым»¹⁰. Президент сообщил, что в течение трех месяцев планируется сформулировать соответствующие предложения.

На данный момент в реестр НКО, выполняющий функции иностранного агента, попало 96 организаций¹¹. Среди них: Фонд в поддержку демократии «Голос», Комиссия по защите прав

человека «Мемориал», Автономная некоммерческая организация «Центр независимых социологических исследований», Фонд некоммерческих программ «Династия», Научный фонд теоретических и прикладных исследований «Либеральная миссия», Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р», Фонд поддержки свободы прессы, Общественная правозащитная организация «Гражданский контроль», Общероссийское общественное движение защиты прав человека «За права человека» и др. Включение научных и правозащитных, экологических и природоохранных организаций в этот список вызвало волну общественного негодования. Однако несогласие гражданского общества с действиями Министерства юстиции РФ по включению ряда организаций в реестр иностранных агентов и попытки повлиять на ситуацию не приносят желаемых результатов. Очевидно, что подобная политика идет вразрез с общемировыми тенденциями укрепления правовой основы государства, неоспоримостью равного положения всех НКО.

Общественный контроль и, в частности, НКО создают условия для разрешения многих общественно-политических и экономических проблем, обеспечивая заинтересованных граждан необходимыми доказательствами и аргументами. Помимо различных структур общественно-контроля, функцию предоставления информации широким слоям населения о деятельности аппарата власти и управления осуществляют СМИ.

СМИ призваны максимально точно и непредвзято освещать общественно-политические события и проблемы, оставляя населению право на самостоятельный анализ и оценку. Однако эта миссия не всегда реализуется на практике, поскольку полностью независимых каналов предоставления информации не существует. Редакционная политика информационных ресурсов определяется целями и/или взглядами владельцев и инвесторов. Поэтому СМИ как инструмент контроля «снизу» формируют повестку дня не только на основании потребностей общества, но и учитывая интересы элитарных групп. Это говорит о необходимости предоставления всем СМИ одинаковых возможностей в стремлении донести свою точку зрения на актуальные события и проблемы до аудитории. Чрезвычайно значимость для получения наиболее объек-

тивной картины реальности при этом играет равный доступ всех граждан к источникам информации.

Неравные условия для СМИ повышают степень отчужденности граждан от социально-политической реальности. К таким условиям можно отнести ограничение вещания и/или блокирование контента частных и независимых источников информации. Предоставление более широкого спектра возможностей в охвате аудитории государственным информационным ресурсам также демонстрирует недостаток равноправия СМИ.

Российские федеральные телевизионные каналы, например, часто пользуются привилегиями в организации вещания по сравнению с частными. Следствием предоставления российским СМИ с государственным участием более широких возможностей в доступе к аудитории является одностороннее восприятие большинством населения значимых социально-политических и экономических процессов. Государственные СМИ являются основным и зачастую единственным источником информации для подавляющего большинства населения России. С их помощью осуществляется воздействие на общественное сознание граждан в необходимом ключе. Это превращает СМИ из инструмента контроля «снизу» в орудие политической пропаганды и манипулирования поведением граждан.

Политические деятели и чиновники рассматривают СМИ как средство формирования общественного мнения. У. Липпман подчеркивает: «В наилучшем варианте пресса является слугой и защитником социальных институтов, в наихудшем – служит орудием, с помощью которого небольшая группа людей использует социальную организацию в собственных целях»¹². Фальсификация общественного мнения с помощью подконтрольных источников информации может привести к поляризации населения и проявлению враждебности в отношении сограждан, имеющих иную точку зрения.

СМИ обеспечивают представителям различных социальных групп возможность публичного выражения своего мнения, объединяя единомышленников. Поэтому мнение различных социальных групп по поводу одних и тех же событий и процессов может существенно различаться в зависимости от приверженности тем или

иным информационным ресурсам. Таким образом, СМИ играют главную роль в формировании общественного мнения, которое является еще одним инструментом контроля «снизу».

Общественное мнение отражает позицию граждан по актуальным вопросам, оценку ими значимых событий, явлений и процессов. Учет одобрения или неодобрения, предложений и рекомендаций населения при принятии и исполнении решений органами государственной, региональной и муниципальной власти является важной составляющей обратной связи. Так, «...общественное мнение, независимо от того, в каких условиях ему приходится действовать, всегда занимает определенную позицию по отношению к тем или иным фактам и событиям жизни общества и, в частности, по отношению к действиям государства в лице его различных институтов. Эта специфическая особенность придает общественному мнению характер силы, стоящей над институтами власти, оценивающей и контролирующей деятельность этих институтов; напротив, последние, независимо от меры реальной власти, которой они располагают, самим объективным содержанием деятельности общественного мнения ставятся в положение контролируемых»¹³. Контрольная функция общественного мнения играет особую роль в общественно-политической системе. Выступая в качестве регулятора, оно призвано определять содержание социально-политических институтов.

Без учета общественного мнения не принимается ни одно важное решение. Правительственные структуры осуществляют постоянный мониторинг общественного мнения. Это помогает чиновникам понять насущные проблемы населения и выбрать наиболее подходящие пути их решения.

Ориентация на общество, понимание настроений, ценностей и установок граждан имеют особую значимость при подготовке концепции долгосрочного развития страны, разработке планов реформ и основополагающих законопроектов. В то же время, общественное мнение является показателем эффективности деятельности аппарата власти и управления. Как «продукт осознания назревших и требующих решения социальных проблем...»¹⁴, оно демонстрирует реальные результаты работы чиновников.

Возможность публичного выражения населением своего отношения по злободневным вопросам и влияние этого отношения на общественно-политическую жизнь отражает сущность общественного мнения. Его возникновение связано с желанием общественности высказаться по определенной проблеме и готовностью политических институтов услышать общественность. Если выборы определяют как «окно возможностей», то общественное мнение можно назвать зеркалом общественно-политической жизни.

Стоит отметить, что сегодня особую роль в формировании общественного мнения играет Интернет. Возможности информационных технологий в интересах влияния на общественное мнение о власти довольно обширны.

Бурное развитие политических интернет-технологий в последние годы обозначено ростом применения развлекательного и вирусного маркетинга, технологии «виртуальный трендсеттер», а также коммуникации «один к одному». Данные средства активно используются перед выборами, порой оказывая решающее влияние на мнение общественности и решение отдать голос определенному кандидату или партии.

Интернет-технологии применяются также для того, чтобы продемонстрировать открытость органов власти всех уровней. В качестве примера можно привести публикации сведений о доходах чиновников на официальных сайтах министерств и ведомств РФ. Подобные меры призваны обеспечить не столько контроль общественности за доходами и имуществом должностных лиц, сколько сформировать устойчивое общественное мнение о прозрачности властных структур. Это доказывает, что общественное мнение выступает ключевым показателем легитимности власти.

Оказывая воздействие на общественное мнение в том числе с помощью перечисленных технологий, заинтересованные группы перераспределяют политическое влияние в обществе. Группы интересов реализуют свою политику, также выступая в качестве инструмента контроля аппарата власти и управления.

Обладание значительным ресурсным потенциалом позволяет группам интересов оказывать воздействие на процесс принятия политических решений, участвуя в их разработке. Группы интересов способствуют формированию отно-

шений партнерства между гражданами и властью, выполняя функции артикуляции, агрегирования и лоббирования интересов. Многообразие групп интересов свидетельствует о высокой степени вовлеченности граждан в политический процесс, отражает неоднородность потребностей граждан.

Наиболее развитая сеть групп интересов и групп давления функционирует в США. Она представлена лоббистскими группами, благотворительными фондами, городскими коммунами, спортивными и творческими союзами, потребительскими и кооперативными объединениями, клубами по интересам. Их отличает разнообразие требований и стратегий влияния на принятие решений по актуальным вопросам экономической, социальной, политической, культурной и духовной сфер жизнедеятельности общества и государства. При этом, деятельность групп интересов в США законодательно регулируется, предполагая долгосрочные отношения с органами исполнительной и законодательной власти.

Группы интересов в РФ не ориентированы на установление долгосрочных каналов взаимодействия с властными институтами. В подавляющем большинстве случаев преобладает лоббирование непосредственно в органах власти, которое никак не регулируется законодательством. Очевидным следствием подобного положения дел является коррумпированность политической системы. По оценкам самих политических элит, принятие значимых решений в России происходит «под давлением коррумпированных чиновников и лоббистов крупных финансово-промышленных групп с использованием бюрократического ресурса, обеспечивающего выход непосредственно на президента»¹⁵. Это является следствием того, что в стране так и не был принят закон о регулировании лоббистской деятельности.

Основой взаимодействия власти и групп интересов является политическая культура. «Сначала изменяется структура ценностей индивидов — потенциальных членов группы, что служит предпосылкой осознания индивидами своих актуальных интересов и последующего формирования группы, агрегирующей эти интересы»¹⁶. Для того, чтобы деятельность групп интересов была осознанной и легитимной, необходима, прежде всего, готовность нести от-

ветственность за осуществление социально-политических преобразований. Она определяет целесообразность и специфические особенности данного инструмента контроля власти и управления «снизу».

Характер обратной связи зависит от структуры ценностей общества. Определяя политическое сознание и поведение людей, они воплощаются в деятельности государственных и общественных институтов и организаций. По мере развития демократических институтов, обратная связь приобретает организованные формы. Функционирование в общественно-политической системе развитых механизмов социального контроля аппарата власти и управления, делает политическую элиту менее свободной в выборе способов реагирования на сигналы «снизу».

Механизмы воздействия общества на процесс функционирования общественно-политических систем в конкретных социально-исторических условиях задают направленность обратной связи. Требования, корректирующие управляющую подсистему, и поддержка, ослабляющая факторы рассогласования, способствуют стабилизации системы. При выходе контроля «снизу» за рамки институциональных механизмов, происходит дестабилизация общественно-политической системы. Это становится толчком к налаживанию механизмов эффективного воздействия общества на аппарат власти и управления. Если же не было предпринято своевременных мер по реабилитации каналов обратной связи, происходит крушение существующей политической системы. Для того, чтобы избежать разрушительных последствий, субъектам властных отношений необходимо осознавать направленность обратной связи. Важно вовремя предпринимать усилия по стабилизации общественно-политической системы, устанавливая необходимый баланс интересов власти и общества.

Негативная реакция общества на действия аппарата власти и управления не всегда выражается в форме митингов и демонстраций, забастовок и пикетов и даже в результатах выборов. Недовольство может накапливаться, но не определяться в ходе опросов общественного мнения и различных мониторингов¹⁷. Это характеризует латентную обратную связь.

Латентная обратная связь способствует накоплению деструктивных компонентов в функ-

ционировании общественно-политической системы. Поскольку никаких явных сигналов недовольства населения она не предполагает, субъекты властных отношений часто не в состоянии ее идентифицировать. В обществе тем временем возрастает недоверие и неуважение к власти, неисполнительность.

Преобладание латентной политической обратной связи характеризует российскую действительность. В такой ситуации необходимо перерождение политической системы, которое возможно только при наличии действенного контроля гражданского общества над элитой, эффективной обратной связи. Ее интенсивность и жесткость способствует пониманию истинных потребностей общества и консолидации усилий власти по решению накопившихся проблем.

Интенсивность обратной связи возрастает с ростом отклонения управляющей подсистемы от заданных параметров и образцов деятельности. В демократических политических системах интенсивность контроля «снизу» традиционно определяется эффективностью государственной политики, согласованностью интересов политической элиты и общества.

Жесткость обратной связи характеризуется степенью зависимости поведения субъектов властных отношений от контроля со стороны общества.

Деятельность должностных лиц по принятию и исполнению политических решений в демократических политических системах должна определяться, прежде всего, чувством ответственности перед избирателями, подотчетностью. Однако на практике администрация ставит личные интересы выше общественных, подменяя политические инстанции и интерпретируя указания выгодным для себя образом. Применение действенных инструментов социального контроля в их функциональной взаимосвязи сводит случаи пренебрежения и превышения должностных полномочий к минимуму. Комплексный подход к осуществлению контроля «снизу» побуждает и принуждает власть корректировать свои действия, приводя их в соответствие с потребностями и ожиданиями граждан.

Обратная связь как элемент политической системы встроена в систему социального контроля власти и управления. Она представляет собой важнейший регулятор устойчивости общественно-политической системы. Выражаясь

во взаимодействии граждан с государством по поводу основ социального порядка, обратная связь позволяет определить структуру интересов граждан. Отсутствие реакции аппарата власти и управления на политическую обратную связь влечет отрыв от социально-политической реальности. В подобных обстоятельствах общественно-политическая система теряет управляемость, что может стать причиной катастрофических последствий.

Итак, «контроль снизу возникает как ответная реакция на регулирующее воздействие власти. В нем — прямолинейное, симметричное отрицание власти, признающее факт ее существования и приводящее ее в оптимальное соотношение с природой самого объекта. Результатом их противоборства становится, как снятие, социальный контроль — контроль над ситуацией, адаптация и развитие общественной системы. Либо ее разрушение»¹⁸. Поэтому чрезвычайно важно грамотно использовать обратную связь в управлении общественно-политической системой, задействуя контроль «снизу» как стабилизирующий фактор.

Ссылки:

1 Шабров О. Политическое управление: проблема стабильности и развития. — М.: Интеллект, 1997. С. 160.

2 См.: Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии. — М.: Диалог, 1990. №5. С. 12.

3 Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. — 2-е изд. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008. С. 377–378.

4 См.: Бурдые П. Политическое представление: Элементы теории политического поля // Социология политики / пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. С. 179–230.

⁵Послание Президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 12.10.2015).

6 Всеобщая Декларация прав человека. (Принята резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 12.10.2015).

7 См.: Gruber J. Controlling Bureaucracies: Dilemmas in Democratic Governance. — Berkeley — Los Angeles, 1986. P. 18–23.

8 См.: Федеральный закон от 21.07.2014 N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 8.10.2015).

9 См.: Федеральный закон от 20.07.2012 N 121-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/ (дата обращения: 8.10.2015).

10 Рустамова Ф., Бочарова С. В Кремле перепишут закон об иностранных агентах. URL: <http://www.rbc.ru/politics/01/10/2015/560d57e59a7947360f78cbe2> (дата обращения: 8.10.2015).

11 См.: Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx> (дата обращения: 8.10.2015).

12 Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой. — М., 2004. С. 337.

13 Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. — М., 1967. С. 88.

14 Коновченко С.В., Киселев А.Г. Информационная политика в России. — М., 2004. С. 49.

15 Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 145.

16 Лапин Н.И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социс, 1997. № 3. С. 23.

17 См.: Общественное мнение в условиях авторитаризма и патриотической мобилизации / Россия 2014: загадки общественного мнения / Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/old/05-02-2015/rossiya-2014-zagadki-obshchestvennogo-mneniya> (дата обращения: 12.10.2015).

18 Шабров О. Политическое управление: проблема стабильности и развития. — М.: Интеллект, 1997. С. 157.

Литература

1. Бурдые П. Политическое представление: Элементы теории политического поля // Социология политики / пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993.

2. Всеобщая Декларация прав человека. (Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 12.10.2015).

3. Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. — М., 1967.

4. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.

5. Коновченко С.В., Киселев А.Г. Информационная политика в России. — М., 2004.

6. Лапин Н.И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социс, 1997. № 3.

7. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой. — М., 2004.

8. Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии. — М.: Диалог, 1990. №5.

9. Общественное мнение в условиях авторитаризма и патриотической мобилизации / Россия 2014: загадки общественного мнения // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/old/05-02-2015/rossiya-2014-zagadki-obshchestvennogo-mneniya> (дата обращения: 12.10.2015).

10. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. — 2-е изд. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008.

11. Послание Президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 12.10.2015).

12. Рустамова Ф., Бочарова С. В Кремле перепишут закон об иностранных агентах. URL: <http://www.rbc.ru/politics/01/10/2015/560d57e59a7947360f78cbe2> (дата обращения: 8.10.2015).

13. Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx> (дата обращения: 8.10.2015).

14. Федеральный закон от 21.07.2014 N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 8.10.2015).
15. Федеральный закон от 20.07.2012 N 121-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/ (дата обращения: 8.10.2015).
16. Шабров О. Политическое управление: проблема стабильности и развития. — М.: Интеллект, 1997.
17. Gruber J. Controlling Bureaucracies: Dilemmas in Democratic Governance. — Berkeley — Los Angeles, 1986.
7. Lippman U. Obshhestvennoe mnenie / per. s angl. T.V. Barchunovoj. — М., 2004.
8. Mihel's R. Sociologija politicheskikh partij v uslovijah demokratii. — М.: Dialog, 1990. №5.
9. Obshhestvennoe mnenie v uslovijah avtoritarizma i patrioticheskoj mobilizacii / Rossiya 2014: zagadki obshhestvennogo mneniya // Levada-centr. URL: <http://www.levada.ru/old/05-02-2015/rossiya-2014-zagadki-obshchestvennogo-mneniya> (дата обращения: 12.10.2015).
10. Pareto V. Kompendium po obshhej sociologii / per. s ital. A.A. Zotova. — 2-e izd. — М.: Izd. dom GU-VShJe, 2008.
11. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju ot 12 dekabrya 2012 goda. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 12.10.2015).
12. Rustamova F., Bocharova S. V Kremle perepishut zakon ob inostrannyh agentah. URL: <http://www.rbc.ru/politics/01/10/2015/560d57e59a7947360f78cbe2> (дата обращения: 8.10.2015).
13. Svedeniya reestra NKO, vypolnjajushhih funkcii inostrannogo agenta. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx> (дата обращения: 8.10.2015).
14. Federal'nyj zakon ot 21.07.2014 N 212-FZ «Ob osnovah obshhestvennogo kontrolja v Rossijskoj Federacii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 8.10.2015).
15. Federal'nyj zakon ot 20.07.2012 N 121-FZ (ред. от 04.06.2014) «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti regulirovaniya dejatel'nosti nekommercheskich organizacij, vypolnjajushhih funkcii inostrannogo agenta». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/ (дата обращения: 8.10.2015).
16. Shabrov O. Politicheskoe upravlenie: problema stabil'nosti i razvitija. — М.: Intellect, 1997.
17. Gruber J. Controlling Bureaucracies: Dilemmas in Democratic Governance. — Berkeley — Los Angeles, 1986.

References

1. Burd'e P. Politicheskoe predstavlenie: Jeleenty teorii politicheskogo polja // Sociologija politiki / per. s fr. N.A. Shmatko. — М.: Socio-Logos, 1993.

2. Vseobshhaja Deklaracija prav cheloveka. (Prinjata rezoljuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10 dekabrya 1948 g.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 12.10.2015).

3. Grushin B.A. Mnenija o mire i mir mnenij. Problemy metodologii issledovanija obshhestvennogo mneniya. — М., 1967.

4. Gudkov L.D., Dubin B.V., Levada Ju.A. Problema «jelity» v segodnjashnej Rossii: Razmyshlenija nad rezul'tatami sociologicheskogo issledovanija. — М.: Fond «Liberal'naja missija», 2007.

5. Konovchenko S.V., Kiselev A.G. Informacionnaja politika v Rossii. — М., 2004.

6. Lapin N.I. Cennosti, grupy interesov i transformacija rossijskogo obshhestva // Socis, 1997. № 3.

Юбилей кафедры социологии семьи и демографии

История и достижения кафедры ССид

Кафедра имеет свою предысторию – в 1984 году на философском факультете МГУ при кафедре социологии труда был создан филиал по социологии семьи, просуществовавший до 1989 года. Руководил филиалом по совместительству проф. А.И. Антонов, работавший зав. отделом социологии семьи в Институте Социологии АН СССР. Студентам читались лекции по социологии семьи и рождаемости, также проводились занятия с аспирантами и на курсах повышения квалификации. Три человека защитили кандидатские диссертации – это Н.Г. Марковская (по ценностным ориентациям на семейный образ жизни), Л.В.Шибут (по проблемам семейно-демографической политики на селе), и И.В.Проневская (по качественному анализу семейно-детного образа жизни в художественной литературе России). В 1989 г. совместно с Институтом социологии на вновь созданном факультете социологии был впервые проведен советско-американский семинар по исследованию семьи. Итогом семинара стало издание монографий *Families Before and After Perestrojka* в США и в России «Семья на пороге третьего тысячелетия». В 1989 г. были проведены совместно с сектором И.В.Бестужева-Лады Института социологии международные семинары в Суздале и в Лондоне по социологии родительства.

В середине августа 1991 года был подписан ректором МГУ академиком А.А. Логуновым приказ об учреждении кафедры социологии семьи,

здоровья и социальной политики (позднее переименованной в кафедру социологии семьи и демографии - **ССиД**). В состав кафедры вошли проф. А.И.Антонов (зав. кафедрой) и доцент В.А. Борисов (1933-2005) – переведенные из Института социально-политических исследований АН СССР; доцент Г.В.Соколова, н.с. Т.В. Селезнёва и в 1992 г. доцент В.М.Медков (1945-2008) - по переводу из Центра по изучению народонаселения (экономический факультет МГУ). В начале 1990-х гг. после защиты кандидатских диссертаций, на кафедре стали работать ст.н.с. И.В. Проневская (1964-2011), ст.пр. О.В. Дорохина, позднее – доцент О.Л. Лебедь, доцент Т.Н.Новосёлова, ст.преп., В.М.Карпова, н.с., к.соц.н. Т.Н.Грудина. Далее к коллективу кафедры присоединились - доцент А.Б.Синельников (во второй половине 1990-х гг.), в середине 2000-х годов – науч. сотрудники А.А.Соколов и А.И. Арутюнов.

В 1990-е годы и в первой декаде XXI века с кафедрой ССиД, сотрудничали по совместительству и по часовой оплате, читали лекции по различным социальным наукам о семье и по семейным аспектам культурологии, этнографии, психотерапии и юриспруденции: проф. д.п.н. Л.Б.Филонов (Институт психологии РАН, лекции по психологии общения), ст.н.с., к.с.н. Н.В.Малярова (Институт социологии РАН, семейная социотерапия и тренинг), зав.сектором д.соц.н. Т.А.Гурко (Институт социологии РАН, социологические проблемы родительства), проф., д.ф.н. Э.А.Орлова (Институт культуры), вед.н.с., Т.Сиверцева (Институт востоковедения РАН, метод устной истории), гл.н.с., д.и.н. Ш.Кадыров (Институт востоковедения РАН, этническая демография), к.ю.н. Н.Н.Галкина (проректор Юридического университета, лекции по семейному праву). Читали лекции также для аспирантов и студентов по теории автономной (естественной) семьи и использованию социальных наук для семейной политики – Аллан Карлсон (США); по стратегиям выбора в брачно-семейных отношениях - Каролина Шахт (США), по изучению репродуктивных установок и принятию решений - Грир Р.Фокс (США), по проблеме понимания любви Мишель Оден (Франция), по проблемам демографии З.Павлик (Чехия) и другие ученые.

На кафедре подготовили и защитили дипломные работы специалистов, бакалавров и ма-

гистров примерно 150 человек, кандидатские диссертации - более 40 человек, в т.ч. 2 - аспиранты из Китая, 1 - соискатель из США, 1 – из Сирии, несколько человек – из стран ближнего зарубежья. При консультации с проф. А.И.Антоновым готовились докторские диссертации А.В. Носковой, С.В. Дармодехина, А.Б.Синельникова, И.В.Журавлевой, А.И.Кузьмина, Г.Цуладзе (Грузия), Л.М.Панковой, А.В.Жаворонкова, Ю.Гаспаряна (Армения) и др. Бывшие аспиранты А.И.Антонова (который является почетным гражданином городов Миннеаполиса и Литл-Рока) стали профессорами: в США – Весли Фишер (Колумбийский университет), Томас Филлипс (Бриджпортский университет), во Франции - А.А.Авдеев (университет Сорбонны), в Грузии А.Сулаберидзе – стал директором Института экономики, В.Наудужис – посол Литвы в Швеции.

Выпускники кафедры ССиД стали в дальнейшем кандидатами и докторами наук – проф. А.В.Носкова (МГИМО) и проф. Е.В. Дмитриева. Ряд выпускников кафедры посвятили себя научно-педагогической деятельности и социологической работе разного рода в фирмах (И.Палилова, В.Узик), издательствах (В.Шавлов) и др. предприятиях. Несколько выпускников кафедры работают в правительственных структурах (Е.Феоктистова, М.Гордеева), в политических партиях и организациях (Н.Г.Марковская, Л.В.Шибут). Но что особенно важно для кафедры социологии семьи - обзавелись несколькими детьми В.М.Карпова, О.Л.Лебедь, С.Оконешникова, В.Узик, И.В.Проневская, и даже приобрели статус многодетной матери Е.А.Богачихина, Е.А.Киселева, В.Малахова, М.А.Титова, А.В.-Носкова, и многодетного отца - А.Б.Синельников, А.И.Арутюнов.

Сотрудники кафедры постоянно осуществляли контакты с учеными ряда российских университетов и с зарубежными специалистами. В начале 1990-х гг. удалось организовать в Москве семинар - встречу с выдающимся австралийским демографом Дж.Колдуэллом (1925-2015), в 2008 г. с автором научных бестселлеров О.Тоффлером (США), с Президентом демографической ассоциации Канады А.Романюком (1999), ряд встреч с американским фамилистом, директором центра исследований американской семьи и редактором журнала «Семья в Америке» Алланом Карлсоном. Кафедра ССиД сотрудни-

чала с научными центрами ряда стран, в т.ч. с Миннесотским университетом (США), Йоркским университетом (Англия), Брайхэм Янг университетом (Прово, США), Католическим университетом г. Лувен-ля – Нёв (Бельгия). С 1995 г. развивается сотрудничество с Ховард Центром Семьи – Религии - Общества (Рокфорд, США). А.И.Антонов, В.М.Медков вместе с А.Карлсоном выдвинули идею Всемирного конгресса семей ВКС и в качестве членов оргкомитета готовили участие российской делегации на конгрессах ВКС в Праге (1997), Женеве (1999), Мехико (2003), Варшаве (2006), Амстердаме (2009). В сентябре 2014 г. должен был состояться У111 конгресс ВКС в Кремле, но из-за бойкота, объявленного России был запрещен выезд из США Президенту ВКС А.Карлсону. Российскому оргкомитету ВКС, также подвергнутому санкциям, удалось лишь провести Международный Форум «Многодетная семья и будущее человечества».

В первой половине 1990-х годов практически было прекращено финансирование научно ориентированных выборочных социологических исследований. Поэтому сотрудники КССИД сосредоточились на подготовке учебников. В 1996 г. в из-ве «Братя Карич» МУБИУ вышел в свет первый российский учебник «Социология семьи», написанный А.И.Антоновым и В.М.Медковым, повлиявший на преподавание этого курса в регионах России. Первый постсоветский учебник демографии был издан в 1998г. В.А.Борисовым (2-е изд.2000, 3-е и 4-е в 2002 и 2004 гг., затем учебник «Демография» В.М.Медкова в Ростове-на – Дону (2000г.), «Введение в демографию» (М.2006) и фундаментальный учебник «Демография» (М.Инфра-М., 2004, 2005, 2007 гг.). В 2005 г. в серии «Классический университетский учебник» издан коллективный учебник «Социология семьи» под ред. А.И.Антонова (2-е и 3-е издания в 2010, 2012 гг.) и в 2011 г. опубликованы «Лекции по демографии» (М.Академический проект, 2011) А.И.Антонова и В.А.Борисова (в настоящее время готовится второе дополненное издание). Сотрудники ССИД активно участвовали в подготовке справочника «СЕМЬЯ: 500 вопросов и ответов» (1992), Демографического справочника «Население мира» (1989), энциклопедического словаря «Народонаселение» (1994), «Социальной энциклопедии» (2000), «Социологической энциклопедии» (2004), Демографической энциклопедии (2013), являются авторами статей в Большой Российской Энциклопедии (2015) и других справочных изданиях.

Всего издано 7 энциклопедических трудов, 7 учебников и 7 учебных пособий, 30 монографий (в т.ч.3 – переводы зарубежных ученых) и сборников статей и докладов, в США вышли три книги в соавторстве с сотрудниками кафедры. Наиболее значимыми являются пять сборников научных трудов, опубликованных в 2009 г. к двадцатилетию факультета – Демографические исследования, Мониторинг демографической ситуации в России, Фамилистические исследования (т.1 - Социологический анализ литературных и фольклорных текстов; т.2 - Миллион мнений о семье и о себе), Семья и вера в социологическом измерении, а также монографии А.И.Антонова, В.А.Борисова, А.Б.Синельникова, В.М.Медкова, Е.Н.Новоселовой, А.В.Носковой, М.А.Титовой.

В начале 1990-х годов исследовательская работа кафедры ССИД была сосредоточена на качественном анализе в т.ч. на контент-анализе имиджа семьи и брака, супружеских и семейно-родственных ролей в массовом сознании, подверженном воздействию СМИ и рекламы. Также изучались с позиций фамилистической парадигмы брачно-семейные темы и проблемы в контексте передач радио и ТВ, произведений живописи и художественной литературы, детской поэзии, литературных сказок и малых форм фольклора¹.

Научно-исследовательская работа на основе опросов населения и анкетного метода по грантам РГНФ, РФФИ, фонда народонаселения ООН, фонда Сороса, поддержке Общественного Совета Центрального Федерального Округа РФ, фонда Андрея Первозванного велась с 1997г. по 2014 г. Проведено полтора десятка локальных, межрегиональных и всероссийских исследований выборочного свойства, среди которых следует прежде всего выделить:

1) межрегиональное исследование «РОССИЯ 2000» в 7 округах РФ, опрошено в 1999-2001 гг. 1430 чел., в т.ч. 1269 женщин с 1 ребенком 38%, с 2-мя детьми 46%, с 3 и более - 14.3%;

2) опрос в Москве «Семья и Библия» в 2001 г. 997 чел. в т.ч. 787 женщин;

3) «Урал 2001» социально-педагогический эксперимент с повторными опросами 226 юной и девушек;

4) «ЯНАО 2004» - опрос 1700 старшеклассников и студентов Ямало-Ненецкого Округа;

5) «Сельская семья 2004» - одновременный опрос по трем вопросам отцов, матерей и подростков 1000 семей в 17 регионах РФ – итоги межрегионального опроса представлены в монографии А.И.Антонова «Семейный образ жизни в сельской России» (2007);

6) «РОССИЯ 2007» - всероссийский опрос 1002 женщин от 18 до 40 лет по проблемам репродуктивного здоровья (исходам беременности) и вопросам здравоохранения в 65 населенных пунктах 7 округов РФ - репрезентативный по отношению к генеральной совокупности;

7) межрегиональный опрос по трем вопросам «СЕМЬЯ, РЕЛИГИЯ, ДЕТИ - 2006» 1100 верующих, представляющих три конфессии – православную, иудейскую и мусульманскую; итоги приведены в коллективном труде «Семья и вера в социологическом измерении». М.2009;

8) «МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ 2007» - региональный опрос 947 состоящих в браке матерей в 10 городах РФ с тремя детьми 56%, с 4-мя -22.3% и с 5 и более -21.7%;

9) «СЕМЬЯ И ОНКОЛОГИЯ: 2009-2013» - междисциплинарный и межрегиональный опрос (совместно с учреждениями Минздрава) относительно репродуктивных ориентаций 1131 матерей и 167 отцов с онкологически больными детьми из 78 населенных пунктов при высоком сходстве женской выборки с демографической структурой совокупности респондентов в исследовании РОССТАТА 2009 года;

10) Исследование семейных ценностей и репродуктивных ориентаций в 10 регионах РФ совместно с Институтом социологии РАН (и уфимским филиалом), также научным центром фонда Андрея Первозванного «РОССИЯ 2014» - опрошено 2169 чел. (1330 женщин и 831 мужчина), в 2015 г. опрошено 837 респондентов в Московской области и Уфе. Первые результаты анализа опубликованы в книге «Семья, дети – жизненные ценности и установки». Отв. ред. А.И.Антонов. М.2015;

11) исследование образа жизни семьи совместно с кафедрой социологии УГАТУ «МНОГОДЕТНАЯ УФА 2015» - опрошено 325 много-

детных матерей по специальной фамилистической анкете;

12) лонгитюдное исследование индексов совместимости брачных пар с помощью методик, основанных на технике семантического дифференциала (около 1000 тестов);

13) контент-анализ и фреймирование 150 телефильмов и сериалов, показанных весной 2011 г. в прайм-тайм по 4 ведущим каналам ТВ для определения степени их семейноцентризма (результаты опубликованы в кн. «Кино и коллективная идентичность» М.: ВГИК, 2014).

Сотрудники кафедры, наряду с педагогической и научно –исследовательской работой уделяют большое внимание популяризации социолого-демографических знаний, регулярно участвуя в радио и телепередачах, публикуя статьи в СМИ и призывая к активизации семейно-демографической политики по укреплению и распространению семьи с несколькими детьми.

Начиная с 1990-х годов, сотрудники кафедры ССИД являлись экспертами Совета Федерации РФ, активными участниками и организаторами круглых столов по проблемам семейно-демографической политики в Госдуме РФ, в Общественной Палате и др. организаций, членами общественных советов партий «Яблоко» и «Жизнь», членами рабочих групп межведомственных комиссий Минсоцзащиты, Комитета по делам семьи, Минтруда и Минздрава. Кафедра ССИД последовательно отстаивает принципы свободы выбора любого типа демографического поведения, настаивая на стимулировании семьи с тремя-четырьмя детьми во имя устранения убыли населения и достижения режима простого воспроизводства населения.

Материал подготовил А.И.Антонов - заслуженный профессор МГУ, серебряная медаль и премия им. Питирима Сорокина, золотая медаль за вклад в демографию, почетный работник высшего образования, заведующий кафедрой Социологии семьи и демографии

Ссылки:

1 Результаты этих исследований представлены в книге «Фамилистические исследования. Том 1. Социологический анализ литературных и фольклорных текстов. Отв. ред. А.И.Антонов. М. Книжный Дом Университет. 2009 г.

Опыт применения метода СД в массовых социологических и демографических опросах 1976 – 2015 гг.

Антонов А. И.

На основе теории измерения установок и результатов социологических исследований установок детности, в статье описывается опыт применения автором метода СД к изучению репродуктивных установок. Кратко излагаются особенности техники СД и анализируются различия в отношении к семьям с разным числом детей по массовым опросам в 1976-2000-2015 гг.

Ключевые слова: репродуктивные установки, шкалирование установок, объект оценки, семантический дифференциал, шкалы антонимов, семь градаций оценивания, семантическая дистанция, профили детности, позитивный и негативный эталоны детности, внесемейные ориентации, фамилизм, просемейные ориентации

Antonov A. I.

The Use of semantic differential dimensions in sociological and demographic surveys 1976-2015s

This article provides the theory dimension and research in the broad area of study labeled attitude change and attitude to number of children. Its includes a brief summary of the state of research at the 1976-2015s, examines specific aspects of attitudes toward the size of family and reviews several of the methodological issues which have been discussed in relation to the use method of semantic differential in interdisciplinary perspective (in sociology and demography studies).

Key words: reproductive attitude, attitude scaling, semantic space and distance, semantic differential scales, seven graduals of relation, pro and contra families of orientations, the object to evaluate, values of children, the familism, empirical methods to evaluate of number of children, index of number of children, graphic form of Osgoods SD, positive and negative patterns of size of family.

Техника семантического дифференциала СД используется в нашей стране в лингвистике, искусствоведении, психологии и социологии (в проекте Б.А. Грушина «Общественное мнение») с середины с 60-х годов. Процедура СД возникла не без влияния психофизики, где для построения семантического сходства значений разных слов методом субъективного шкалирования использовалась математическая обработка данных градуальных шкал и схематическое изображение оцениваемых объектов в двумерном семантическом пространстве [2, с. 59-60]. Метод СД для измерения значений вербальных знаков, был разработан в 1952 г. Чарльзом Осгудом [1] и получил широкое распространение в различных отраслях научного знания. Слова оцениваются по семи градациям интенсивности с помощью целого ряда биполярных шкал, представляющих собой пары антонимов.

Как оказалось оценки объектов по отдельным шкалам коррелируют друг с другом, образуя группировки, названные факторами (Ч. Осгуд в ходе факторного анализа выделил три фактора «оценки - активности - силы»). Переход от многократного описания объектов по признакам, заданным шкалами антонимов к описанию трехфакторному, инвариантному совокупности всех шкал входящих в каждый из факторов, позволяет определить так называемое коннотативное значение объекта. В нем еще не четко обособлены когнитивные и аффективные компоненты субъективного или личностного отношения к объекту, т.к. эта взаимосвязь

шкал в одном факторе обеспечивается синестезией. Данный психологический механизм позволяет придать музыкальному переживанию цветовую окраску или в поэтическом тексте как бы сблизить посредством метафоры несопоставимые образы. Ч.Осгуд и его последователи, нацеленные на измерение самого значения знака или слова исследовали новые группировки шкал и нашли новые факторы, такие как новизна - сложность - гендер, изучили возможности интерпретации отдельных шкал при оценке семантической дистанции между различными объектами, занялись анализом семантического пространства, проблемами совершенствования процедур СД.

Наиболее интересными с точки зрения социологии поисками явились итоги оценивания семантических классов или тематических понятий, связанности их со шкалами антонимов. Например, при шкалировании политических терминов три осгудовских фактора слились в один. В исследовании тезауруса личности (я, ты, брат, родители, друг и т.д.) были выявлены не только новые факторы, но и зависимость факторной структуры от круга шкалируемых понятий. Так для объекта «мать» шкала «хорошее-плохое» будет коррелировать с полюсами шкал «теплое - мягкое - нежное» и должна стремиться к ослаблению связи со шкалами «абстрактное-конкретное», «простое-сложное». Для понятия «атлет» заметен рост корреляции со шкалой «сильное-слабое» и снижение корреляции со школой «доброе-злое». Подобные частные СД, семантические пространства характерны для обыденного сознания, определяющего восприятие событий и объектов социальной реальности. В массовом сознании могут наблюдаться поэтому «домашняя физика», «наивная медицина» и «своя демография». Разновидностью частных семантических полей являются «личностные семантические дифференциалы», построенные на основе антонимов, обозначающих черты личности и характера [2, с.67]. Психолог В.Ф.Петренко, обобщая свой опыт работы, пришел к выводу, что «дальнейшая адаптация личностного СД должна идти по линии построения семантических пространств для различных социальных популяций... и в этой своей функции СД может быть использован как инструмент исследования форм массового сознания» [2, с.68].

В социологии, ищущей надежные средства измерения установок в сравнении с прямыми, лобовыми опросами, техника СД оказалась популярной благодаря фиксации именно эмоциональной, аффективной стороны значения. СД измеряет значение понятий и слов ДЛЯ определённого человека или ДЛЯ группы людей, общностей и разного рода совокупностей населения, что способствовало широкому проникновению этой техники в социальную психологию и социологию. Возможности СД как разновидности проективного тестирования описаны В.А.Ядовым [3], опыт использования в опросах читательской аудитории прессы изложен Т.М.Дридзе [4], особенности применения СД в социологии представлены в [6], практика анализа репродуктивных и фамилистических установок, а также измерения супружеской совместимости описана в работах А.И.Антонова [5].

Как известно, тестирование по СД представляет собой оценивание респондентом по набору биполярных шкал или пар антонимов различных вербальных объектов. Процедура оценки осуществляется в пределах семи градаций шкалы. Например, слово «семья» можно оценить по нескольким шкалам следующим образом. Респондент должен отметить свою реакцию крестиком или галочкой на семи-точечном континууме. Если кажется, что семья это нечто активное, то делается отметка слева от 4 (нейтрального отношения) и если очень активное отмечается 1, умеренно - 2 и еле активное - 3. Предпочитая «пассивное» ставят 5 - если слабо пассивное, 6 - средне и 7 - сильно пассивное.

Часто эти градации между двумя полюсами обозначают иначе: 3 (сильно), 2 (средне), 1 (слабо) активное, 0 - неопределенное отношение и 1, 2, 3 выражают разную степень пассивности. Точно также производится оценка и по остальным шкалам - антонимам: твердое 3 2 1 0 1 2 3 мягкое, холодное - теплое, светлое-темное, медленное-быстрое, сильное-слабое. На выборке, допустим из 100 респондентов, можно оценить ряд слов, таких как БРАК, РАЗВОД и т.п. и определить различия в восприятии этих слов. Сравнивая «развод» и «брак» по 6 выше названным шкалам имеем максимальную дифференциацию между этими словами, если «развод» получит крайние баллы -3 справа от 0 по всем шкалам, а «брак» также 3, но слева от 0. Семантическая дистанция между объектами

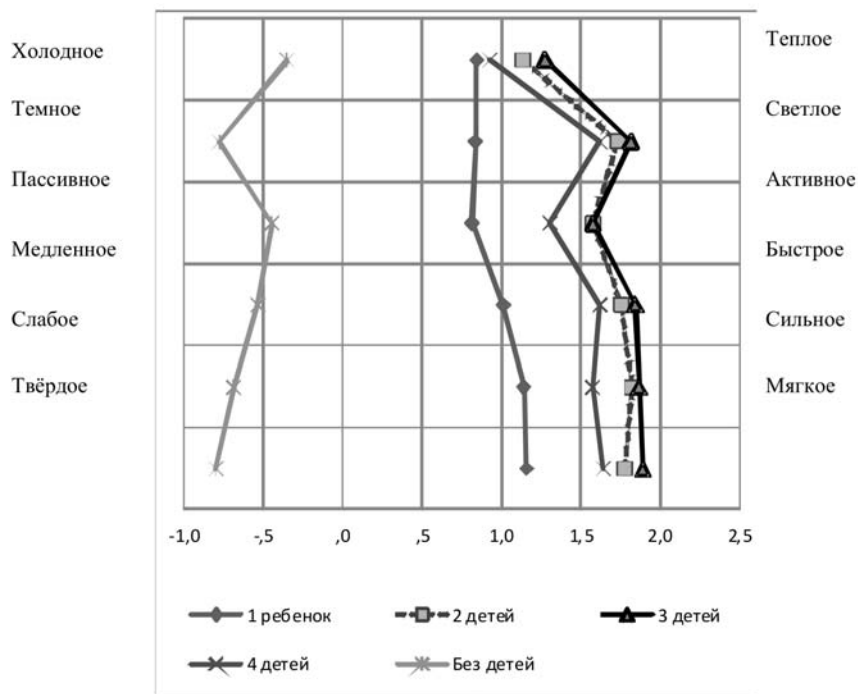

Рис. 1. Профили разных чисел детей по опросу 390 респондентов методом СД в межрегиональном исследовании 2014 г.

оценки равна 6 (+3 - /-3/), возводим 6 в квадрат =36, суммируем по 6 шкалам=216, извлекаем квадратный корень и в итоге максимальная дифференциация составит 14.7. Минимальная дифференциация будет около 2.5, если дистанция по каждой шкале равна 1. В случае полного сходства слов величина СД семантического дифференциала окажется нулевой, а величины СД от 0 до 2.4 покажут близость значений сопоставляемых объектов. Таким образом, можно определять различия между предъявляемыми объектами применительно к отдельному человеку, между несколькими людьми, по выборке в целом, по каким-то группам внутри выборочной совокупности - по образованию, доходу, социальному положению и т.д.

Условно можно выделить 6 зон дифференциации различий между сопоставляемыми объектами по величине СД:

1. Минимальные различия от 0 до 2.49;
2. Небольшие различия 2.50 - 3.99;
3. Средние различия 4.00 - 4.99;
4. Большие различия 5.00 - 7.29;
5. Очень большие различия 7.30 - 9.99

6. Максимальные различия 10.00 - 15.00

На рис. 1 показаны профили объектов, оценивавшихся в межрегиональном исследовании 2014 г. На рисунке видно, что объекты оценки «1, 2, 3 и 4 детей в семье» тяготеют к правой части шкал, тогда как «семья без детей» - к левой части. Поскольку бездетность в большинстве обществ и культур оценивается негативно, можно считать, что левые половинки антонимов являются как бы «отрицательными», а правые - «положительными», хотя сами по себе эти шкалы не имеют четко выраженной позитивной либо негативной валентности.

На рис. 1 видно, что профиль однодетности, хотя и располагается в позитивной части шкал, но тяготеет к негативному полюсу - к бездетности, тогда как профили 2, 3 и 4 детей близки друг другу. Изображение профилей разных чисел детей наглядно показывает различия между разными уровнями детности. Так разница между профилями 2-х, 3-х, 4-х детей и бездетностью составляет более 4 градаций, тогда как расстояния на графике между 2-3-4-мя детьми незначительны и о различиях между ними лучше судить по величинам СД.

Таблица 1
Дифференциация установок детности по СД среди 101
однородных женщин в опросе «Россия 2014» (выборка
390 чел.).
Источник: Семья, дети - жизненные ценности и уста-
новки. М., 2015. С. 188.

	0	4	3	2	1
0		7.05	7.39	7.03	5.59
4	7,05	--	2,14	3,29	4,25
3	7,39	2,14	--	2,38	3,72
2	7,03	3,29	2,38	--	2,73
1	5,59	4,25	3,72	2,73	--

Расчет величин СД между бездетностью и
однородностью, 0 и 2, 0 и 3, 0 и 4 позволяет в
табличной форме представить дифференциацию
отношений респондентов к указанным объектам.
В таблице 1 приведены величины СД среди 101
однородных респондентов (из выборки 390 жен-
щин), где показана дифференциация между чис-
лами детей от 0 до 4. Если бы это были просто
цифры, тогда величина СД между 1 и 2 была бы
меньше 1-3, 1-4, 1-5, но наименьшей по арифме-
тической величине было бы СД 0-1.

Однако в табл. 1 в последней строке на са-
мом деле величина СД 0-1 оказалась наиболь-
шей - 5.59. Значит здесь не просто 0, а бездет-
ность как социокультурный феномен, как со-
циально-ценностная значимость негативного
типа. Точно такая же картина и по строке вто-
рой снизу, где СД между 0 и 2 равно 7.03 т.е.
значительно больше остальных величин СД.
Аналогично положение с дифференциалами в
третьей и четвертой строчках таблицы. В пер-
вой строке таблицы даны сопоставления без-
детной семьи со всеми числами детей – здесь
все величины СД больше, чем между 0-1. Други-
ми словами, тут больше семантическая дистан-
ция между оценками нескольких детей в семье и
бездетностью как своеобразным полюсом или
же эталоном негативности.

Можно предположить, что антиподом по-
люса негативности – бездетности – является
понятие «дети» вообще (как цветы жизни, как
символ бытия и т.п.). И поэтому целесообразно
оценивать разные числа детей в семье в соотне-
сении также с позитивным эталоном «дети» и
негативным эталоном «бездетная семья». Вели-
чина СД между эталоном «Дети» и любым чис-
лом детей в семье показывает значимость от-
дельного числа детей для респондентов.

Чем арифметически ниже величина СД (чем
ближе к 0), тем выше социально-психологиче-
ская значимость этого числа детей. С другой сто-
роны, сравнение с негативным эталоном пока-
зывает, что чем арифметически больше величи-
на СД между эталоном и конкретным числом
детей в семье, тем больше дистанция между
ними, тем дальше удаляется данное число де-
тей от полюса негативности (максимальное раз-
личие примерно 15.0).

**Если какое-либо число детей в семье
получает наименьшее арифметическое
значение СД при сопоставлении с пози-
тивным эталоном и одновременно наи-
большее значение СД в сопряжении с
негативным эталоном, то это означает,
что ориентация на данное число детей в
рассматриваемой выборке является пре-
обладающей.** И чем точнее изучаемая выбо-
рочная совокупность представляет генеральную
совокупность, тем вероятнее вербальная уста-
новка на это число детей отражает имеющуюся
у населения потребность в детях.

С социолого-демографической точки зре-
ния важно знать, каково различие в массовом
сознании населения между фамилистическими
полюсами позитивности и негативности, оста-
ется ли оно неизменным во времени или меня-
ется, и как именно? Исходя из теории репро-
дуктивного поведения и исторического ослаб-
ления потребности семьи в детях, следует ожи-
дать снижение положительного потенциала со-
циальной ценности семьи и детей, и постепен-
ное угасание отрицательной валентности вне-
семейных феноменов.

В связи с этим сожителства, разводы, без-
детность, аборт, отказы от детей и прочие
проявления альтернативных семье и браку форм
жизни, рассматривавшиеся в прошлом как от-
клонения от общепринятых норм, должны всё
чаще получать одобрение и распространяться
всё шире в качестве не пороков, а новых правил
поведения.

В нашем распоряжении имеются данные
исследований не только 2014 года, но также
данные опросов 2015 года в Уфе и Московской
области, исследований в Москве в 1976 г. и в
1978 г., межрегионального опроса «Россия
2000». Таким образом, можно проследить за
изменениями семейно-детных ориентаций по
величинам СД и по показателям предпочитае-

мого числа детей на протяжении 1976-2015 гг., т.е. в течение 40 лет.

Надо сказать сразу, что существенные изменения, судя по измерениям величин СД между оценками семей с разным числом детей, произошли в конце XX века – за 25 лет, с 1976 г. по 2000 г. В период между 2000-2015 гг. направленность изменений сохранилась, но сами ориентации на семью и детей, судя по арифметическим значениям СД, варьировали незначительно. Господствующими тенденциями были следующие: репродуктивные установки на среднетность и многодетность слабели, т.е. на семью с несколькими детьми, а на однодетность и бездетность – усиливались.

Подобные тренды изменения всех семейно-детных ориентаций связаны с сокращением семантической дистанции между положительным объектом ДЕТИ и отрицательным эталоном 0 ДЕТЕЙ. Величина СД между ними в 1976 г. равнялась 14.39 в 2000 г. -8.60., в 2015 г. - 8.40 при максимальном различии 21.0 для 13 применявшихся шкал в 1976 г. и 15.0 для 6 шкал, т.е. различие сократилось с 70% до 57% и 56% - на 13 и 14%. Это значит, что в семантическом пространстве вышеназванные эталоны двинулись навстречу друг другу, постепенно сближаясь.

Чем меньше дистанция между ними, тем меньше позитивная валентность «детей» и негативная – «бездетности». В контексте шкалирования это значит, что ДЕТИ как позитивный объект получавшие в 1976 г. по семи градациям шкалы больше позитивных баллов 3 и 2, в последующем стали получать больше умеренных 1 и нейтральных 0 баллов. Этот эталон, тяготеющий к положительному полюсу шкалы (теплое, активное, одобряемое и т.д.), таким образом, стал удаляться от него. При этом профиль объекта «0 детей», смещённый в прошлом в сторону отрицательного полюса шкалы и с преобладанием градаций -2 и -3, в 2000-2015 гг. стал двигаться к позитивному полюсу через градации 0 и 1.

По данным величин СД табл. 2¹ видно преобладание в 1970-е годы у москвичек с разной фактической детностью контрастного мышления, детоцентристского сознания. Ориентация на двухдетность свойственна всем респондентам, причём установка на одного ребенка предпочтительней, чем на трех и более детей (за исключением трехдетных). Если рассматривать при

Таблица 2

Величины дифференциалов между эталоном ДЕТИ и числами детей в семье (исс. Москва-1976, 257 чел.)

Сопоставляемые Объекты	Всего 257	Бездетные 21	Однодетные 116	Двухдетные 60	Трехдетные 60
Дети- 1 ребенок	8.15	3.51	3.34	5.45	6.61
Дети- 2 детей	5.45	1.51	1.85	1.52	2.20
Дети- 3 детей	8.45	5.50	7.20	7.81	3.95
Дети- 4 детей	10.41	7.61	9.33	9.25	7.24
Дети – 0 детей	14.39	10.16	11.74	11.99	12.70
ИНДЕКСЫ					
Желаемое число	2.79	2.40	2.37	2.85	3.57
Идеальное ч.д	2.39	2.34	2.22	2.52	2.54
Ожидаемое ч.д	2.31	1.90	2.21	2.00	3.16

этом профили по градациям шкал, то положительный эталон «Дети» окажется на позитивном полюсе оценок, а отрицательный эталон «0 детей» - на противоположном негативном полюсе.

Интересно, что именно у бездетных самая низкая величина СД между «Дети - 0 детей» - 10.16. Они если и не занижают ценность объекта ДЕТИ, то, несомненно, с большим так сказать пониманием относятся к бездетности. У трехдетных респондентов наибольшее арифметическое значение СД -12.70. На континууме жизненных ценностей фамилизма бездетность дальше всех отстоит от позитивного образца ДЕТИ.

Таким образом, различие между позитивным и негативным эталоном весьма большое, и оно уменьшается при снижении фактического числа детей в семье (у двухдетных СД -11.99, у однодетных -11.74) . Об этом можно сказать иначе – чем сильнее фамилистическая направленность жизненных ценностей, тем больше контраст между эталонами позитивности и негативности, тем выше положительная значимость детей в семье и негативнее отношение к бездетности.

Среди двухдетных респондентов самая высокая оценка двухдетности (1.52) и среди трехдетных – семьи с 3 детьми (3.95), т.е. по степени сходства с эталоном позитивности. У однодетных явно выраженная установка на двухдетность, что согласуется с индексами желаемого и ожидаемого числа детей. Иная ситуация у двухдетных – при высоких индексах желаемого числа они реально ожидают не более двух детей в семье, что подтверждается величинами СД (установка на двоих детей 1.52, а на трех – в 5 раз слабее (7.81).

В 2015 г. было опрошено в Уфе 325 женщин (с 3 и более детьми-89.0%, с 2 - 8.1% и с 1 ребенком - 3%). Интересно, что своим детям советуют иметь меньше: 3-х и более детей - 48.6%, 2-х и менее - 51.3%, при этом считают желаемым числом детей при всех необходимых условиях троих-46.8%, четверых - 20.3%, пять и более - 25.5%, двоих и менее - 7.1%.

Рассмотрим величины СД между разными числами детей в этой выборке: ДЕТИ-0, 1, 2, 3 соответственно 10.81-6.92-3.87-2.48 (любопытно, что эти цифры в подвыборке трехдетных из опроса 2015г. в Уфе и Московской области 837 респондентов соответственно были 9.97-6.57- 5.72-4.50, т.е. ориентации на 3-х и более детей у них слабее). В опросе 2000 г. среди 207 трехдетных матерей величины СД следующие: 8.83-4.68-5.44-4.59, и оказались вновь ориентации на многодетность слабее, чем в выборке 325 женщин.

Более того, в опросе 1976 г. среди 61 трехдетных женщин рассматриваемые ряды СД составили 12.70-6.61-2.20-3.95. И снова интенсивность ориентаций на многодетность хотя и сильна, но менее значима, чем в выборке уфимских многодетных матерей. Возможно, здесь сказывается влияние просемейной политики последних лет, продление действия материнского капитала еще на 2 года - до 2018 г. Во всяком случае, фактически многодетные матери, стремящиеся к реализации своих фамилистических установок независимо от любых условий жизни, демонстрируют устойчивость и побудительную силу подлинных установок на трех и более детей в семье. Женщины с меньшим числом детей не обладают подобной готовностью к реализации декларируемой ими потребности в детях и как правило, ссылаются на разного рода жизненные трудности.

По Ч.Осгуду, установка к объекту суживается до элемента значения этого объекта. Так два респондента могут придавать различное значение слову «семья» и одновременно иметь одинаковые установки к семье. Подобное возможно, если «установка» относится к отдельной шкале, а в совокупности все применяемые пары антонимов описывают коннотативное значение оцениваемого вербального объекта.

Преимущество техники СД перед другими методами измерения, шкалирования установок (по Терстоуну и Лайкерту) заключается в том, что оставаясь в тех же универсальных рамках оценки «хорошо – плохо» СД выражает значение этого всеобъемлющего отношения широко и *множественно*, подчеркивая различные оттенки и специфические нюансы процедуры оценивания. В шкалограммном анализе, как отмечала Г.М.Андреева в своей классической монографии, шкалы строятся по критерию оценки, представленному *единственным* образом на *одном-единственном* континууме «согласен-несогласен» либо «нравится-не нравится»².

Существенным недостатком шкалирования и метода СД является то, что измеряются вербальные установки, а не установки действия. Результаты поведения часто противоречат ранее выявленным ориентациям и мнениям о предполагаемом в будущем поведении. Отсутствие соответствия вербального и невербального поведения показано в эксперименте Лапьера, привлекающего внимание к проблеме обоснованности измеренных вербальных установок.

Однако нельзя использовать шкалы по измерению вербальных намерений в качестве индикаторов побуждений, готовности к действию.³ Требуются эмпирические доказательства того, что существует тесная корреляция между оценкой вербальных объектов как хороших, важных, полезных для респондентов и желательностью их (объектов) для самих ценителей – оценщиков.

Поэтому нужны шкалы, непосредственно измеряющие установки действия. Техника СД не является таковой и вряд ли ею станет за счет включения в набор шкал тех пар антонимов, что прямо ориентированы на мотивы, побуждения, на готовность к действиям. Тем не менее, метод СД в сфере социологической демографии (где настоятельна необходимость в определении не просто ориентаций на число детей в семье, а намерений реализовать заявленные предпочте-

ния к «заветному» числу детей) обладает двумя достоинствами в сравнении с показателями статистики мнений о числе детей. Практикуемые ныне в социологии населения и в демографии желаемые, идеальные и ожидаемые числа детей⁴ выражают репродуктивные предпочтения в дробных цифрах, что противоречит здравому смыслу. Люди говорят о желательности одного или двоих или троих детей, но не 1.6 либо 1.2 ребенка. Техника СД позволяет выявлять ориентации на целые числа детей, одновременно определяя интенсивность этих ориентаций, степень сходства с позитивным эталоном детности. Чем меньше арифметическая величина СД, тем больше тождества между конкретным числом детей и положительным образцом.

При сравнении с негативным эталоном, чем больше величина СД, тем больше семантическая дистанция между объектами, тем меньше сходства между ними и заметнее различие. Суть техники СД именно в фиксации степени тождества или различия сопоставляемых объектов. В какой мере близость какого-либо оцениваемого числа детей к позитивному эталону характеризует готовность реализовать это число нельзя сказать определенно.

Однако, с конвенциональной точки зрения, можно считать сходство с позитивным чем-то хорошим для себя, т.е. полезным (добрым, истинным, важным, красивым, приятным, любимым и т.д.). Но нечто ценное для нас одновременно и притягательно, понятие ценностной ориентации как бы характеризует это притяжение, сопрягаясь с побуждением к этой ценности, с мотивацией к её достижению.

В социологии рождаемости и семьи принято сопоставлять предпочитаемые в семье числа детей с фактической детностью респондентов. При этом информация среди однодетных о доли ориентированных на двоих и более детей, среди двухдетных – на троих и более детей может иметь прогностический характер⁵. Так, среднее желаемое число детей 2.79 в исследовании «Москва-1976» (259 опрошенных) создает впечатление будто многие хотят иметь семью с тремя детьми, тогда как среди двухдетных ориентация на трехдетность незначительна – лишь 7% на самом деле хотят третьего, а реализуют это свое намерение тем более не все⁶.

Как известно, сейчас в России две трети семей имеют одного ребенка, около трети – дво-

их детей и примерно 6% троих и более детей. Ни одно из множества исследований в нашей стране за последние десятилетия ни разу не зафиксировало, чтобы ориентации на однодетную семью были столь высокими.

Даже по ожидаемому числу ориентации на однодетность не превышают 35-40% по выборке в целом, а среди бездетных, обычно и того меньше. Это значит, что фактическая однодетность, как правило, есть итог блокирования ориентаций на нескольких детей в семье, неполной реализации потребности населения в двух и более детях. Вместе с тем, в последние годы в итоговую однодетность растёт вклад тех, кто хотел лишь единственного ребенка и удовлетворил эту свою мини-потребность.

Фактическая двухдетность складывается из частичной реализации потребности в двух и более детях и из полностью удовлетворенных установок на двоих детей в семье. Фактическая трехдетность – результат реализованных установок на троих детей плюс итог неполного удовлетворения потребности в трёх и более детях, блокирования её.

В идеале неплохо было бы располагать эмпирическими данными о вкладе в фактическую детность реализованной потребности и заблокированных установок. Трудность измерения этих параметров ведёт к тому, что недооценивается вклад потребности в детях в рождаемость и преувеличивается роль блокирования, трудностей и помех к рождению.

В социолого-демографических исследованиях с помощью процедуры СД можно расширить возможности интерпретации индексов предпочитаемого числа детей. Применение этих двух методик по принципу взаимной дополненности позволяет углубить анализ установок детности и их дифференциации по ряду социальных и демографических признаков.

В табл. 3 даны балльные оценки 0-1-2-3 детей в семье по двум сопоставимым в трех опросах шкалам активное – пассивное и теплое-холодное. Минусовые (условно) оценки относятся лишь к *бездетности*, причем самые высокие арифметически баллы наблюдаются в 1976 г. (-1.95 и -1.62), превышая в несколько раз аналогичные отметки по опросам 2000 и 2014 гг. (эти различия характеризуются высокой статистической значимостью, как показано в табл. 3А).⁸ Подобная контрастность между опро-

Таблица 3

Средние оценки разных чисел детей в семье (по градациям 3210123) от +3 до -3 по двум шкалам АКТИВНОЕ-ПАССИВНОЕ и ТЕПЛОЕ-ХОЛОДНОЕ в исс. 1976 – 2000 -2014 гг.⁷

Год проведения исследования (1 - 1976, 2 - 2000, 3 - 2014 гг.)	0 активное-пассивное	0 теплое-холодное	1 РЕБЕНОК активное-пассивное	1 РЕБЕНОК теплое-холодное	2 ДЕТЕЙ активное-пассивное	2 ДЕТЕЙ теплое-холодное	3 ДЕТЕЙ активное-пассивное	3 ДЕТЕЙ теплое-холодное
1976 (229ж)	-1,62	-1,95	1,64	1,76	2,26	2,53	2,07	2,00
2000 (670ж)	-,20	-1,13	,48	1,02	1,95	,71	,66	,48
2014 (292ж)	-,60	,61	,73	,88	1,40	1,46	1,48	1,55
В среднем	-,57	-,87	,76	1,13	1,88	1,23	1,13	1,03

Таблица 3А

Статистическая значимость средних оценок чисел детей (+++ или -95%, ++ или -90%, + или -80%, +/- менее 80% незначимо) по градациям 1234567 (активное-пассивное, теплое-холодное)

год проведения	0 акт	0тепл	1акт	1тепл	2акт	2тепл	3 акт	3тепл
4и 0+- средние	3,43	3,13	4,76	5,13	5,88	5,23	5,13	5,03=4+1.03
из табл. 3								
1976	---	---	+++	+++	+++	+++	+++	+++
2000	+++	---	---	+-	+-	---	---	---
2014	+-	+++	+-	--	---	+	++	+++

сом 1976г. и другими опросами сохраняется и в рядах условно позитивных оценок, причем самые высокие арифметические баллы в 1976 г. относятся к двухдетности по шкалам теплоты - 2.53 и активности - 2.26. Несколько ниже оценки по отношению к трехдетности, и ниже всего - к однодетности. Другими словами, в 1976 г. самые «теплые» и «активные» баллы по градациям 3210123 относятся к двухдетности, затем к трехдетности и однодетности, и негативные - к бездетности («холодной» и «пассивной»).

Опрос 2000 г. показывает раскол балльных оценок по шкалам активности и теплоты - самое теплое отношение к однодетности (1.02 в 2 раза больше, чем к трехдетности - 0.48 и в полтора- к двухдетности 0.71), тогда как по шкале активности сохраняется тренд 1976 г. В опросе 2014 г. и по теплоте и по активности предпочтение отдаётся трехдетности (1.55 и 1.48) и двухдетности (1.46 и 1.40). Снижается позитивная балльная оценка однодетности в сравнении с 2000 и 1976 гг. и неожиданно по шкале теплоты минусовая оценка бездетности сменяется на плюсовую, при этом снижается балл по шкале «пассивное». Судя по табл.3А указанные выше тренды статистически значимы

в 20 из 24 индексов, - незначимы данные столбцов 1,3,4 и 5.

Представляет интерес анализ влияния фактической детности респондентов на балльные оценки по шкалам - антонимам (см.табл.4 и 4А). Респонденты, уже имеющие троих детей в 1976 г. дают самые высокие баллы трехдетности по теплоте и активности (затем двухдетности и однодетности, и негативные - бездетности). Чуть ниже баллы троим детям дают и бездетные респонденты, которые превышают также оценки двоих детей двухдетными и одного ребенка - однодетными. Однако у них самые низкие баллы в сравнении с другими типами фактической детности по шкалам «пассивное» и «холодное». По опросу 2000 г. бездетные ведут себя иначе - у них самая высокая оценка трехдетности (выше в 2 с лишним раза, чем у трехдетных), по активности выше, чем у двухдетных (2.80 против 2.11) и по теплоте такая же; в сравнении с однодетными чуть ниже - по активности и заметно выше по теплоте. Разумеется, бездетные свою бездетность оценивают слабее в два раза по шкале «холодное» (-0.64), чем остальные группы и что симптоматично - отказываются от негативной оценки по шкале активности, переходя к позитивным баллам (+1.09).

Таблица 4

Средние оценки разных чисел детей в семье по градациям 3210123 шкал АКТИВНОЕ-ПАССИВНОЕ, ТЕПЛОЕ-ХОЛОДНОЕ (слева от 0+ справа -) в зависимости от фактического числа рожденных детей в трех опросах женщин

ЧИСЛО РОЖДЕННЫХ * замер	0 активное-пассивное	0 теплое-холодное	1 РЕБЕНОК активное-пассивное	1 РЕБЕНОК теплое-холодное	2 ДЕТЕЙ активное-пассивное	2 ДЕТЕЙ теплое-холодное	3 ДЕТЕЙ активное-пассивное	3 ДЕТЕЙ теплое-холодное
1976 0 детей	-1,38	-1,94	2,19	2,75	2,69	2,75	2,56	2,25
1976 1 ребёнок	-1,86	-1,92	2,10	2,24	2,10	2,41	1,73	1,66
1976 2 детей	-1,53	-1,95	1,47	1,49	2,44	2,74	2,05	1,95
1976 3 детей и >	-1,36	-2,23	,59	,57	2,36	2,45	2,77	2,80
2000 0 детей	1,09	-,64	,45	2,00	2,80	,80	1,90	1,50
2000 1 ребёнок	-,34	-1,10	,55	1,43	1,61	,46	,59	,42
2000 2 детей	-,15	-1,03	,38	,85	2,11	,85	,66	,42
2000 3 детей и >	-,27	-1,53	,68	,74	1,83	,62	,65	,63
2014 0 детей	-,44	,41	,81	,87	1,51	1,64	1,55	1,56
2014 1 ребёнок	-,11	1,34	,56	,97	1,32	1,17	1,21	1,50
2014 2 детей	-1,93	,29	,53	,67	1,40	1,47	1,43	1,80
2014 3 детей и >	,20	1,40	,60	1,60	1,80	1,60	2,00	1,80
Итого	-,54	-,97	,76	1,14	1,92	1,22	1,11	1,00

Итак, по двум опросам для бездетных характерно стремление давать высокие баллы, снижая негативную оценку отсутствия детей в семье и завышая позитивные баллы семей с несколькими детьми. Трехдетным свойственно высоко оценивать троих и двоих детей в семье, и низко – однодетность (за исключением опроса 2000 г., где по шкале активности дан самый высокий балл одного ребенка в семье 0.68). Двудетные выше всего оценивают свою детность, меньше – трехдетность и еще меньше однодетность при негативной оценке отсутствия детей (по шкале активности в 2000 г. снижение почти в 8 раз).

Для однодетных свойственно ценить семью с одним ребенком выше, чем с тремя детьми и ниже, чем с двумя детьми (за исключением ситуации 2000 г. где по шкале теплоты балл 1.43 против 0.46 по оценке двоих детей в семье). Противоречивость оценок по шкалам активности и теплоты в 2000 г., и снижение баллов семьям с двумя и тремя детьми в сравнении с опросом 1976 г. можно объяснить влиянием осенне-го дефолта 1998 г., т.к. в исследовании 2000г.

большинство респондентов опрашивалось в 1999 г. Следует отметить, что тенденция оценивать «лучше» фактическое число детей ярче всего видна в опросе 1976 г. среди трехдетных и двухдетных, а также и бездетных. У однодетных этот тренд перекрывается превышением балльных оценок одного ребенка и двоих детей.

В опросе 2014 г. сразу бросается в глаза довольно-таки сенсационное обстоятельство, связанное с отношением к бездетности всей выборочной совокупности в целом. Баллы со знаком плюс по шкале «теплое» получили отсутствие детей в семье во всех группах. Самые высокие баллы даны трехдетными, однодетными, и низкие – бездетными и двухдетными респондентами. Контраст разительный с опросом 1976 г.

Интересно, что высокие баллы бездетности +1.24 по «теплое-холодное» выставлены поколением 30-39 лет (+0.84 старше 40 лет и +0.35 моложе 29 лет), которое 20 лет назад в 1994 г. столкнулось с «лихими» девяностыми годами (см. табл.5 и 5А). Это поколение в 1976 г. де-

Таблица 4А

Статистическая значимость средних по шкалам оценок чисел детей в зависимости от числа рожденных детей

год * достаток	0-акт.	0-теп.	1-акт.	1-теп.	2-акт.	2-теп.	3-акт.	3-тепл.
В ЦЕЛОМ	3,41	3,13	4,76	5,15	5,87	5,24	5,13	5,09
1976 < средн	---	---	+-	+-	+-	+++	++	+++
средний	---	---	+++	+++	+++	+++	+++	+++
> средн	---	---	+++	+-	+++	+++	+++	++
2000 < средн	+++	---	--	+-	-	---	---	---
средний	+	---	---	-	+-	---	---	---
> средн	+++	+-	+-	+-	+++	---	---	---
2014 < средн	+-	+++	+-	+-	+-	+-	+	+-
средний	+-	+++	+-	-	---	+	+	+++
> средн	+-	+++	+-	-	+-	+	++	+++

Таблица 5

Средние балльные оценки различных чисел детей по градациям 3210123 двух сопоставимых шкал в трех опросах в зависимости от возрастных поколений

ПОКОЛЕНИЕ * замер	0 активное-пассивное	0 теплое-холодное	1 РЕБЕНОК активное-пассивное	1 РЕБЕНОК теплое-холодное	2 ДЕТЕЙ активное-пассивное	2 ДЕТЕЙ теплое-холодное	3 ДЕТЕЙ активное-пассивное	3 ДЕТЕЙ теплое-холодное
1976 до 29 лет	-1,77	-2,04	1,98	2,07	2,18	2,53	2,01	2,00
1976 30-39 лет	-1,71	-1,90	1,59	1,77	2,35	2,59	1,98	1,83
1976 40 и ст	-,90	-1,87	,84	,81	2,23	2,35	2,58	2,55
2000 до 29 лет	-,30	-,95	,11	1,54	1,89	,59	,59	,42
2000 30-39 лет	-,21	-1,00	,63	,89	2,00	,86	,77	,61
2000 40 и ст	-,14	-1,31	,55	,88	1,94	,64	,57	,40
2014 до 29 лет	-,66	,35	,94	,89	1,70	1,75	1,83	1,93
2014 30-39 лет	-,46	1,24	1,04	1,20	1,32	1,33	1,13	1,24
2014 40 и ст	-,53	,84	,35	,79	,97	1,05	1,01	1,05
Итого	-,57	-,86	,77	1,13	1,88	1,24	1,13	1,04

монстрирует контрастную оценку со знаком минус, а в 2000 г. негативное отношение как бы смягчается. Самые высокие баллы относятся 30-летними к двухдетности, но они в 2 раза ниже, чем в 1976 г. У них также выше баллы в сравнении с другими поколениями относительно одного ребенка и ниже чем у поколения 20-летних баллы по трехдетности. Для всех поколений опроса 2000 г. характерны низкие баллы трехдетности и двухдетности по шкале теплоты. У горгорты 20-летних самый высокий балл 1.54 по теплоте относительно однодетности.

При рассмотрении дифференциации балльных оценок трехдетности в зависимости от образования обнаружилась четкая обратная связь лишь единожды в опросе 1976 г. Баллы 2.39-2.18-1.90-1.85 получены на шкале «теплое-холодное» по 4 уровням образования - среднее/неполное, среднее/общее, среднее/специальное и высшее/незаконченное высшее. Во всех остальных случаях никаких связей не просматривается и это связано, по-видимому, с тем, что в выборке была завышена доля лиц с высшим

Таблица 5А

Статистическая значимость данных по поколениям в трех опросах по двум сопоставимым шкалам

год * возраст	акт.0	теп.0	акт.1	теп.1	акт.2	теп.2	акт.3	теп.3
В ЦЕЛОМ	3,43	3,14	4,77	5,13	5,88	5,24	5,13	5,06
1976 до 29 лет	---	---	+++	+++	++	+++	+++	+++
30-39 лет	---	---	+++	+++	+++	+++	+++	+++
40 и ст	+-	---	+-	+-	+-	+++	+++	+++
2000 до 29 лет	+	+-	---	++	+-	---	---	---
30-39 лет	++	+-	+-	-	+-	---	---	---
40 и ст	+++	---	-	---	+-	---	---	---
2014 до 29 лет	+-	+++	+-	-	-	+++	+++	+++
30-39 лет	+-	+++	+-	+-	-	+-	+-	+-
40 и ст	+-	+++	---	-	---	+-	+-	+-

Таблица 6

Бальные оценки чисел детей по доходу в трех опросах по двум сопоставимым шкалам (-доход ниже среднего,+ выше,+ - средний)

ДОСТА-ТОК * замер	0 активное-пассивное	0 теплое-холодное	1 РЕБЕ-НОК активное-пассивное	1 РЕБЕ-НОК теплое-холодное	2 ДЕТЕЙ активное-пассивное	2 ДЕТЕЙ теплое-холодное	3 ДЕТЕЙ активное-пассивное	3 ДЕТЕЙ теплое-холодное
1976 -	-1,71	-1,97	1,03	1,55	2,11	2,39	1,87	2,08
1976 +-	-1,55	-1,89	1,72	1,87	2,23	2,62	2,11	1,99
1976 +	-1,94	-2,42	2,00	1,55	2,58	2,26	2,10	1,87
2000 -	,10	-1,61	,19	,97	1,61	,08	,01	-,11
2000 +-	-,36	-1,17	,44	,99	1,90	,81	,76	,58
2000 +	,34	-,70	,73	1,33	2,34	,52	,30	,32
2014 -	-,25	1,52	,90	1,40	1,62	1,21	1,61	1,44
2014 +-	-,63	,63	,71	,89	1,33	1,45	1,42	1,50
2014 +	-,60	,12	,75	,68	1,62	1,62	1,70	1,84
Итого	-,59	-,87	,76	1,15	1,87	1,24	1,13	1,06

Таблица 6А

Статистическая значимость баллов по доходу в трех опросах по двум сопоставимым шкалам

год * достаток	0-акт.	0-теп.	1-акт.	1-теп.	2-акт.	2-теп.	3-акт.	3-теп.
В ЦЕЛОМ	3,41	3,13	4,76	5,15	5,87	5,24	5,13	5,09
1976 < средн	---	---	+-	+-	+-	+++	++	+++
средний	---	---	+++	+++	+++	+++	+++	+++
> средн	---	---	+++	+-	+++	+++	+++	++
2000 < средн	+++	---	---	+-	-	---	---	---
средний	+	---	---	-	+-	---	---	---
> средн	+++	+-	+-	+-	+++	---	---	---
2014 < средн	+-	+++	+-	+-	+-	+-	+	+-
средний	+-	+++	+-	-	---	+	+	+++
> средн	+-	+++	+-	-	+-	+	++	+++

Таблица 7
Различия по СД между числами детей и распределениями по желаемому числу детей (исс. 2015 г. Моск. обл и Уфа, 837 опрошенных)

Желаемое число детей	ИНДИ В СД дети - 0 детей	ИНДИВ СД дети - 1 ребенок	ИНДИ В СД дети - 2 детей	ИНДИ В СД дети - 3 детей	ИНДИВ СД 0 детей - 1 ребенок	ИНДИ В СД 0 детей - 2 детей	ИНДИ В СД 0 детей - 3 детей	ИНДИВ СД 1 ребенок - 2 детей	ИНДИВ СД 1 ребенок - 3 детей	ИНДИ В СД 2 детей - 3 детей
Ни одного (8)	5,55	5,85	5,52	4,32	6,56	5,61	5,45	4,25	5,75	4,83
1 ребенок (121 чел)	6,80	4,91	4,55	4,38	6,11	6,18	6,75	4,37	4,78	4,14
2 детей (406 чел)	8,48	5,75	4,60	4,59	6,69	7,74	8,34	4,74	5,34	3,92
3 детей (236 чел)	9,08	6,10	4,28	3,75	6,71	8,32	9,06	5,30	5,89	3,82
4 и более (42 чел)	9,16	6,55	4,93	4,23	6,15	8,29	9,52	5,77	6,65	4,23
Всего (813 чел.)	8,42	5,77	4,52	4,29	6,58	7,68	8,35	4,89	5,49	3,95

образованием и занижена доля имеющих неполное среднее образование.⁹

Однако по доходу совсем другая картина: обратная связь наблюдается в 2014 г. по шкалам теплоты и активности при оценке однодетности; при оценке бездетности по шкале холодное в 2000 г. (-1.61-1.17-0.70) и в 2014 г. по теплоте (+1.52, +0.63+0.12), а также по шкале теплоты в 1976 г. при оценке трехдетности (2.08-1.99-1.87), тогда как в 2014 г. эти баллы образовали прямую связь (1.44-1.50-1.84). Полярность балльных оценок характерна также при оценке однодетности и бездетности, причем прямая и параболическая связь встречаются чаще, чем обратная.

В табл. 7 представлены результаты расчета величин СД между парами сопоставляемых чисел детей 1-2, 2-3, 3-0 и т.д. в зависимости от группировок по желаемому при всех необходимых для этого условиях числу детей. Вся выборка опрошенных разделена на тех, кто хочет трех и более детей в семье (34.2%) и тех, кто хочет меньше (65.8%), причем половина респондентов ориентирована на двоих детей. В среднем желаемое число выглядит неплохо - примерно 2.4, однако сопоставление с величинами СД показывает, что интенсивность желаний на двоих детей одинакова среди желающих одного (4.55) и двоих детей (4.59), и она лучше у ориентированных на троих детей (4.27). Дан-

ные по СД подтверждают, что желающие троих детей действительно хотят этого, т.к. в 4-м столбце самая низкая арифметически цифра между позитивным эталоном ДЕТИ и 3 ДЕТЕЙ наблюдается именно у них (3.75). С другой стороны, самое большое семантически различие между негативным эталоном 0 ДЕТЕЙ и 3 ДЕТЕЙ также характерно для этой группировки.

Массовое сознание является феноменом социокультурным, социально-символическим и непосредственно не детерминируется экономическими, половозрастными и социально-статусными параметрами. Оно достаточно автономно само по себе, хотя и подвержено историческим изменениям, в чём можно убедиться, сопоставляя процессы оценивания вербальных объектов по методу СД на протяжении периода 1976-2014(15) гг. Процедура работы респондентов с помощью техники СД основана на относительно неизменных инструментах. Шкалы СД в качестве пар антонимов укоренены в стихии языка, т.е. в социокультурной системе, в которой взаимодействуют между собой тезаурусы, языковые кладези отдельных людей, семей, групп, общностей, организаций и институтов. Антонимы это не простые фиксаторы парных понятий, а лингвистические категории, обозначающие в разных вербальных формах полярность и противоположность значений и смыслов. Эти грамматически выраженные оппози-

ции существуют сотни лет и представляют собой относительно неизменные системы отсчета, системы координат.

Поэтому в методе СД, благодаря языковой укоренённости в человеческом сознании антонимичных шкал, возможно раскладывание по полочкам полюсов любых понятий, представлений, значений. Шкалирование это процедура поиска различий сопоставляемых между собой объектов, различий индивидов в представлениях об одном и том же объекте, различий групп людей при оценке, сортировке тех или иных явлений. Результаты шкалирования позволяют делать выводы об особенностях отношения разных социальных групп к социальным процессам, в т.ч. к процессам самого оценивания.

Однако материалы трех используемых здесь опросов позволяют судить по опыту оценивания респондентами семейно-демографических объектов, как работает сама семиточечная шкала градаций. На основе обобщения индивидуальных мнений 1200 респондентов по двум сопоставимым шкалам «активное-пассивное» и «теплое-холодное» при оценке ряда фамилистических объектов можно составить представление о том, как «работает» каждая из 7 градаций шкалы, какова процентная доля каждой из них (если принять за 100% все ответы по отдельному опросу по всем градациям - см. табл. 8).

В первом столбце таблицы даны процентные доли градаций по опросу 1976 г.: 1, 2 и 3 градации (условно позитивные +3 +2+1) получили соответственно 18.2% - 8.9% - 3.1% ответов, в сумме = 27.1% положительных оценок. Градация 4 (или неопределенное отношение 0) имеет 39.1% ответов, градации 5, 6 и 7 (условно негативные -1, -2, -3) получили соответственно 6.7%, 9.3% и 14.7% ответов, в сумме = 30.7% отрицательных оценок.

В опросе 2000 г. было положительных и отрицательных ответов 21.1% и 39.8%, также 39.1% нулевых ответов. В опросе 2014 г. эти цифры соответственно оказались следующими 20.9% - 29.1% - 49.9%. Высокие позитивные оценки (градации 1 и 2) в **1976 г.** составили $+18.2 + 8.9 = +27.1\%$, умеренные (градации 3 и 5) $+3.1 + 6.7\% = 9.8\%$, нулевые или нейтральные (градация 4) = 39.1% и негативно высокие (градации 6 и 7) = 24.0%. В **2000 г.** высоких позитивно оценок стало меньше **-20.1%** и в **2014 г.** еще меньше **-17.4%**. При этом так-

же меньше стало негативно высоких оценок – в 2014 г. 20.4% в сравнении с 1976 г. 24.0% и с 2000 г. 26.9%. Число умеренных оценок выросло с 9.8% в 1976 г. до 12.2% в 2014 г. Число нейтральных или нулевых оценок также увеличилось до 49.9% в 2014 г.

Таким образом, процент крайних оценок по градациям 1-2 и 6-7 в течение 1976-2014 гг. сократился. Причем процентная доля условно позитивных оценок 1-2-3 в 2014 г. снизилась на 9-10%, упав до 20.9%. Доля негативных оценок 5-6-7 понизилась в 2014 г. лишь на 1.6% до 29.1%, причем в 2000 г. наблюдался их рост до 39.8%. Нейтральных оценок стало больше на 11% в 2014 г., причем совпадения по ним выросли с 43.6% до 54% в 2014 г., а несовпадения – на 10.7% до 37.5% в 2014 г. В целом, баланс (+) и (-) оценок 1976 г. (30.2% и 30.7%) нарушился в пользу негативных оценок (21.1% и 39.8%) - после дефолта 1998 г., и в условиях кризиса 2014 г. (20.9% и 29.1%).

Следует отметить, что число совпадений индивидуальных оценок в позитивной части шкал сократилось с 32% до 27.7% в 2014 г. при неизменности несовпадений, а вот в негативной части число несовпадений упало на 10.7% с 59.5% до 48.8% при неизменности совпадений по 5 и 7 градациям и увеличении совпадений по 6 градации в 2.5 раза.

Полярных оценок индивидов стало меньше и совпадений их также меньше в обеих частях шкалы, но при одновременном росте нулевых оценок и также совпадений/несовпадений по ним. И так, судя по вышеприведенным цифрам, можно сказать, что массовое сознание стало менее контрастным и более уклончивым при оценке фамилистических объектов по шкалам СД (возможно и не только фамилистических объектов). В демографическом смысле это неблагоприятный факт, т.к. ранее позитивно оцениваемые феномены семейно-детного образа жизни стали терять свою высокую ценность.

Рассмотрим процентные ряды градаций, суммируя крайние (1 и 7), умеренные (2 и 6) и слабые (3 и 5) точки шкалы. По данным таблицы №8 самая сильная интенсивность оценивания 1 и 7 в 1976 г. получила $18.2\% + 14.7\% = 32.9\%$, тогда как в 2000 г. = 17.2% и в 2014 г. 23.3%. Налицо явное сокращение доли крайних градаций через 25 и 38 лет. Данный тренд сохраняется по градациям 2 и 6 (18.2% в

Таблица 8

Изменение процентных распределений в 1976-2000-2014 гг. по каждой из 7 градаций 1234567 (3210123) двухшкал СД и процентные доли положительных и отрицательных связей (совпадений)

Градации	/ годы					1976		2000		2014		30,2		21,1		20,9	
	1976	2000	2014	2014 w		"+"	"-"	"+"	"-"	"+"	"-"	30,7		39,8		29,1	
1	18,2	7,2	10,9	10	2+4+6	14,4	5,8	6,7	3,9	12,8	5,4						
2	8,9	12,9	6,5	7,9	3+5	14,5	5,8	21	13	12,3	5,5	32,0	13,5	28,7	18,7	27,7	13,6
3	3,1	1	3,5	2,8	1	3,1	1,9	1	0,8	2,6	2,7						
4	39,1	39,1	49,9	48,2	10+11+13	43,6	26,8	41,5	31,7	54	37,5	43,6	26,8	41,5	31,7	54,0	37,5
5	6,7	12,9	8,7	11,1	7+8	5,8	26,9	11,2	17,7	5,7	20,1						
6	9,3	16,9	8	7,9	9+12	11,6	15,8	14	24,5	4,8	17,5	24,4	59,5	29,7	50,6	18,3	48,8
7	14,7	10	12,4	12,1	14	7	16,8	4,5	8,4	7,8	11,2	1976		2000		2014	

1976 г. и 14.5% в 2014 г.), однако в 2000 г. наблюдается резкое возрастание этих процентных баллов – может быть под влиянием дефолта 1998г. По распределениям процентов в 3 и 5 градациях выявлено их увеличение: в 1976 г. - 9.8%, в 2000 г. - 13.9% и в 2014 г. - 12.2%. Выше отмеченная тенденция заметного сокращения условно позитивных оценок и отчасти негативных оценок подтверждается падением процентных долей крайних градаций 1 и 7, также и небольшим ростом долей слабых градаций 3 и 5. Явный прирост нулевых или нейтральных оценок как бы компенсирует сокращение трендов позитивных и крайних градаций.

Таким образом, судя по результатам изменений массового сознания в 1976-2014 гг. обнаружено изменение самой процедуры оценивания по СД. Шкалирование осуществляется как бы по смягченным критериям и частота оценок по крайним градациям уступает место умеренным и слабым степеням интенсивности наряду с ростом нейтрального отношения к объектам оценки.

Литература

1. Осгуд Чарльз, Сузи Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам. «Семиотика и искусствознание». М., 1972.
2. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 2010.
3. Ядов В.А. Социологическое исследование. М., 1972.

4. Дридзе Т.М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности. Опыт использования психолингвистических методов в социологии. «Речевое воздействие». М., 1972.

5. Антонов А.И. Микросоциология семьи. М.1998; Он же (ред.) «Социология семьи». М.2005; Он же в соавт. с В.А. Борисовым. Лекции по демографии. М., 2011; Он же (ред.). Семья и дети – жизненные ценности и установки (Итоги социологического опроса...). М., 2015.

6. Рабочая книга социолога. М., 1973.

Ссылки:

1 Антонов А.И. Медков В.М. Второй ребенок. М.1987. В опросе 1976 применялись шкалы: простое – сложное, холодное- теплое, активное-пассивное, ближайшее-отдаленное, чужое-собственное, осуждаемое - одобряемое, старое-новое, твердое-мягкое, предпочитаемое-отвергаемое, легкое-тяжелое, достижимое - неосуществимое, вероятное-невозможное, должное –необязательное; в других опросах: активное-пассивное, теплое-холодное, быстрое-медленное, твердое-мягкое, светлое-темное, сильное-слабое.

2 Андреева Г.М. Современная буржуазная эмпирическая социология. М.1965.Сс.124-143.

3 Грин Б. Измерение установки. «Математические методы в современной буржуазной социологии». Ред. Г.В.Осипов. М.1966.С.240.

4 Желаемое число детей - при всех необходимых для этого с точки зрения опрашиваемого условиях, ожидаемое число – сколько всего

детей собирается иметь респондент в своей семье, идеальное число – сколько лучше всего иметь детей в семье вообще. См. подробнее: Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. М. 2011.

5 Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М. 1976; Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М. 2006..

6 Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М. Мысль. 1987. СС.78,256.

7 Программа разработки данных по сопоставимым шкалам трех исследований составлена д.соц.н. А.В.Жаворонковым.

8 Характеристики выборок в исс.1976-2000-2014гг. приводятся в монографии «Семья, дети –жизненные ценности и установки. М. ФАП

и ЦНС. 2015.Здесь же надо отметить, что в 1976г. было опрошено 259 москвичек в т.ч. с 1 ребенком-116, с 2-мя детьми -61, с 3-мя 61 и с 0 -21 чел.; в данной статье используются ответы по СД лишь 229 женщин; в 2000 г. опрошено 747женщин, в т.ч. с 1 ребенком-244, с 2-мя детьми-444, с 3-мя -207 и без детей 13 чел.; в статье анализируются ответы 670 чел.; в 2014 г. опрошено 390 женщин, в т.ч. бездетных 190, с 1 ребенком 101, с 2-мя 82 и с 3-мя детьми 11чел.; в статье даны

ответы 292 женщин по СД.

9 Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России ХХ1 века. М. Грааль.2002. С.63.

Благосостояние семей и социализация детей в условиях нестабильности

Бульжникова Ю.А., Грудина Т.В.

В статье рассматриваются особенности изменения экономического положения семей, как сами семьи склонны оценивать свое материальное благосостояние. А также, каким образом происходит процесс социализации детей в зависимости от уровня обеспеченности семей. Анализируется влияние материального благосостояния на семейное поведение, образ жизни, репродуктивные установки. Возникающий разрыв между потребностями населения и возможностями их удовлетворения выступает значимой причиной снижения рождаемости в нашей стране.

Ключевые слова: семейные ценности, уровень жизни, материальное благосостояние семей, перспективы рождаемости.

Bulyzhnikova Ju.A., Grudina T.V.

The welfare situation of families and children's socialization in unstable conditions

This article examines the specific changes of the economic situation of families as they themselves are inclined to evaluate their own welfare. It also stresses, how the process of children's socialization it takes place depending on the welfare of their families. Further on, the influence of welfare on the family behaviour, their way of life and reproduction norms are analyzed. Finally, it states that the existing gap between the needs of the population and the possibilities to satisfy them is the important reason of the birthrate decline in our country.

Key words: family behaviour, family material welfare, perspectives of birth rate, family income, human values

В условиях развития в современном обществе демографического кризиса и экономических изменений, достаточно острым и актуальным является вопрос о перспективах рождаемости в России. В частности, речь идёт о том, «каким образом улучшение или ухудшение условий жизни, рост или падение уровня материального благосостояния воздействуют на уровень рождаемости» [21], а также как уровень благосостояния влияет на социализацию детей в семье.

В качестве характеристики уровня жизни семей необходимо использовать не только величину дохода, но и рассматривать их удовлетворенность материальным положением, благосостоянием. Вероятнее всего, люди в своем поведении исходят не только из суммы своих доходов и других имеющихся материальных благ, а из того, в какой степени они ими удовлетворены. А это, в свою очередь, зависит не только от объективных параметров материального положения, но и от того, насколько значима для респондентов эта сторона жизни, от уровня их притязаний. «Рост ценностных ориентации заставляет считать не только средний, а даже высокий по международным стандартам уровень жизни неприемлемым и ведет к неудовлетворенности достигнутым (уровень притязаний и уровень достижений)» [4].

Существуют различные точки зрения по поводу связи числа детей в семье с уровнем ее благосостояния, то есть с доходами и жилищ-

ной обеспеченностью. Суть одного из направлений состоит в попытке объяснить снижение рождаемости противоречием между ростом потребностей и отставанием возможностей для их удовлетворения, побуждающим вынужденный отказ от большого числа детей, потребность в которых «первично» высока. Б.Ц. Урланисом была разработана схема, «объясняющая различную распространенность рождений первой, второй и третьей очередностей неодинаковой мерой «эластичности» потребности в каждом из этих детей для брачной пары. Довольно близка к этому другая позиция, основывающаяся на противоречии между растущим благосостоянием, способствующим реализации высокой потребности в детях, и возросшим культурным уровнем населения, что порождает новые потребности, вступающие в конкуренцию с потребностью в детях. Одновременно растет и ответственность родителей за воспитание детей, и цена их социализации, образования и т.д.» [19].

В западной демографической литературе это направление начал разрабатывать Г. Беккер. В первой половине 60-х гг. он сформулировал основы так называемой экономики рождаемости, базируясь на собственных исследованиях идеального и фактического числа детей в семьях с различным социальным статусом и уровнем дохода. Г. Беккер считал, что «поскольку в процессе экономического развития растет цена человеческого времени, оно превращается, наряду с материальными, в самостоятельный фактор благосостояния семьи и личности. Вследствие этого рождение каждого ребенка объективно снижает его «предельную полезность», что и является главной причиной снижения рождаемости. Одновременно экономический прогресс предъявляет дополнительные, постоянно растущие требования к качеству социализации детей, стимулирует рост затрат. Таким образом, и на уровне общества в целом, и на уровне отдельной семьи (домохозяйства) происходит альтернативный выбор между количеством и качеством «человеческого капитала» [22].

Действительно, наличие детей, определенное их числа выступает для индивида самоценным и одновременно является средством удовлетворения потребностей более высокого по отношению к детям иерархического уровня. В.А. Борисов поддерживает такую позицию: «...если дети нужны, т.е. представляют собой

ценность, с чем кажется, никто не спорит, то, значит, есть и соответствующая этой ценности потребность, потребность в детях. Выделение этой как бы отдельной потребности представляет собой абстракцию и несколько не противоречит тому факту, что дети удовлетворяют ряд потребностей» [6].

В теории репродуктивного поведения разработаны теоретические представления о двойном влиянии материального благосостояния на семейное поведение. По мнению проф. А.И. Антонова, заведующего кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, при потребности в двух детях и при бурном росте благосостояния и дохода, растёт уровень притязаний у населения, который препятствует реализации потребности в детях. Не улучшение жизни как таковое вызывает падение рождаемости, а возникновение разрыва между притязаниями и достижениями. Во многом, ценностные ориентации влияют не только на потребность в детях, но и на восприятие условий её реализации: «важно именно субъективное восприятие (а не объективная характеристика тех или иных условий), так как именно из него индивид исходит в своём поведении» [5].

Согласно данным исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за последние десять лет материальное положение россиян в целом заметно улучшилось, среднедушевые номинальные доходы (по данным опросов ВЦИОМ) выросли в 4 раза. Доля семей с доходом на человека ниже 5.000 руб. с декабря 2005 г. сократилась с 96% до 13% (согласно данным, полученным к середине декабря 2015 г.) [10]. В то же время, если в декабре 2005 г. тех, чей доход превышает 10.000 руб. было меньше 1% по выборке, то сегодня это более половины опрошенных (54%). Самооценка материального положения россиян в последнее десятилетие также улучшилась: доля семей с «плохим» или «очень плохим» материальным положением упала с 32% (в декабре 2005 г.) до 16% в декабре 2013 и 2014 гг. Вплоть до 2014 г. росли потребительские возможности: доля «бедных» семей (которым не хватает даже на еду и тем, кому достаточно средств на еду, но покупка одежды недоступна) снизилась вдвое — с 49% (в конце 2005 г.) до 22% в декабре 2014 г. Однако позже ситуация также начала

Таблица 1

Доходы на основном месте работы, в %. Ответ на вопрос: «Если не секрет, какой примерный размер вашей заработной платы на основном месте работы?»

Источник: Удовлетворенность зарплатой. Довольны ли люди своей зарплатой? Опасаются ли ее снижения? «ФОМнибус» 27 марта 2016. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. <http://fom.ru/Экономика/12588>

Данные в % от работающих по найму		
Доход	8 февраля 2015 г.	27 марта 2016 г.
8000 руб. и менее	13	8
8001-14 000 руб.	18	15
14001-20 000 руб.	25	23
20001-30000 руб.	18	22
Более 30 000 руб.	10	15
Отказ от ответа	18	18
Среднее, в рублях	20813	23828

ухудшаться и к настоящему моменту (декабрь 2015 г.) эта доля подскочила до 39%, вернувшись таким образом на уровень 2009 г. Среди людей пожилого возраста данные ответы встречаются существенно чаще (55%). Одновременно за год сократилось число тех, кто свободно

может позволить себе покупку продуктов и одежды, однако испытывает затруднения с приобретением бытовой техники и предметов мебели (с 47% до 40%), а также тех, чьи доходов на это хватает, однако недостаточно для покупки автомобиля (с 27% до 16%) [10].

Согласно опросам Фонда Общественное мнения, в настоящее время люди стали чаще жаловаться, что денег от зарплаты до зарплаты им не хватает [18] (по сравнению с февралем 2015-го). За прошедший год средняя заработная плата незначительно увеличилась (см. табл. 1), на треть возросла доля тех, кто зарабатывает сейчас более 30 000 руб. на основном месте работы.

Однако, в условиях сложившегося экономического кризиса, роста цен, расходы на повседневные нужды у российских семей значительно выросли. (Уровень инфляции по данным Российской службы статистики в 2015 году вырос до 12,91%) [20]. Во многом населению приходится экономить на питании: половина россиян стали за последние полгода больше экономить на еде, в первую очередь – на мясе и птице, сыре и колбасе, а также фруктах. 43% эко-

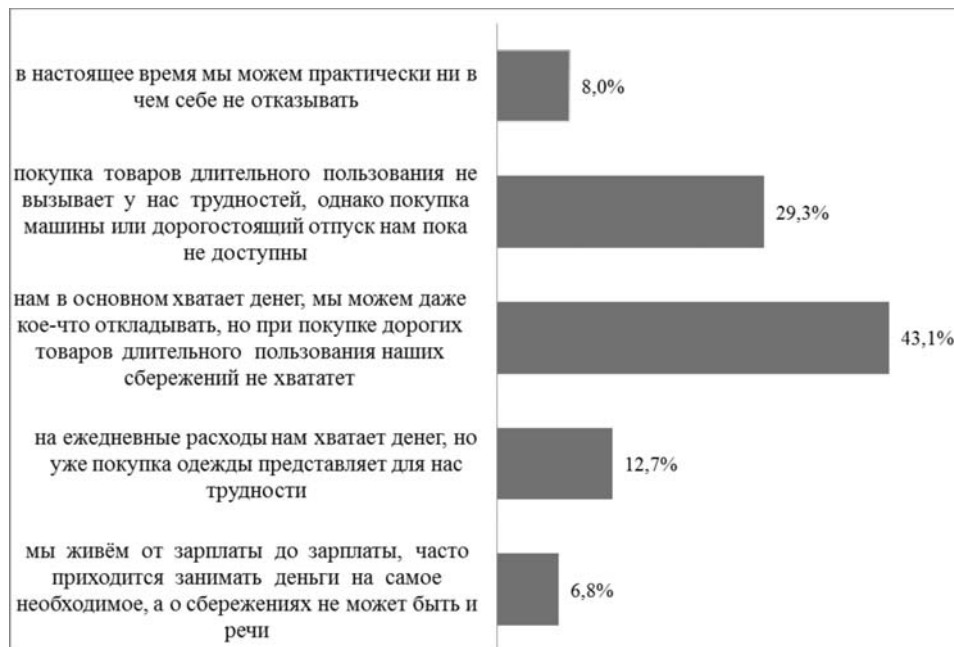

Рис. 1. Распределение опрошенной совокупности по ответам на вопрос «Какие возможности дает ваш семейный доход для удовлетворения потребностей вашей семьи?»

Таблица 2
Распределение значимости ценностей для населения РФ, (средние ранговые значения)

	Живём от зарплаты до зарплаты	На ежедневные расходы хватает денег, но уже покупка одежды представляет для трудности	В основном хватает денег, но при покупке дорогих товаров длительного пользования сбережений не хватает	Покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, однако покупка машины или дорогостоящий отпуск недоступны	Можем практически ни в чем себе не отказывать
Возможность путешествовать, ездить без ограничений	9,4	9,1	9,6	9,2	7,8
Здоровье	2,1	2,3	2,3	2,4	3,3
Свобода и самостоятельность в жизни	6,7	7,5	7,7	7,6	7,7
Физическая сила	10,3	9,5	10,3	10,6	10,5
Душевное благополучие, согласие с собой, забота о спасении души	7,2	7,7	7,5	7,5	7,7
Семья, дети, заботливые близкие	2,1	2,5	2,3	2,1	2,7
Уважение, благодарность других людей	7,8	8,0	8,3	8,2	8,9
Интересная работа	5,8	7,0	6,5	6,4	7,2
Возможность занятий по душе, духовного развития, творчества	8,8	9,5	8,5	8,4	9,1
Материальное благополучие, заработок, достаток	5,2	5,6	5,5	6,0	6,2
Спокойная, безопасная жизнь	5,5	6,7	6,7	7,2	8,0
Верные и надежные друзья, общение	7,2	7,1	7,1	7,1	6,8
Деньги в неограниченном количестве	11,2	11,1	11,5	11,3	10,5
Высокий статус, положение в обществе, карьера	12,0	11,9	11,2	11,0	9,6
Веселая, полная удовольствия и приключений жизнь	11,6	12,2	12,0	11,4	10,2

номят на непродовольственных товарах, прежде всего – на одежде и обуви [14]. Удовлетворенность уровнем заработной платы среди населения за последний год несколько снизилась по сравнению с прошлым годом [18].

Описывая материальное положение своей семьи, респонденты (по данным ФОМа) оцени-

вают его следующим образом: денег не хватает на питание – 13%, на питание хватает, на одежду - нет – 28%; хватает на одежду, на крупную бытовую технику – нет – 34%; на бытовую технику хватает, на автомобиль – нет – 17%; на автомобиль хватает – 8% [9].

Таблица 3
Среднемесячный доход на одного человека (по результатам исследования в 2015 г. многодетных матерей, г. Уфа, 325 респондентов)

Доход	Человек	%	Валидные %
5000 руб. и менее	51	15,7	20,5
5001–8 000 руб.	61	18,8	24,5
8001–12 000 руб.	52	16,0	20,9
12 001–20 000 руб.	52	16,0	20,9
более 20 000 руб.	33	10,2	13,3
Всего ответов	249	76,6	100,0
Нет ответа	76	23,4	
Итого	325	100,0	

При обследовании населения регионов России¹, в рамках нашей выборочной совокупности, доля тех, кто живет от зарплаты до зарплаты, занимает деньги на самое необходимое не так высока (рис. 1). Это говорит о том, что минимальные потребности сейчас могут себе позволить удовлетворить респонденты всех возрастов (см. подробнее [17]). Покупка товаров длительного пользования (холодильник, плазменный телевизор, компьютер и т.п.) у большинства респондентов вызывает трудность, необходимость прибегать к кредитам, брать деньги в долг или искать дополнительный заработок. Доля тех, кто в настоящее время может практически не в чем себе не отказывать в процентном отношении совпадает с приведенными выше результатами Фонда общественного мнения.

На вопрос о материальном положении семьи и возможностях семейного дохода в удовлетворении возникающих потребностей, мы наблюдаем среди категории людей, которые не в чем себе не могут отказать 15% молодежи (18–29 лет) (см. подробнее [15]). Тогда как представители более старших возрастной группы испытывают здесь затруднения, что подтверждается данными ФОМа по тем же возрастным группам. Однако, «номинальная величина дохода еще не дает представления о благосостоянии семьи, без учета различий в уровне потребностей и динамики их развития» [6].

В этом случае интересны данные исследования Фонда общественного мнения об образе идеальной семьи, проведенное в 2013 году, которые позволяют оценить соотношение идеального и реального количества детей в группах

населения, разделённых по доходу [11]. Результаты исследования показывают, что вне зависимости от доходов идеальным является наличие 2 детей в семье (54%), также вне зависимости ни от каких факторов никто не видит бездетную семью как идеальную. Четверть населения считает, что необходимо иметь 3 детей, причем ориентация на трёхдетность возрастает пропорционально увеличению дохода. Но, при оценке ориентации на многодетную семью (4 и более детей) ситуация становится обратно пропорциональной: самой заинтересованной группой в большом количестве детей являются люди, имеющие доход менее 4000 р. (8%).

Реальные показатели количества детей, согласно опросу, показывают, что вне зависимости от доходов населения, во многом не реализуются представления об идеальном количестве детей. Во-первых, проявляется бездетность: 23% опрошенных не имеют детей, причем сама большая доля приходится на группы самых бедных и самых богатых граждан. (44% и 31% соответственно от общего числа респондентов в конкретных группах). Также для группы населения с максимальным доходом наиболее высокий процент людей, имеющих 1 ребенка (34%).

Исследование кафедры социологии семьи и демографии позволяет оценить изменение ценностных ориентаций в соответствии с изменениями уровня доходов населения (см. подробнее [15]). Особый интерес представляет сопоставление «крайних» групп: респондентов, которые «живут от зарплаты до зарплаты» и группы, которая может «практически ни в чем себе не отказывать», так как чаще всего среднеранговые значения этих групп отличаются от среднестатистических значений в целом (табл. 2).

Многодетная семья в настоящее время является наиболее активной в репродуктивном отношении частью населения, с одной стороны. А с другой, именно многодетные семьи подвержены в большей степени бедности, поскольку размеры детских пособий никак не соотносятся с уровнем жизни. Немногим семьям удастся одновременно быть и многодетными, и социально благополучными. В наше время создание многодетной семьи есть некий процесс попадания в состояние бедности.

Что касается положения многодетных семей, на примере исследования, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социоло-

Рис. 2. Наиболее ценимые многолетними респондентами г. Уфы стороны жизни («ценности»), (средние ранговые значения).

гического факультета МГУ в г. Уфа, наблюдается следующая картина по доходам на одного человека в семье: преимущественно, семьи находятся на пороге бедности. Доля тех, чей среднемесячный доход составляет свыше 12 000 рублей – 26,2% (табл. 3).

Для выявления жизненных ценностей и предпочтений многодетных матерей им предложено ответить на следующий вопрос: Все люди хотят жить хорошо, но каждый человек понимает это по-своему. А что значит «хорошо жить» для вас? В исследовании использовались ранжирование утверждений. На первое место респондентов просили поставить ценность, которая для них выступает наиболее важной и далее по убыванию степени важности. На рис. 2 представлены средние значения рангов для каждой из ценностей (отметим, что чем меньше значение среднего ранга, тем более значимой является эта ценность). Таким образом, наиболее важным аспектом жизни для многодетных респондентов г. Уфы является ценность семьи, детей, заботливых близких (средний ранг – 1,93). Практически столь же важной является ценность здоровья (средний ранг – 1,99). Семья и здоровье – две абсолютно непререкаемые ценности для многодетных матерей, которые со значительным разрывом стоят впереди по отношению ко всем остальным предложенным ценностям (рис. 2). Возможность материального благополучия, достатка для семьи мно-

годетные матери без сомнения желают, но адекватно оценивают свое положение и потому такие ценности как высокое положение в обществе, возможности путешествий, денег в неограниченном количестве, веселой полной удовольствий жизни ставят на последнее место. Многодетные здесь в своем поведении более склонны к спокойной безопасной жизни, душевному благополучию, выбирают свободу и самостоятельность в жизни, ценят уважение, благодарность других, общение, интересную работу.

Существует точка зрения, согласно которой основным препятствием к многодетности в наше время является уровень материального благосостояния населения. В какой-то мере эта точка зрения оправдана. Тем не менее, из этого не следует, что с увеличением уровня материального достатка увеличится и количество детей в семье. Ведь воспитание детей подразумевает не только материальное обеспечение, но также и другие ресурсы: моральные, эмоциональные, временные и др. В своей статье Е. Вовк «Столкновение ценностей. Многодетность и ответственность» подтверждает данный тезис словами одного из участников исследования о том, в какой мере материальное благосостояние способствует многодетности (особенно более глубокой ее степени проявления). «Не совсем от денег зависит... Там вот какой-то, наверное, пик насыщения есть, когда количество зависит от

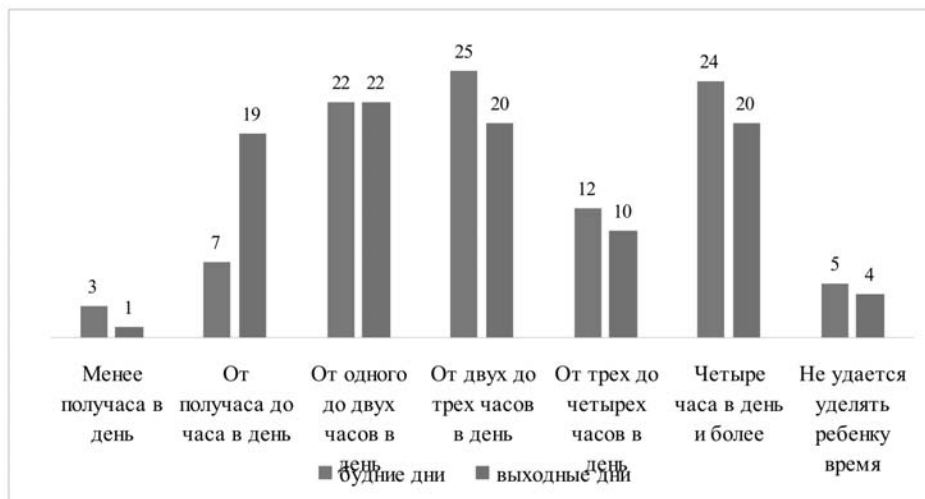

Рис. 3. Количество времени, проводимое совместно в детьми, %. Ответ на вопрос: «Сколько времени вы обычно посвящаете общению, совместным занятиям с вашим ребенком?» Источник: «ФОМнибус» 19–20 октября 2013 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. <http://fom.ru/posts/11256>

количества денег, а потом спад идет, увеличивается жизненный уровень – а детей все меньше и меньше...если мне дать миллион долларов, это не факт, что у меня их будет пять...если бы у меня большие деньги были – третий точно был бы, но был бы четвертый или пятый – сомнительно» [7].

Известно, что в семьях с низким уровнем дохода и образования итоговое число детей оказывается больше, чем в семьях с высоким уровнем дохода и образования. Этот феномен обратной связи рождаемости с уровнем благосостояния показывает роль ценностных ориентаций и степень удовлетворения потребности в детях. Конечно, для качественного воспитания детей необходимо финансовое обеспечение, жилищные условия, благосостояние. Однако, попытка преодоления демографического кризиса только экономическими средствами, без учета духовной составляющей, обречены на провал, поскольку причины демографического кризиса – не в кошельках, а в душах людей [13].

По словам В.Н. Архангельского, субъективное восприятие условий реализации потребности в детях «зависит как от объективной характеристики ситуации (например, доход, жилищные условия, занятость, бюджет времени и т.д.), состояние которой выступает как условие реализации потребности в детях, так и от значимо-

сти данной ситуации для индивида, соотношения ее с уровнем притязаний. Например, можно предположить, что при одном и том же уровне дохода, удовлетворенность им тем выше, чем ниже для человека значимость материального благополучия» [5]. К вышесказанному можно добавить: то, насколько индивид готов реализовать свою потребность в детях (при наличии таковой) зависит от значимости для него различных ценностей, конкуренции возникающих потребностей. «Тайна обратной связи между рождаемостью и доходом (образованием, социальным положением) кроется в психологических особенностях разрыва между УП (уровнем притязаний) и УД (уровнем достижений)» [1].

Одним из существенных достижений, к которому стремятся многодетные родители – это достойное воспитание своих детей, создание благоприятных условий для их развития и социализации.

Респонденты беспокоятся не только о том, чтобы одеть-обуть-накормить детей, а в первую очередь стремятся развить их, дать качественное образование и воспитание: «Самое трудное вырастить из детей настоящий людей», «довести каждого до ума», «дать достойное образование всем детям», «в связи с занятостью на производстве катастрофически не хватает времени на воспитание, совместные прогулки,

поездки и т.д.», «общение детей с другими детьми», «воспитать каждого хорошим, нужным, образованным человеком, дать верное воспитание и образование в целом», «важно воспитать хорошего человека, не хватает времени на каждого ребенка, чтобы полноценное развитие было», «нехватка денег, трудно найти время каждому ребенку для общения и занятия с родителем, координация учебы и воспитание разновозрастных детей, уделить каждому время и внимание», «дорогое дополнительное образование, в нашей области помогают только малоимущим многодетным», невозможность уделять детям достаточно времени и водить их на занятия, нехватка квалифицированной психологической и педагогической помощи»².

Как показывают данные большинства опросов, в обществе происходит девальвация семейных ценностей и ролей, ослабление мотивов семейного поведения, снижение потребности в нескольких детях, замещения потребностью всесторонней самореализации личности и культивированию принципа «бери от жизни всё» [3]. При всех идеальных условиях значительная часть россиян выбирает одно-двудетную семью (см. подробнее [12]), что возможно и связано с желанием иметь достойный уровень благосостояния (высоким уровнем притязаний).

По данным Фонда Общественное мнения у большинства родителей получается уделять общению с детьми несколько часов в день (см. рис. 3) [8]. Причем для половины опрошенных (46%), это именно тот отрезок времени, который они хотели бы проводить со своим ребенком. Почти 10% современных родителей говорят о том, что они проводят со своими детьми больше времени, чем им хотелось бы.

В настоящее время семейный образ жизни, ценностные ориентации на семью с несколькими детьми, да и ценность ребёнка становятся менее значимыми, чем работа, образование, карьерные успехи, развлечения и т.д. «Индивид с преобладающей семейной ориентацией, соответственно имеющий более сильную потребность в детях, будет в среднем оценивать имеющиеся условия жизни семьи как более благополучные для рождения ребёнка любой очередности. Напротив, внесемейным будет свойственна более неблагоприятная оценка объективно одинаковых или даже более лучших условий жизни с точки зрения принятия решения о рож-

дении очередного, а может быть, и первого ребёнка» [2]. На наш взгляд, без изменения системы ценностей, которая сегодня у большинства населения антисемейная по своей сути, будет и дальше действовать обратная связь между показателями образа жизни и семейно-демографических процессов, т.е. любая политика материального стимулирования и пособий значительных изменений не принесет. Ведь повышение уровня жизни автоматически не приведёт к повышению рождаемости. Но повышение уровня жизни создаёт опору, на которой может строиться эффективная демографическая политика, включающая факторы экономические, культурные, моральные и прочие. Уровень благосостояния – это условие необходимое прежде всех остальных факторов, но не достаточное.

Проблема массовой российской малодетности не только в реалиях нашей сегодняшней жизни, как полагают многие общественные деятели и политики, а в снижении самой потребности большинства семей иметь детей. Демографический кризис в России, также как и во многих других странах «вызван не столько экономическими, сколько моральными проблемами – крайний индивидуализм ведет к отказу от брака и деторождения, разводам, нежеланию заботиться о детях и родителях. Для выхода из кризиса прежде всего необходимо изменение моральных норм» [16], а также возможная переориентация экономики на поддержку полных семей, в которых много детей.

Литература

1. Антонов А.И., Медков В.М., Синельников А.Б. Репродуктивное поведение и динамика рождаемости//Население России на рубеже XX-XXI веков: проблемы и перспективы. М, 2002.
2. Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребёнок. М, 1987.
3. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. – М., 2003.; Карлсон А. Общество – семья – личность: социальный кризис Америки. – М., 2003.
4. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М., 2000.
5. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М. 2006.

6. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976.
7. Вовк Е.А. Столкновение ценностей. Многодетность и ответственность. URL: http://www.ng.ru/scenario/2008-03-25/21_values.html (дата обращения 17.03.2013).
8. Дети и родители: совместный досуг. Сколько времени проводят россияне со своими детьми? И как его проводят? «ФОМнибус» 19–20 октября 2013 г. <http://fom.ru/posts/11256>
9. Изменения в материальном положении россиян. «ФОМнибус» 21 февраля 2016. <http://fom.ru/Ekonomika/12538>
10. Материальное положение россиян 2005-2015, <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115531>
11. Образ идеальной семьи. «ФОМнибус» 05 Августа 2013. <http://fom.ru/posts/11024>
12. Оценка женщинами и мужчинами степени важности лично для них жизненных целей. Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного исследования. 2009 год/Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.
13. Патриарх Алексий: Причина кризиса семьи - не в кошельках, а в душах людей. URL: http://www.pravmir.ru/article_3071.html
14. Потребительское поведение россиян в условиях кризиса. «ФОМнибус» 27 Марта 2015. <http://fom.ru/Ekonomika/12100>
15. Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России. Коллективная монография. Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы М., 2015.
16. Синельников А.Б. Трансформация типа семьи и проблема свободы личности//Социальная и демографическая политика. - 2006. - № 2. С. 18-29.
17. Трагедия братской страны заставляет больше ценить то, что есть у нас. Аналитика экспертов ВЦИОМ. Глава ВЦИОМа Валерий Федоров отвечает на вопросы студии «Вестей ФМ» <http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=114922>
18. Удовлетворенность зарплатой Довольны ли люди своей зарплатой? Опасаются ли ее снижения? «ФОМнибус» 27 марта 2016. <http://fom.ru/Ekonomika/12588>
19. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974.
20. Уровень инфляции в РФ, <http://уровень-инфляции.рф/>
21. Фамилистические Исследования. Том II. Миллион мнений о семье и себе. Науч. ред. А.И.Антонов. М.: КДУ. 2009.
22. Becker G., Lewis G.H. On the interaction between the Quantity and Quality of Children // Journal of Political Economy. Vol 82, № 2. PartII.

Ссылки:

¹ В сентябре-октябре 2014 года проведено межрегиональное социологическое исследование кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ совместно с Научно-исследовательским центром Фондом Андрея Первозванного и Институтом социологии РАН. Целью опроса стало изучение жизненных ценностей и установок, ориентаций на семью и семейный образ жизни среди населения регионов России. См. об этом: Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России. Коллективная монография. Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы. М., 2015.

² Ответы многодетных матерей на открытый вопрос: // Образ жизни многодетных семей в России и задачи демографической политики: Предварительный отчет об исследовании кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ.

Особенности репродуктивного поведения семей, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием

Гусева М.А.

Онкологические заболевания занимают второе место в структуре причин смертности детского населения. Высокая эффективность лечения привела к увеличению в популяции когорты лиц, в детстве излеченных от онкологических заболеваний, что делает чрезвычайно актуальным исследование различных проблем, возникающих в этих семьях, в частности, анализ особенностей репродуктивного поведения. Такие исследования необходимы для формирования стратегии медико-социальной и психологической помощи, для разработки программ планирования семьи, имеющей ребенка с тяжелым инвалидизирующим заболеванием. Немногочисленные зарубежные и единичные отечественные исследования репродуктивного поведения семьи ребенка с онкологическим заболеванием основаны на небольшом числе клинических наблюдений, не систематизированы, методологически недостаточно обеспечены, выводы противоречивы. Цель исследования: изучить репродуктивное поведение семей, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием в состоянии ремиссии. Материалы и методы: исследование проведено в 2009 – 2013 гг. Методом анкетирования обследовано 1298 семей из 78 регионов России (матерей – 1131, отцов – 167), имеющих ребенка с онкологическим заболеванием в состоянии ремиссии; возраст детей 5 – 17 лет (медиана - 13 лет). В качестве группы сравнения использованы данные исследования репродуктивного поведения семей в общероссийской популяции (Росстат, 2009 г.). Сравнительный анализ выявил более высокие репродуктивные установки – увеличение средних желаемого и ожидаемого чисел детей и детности во всех возрастных группах в нашей выборке по сравнению с Росстатом, что связано, по нашему мнению, с изменениями в системе ценностных ориентаций наших респондентов под влиянием смертельно опасного заболевания у ребенка в сторону доминирования просемейных ценностей, когда психологические факторы зачастую оказывают более значительное положительное влияние на уровень детности, чем социально-экономические. Высокие репродуктивные ориентации и нахождение новых смыслов в продолжении рода дают нам основание считать, что онкологическое заболевание ребенка актуализирует самоохранительное поведение и его семьи.

Ключевые слова: детская онкология, репродуктивное поведение, семья, социологические исследования

Guseva M.A.

The specificity of reproductive behaviour of families with cancer children. Oncological diseases take the second place in a structure of mortality causes of children population. High efficiency of treatment led to the increase of a cohort of childhood cancer survivors in the population, and it is extremely important to study various problems arising in these families, in particular, the analysis of features of reproductive behaviour. These studies are required to provide social and psychological support and develop programs of family planning. There are a few foreign and Russian works in literature aimed at reproductive behavior studying in families with cancer children, which are based on a small number of clinical observations and produce contradictory data. The purpose of our study: to investigate reproductive behaviour in families with cancer children. Materials and methods: the study was conducted in 2009 – 2013. A survey of 1298 families with cancer children in remission from 78 Russian regions (mothers – 1131, fathers – 167) was made; age of children 5 – 17 years (median 13 years). The control group was the represented group study made by Russian statistic agency in 2009 (Rosstat 2009). The comparative analysis revealed higher reproductive attitudes – the considerable increase in average desired and expected numbers of children and a higher range of childbearing in all age groups in our cohort compared to the Rosstat. In our opinion, these results relate to changes in the system of value orientations of our respondents in which family values got the leading positions under the influence of hard and fatal disease in the child. The study proved that psychological factors often have more significant positive impact on childbearing than socioeconomic. High reproductive orientation in our respondents and finding new meanings of procreation give us the reason to believe that cancer in a child actualizes health behavior in the members of his/her family.

Key words: reproductive behavior, family, pediatric oncology, cancer children, sociological study

Онкологические заболевания занимают второе место в структуре причин смертности населения развитых стран. По данным Российской статистики на 2014 г., показатель заболеваемости злокачественными новообразованиями у детей от 0 до 14 лет составил 13.5 (мальчики) и 11.5 (девочки) на 100 000 детского населения; у подростков 15 – 19 лет – 14.0 (мальчики) и 14.5 (девочки); в абсолютных цифрах – 5 тысяч первично заболевших в год [5].

Соответственно, ежегодно 4 – 5 тысяч новых семей оказываются в кризисной психологической ситуации, связанной с тяжелым, смертельно опасным заболеванием ребенка и длительным, агрессивным лечением, и присоединяются к более чем 25 тысячам семей с детьми, находящимися на поддерживающей терапии и диспансерном наблюдении.

Благодаря осуществлению ряда организационных преобразований, а также внедрению в медицинскую практику современных технологий диагностики и лечения онкологических заболеваний у детей, значительная часть этих болезней перешла из категории фатальных в разряд хронически протекающих и излечиваемых [10]. В настоящее время полностью излечиваются более 80% заболевших детей. В результате в нашей стране в настоящее время живут десятки тысяч лиц, в детстве излеченных от онкологических заболеваний, и вместе с членами их семей и микросоциальным окружением образуют большую когорту населения, вовлеченную в сферу детской онкологии. В США в настоящее время 1 из 530 молодых взрослых в возрасте от 20 до 39 лет был вылечен в детстве от рака [25]. К середине XXI века такую же статистику можно ожидать и в нашей стране, что делает чрезвычайно актуальными исследования медико-социальных проблем семей, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием, с целью организации помощи этим семьям.

В зарубежной и отечественной литературе, начиная с последней декады 20 века, появляются

ся исследования медико-социальных и психологических проблем этой когорты семей [7; 9; 16; 18; 20].

Есть зарубежные работы, в которых показано существенное влияние онкологического или другого тяжелого заболевания у ребенка, а также генетических рисков рождения больного ребенка, например, с талассемией, муковисцидозом, гемофилией и пр. на репродуктивные планы семьи. [11; 14; 17].

Репродуктивные планы семей, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием, изучались в зарубежных [24] и в единичных отечественных исследованиях [3; 6].

Исследование датских ученых Van Dongen Melman и ее коллег на выборке 133 респондента из 70 семей, имеющих детей в возрасте от 8 до 12 лет с гемобластозами (средний возраст матерей – 39 лет) показало, что онкологическое заболевание у ребенка может оказывать негативное влияние на семейное планирование в связи с высокими генетическими рисками рождения еще одного больного ребенка [24].

В исследовании выделены изменения стратегий репродуктивного планирования в группе родителей под влиянием онкологического заболевания: (1) желание родить ребенка (2) отказ от рождения ребенка (3) неопределенность позиции в отношении рождения ребенка (4) откладывание рождения ребенка на неопределенный срок. Изменения репродуктивных планов были, в основном, зафиксированы в семьях (48%), которые до заболевания ребенка не реализовали имеющуюся потребность в детях. Эта группа респондентов была дифференцирована на две подгруппы: родители, которые до заболевания ребенка не определили свою позицию в отношении рождения других детей (25%) и те, кто точно хотел бы еще родить ребенка (23%). Семьи из первой группы распределились так: хотели родить ребенка 9%; отказывались от рождения 40,6%, из них более половины женщин (58%) прошли стерилизацию во время или после лечения ребенка; не определили свою позицию в отношении рождения детей 9%; считали, что онкологическое заболевание не повлияло на их планы 41%. Большинство семей из второй группы (репродуктивные потребности не удовлетворены) показали, что онкологическое заболевание не повлияло на их репродуктивное планирование – 73%. Оставшиеся

демонстрировали 2 репродуктивные стратегии: отказывались от рождения 3%; откладывали рождение ребенка 23%.

Среди наиболее часто указываемых помех к рождению еще одного ребенка в группе родителей, не определивших свою позицию в отношении рождения детей до заболевания: 1) новорожденный отнимет время, необходимое для ухода за больным ребенком, что сопровождалось чувством родительской вины 2) другой ребенок может так же заболеть 3) новый ребенок не заменит больного 4) страх «пережить это» снова. Среди наиболее часто указываемых мотивов к рождению детей в этой группе были 1) испытать счастье материнства, имея здорового малыша 2) получить позитивный опыт воспитания здорового ребенка и др. Причины отказа от рождения ребенка в другой группе (хотели родить ребенка) были психологическими: 1) эмоциональная нестабильность и психологическая неготовность к рождению ребенка 2) страх, что новорожденный будет болеть, и это станет невыносимым бременем для семьи.

Показана значимая связь между репродуктивными стратегиями отказа и откладывания рождения ребенка и психологическими показателями: утрата контроля и негативные эмоциональные состояния у родителей ($p < 0,01$); а также демографическими показателями – более тяжелым прогнозом заболевания у ребенка ($p < 0,04$); наличием у него школьных проблем ($p < 0,01$).

Показано отсутствие корреляции между изменениями в репродуктивном планировании и религиозной принадлежностью респондентов [24].

Одним из выводов, сделанных многими исследователями репродуктивного планирования в семьях, имеющих ребенка с тяжелым заболеванием, и согласующихся с теорией репродуктивного поведения В.А.Борисова, А.И.Антонова, В.М.Медкова [1], является вывод о том, что потребность иметь ребенка – это наиболее важный фактор в принятии репродуктивных решений, независимо от диагноза заболевания. [12; 14; 15; 17]

Другой немаловажной причиной изменения репродуктивного поведения является, по мнению некоторых авторов, желание или нежелание иметь замещающего ребенка, то есть родить ребенка в замену того, который может уме-

реть (или не может полноценно жить) [13, 21], или не рожать больше детей, мотивируя тем, что больной ребенок никогда никем не может быть заменен (эта стратегия обнаружена, в основном, в группе родителей, «завершивших», по словами авторов, репродуктивное планирование, то есть достигших до заболевания ребенка итогового желаемого числа детей).

По мнению Van Dongen Melman с соавторами, даже в случаях, когда нет реальной физической утраты ребенка, «замещающий» ребенок может появиться взамен утрат психологических. Таким образом, новорожденный появляется на свет как «позитивный опыт», компенсирующий негативные эмоциональные переживания и психологические утраты [24]. Эти же авторы показали, что решение родить ребенка часто связано не с рациональной, а эмоциональной компонентой данной поведенческой диспозиции, например, чувство вины перед больным ребенком, страх не справиться в случае болезни другого ребенка, что было подтверждено в ряде исследований других авторов [22]. При этом репродуктивное поведение, связанное с откладыванием рождения ребенка на неопределенный срок, можно рассматривать как копинг-стратегию семьи – попытку справиться с чувством вины в отношении больного ребенка [24].

Страх возможных наследственных рисков, а также психологические проблемы родителей негативно сказываются на снижении рождаемости в тех семьях, которые к моменту заболевания ребенка еще не удовлетворили имеющуюся потребность в детях. Неудовлетворение имеющихся репродуктивных потребностей, по мнению авторов, является дополнительным стрессогенным фактором в семье [24].

«Репродуктивные намерения» семей также проанализированы в работах отечественных исследователей, например, в диссертационном исследовании Е.И. Моисеенко, на выборке 341 семья с детьми от 0 до 18 лет – данные о репродуктивных намерениях получены на основании ответов респондентов (матерей) на вопрос «Имея сейчас больного ребенка, собираетесь ли Вы в будущем рожать?». На этот вопрос ответили положительно только 9%, скорее да – 7%, скорее нет – 15% и половине случаев получен отрицательный ответ. Анализ ответов дал автору основание считать «репродуктивную стратегию» исследуемой когорты «крайне низкой».

Однако важно отметить, что во время исследования более половины респондентов находились в ситуации лечения онкологического заболевания, следовательно – в состоянии сильного стресса, при котором будущее выглядит неопределенно, все внимание и силы сосредоточены на лечении ребенка, поэтому обсуждение в этот период любых планов, тем более репродуктивных, с мамами больных детей позволяет только подтвердить мнение о влиянии эмоциональных факторов на принятие репродуктивных решений. По замечанию автора, респонденты, давшие отрицательный ответ, выглядели подчеркнуто эмоционально («больше детей в семье не будет!») [6].

Еще одна коллизия, связанная со спецификой детской онкологии, – к счастью, не очень распространенная, – рождение ребенка-донора для проведения трансплантации костного мозга больному брату/сестре. Несомненно, эта ситуация очень травматична для всех членов семьи, особенно для матери [23]. В ряде случаев, когда предварительный анализ эмбриона, зачатого как будущего донора стволовых клеток брату-сестре, дает отрицательный результат в отношении совместимости, матери рекомендуют аборт и повторное зачатие. В этих, к счастью редких, случаях возникает этический вопрос о правовом статусе эмбриона, который широко обсуждается в зарубежной биомедицине с конца 1990-х годов [19].

Следует отметить, что репродуктивное поведение семей, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием, до настоящего времени остается малоизученным. Исследования основаны на небольшом числе клинических наблюдений, не систематизированы, методологически недостаточно обеспечены, выводы противоречивы. Кроме того, нет ни зарубежных, ни отечественных социо-демографических исследований этой когорты семей, которые были бы методологически обоснованными и сопоставимыми с аналогичными исследованиями в общей популяции.

Между тем анализ репродуктивного поведения семей, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием, необходим для формирования стратегии эффективной медико-социальной и психологической помощи этим семьям. Результаты такого исследования важны для разработки программ, направленных на снижение

количества аборт, достижение более полной реализации потребности в детях, а также экстраполяции этого опыта на семьи, воспитывающие детей с другими тяжелыми инвалидизирующими заболеваниями.

Учитывая эти обстоятельства, мы предприняли социологическое исследование репродуктивного поведения семей, в которых ребенок с онкологическим заболеванием находился в состоянии продолжительной ремиссии.

Цель исследования: изучить репродуктивное поведение семей, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием.

Материалы и методы. Исследование проведено в 2009 – 2013 гг. в реабилитационном отделении для детей с онкологическими заболеваниями санатория «Русское поле» Минздрава России (Московская обл., Чеховский р-н, главный врач – Федоров Ю.Н.) совместно с Кафедрой социологии семьи и демографии Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (заведующий кафедрой – профессор А.И. Антонов).

В качестве респондентов выступили 1131 мать, из них 1085 в репродуктивном возрасте – до 49 лет включительно и 167 отцов (характеристика респондентов дана при анализе и обсуждении результатов исследования).

Анализ структуры репродуктивного поведения семей, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием, проводился с использованием в качестве контрольной группы когорты женщин из исследования, проведенного Росстатом в 2009 г. – 1118 женщин в репродуктивном возрастном диапазоне от 21 до 45 лет [8].

Методом анкетирования обследованы 1298 семей из 78 регионов России, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием в состоянии ремиссии в возрасте от 5 до 17 лет (медиана – 13 лет); все дети ко времени проведения исследования закончили лечение в сроки от 1 года до 13 лет (средний срок – 4 года, мода – 2 года). Основными нозологическими формами злокачественных опухолей у детей в нашем исследовании были гемобластозы 76,1% (лейкоз – 62,4%, лимфомы – 13,7%), опухоли ЦНС – 7,2% и другие солидные опухоли – 16,7%.

Основным методом обследования было анкетирование, которое дополнялось выборочным интервьюированием.

Структура анкеты. Анкета содержит 7 блоков вопросов. 1. Социально-демографичес-

кий. 2. Социально-экономический. 3. Вопросы о жизненных ценностях и приоритетах. 4. Медицинские вопросы, связанные с состоянием здоровья самих респондентов. 5. Вопросы о влиянии онкологического заболевания и его лечения на внутрисемейные отношения и отношения с ближайшим социальным окружением. 6. Вопросы о влиянии онкологического диагноза ребенка на репродуктивную стратегию семьи. 7. Вопросы о состоянии здоровья больного ребенка, о диагнозе, сроках ремиссии, проведенном лечении и осложнениях, о его социальной адаптации после окончания лечения. Таким образом, структура вопросов анкеты позволяет определить комплекс медикосоциальных проблем, связанных с заболеванием ребенка, и реконструировать условия их формирования.

Результаты и обсуждение. Большинство респондентов-женщин (85,9%) находилось в средней возрастной группе. Самой молодой респондентке был 21 год, самой старшей – 60 лет, медиана – 37 лет. Большинство респондентов-мужчин (89,2%) также находилось в среднем возрастном диапазоне. Самому молодому респонденту было 29 лет, самому старшему – 68 лет, медиана – 40 лет. Таким образом, абсолютное большинство опрошенных родителей (матерей и отцов) находилось в активном репродуктивном возрасте, который предполагает высокий уровень социально-экономической адаптации, наличие сформировавшихся поведенческих установок, жизненных стратегий, прочных социальных связей, профессиональных навыков и ценностных ориентаций.

Долю состоявших в браке на момент опроса составили 77,2% респондентов (официальный брак – 70,0% или гражданский – 7,2%); одиноких – 22,8% (в разводе или разошлись без развода – 15,6%; у 1,4% супружеские отношения сохранены формально; 2,9% никогда не были в браке; 2,9% (35 женщин и 2 мужчин) – в момент опроса являлись вдовцами).

Большинство респондентов в момент исследования находилось в первом браке: женщины – 80,8% от ответивших, мужчины – 83,2%; во втором браке: женщины – 18,1%, мужчин – 14,4%; в третьем браке – женщины – 1,1%, мужчин – 2,4%.

Важно отметить, что количество распавшихся (формально и не формально) браков в на-

Таблица 1
Распределение женщин по числу рожденных детей

Число рожденных детей	Исследование Росстата, 2009 %%(N)			Наше исследование %%(N)		
	Все женщины N=1095	Состоящие в браке N=870	Незамужние матери N=225	Все женщины N=1085	Состоящие в браке N=814	Незамужние матери N=271
0	9,4 (103)	11,8 (103)	-	-	-	-
1	58,3 (638)	52,8 (459)	79,6 (179)	39,7 (431)	31,4 (256)	64,6 (175)
2	27,8 (304)	30,7 (267)	16,4 (37)	48,7 (528)	55,3 (450)	28,8 (78)
3	3,8 (42)	4,0 (35)	3,1 (7)	9,6 (104)	11,1 (90)	5,2 (14)
4	0,6 (7)	0,6 (5)	0,9 (2)	1,6 (17)	1,6 (13)	1,5 (4)
5	0,1 (1)	0,1 (1)	-	0,4 (4)	0,5 (4)	-
6	-	-	-	0,1 (1)	0,1 (1)	-

Таблица 2
Среднее число рожденных детей у женщин в разных возрастных группах.

Возраст (лет)	Росстат, 2009 %%(N)			Наше исследование %%(N)		
	Все женщины N=1095	Состоящие в браке N=870	Незамужние матери N=225	Все женщины N=1085	Состоящие в браке N=814	Незамужние матери N=271
До 25	0,74(N=130)	0,70(N=113)	1,00(N=17)	1,43 (N=7)	1,60 (N=5)	1,0 (N=2)
25-29	1,06 (N=249)	1,05(N=217)	1,16(N=32)	1,37 (N=106)	1,43 (N=80)	1,19 (N=26)
30-34	1,39(N=260)	1,43(N=212)	1,21(N=48)	1,52 (N=289)	1,65 (N=209)	1,20 (N=80)
35-39	1,48(N=225)	1,54(N=169)	1,32(N=56)	1,77 (N=349)	1,88 (N=275)	1,32 (N=74)
?40	1,51(N=231)	1,59(N=159)	1,33(N=72)	2,04 (N=334)	2,12 (N=245)	1,82 (N=89)
Среднее кол-во детей	1,28	1,29	1,25	1,75	1,85	1,44

шей выборке составило 17,0% (от числа ответивших на вопрос), что существенно выше, чем в популяции (по данным Всероссийской переписи населения (ВПН) 2010 г., количество официальных разводов/разрывов отношений среди группы женщин-респондентов, в возрастной группе от 20 до 54 лет, составило 13,8%). Больше количество респондентов в нашей когорте находится в официальном браке – 70,0% против 53,9% в ВПН 2010 г.; и меньшее – в гражданском 7,2% против 9,5%, соответственно. Обращает на себя внимание и существенно меньшее в нашей когорте количество одиноких мам – 2,9% против 18,3%. [4]

Важно, что общее количество незарегистрированных браков в нашем исследовании существенно меньше, чем в исследованиях Росстата и ВПН 2010: 10,4%, 14,4% и 16,0%, соответственно ($p < 0,01$), что, по нашему мнению, показывает высокую значимость семейных ценностей для наших респондентов. Надо отметить,

что существенного отличия по этому показателю между исследованием Росстата и ВПН 2010 нет ни в одной возрастной подгруппе, ни в общей выборке ($p > 0,05$).

В анализ структуры репродуктивного поведения вошли только женщины репродуктивного возраста, поэтому выборку составили 1085 женщин в возрасте до 49 лет включительно.

В нашем исследовании средний возраст респондентов выше, чем в исследовании Росстата - 36.7 и 32.3 для замужних, 36.8 и 34.9 для незамужних матерей.

Анализ распределения респондентов по возрасту показывает, что в нашем исследовании присутствует возрастной сдвиг вправо – достоверно меньшее количество респондентов в младших возрастных группах и большее в старших, в силу того, что наши респонденты имеют как минимум одного ребенка в возрасте не младше 5 лет. Доля респондентов, находящихся в многочисленной средней возрастной группе от

Таблица 3
Среднее желаемое и ожидаемое число детей в разных возрастных группах.

Возраст (лет)	Росстат, 2009		Наше исследование	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
До 25	2,34 (N=134)	2,01 (N=117)	2,86 (N=7)	2,71 (N=7)
25-29	2,21 (N=229)	1,74 (N=203)	2,48 (N=106)	2,08 (N=98)
30-34	2,24 (N=239)	1,78 (N=228)	2,52 (N=281)	2,11 (N=245)
35-39	2,36 (N=214)	1,64 (N=200)	2,59 (N=334)	1,99 (N=291)
40 и более	2,27 (N=208)	1,55 (N=213)	2,69 (N=309)	2,04 (N=249)
Среднее	2.28	1.72	2.59	2.05

30 до 34 лет, в нашем исследовании и в выборке Росстата отличаются несущественно – 26.6 против 23.7%.

Сравнение брачного поведения респондентов в двух исследованиях не выявило существенных отличий: соотношение первых и повторных браков было практически одинаковым в нашем исследовании – 81,0 и 19%; и в Росстате – 81,5 и 18,5%, соответственно, и с возрастом количество первых браков уменьшалось при увеличении повторных.

Уровень детности в нашей когорте отражен в табл. 1 в сравнении с данными Росстата.

Анализ данных по уровню детности в обеих когортах показал статистически значимую и разнонаправленную разницу. Исследование Росстата и исследование в онкологии: группа однопородных – 58,3 и 39,7%, соответственно, ($p < 0,01$); группа двухдетных – 27,8 и 48,7%, соответственно, ($p < 0,01$), группа трехдетных – 3,8 и 9,6%, соответственно, ($p < 0,01$); группа четырехдетных – 0,6 и 1,6%, соответственно, ($p < 0,01$). Доля среднететных (3-4 ребенка) семей существенно выше (в 2.5 раза) в нашей выборке, чем в выборке Росстат – 11.2 и 4.4%, соответственно, ($p < 0,01$). Эти данные позволяют говорить о существенно более высоком уровне детности в нашей когорте.

Среднее число рожденных детей, по результатам исследований Росстата и нашего, составило, соответственно, 1,28 и 1,75; у состоящих в браке 1,29 и 1,85; у незамужних матерей – 1,25 и 1,44. (табл.2)

Сравнительный анализ (табл. 2) среднего числа рожденных детей у женщин в разных возрастных группах в нашей выборке и в Росстате показал, что к завершению репродуктивного периода у женщин в возрасте 40 и более лет в

среднем рождено детей, соответственно: 2,04 и 1,51 (все респонденты); 2,12 и 1,59 (состоящие в браке); 1,82 и 1,33 (незамужние матери). Об этих величинах можно говорить, как о близких к итоговому уровню рождаемости в этом поколении респондентов, и только в нашей выборке итоговый уровень рождаемости у состоящих в браке респондентов приблизился к коэффициенту простого воспроизводства населения.

Сравнительный анализ репродуктивных установок респондентов выявил более высокие показатели во всех возрастных группах в нашей выборке по сравнению с Росстатом (табл. 3). Кроме того, в нашей когорте репродуктивные потребности «сдвинуты» в сторону среднететности: троих детей хотели бы иметь 36,7 и 25,2%, а 4 и более детей - 10,2% и 3,5%, респондентов, соответственно. Ожидаемое число детей в нашей когорте больше, чем в Росстате: двоих детей собираются иметь – 61,5% и 46,5%; троих – 17,4% и 7,6%; четырех и более - 2,8% и 1,0%, соответственно, и наоборот, собираются ограничиться одним ребенком в нашей выборке меньшее число женщин, чем в Росстате - 18,0% и 33,3% соответственно.

Известно, что одним из факторов, негативно влияющих на рождаемость, является высокий уровень образования. По уровню образования респондентов обе выборки в целом сопоставимы – разница по среднему, неоконченному высшему и высшему не достоверна и только доля респондентов с неполным средним образованием в нашей выборке существенно больше, чем в выборке Росстата, соответственно, 4.5 и 1.6% ($p < 0,01$).

Сравнение двух выборок по уровням образования и детности подтвердило обратную связь между этими показателями в обеих выборках,

Таблица 4

Среднее желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от уровня жизни семьи.

Примечания. 1) В когорте Росстата уровень жизни измерялся по 100-балльной шкале, большинство респондентов по уровню жизни, по их собственной оценке, соответствовало 51 баллу. 2) В нашей когорте уровень жизни оценивался исходя из вопроса: «В какой степени Вы удовлетворены уровнем жизни Вашей семьи?» с тремя градациями ответов: «совершенно удовлетворен», «удовлетворен», «совершенно не удовлетворен», что примерно соответствует высокому, среднему и низкому уровням жизни.

Оценка уровня жизни (баллы)	Росстат 2009			Наше исследование		
	Среднее желаемое	Среднее ожидаемое	Разница	Среднее желаемое	Среднее Ожидаемое	Разница
0 - 30	2,47 (N=216)	1,74 (N=210)	0,73	2,60 (N=117)	2,11 (N=100)	0,49
40 - 60	2,25 (N=544)	1,70 (N=506)	0,55	2,55 (N=583)	2,04 (N=507)	0,51
70 - 100	2,18 (N=264)	1,76 (N=245)	0,42	2,65 (N=308)	2,06 (N=258)	0,59

однако в нашем исследовании при всех уровнях образования детность соответственно выше, чем в Росстате:

Исследование Росстата. У матерей со средним образованием среднее число рожденных детей – **1.79**; с начальным профессиональным – **1.69**; со средним профессиональным – **1.57**; с неполным высшим – **1.5**; с высшим – **1.38**.

Исследование в онкологии. У матерей с неполным средним образованием среднее число рожденных детей – **2.15**; со средним или средним профессиональным – **1.83**; с неполным высшим – **1.7**; с высшим – **1.62**.

Значимыми факторами, влияющими на репродуктивное поведение, являются условия жизнедеятельности: сфера занятости, доходы, жилищные условия, уровень жизни.

Известно, что профессиональная карьера и уровень дохода имеют обратную зависимость с результатами репродуктивного поведения, при этом изначальная нацеленность на профессиональную самореализацию снижает именно потребность в детях. В нашей когорте, при существующей более высокой потребности, серьезное ухудшение условий жизнедеятельности может существенно снижать итоговое количество детей, оставляя репродуктивные потребности неудовлетворенными. Тем не менее, действие психологических факторов зачастую оказывают более значительное влияние на уровень детности, чем социальноэкономические факторы, когда ценность детей выходит на лидирующие позиции в системе ценностных ориентаций респондентов.

В нашей выборке количество работающих во внебюджетной сфере значительно меньше,

чем в исследовании Росстата, – 27.5% и 39.5%, соответственно, ($p < 0.01$). Это связано с тем, что наши респонденты, занятые в частном секторе, где заработки выше, вынужденные брать больничный лист по уходу за ребенком на длительные сроки, чаще теряют работу, чем женщины, занятые в бюджетной сфере. Многие женщины отметили невозможность устроиться на работу, имея ребенка-инвалида, а часть решила уйти с работы, чтобы посвятить себя больному ребенку и семье, поэтому почти треть наших респондентов (29%) занята только домашним хозяйством.

Учитывая вышеизложенное, представляется закономерным, что по уровню дохода наша когорта по сравнению с выборкой Росстата «сдвинута» в сторону низкого уровня: низкий – 41,8 и 31,4%; высокий – 7,0 и 14,5%, соответственно, и только по среднему уровню доходов когорты сопоставимы – 51,2 и 54,1%.

При сравнении двух исследований по уровню жилищных условий необходимо отметить, что в нашей выборке меньше, чем в когорте Росстата респондентов с жилищными условиями ниже среднего – 34,5% и 45,4% ($p < 0,01$), больше со средними – 50,1% и 42,8% ($p < 0,01$) и выше среднего условиями – 14,4% и 11,7% ($p < 0,05$), соответственно. Мы не можем считать такое сравнение корректным, так как при оценке качества жилья в обоих исследованиях использовалась разная система критериев. Например, при оценке качества жилья мы ориентировались на важный для нас показатель – наличие отдельных комнат у родителей и детей, особенно у ребенка-инвалида. При наличии, мы относили жилищные условия к категории «выше среднего», при этом по общей пло-

Таблица 5

Среднее желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от оценки жилищных условий семьи.

* Оценка жилищных условий проведена условно на основе полученных данных по занимаемой семьей площади (0-30 баллов получили те, кто не имеют своего жилья; 40-60 – те, кто имеет комнату в коммуналке или общежитии, 70-100 те, кто имеют отдельное жилье в виде дома или квартиры, или части дома.

Оценка жилищных условий (баллы)*	Росстат 2009			Наше исследование		
	Среднее желаемое	Среднее ожидаемое	Разница	Среднее желаемое	Среднее ожидаемое	Разница
0 - 30	2,34 (N=295)	1,74 (N=273)	0,60	2,79 (N=71)	2,00 (N=59)	0,79
40 - 60	2,31 (N=326)	1,75 (N=309)	0,56	2,65 (N=40)	2,06 (N=34)	0,59
70 - 100	2,20 (N=398)	1,68 (N=374)	0,52	2,56 (N=892)	2,05 (N=766)	0,51

щадя, такая квартира могла быть не очень большой, и отнесена, по критериям Росстата, к группе со средними жилищными условиями. Такая же неопределенность существует в отношении частного домовладения, которое может быть благоустроенным загородным домом или деревенским жилищем с соответствующими удобствами.

Исследование среднего ожидаемого и желаемого чисел детей в зависимости от оценки уровня жизни в исследовании Росстата показало, что при низкой оценке уровня жизни (0-30 баллов) среднее желаемое число детей составило 2,47, а при высокой (70-100 баллов) – существенно меньше – 2,18, что подтверждает обратную корреляцию между оценкой уровня жизни и желаемым числом детей. Оказалось, что в нашей группе потребность в детях, во-первых, была выше, чем в Росстате и, во-вторых, практически не зависела от уровня жизни: среднее желаемое число детей – 2,59 и 2,64 при низкой и высокой оценке уровня жизни, соответственно (табл. 4).

Ожидаемое число детей в обеих когортах практически не зависело от оценки уровня жизни, а в нашем исследовании, при всех оценках уровня жизни, было на уровне простого воспроизводства, оставаясь существенно выше, чем в Росстате. Реализация репродуктивных потребностей у наших респондентов, возможно, была бы еще выше, если бы не специфические «онкологические» проблемы – многие наши респонденты хотели бы еще детей, но боялись, что «большому меньше достанется», «этого бы воспитать», «большой ребенок требует много ресурсов».

В соответствии с теорией репродуктивного поведения, оценка уровня жизни может влиять, преимущественно на восприятие условий реализации потребности в детях. В выборке Росстата отмечается большая разница между средними желаемым и ожидаемым числами для респондентов с низким уровнем жизни с уменьшением этой разницы по мере улучшения уровня жизни. В нашем исследовании при низком уровне жизни эта разница была существенно меньшей, чем в Росстате, и, наоборот, имела тенденцию к увеличению с улучшением уровня жизни. Увеличение разрыва между потребностями и их реализацией с улучшением уровня жизни в нашей когорте позволяет предположить, что по мере увеличения удовлетворенностью жизнью (возможно, с возвращением к трудовой деятельности после окончания лечения ребенка) репродуктивные потребности у наших респондентов снова оказываются в конкурирующей позиции по отношению к другим, ранее фрустрированным, потребностям индивида/семьи.

Анализ связи репродуктивных установок с оценкой жилищных условий показал, обратную зависимость желаемого числа детей в обеих когортах при так же существенно большем значении в нашем исследовании (таб. 5). Что касается среднего ожидаемого числа детей, то оно практически не зависело от оценки жилищных условий, также имело существенно большие значения в нашем исследовании и приближалось к уровню простого воспроизводства в отличие от данных Росстата.

Для наших респондентов связь между оценкой жилищных условий и репродуктивными установками проявилась сильнее, чем в Росстате,

Таблица 6
Среднее желаемое и ожидаемое числа детей, разрыв между ними и число рожденных детей в зависимости от места жительства респондентов

Место жительства	Росстат 2009			
	Среднее желаемое	Среднее ожидаемое	Разница	Число рожденных детей
Город (N=602)	2,28	1,71	0,57	1,33
Поселок городского типа (N=96)	2,38	1,77	0,61	1,38
Село (N=320)	2,22	1,73	0,49	1,47
	Наше исследование			
Город (Москва или другой областной, республиканский, краевой центр)	2,56 (N=909)	2,01 (N=569)	0,55	1,70 (N=688)
Районный центр	2,53 (N=206)	2,00 (N=179)	0,53	1,69 (N=221)
Село	2,74 (N=150)	2,32 (N=131)	0,42	2,00 (N=159)

что, возможно, связано с наличием в семье ребенка-инвалида, для которого важно соблюдение особых санитарно-гигиенических условий: иметь благоустроенное жилище, отдельную комнату и т.д.

Проанализирована связь репродуктивных установок и итогового числа рожденных детей с местом жительства респондентов в нашей когорте по сравнению с контрольной группой (табл. 6).

Сельских жителей в нашем исследовании оказалось в два раза меньше по сравнению с исследованием Росстата (159 против 320), что связано с меньшей доступностью для них единственной в РФ программы санаторного оздоровления детей с онкологическими заболеваниями.

В исследовании Росстата самые высокие значения среднего желаемого и ожидаемого числа отмечены в подгруппе проживающих в поселке городского типа – 2,38 и 1,77 соответственно, при этом самый большой разрыв между желаемым и ожидаемым также регистрируется в этой подгруппе – 0,61, а число рожденных детей в ней меньше по сравнению с группой жителей села – 1,38 и 1,47.

В нашем исследовании самый большой разрыв между желаемым и ожидаемым – у жителей городов – 0,55, самый маленький – у сельских жителей – 0,42, при этом у жителей сел и деревень наибольшие числа среднего желаемого и ожидаемого: 2,74 и 2,32 против 2,53 и 2,00 (районный центр). У жителей крупных городов в

нашем исследовании среднее желаемое и ожидаемое детей практически такие же, как в районных центрах – 2,56 и 2,01 против 2,53 и 2,00, соответственно.

Число рожденных детей в нашем исследовании и в Росстате распределилось следующим образом: в селах – 2,00 и 1,47; в районных центрах (поселках городского типа) 1,69 и 1,38; в городах – 1,70 и 1,33, соответственно. Таким образом, разница между желаемым и ожидаемым числами детей – меньше, а количество рожденных детей больше по всем подгруппам у респондентов из нашей когорты по сравнению с Росстатом, то есть у респондентов в нашем исследовании отмечена большая степень реализации репродуктивных потребностей.

Исходя из теории ослабления потребности в детях [2], учитывая ее зависимость у разных людей от множества факторов, особенно в когорте, где есть ребенок с онкологическим заболеванием, влияние условий жизнедеятельности на ожидаемое число детей целесообразно рассматривать в группах, однородных по желаемому числу детей, что позволит разделить влияние уровня жизни на потребность в детях и на условия ее реализации (таб. 7).

В когорте Росстата имеет место прямая связь между уровнем жизни и ожидаемым числом детей в группах, однородных по желаемому числу детей. В нашей когорте, в группе респондентов, однородной по их желанию иметь двух детей, связь, практически, обратная. В группе же тех, кто желал бы иметь трех и более детей, связь не

Таблица 7

Зависимость среднего ожидаемого числа детей от оценки уровня жизни и желаемого числа детей

Оценка уровня жизни (баллы)	Росстат 2009		Наше исследование	
	Желаемое число детей			
	2	3 и более	2	3 и более
	Среднее ожидаемое число детей			
0-30	1,57 (N=113)	2,13 (N=75)	1,85 (N=47)	2,38 (N=50)
40-60	1,55 (N=285)	2,16 (N=160)	1,76 (N=266)	2,42 (N=218)
70-100	1,70 (N=162)	2,28 (N=53)	1,77 (N=123)	2,40 (N=125)

Таблица 8

Зависимость среднего ожидаемого числа детей от оценки жилищных условий и желаемого числа детей

Оценка жилищных условий (баллы)	Росстат 2009		Наше исследование	
	Желаемое число детей			
	2	3 и более	2	3 и более
	Среднее ожидаемое число			
0-30	1,62 (N=145)	2,11 (N=92)	1,79 (N=29)	2,20 (N=29)
40-60	1,60 (N=178)	2,20 (N=95)	1,78 (N=14)	2,38 (N=18)
70-100	1,57 (N=235)	2,21 (N=98)	1,77 (N=393)	2,42 (N=339)

обнаружена, что может быть связано с другими, специфическими для нашей когорты, факторами.

Влияние жилищных условий на степень реализации респондентами из обеих когорт потребности в 2-х и 3-х и более детях представлено в таб. 8.

В обеих когортах можно говорить о прямой связи ожидаемого числа детей с оценкой жилищных условий для респондентов, которые хотели бы иметь трех и более детей, при этом в нашей когорте эта связь более сильная, что связано с необходимостью нормальных жилищных условий для ребенка-инвалида. В обеих группах респондентов с желаемым числом детей, равным 2, найдена слабая обратная связь ожидаемого числа детей с оценкой жилищных условий.

Однако, ни желаемое, ни ожидаемое числа детей не могут быть надежными ориентирами в прогнозе итоговой рождаемости, поскольку жизненные планы людей также зависят от изменения системы жизненных целей, ценностей и мотивов.

Среди жизненных ценностей у наших респондентов первые пять мест занимают: «быть здоровым»; «быть хорошей матерью»; «заниматься воспитанием детей»; «проводить свободное время с семьей»; «заботиться о здоровье близких». Таким образом, ценности здоровья, детей и семьи вышли у них на первые места в системе ценностей, а такие, как «достойная зар-

плата» или «достойное положение в обществе» заняли 8 и 19 место. В исследовании Росстата первые три места заняли: «воспитать ребенка», «материальное благополучие», «собственное жилье».

Проанализирована связь среднего желаемого и ожидаемого чисел детей с жизненными ценностями наших респондентов. Высокие репродуктивные установки (среднее желаемое и ожидаемое), отмеченные у наших респондентов, сильно связаны с такими жизненными ценностями, как «иметь несколько детей» (2,72 и 2,22), «быть семьянином» (2,65 и 2,08).

Хорошо известно, что основной детерминантой репродуктивного поведения являются мотивы, то есть социально-психологические конструкты, которые фиксируют содержание потребности личности и семьи в детях. Среди наиболее часто называемых нашими респондентами мотивов иметь ребенка – «приятно опекать малыша, заботиться о нем» (84,2%), «рождение и воспитание детей – самое главное в жизни» (79,3%), «всегда приятно наблюдать за детьми» (72,6%).

Среди наиболее часто называемых помех к рождению ребенка, при которых допустимо даже прерывание беременности – «медицинские показания» (58,1%), «возможность онкологического заболевания у новорожденного» (27,0%). Существенными помехами являются также «возможность рецидива онкологического заболевания у ребенка» (18,2%), «отсутствие

стабильности в семейных отношениях» (15,7%). Помехи социально-экономического характера – «материальные трудности» и «плохие жилищные условия», оказались на 3 и 4 местах – 25,6% и 19,6%, соответственно.

Таким образом, показано влияние психолого-социальных факторов на увеличение/уменьшение потребности семьи в детях - преобладание психологических мотивов к рождению детей, увеличение ценности семьи и детей у наших респондентов, что подтверждается более высокими репродуктивными ориентациями в этой группе в сравнении с контрольной.

Выявлены факторы, специфические для нашей группы респондентов, поскольку они так или иначе связаны с онкологическим заболеванием у ребенка и его лечением, и которые являются существенными помехами к реализации репродуктивных планов семьи, например, ухудшение репродуктивного здоровья у 18,2%, при этом 15,2% указали на наличие заболеваний (у себя, у мужа или у обоих), препятствующих зачатию и рождению ребенка, которые формируются в период лечения ребенка.

Кроме этого, мы проанализировали другие, специфические для нашей когорты, факторы: 1) психолого-социальные - уровень социальной интеграции семей (взаимоотношения внутри семьи и с ближайшим социальным окружением) 2) медицинские, связанные с онкологическим диагнозом и спецификой лечения у ребенка.

Показано, что в нашей когорте, по субъективной оценке самих респондентов, отношения с супругом в связи с заболеванием и лечением ребенка изменились у 44,1%: улучшились – 25,7%; ухудшились – 10,3%; прекратились – 1,6%; семьи распались – 6,5%. Таким образом, более четверти семей консолидировались благодаря тяжелому заболеванию у ребенка. Важным представляются высказывания респондентов, так как их анализ дает более четкую картину качества семейных отношений: «муж больше стал уделять внимания детям, больше проявлять интерес к проблемам семьи»; «у нас изменились жизненные ценности»; «мы поняли как дорого нам то, что мы имеем, оценили взаимную поддержку и привязанность, свои семейные ценности»; «поняли, что семья и здоровье детей самое главное в жизни, стали терпимее и внимательнее друг к другу»; «появился смысл,

единая цель»; «по другому стали смотреть на жизнь»; «стали терпимее по отношению друг к другу, поняли что главное - наша семья, и мы только вместе можем спасти нашу дочь» и т.д.

В то же время, углубленный анализ показал, что из первых браков, окончившихся смертью супруга или разводом (N=364), 24,2% прекратилось в первые три года противоопухолевого лечения, из них 47,7% – в течение года после установления диагноза и начала противоопухолевой терапии; из вторых окончившихся браков (N=47), более половины прекратились в течение двух лет после установления онкологического диагноза ребенку (51,1%). При этом, не все респонденты, браки которых распались в указанный период, связывают развод с болезнью ребенка, а склонны объяснять это другими причинами, которые, возможно, являются последствиями эмоционального стресса и последующей социальной дезадаптации. Таким образом, большое количество разводов в первых и вторых браках приходится на период установления диагноза и специального лечения у ребенка, а большинство происходит в 1-й год, что связано с низкой адаптивной способностью многих семей совладания со стрессом – кризис семейной системы в период заболевания и лечения приводит к ее распаду.

Установлено, что в семьях с ребенком с солидной опухолью отношения между супругами достоверно чаще ухудшаются ($p < 0,05$), чем в семьях с детьми с другими онкологическими диагнозами, что возможно связано с более тяжелым лечением, сопряженным в большинстве случаев с калечащими операциями и более глубокой и длительной инвалидностью.

Показано, что отношения с ближайшим социальным окружением изменились у 54,3% респондентов: улучшились у 32,5%; ухудшились у 6,7%; с кем-то улучшились, а с кем-то ухудшились – у 7,8%, что связано, по анализу высказываний респондентов, с мифами и стигмами онкологических заболеваний, осложняющих психолого-социальную адаптацию этих семей в социуме.

Неоднородность онкологических заболеваний по протеканию, методам лечения, прогнозу и пр. позволило нам предположить наличие разницы в медико-социальных и психологических последствиях разных нозологий опухолей у детей для семьи, как мы это видим в обнаруже-

нии зависимости между диагнозом у ребенка и отношениями между родителями в его семье. Целесообразно проанализировать воздействие этого и некоторых других, специфических для онкологии, факторов на репродуктивные установки, стратегии, мотивы, помехи к рождению, уровень детности, репродуктивные ситуации.

Так, средние «желаемое» и «ожидаемое», в основном, больше у респондентов, чьи дети болели гемобластомами (лейкозы, лимфомы), и меньше в группе с солидными опухолями: лейкозы (N=588) – 2,64 и 2,08; лимфомы (N=133) – 2,56 и 2,07; солидные опухоли (N=163) 2,38 и 1,93; опухоли ЦНС (N=67) – 2,62 и 2,03, соответственно. В группе с лейкозами репродуктивные установки самые высокие; в группе с лимфомами и солидными опухолями ниже, что может быть связано с оперативным лечением детей с лимфомами (в 71,1% случаев), с солидными опухолями (в 91,3%); в последней группе операции являются часто калечащими. Самая большая разница выявлена между репродуктивными потребностями и их реализацией в группе с опухолями ЦНС, что возможно обусловлено, с одной стороны, желанием иметь полноценного ребенка (частыми последствиями лечения опухолей ЦНС являются нейрокогнитивные проблемы (нарушения моторики, речи, памяти, внимания); нарушения работы зрительного и слухового анализаторов; нарушение координации; бесплодие; органические поражения головного мозга); с другой – отсутствием необходимых условий для рождения ребенка, в первую очередь, из-за необходимости постоянного ухода за больным ребенком. Вероятное во многих случаях будущее бесплодие у детей этой группы не может не влиять на репродуктивные установки, повышая желаемое число детей, поскольку существует реальная угроза прекращения рода. Нам известны случаи, когда мамы девочек с диагнозом опухоли ЦНС, «замораживали» (помещали на хранение в специальный банк) свои собственные яйцеклетки для того, чтобы в будущем у дочки был шанс родить родного по крови ребенка.

О наличии рецидивов заболеваний у детей в нашей когорте указали только 7,7% опрошенных. Самая высокая доля рецидивов у детей – в группах с опухолями ЦНС – 17,2% и солидными опухолями – 15,4%, что также влияет на рождаемость в этих группах.

По количеству рожденных детей группа солидных опухолей и ЦНС также отличается от группы с гемобластомами (лейкозы, лимфомы), где среднее количество рожденных детей ниже: лейкозы – 1,78; лимфомы – 1,84; солидные – 1,61, опухоли ЦНС – 1,5. Самое низкое число рожденных детей – в семьях, воспитывающих ребенка с опухолью ЦНС, что согласуется с нашей гипотезой. В группе с лимфомами среднее количество рожденных детей больше, чем в других группах, что, возможно, связано с более высоким возрастным пиком заболеваемости лимфомами – 8,16 по сравнению с другими нозологическими группами (для опухолей ЦНС – 6,31; солидных опухолей – 5,74; лейкозов – 5,56).

Онкологическое заболевание у ребенка влияет на решение обзавестись еще ребенком – 43,5%. Выделено 3 стратегии: отложить рождение ребенка на неопределенный срок – 21,2%; родить ребенка – 12,9%; больше не иметь детей – 9,4%. Среди основных причин больше не иметь детей в последней группе чаще указывают наследственные риски; страх, что «ребенок родится больным»; «меньше времени придется уделять больному ребенку».

Среди решивших больше детей не иметь, наибольшую долю составили матери детей с опухолями ЦНС (55,0%) и солидными опухолями (51,5%), что вполне объяснимо с точки зрения более калечащего лечения, тяжелых последствий и длительной инвалидности у детей.

Страх рождения больного ребенка в связи с возможными наследственными рисками отметили 24,2% респондентов. Наоборот, респонденты, захотевшие родить еще ребенка, указывали чаще на страх остаться без ребенка, и на то, что рождение и воспитание детей – это открывшаяся им ценность и смысл жизни. Приведем наиболее типичные высказывания: «Болезнь ребенка дала понять, насколько он мне дорог, и насколько мне нужен он и нужны еще дети»; «я сильнее начала ценить и любить детей»; «дети – самая большая ценность в жизни»; «мое желание иметь еще детей – это животный инстинкт размножения для восполнения возможных потерь»; «захотелось дать жизнь еще нескольким детям»; «мы хотели вообще иметь только двоих детей, но когда заболела дочь, мы решили, что ребенок будет ей радостью»; «дети – это новые эмоции и заботы, страх остаться без детей»;

«отлежав год в онкологии, я поменяла мировоззрение»; «потому что ребенок — это смысл жизни»; «смысл жизни — в самой жизни, важнее жизни детей ничего нет».

Из группы предложенных в анкете мотивов для рождения ими еще одного ребенка наиболее часто выбираемыми были следующие: детям лучше с братьями и сестрами — 35,9%; желание иметь малыша — 28,7%; уверенность в том, что ребенок родится здоровым — 27,1%; убежденность в том, что в семье должно быть несколько детей — 23,6%.

Мотив «просьбы имеющегося ребенка о братике или сестричке» чаще отмечен в группе с опухолями ЦНС (23,9%), чем с другими опухолями (для сравнения - 13,3% с лейкозами; 11% - с солидными опухолями), что объяснимо с точки зрения понимания проблем ребенка с опухолью ЦНС: длительная социальная изоляция, связанная с многолетним лечением и его последствиями.

В группе солидных опухолей на 2-м месте находится уверенность в здоровье будущего ребенка (32,5%), что свидетельствует о большей тревоге родителей детей с солидными опухолями в отношении будущего и подтверждается более низкими репродуктивными установками в этой группе и, соответственно, более низким общим уровнем детности.

В группе с опухолями ЦНС и лимфомами выше, чем в других группах, убежденность, что «должно быть несколько детей в семье», в группе лимфом этот мотив вышел на 2-е место. Возможно, этот факт также связан с указанным нами ранее пиком заболеваемости по нозологическим группам, соответственно более высоким средним возрастом ребенка при постановке онкологического диагноза. Для этих родителей, у кого до заболевания был только 1 ребенок, вопрос о рождении второго на момент исследования стоит более остро.

Чуть более 6% респондентов отметили, что важной причиной для принятия решения о рождении ребенка является для них рекомендация врачей. В онкопедиатрии для ряда онкологических заболеваний (например, некоторые иммунофенотипы лейкозов) показана трансплантация гемопоэтических стволовых клеток от донора, в связи с этим врачи-онкогематологи, в некоторых случаях, рекомендуют матери больного ребенка родить еще одного ребенка как

потенциального донора костного мозга. Доля респондентов с этим мотивом к рождению ребенка выше в именно в группе с лейкозами — 7,8% (для сравнения, 6,0% - с лимфомами, 3,1% - с солидными новообразованиями, 3% — с опухолями ЦНС). Рождение ребенка-донора было также отмечено в группах с лейкозами — 1,7% и лимфомами — 1,6%.

Высокие репродуктивные установки в нашей когорте частично подтверждаются тем, что абсолютное большинство респондентов на вопрос, что бы они сделали в случае возможного наступления беременности, ответили, что родили бы ребенка — 65,7%. На момент исследования в нашей группе была 31 беременная женщина (2,9% от всех респондентов), из них 83,9% собирались родить ребенка, 16,1% — сделать аборт. Среди беременных, собиравшихся родить, 6% были из группы с опухолями ЦНС; 2,6% - с лейкозами; 1,8% - с солидными опухолями; 1,8% - с лимфомами. Соотношение количества беременных женщин, собиравшихся сделать аборт, с теми, кто собирался родить ребенка такое: в группе лейкозов - 11,8 и 88,2%; лимфом и солидных опухолей - 40,0 и 60,0%; опухолей ЦНС — все беременные женщины собираются родить ребенка.

Среди не беременных женщин, процентное соотношение тех, кто родил бы ребенка в случае наступления беременности и тех, кто бы сделал аборт: в группе лейкозов — 88,2 и 11,8%; лимфом — 59,8 и 40,2%; солидных опухолей — 71,4 и 28,6%; опухолей ЦНС — 72,4 и 27,6%, соответственно. Эти характеристики онкологических заболеваний являются факторами, модифицирующими репродуктивное поведение, воздействуя на мотивы, репродуктивные потребности и установки, влияют на итоговое число детей.

Таким образом, в результате проведенного исследования и анализа полученных результатов выявлены более высокие репродуктивные потребности и результаты сравнительно с общероссийской выборкой, что связано, по нашему мнению, с изменениями в системе ценностных ориентаций наших респондентов под влиянием смертельно опасного заболевания у ребенка с доминированием просемейных ценностей. Психологические факторы зачастую оказывают более значительное положительное влияние на уровень детности, чем социальноэкономические.

Высокие репродуктивные ориентации и нахождение новых смыслов в продолжении рода дают нам основание считать, что онкологическое заболевание ребенка актуализирует самохранительное поведение у его семьи.

Конечная реализация повышенных репродуктивных потребностей в семьях, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием, зависит от организации психолого-социальной поддержки на всех этапах лечения и реабилитации. Большое значение имеет доступность квалифицированного генетического консультирования.

Литература

1. Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. М.: Альма Матер, 2011.
2. Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России: 1897-2007. Избранные демографические труды. Ред.-составитель проф. А.И.Антонов. М.: NOTA-BENE, 2007.
3. Бородина И.Д. Принципы реабилитации детей в ремиссии острого лимфобластного лейкоза: автореф. дисс. канд. мед. наук: 14.00.09, 14.00.29 / Научн.-исслед. ин-т дет. гематологии МЗ РФ. - Москва, 2002.
4. Всероссийская перепись населения. Федеральная служба государственной статистики. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
5. Здравоохранение в России. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2014.
6. Моисеенко Е.И. Медико-социальные аспекты помощи детям с онкологическими заболеваниями: Автореф. дисс. докт. мед. наук. М., 1997.
7. Писаренко Н.А., Моисеенко Е.И., Цейтлин Г.Я. Психологическая адаптация семьи ребенка с онкологическим заболеванием на этапе ремиссии // Российский вестник перинатологии и педиатрии, N3-1998, с. 39-41.
8. Семья и рождаемость: основные результаты выборочного обследования 2009 г. / РОССТАТ. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.
9. Ткаченко И.В., Цейтлин Г.Я., Румянцев А.Г. Социально-психологическая характеристика семей, имеющих детей с онкологическими заболеваниями // Верхневолжский медицинский журнал, 2009, №3, с. 16-19.
10. Цейтлин Г.Я., Сидоренко Л.В., Володин Н.Н., Румянцев А.Г. Организация медицинской и психолого-социальной реабилитации детей и подростков с онкологическими и гематологическими заболеваниями // Российский журнал детской гематологии и онкологии, 2014, №3, с. 59-65.
11. Ali Safari Moradabadi, Azin Alavi, Tasnim Eqbal Eftekhaari, Sakineh Dadipoor. (2015) The Reproductive Behavior of Families with Thalassaemic Children in Hormozgan // Journal of Reproduction & Infertility; 16(3):167-170.
12. Affleck G., Tennen H., Rowe J., (1988) Adaptational features of mothers' risk and prevention appraisals after the birth of high-risk infants // American Journal of Mental Retardation; 92:360-368.
13. Cain A.C., Cain B.S. (1964) On replacing a child // Journal American Academy of Child and Adolescent Psychiatry; 3:443-456
14. Evers-Kiebooms G., Denayer L., Van den Berghe H. (1990) A child with cystic fibrosis: II: Subsequent family planning decisions, reproduction and use of prenatal diagnosis // Clinical Genetics; 37:207- 215
15. Frets P.G, Duivenvoorden H.J., Verhage F., Niermeijer M.F., Van de Berge S.M.M., Galjaard H. (1990). Factors influencing the reproductive decision after genetic counseling // American Journal of Medical Genetics; 35:496-502.
16. Kohlsdorf Marina; Ederson Luiz Costa Junior. (2012) Psychosocial impact of pediatric cancer on parents: a literature review // Paidéia (Ribeirro Preto) vol.22 no.51 Ribeirro Preto Jan./Apr.
17. Kraus E.M., BreHler D.B. (1988). Assessment of reproductive risks and intentions by mothers of children with hemophilia // American Journal of Medical Genetics; 31:259-267.
18. McGrath, P. (2001). Findings on the impact of the treatment for childhood acute lymphoblastic leukaemia on family relationships. Child and Family Social Work, 6(3), 229-237.
19. Moore A. (1997) Embryo Adoption: The Legal and Moral Challenges, 1 U. ST. THOMAS J.L. & PUB. POL'Y 103, 103-08, <http://www.stthomas.edu/law/programs/studentorgs/organizations/jlpp/Publications/Vol1num1/Moore-9.pdf>.
20. Pai, A. L. H., Greenley, R. N., Lewandowski, A., Drotar, D., Youngstrom, E., & Peterson, C. C. (2007). A meta-analytic review of the influence of pediatric cancer on parent and family functioning / Journal of Family Psychology, 21(3), 407-415.

21. Poznanski E.O. (1972) The «replacement child»; A saga of unresolved parental grief // *The Journal of Pediatrics*; 81:1190-1193.

22. Prets P.O., Niermeijer M.P. (1990) Reproductive planning after genetic counselling: A perspective from the last decade // *Clinical Genetics*; 38:295-306

23. Robin E. Sosnow. (2012) Genetic Material Girl: Embryonic Screening, the Donor Child, and the Need for Statutory Reform // *Journal of Health & Biomedical Law*, VII: 609-651 *Journal of Health & Biomedical Law Suffolk University Law School*.

24. Van Dongen-Melman J. E. W., Pruyn J. F. A., de Groot A., Koot H. M., Halren K., Verhulst F. C., (1995). Late psychosocial consequences for parents of children who survived cancer // *Journal of Pediatric Psychology*, "Impact of childhood leukemia on family planning J.E.W.M.50 (2), 567-586

25. Ward E., DeSantis C., Robbins A., Kohler B., Jemal A. (2014) Childhood and adolescent cancer statistics // *CA: A Cancer Journal for Clinicians*; 64(2):83-103.

Семейные ориентации женщин в 1976, 2000, 2014 гг.

Жаворонков А.В.

Статья посвящена выявлению взаимосвязей объёма поведенческих и нормативных ориентаций женщин в динамике за сорок лет. Предпринят вторичный анализ с глубокой переработкой первичных данных. Автор рассматривает результаты тестирования с помощью семантического дифференциала, методик выявления жизненных ориентаций и мнений на трёх замерах с интервалами по 25 и 15 лет. Результатом анализа является построение нормативно-поведенческой- и установочной модели.

Ключевые слова: семантический дифференциал Ч.Осгуда, логическая классификация, жизненные ориентации и приоритеты различных типов семьи, число рожденных детей, ареалы и устойчивость норм демографического поведения, моделирование, корреляционный, дисперсионный анализ, непараметрическая статистика.

Zhavoronkov AV.

Family orientation of women in 1976, 2000, 2014.

Article is devoted to revealing of interrelations of volume of behavioural and normative orientations of women in dynamics for forty years. The secondary analysis with deep processing the initial data is undertaken. The author considers results of testing with the help of semantic differential, techniques of revealing of vital orientations and opinions on three gaugings with intervals for 25 and 15 years. Result of the analysis is construction normative-behavioural-and adjusting model.

Key words: C.Osguda's semantic differential, logic classification, vital orientations and priorities of various types of family, number of given birth children, areas and stability of norms of demographic behaviour, modelling, the correlation, dispersive analysis, nonparametric statistics..

Настоящая работа базируется на данных трёх исследований 1976, 2000 и 2014 гг. Первое и второе были проведены под руководством А.И.Антонова: первое - в Центре изучения народонаселения экономического факультета МГУ, второе - на Кафедре социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ. Третье исследование было проведено совместно Институтом социологии РАН, коллективом указанной Кафедры, Научно-исследовательским центром Фонда Андрея Первозванного и Институтом социальной педагогики РАО в ходе реализации всероссийского социологического опроса «Диагностика состояния образа жизни и перспектив системы управления в России». Авторы программы и полевого документ в части демографических проблем А.И.Антонов и А.В.Жаворонков.

Первое исследование носило характер пилотажного, насчитывало 579 респондентов и предвзяло исследование 1978 г. Из этого исследования было отобрано 229 женщин, которые дали ответы на вопросы-ассоциации по семантическому дифференциалу Ч.Осгуда, касающиеся оценки свойств бездетной и одно-, двух-, трёхдетной семей. Во втором исследовании «Россия 2000» из 1930 респондентов было отобрано 650 женщин, которые также тестировались по семантическому дифференциалу. В третьем исследовании из 840 респондентов было выделено 273 женщины, которые отметили свои ассоциации на 30 шкалах теста*.

Задачами вторичного анализа информации этих исследований являются:

1 – построение в первом приближении многомерной модели ориентации обследованных женщин на те или иные формы семьи (бездетная, с одним или двумя детьми, с тремя детьми и более);

2 – рассмотрение этой модели в динамике на трёх замерах 1976, 2000, 2014 гг. (устойчи-

вость и изменчивость структуры, её характеристики и т.п.);

3 – рассмотрение связей этой модели с типологией общественного мнения относительно приоритетов семейного образа жизни и жизненных ориентаций для себя и будущего - в десятилетиях - поколениях.

Первая задача решается построением трёхмерного пространства по сочетаниям шкал поведенческих, установочных, широты ареала совпадений взглядов.

Вторая задача решается анализом характеристик этой модели в трёх замерах.

Третья задача решается выявлением связей каждой из составляющих полученной модели с типологиями семейной ориентации в суждениях общественного мнения и со скоростью роста/падения тех или иных жизненных ориентаций в их проекциях в следующее поколение* *.

Аппарат и способы решения задач

Социологическая категория «меры» позволяет построить надежный инструмент шкал измерения интенсивности всех признаков трёхмерной модели: поведенческих, установочных, по широте ареалов совпадений или, напротив, поляризации взглядов.

Поведенческий аспект традиционно измеряется «числом рожденных женщиной детей». В нашем случае эта мера выделяет четыре репрезентативные группы: «нет детей», «1 ребёнок», «2 детей», «3 детей и более»*. На этом простом решении задач заканчивается.

«Установки» на определенный тип семьи. Здесь перед построением шкалы интенсивности выражения приоритетов бездетной, малодетной (1-2 ребенка) и многодетной семьям встретились наибольшие трудности.

Во-первых, в связи с тем, что в разных исследованиях применялись разные наполнения шкал семантического дифференциала (что хорошо для однократных замеров, и «классического» выяснения «близости» установок но не для построения строгих динамических рядов), поле для манёвра в конструировании оказалось суженым. Однако, два показателя: теплота/холодность, активность/пассивность оказались *сквозными* для трёх замеров. Результаты дифференциации массивов по двум основаниям были сопоставлены с результатами дифферен-

циации по более широким рядам в каждом исследовании: *свое/чужое, лёгкое/тяжёлое, быстрое/медленное, твёрдое/мягкое* и др. Коэффициенты корреляции Пирсона, Спирмена, Кендалла всех шкал по двум и более показателям составили от 0,750 до 0,996 при $Q=95-99,9\%$. Здесь проблема была снята.

Во-вторых, трудность заключалась в чрезвычайной распыленности оценок семибальной шкалы Ч.Осгуда от «-3» до «+3». Она была преодолена путем пошаговой логической классификации. Первым шагом было преобразование поляризованной шкалы от «-3» до «+3» в семибальную с положительными значениями, где «0» приобретает значение «4». На втором этапе были получены средние оценки по параметрам «теплота/холодность», «активность/пассивность» в отношении: во-первых, семьи без детей, во-вторых, семьи с 1-2 детьми, в-третьих, семьи с тремя и более детьми. На третьем шаге были вычислены матрицы всех эмпирически фиксируемых средних значений оценок семьи бездетной, семьи с 1-2 детьми, семьи многодетной. Трёхмерное пространство составило в массиве 1976 г. 984 клетки. Таким же был порядок в 2000 и 2014 гг. Четвертый шаг заключался в сведении полученных тысяч кластеров к матрицам в 27 клеток: «низкая/средняя/высокая оценки бездетной семьи»* «низкая/средняя/высокая оценки семьи с 1-2 детьми»* «низкая/средняя/высокая оценки многодетной семьи». Так были получены три матрицы «33» соответствующие 1976, 2000, 2014 гг. Коэффициенты корреляции составили между ними: Пирсона от 0,787 до 0,860, Спирмена от 0,681 до 0,801, Кендалла от 0,521 до 0,643, - все при $Q=99,9$. Значения нормированной энтропии ($\min=0$, $\max=1$) по всем 27 клеткам матриц составляло 0,846 - 0,790 - 0,762, а по заполненным клеткам 0,878 - 0,843 - 0,780 соответственно 1976, 2000, 2014 гг. Пятый шаг состоял в исключении малозначимых наблюдений (не больше 1 документа на одну клетку таблицы на пересечении трёх типов оценок) и в объединении близлежащих по типам оценок клеток. Так были получены 14 групп по каждому массиву женщин. Затем эти группы были объединены в 7, которые, в свою очередь, легко преобразовались в три группы «неопределенной», «умеренной» и «многодетной» ориентации по семантическому дифференциалу Чарльза Осгуда. Эти три группы

составили в 1976 г. 15%-54%-31%, в 2000 г. 29%-50%-21%, а в 2014 г. 21%-68%-11%*. Впоследствии по ходу изложения они будут для удобства называться также и группами «низкой», «средней», «высокой» степени семейной ориентации.

Теперь мы имеем пока что *двумерное пространство* из четырёх поведенческих групп женщин, в границах которых мы можем рассматривать три степени семейной ориентации, — т.е. «базу» модели из 12 групп. Первая сторона этого «пространства» — шкала интенсивности поведения, вторая — интенсивности установочных представлений по семантическому дифференциалу. Первый показатель мы можем поставить по оси «X», второй по оси «Y».

В качестве *третьей стороны* пространства процесса замещения поколений, рассматриваемого в таком ракурсе, могут быть взяты любые переменные (по оси «Z»). В настоящей работе ставится задача рассмотрения полученной базы, с одной стороны, в связи с широтой ареалов совпадения тех или иных взглядов исследуемых когорт, а с другой, — со степенью выраженности феминистической или семейной ориентации через соответствующий тест, но не Ч.Осгуда, а выявления согласия с бытующими суждениями общественного мнения на семейную тему о детях.

Широта ареалов совпадений/поляризации семейных предпочтений по семантическому дифференциалу

Наиболее ясное представление о технике получения данной категории анализа вытекает из следующего. Выше была описана замена поляризованной шкалы теста Осгуда на семибалльную с положительными значениями. Таким образом, при оценке четырёх типов семьи (0 детей, 1, 2, 3 и более детей) по двум параметрам (теплое/холодное, активное/пассивное) каждая из 647 респонденток исследования «Россия-2000», возьмем его к примеру, имеет восемь различных оценок. Средняя по массиву составляет 4,48, а среднеквадратическое отклонение 1,01. Распределение частот по средним оценкам близко к нормальному. Все, кто дают значения ниже или выше порога, определяемого из критерия « $X_{cp} \pm 1?$ », относятся к лицам с низкой или высокой оценкой, а остальные к

слою со средней оценкой. Если мы имеем такой результат, то данный показатель может быть интерпретируем как, по крайней мере, близкий к подсистемному. Тогда мы ставим восемь исходных шкал этого показателя семантического дифференциала в подлежащее матрицы, а в сказуемое ставим 647 «людей-переменных», в каждой из которых имеется 8 оценок. Получаем корреляционную матрицу $[(647 \times 647) - 647] : 2 = 208981$ коэффициент корреляции Кендалла*. Вероятность совпадения характеристик двух людей в этой матрице ничтожна. Однако мы получаем на эмпирических данных 55022 коэффициента парной корреляции Кендалла (85,04 в среднем на одну женщину) с положительными значениями в 95% доверительном интервале и 155442 аналогичных коэффициента в 67% интервале (240,25 в среднем). Характерно, что число значимых отрицательных корреляций в этих интервалах составляет соответственно 4398 и 54822 (7 и 85 на одного респондента). Следовательно, в социальной системе существует мощная кристаллизация воздействия социальных «сил» в следах совпадения оценок совершенно независимых людей. Распределение относительно среднего числа положительных корреляций у респондента близко к нормальному. А по отрицательным оценкам оно логнормальное. Отсюда конструируется показатель *нормированной средней числа совпадений* относительно предельного значения, принимаемого за 1 (или доля в общем поле совпадений в процентах у той или иной группы). Это касается как положительных, так и отрицательных значений числа совпадений. Эти показатели могут быть поставлены в третье измерение пространства нашей модели. Оно идентично во всех трёх исследованиях за 1976, 2000, 2014 гг.

Абсолютно та же, адекватная выявлению корреляций между людьми по семантическому дифференциалу, процедура была проведена и в отношении среза, выявившего согласованность оценок общественного мнения. Было взято 18 суждений. Они приводятся ниже.

«Ничто не приносит такого удовлетворения, как выращенный ребенок».

«Бездетные часто ощущают пустоту своей жизни».

«Быть счастливым можно и не имея детей».

«Родители часто бывают менее счастливы, чем те, у кого нет детей».

«Детей можно заводить только на определенной материальной базе».

«Права те, кто, отказываясь от детей, говорит «нечего плодить нищету».

«Заводить ребенка надо только тогда, когда жизнь перспективна».

«Нельзя рожать детей при безысходности собственного существования».

«Надо выполнять заповедь: «Плодитесь и размножайтесь» и не мудрить».

«В нынешних условиях дай бог одного-то вырастить, а там – видно будет».

«Многодетные семьи не пользуются престижем в обществе».

«Только неразвитые люди могут рожать множество детей».

«Нынешнее общество не развивает чувства отцовства и материнства».

«Чем меньше детей, тем меньше у семьи проблем».

«Лишь через детей можно передать себя и свойства рода в будущее».

«Настоящие люди вырастают в многодетных дружных семьях».

«Чем больше детей, тем дружнее и сплоченнее семья».

«Материнский капитал – это огромное подспорье молодым семьям».

Каждое из этих суждений оценивалось респондентом по шкале Лайкерта. Здесь равное количество суждений семейной и феминистической направленности. Респондент, выразивший согласие со всеми суждениями семейной и несогласие со всеми суждениями феминистической направленности, получает 18 соответствующих оценок, а поступающий прямо противоположным образом, занимает полярное место. Распределение между этими позициями оказывается нормальным и в 2014 г., и в 2015 г. Шкалы из 18 суждений становятся «кейсами», люди с их ответами – переменными. Перевернутая матрица обрабатывается корреляционным анализом с помощью коэффициентов Кендалла и мы получаем еще одну нормированную шкалу по оси «Z».

Описание количественно-качественных взаимосвязей наших показателей в трёх точках замера может составить предмет хорошей книги. Наши задачи показать, как работает инструмент в общем и целом, оценить его перспективность. Поэтому о некоторых, порой достаточно важ-

ных, результатах придётся говорить вскользь. Но здесь надо снять еще один достаточно трудный момент.

Дело в том, что все три исследования проводились, исходя из задач, которые были определены конкретным временем и заказом. Никто не думал о сквозном анализе единой системой эталонного инструмента. Частично этот недостаток был уже снят приведением инструмента к общему знаменателю. С 2014 г. нами сделано уже три замера стандартными процедурами, которые позволяют проверить полученные модели на 2600 респондентах; и 1300 из них – женщины. Однако самый сложный момент оказался с демпфированием негативных последствий использования разных выборок.

Здесь удалось выйти из трудного положения следующим образом. Структуры всех трёх массивов были сопоставлены с соответствующими характеристиками этих же когорт женщин в соответствующих переписях, т.е. с аналогичными структурами в генеральной совокупности. Исследование 1976 г. дало корреляцию 12 групп (поколение * число рожденных детей)* с соответствующим распределением у всех подобных женщин страны 0,884 по Пирсону, 0,789 по Спирмену, 0,615 по Кендаллу (доверительный интервал везде 99,9%). Энтропия в матрице признаков в генеральной совокупности и в исследовательском массиве составила соответственно 0,866 и 0,848. Показатели массива 2000г. по этим же параметрам составили: Пирсон 0,676 (Q=95%), Спирмен 0,753 (Q=99,9%), Кендалл 0,565 (Q=95%). Значения энтропии в структуре признаков в стране и в массиве соответственно 0,817 и 0,797. Показатели массива 2014г. оказались самыми худшими: $K_{\text{Пирсона}} = 0,039$, $K_{\text{Спирмена}} = 0,426$ (Q=83,3%), $K_{\text{Кендалла}} = 0,338$. Значения энтропии в структуре признаков страны и массива соответственно 0,852 и 0,622. Массив 1976г можно было бы и не взвешивать: его результирующие показатели расходились с итожущими статистиками взвешенного массива на десятые доли процента. Но мы взвесили все три массива. Первые два не требуют комментариев, третий во взвешенном состоянии дал хорошие показатели: $K_{\text{Пирсона}} = 1,000$, $K_{\text{Спирмена}} = 0,997$, $K_{\text{Кендалла}} = 0,992$ (Q=100%). Значения энтропии в структуре признаков страны и массива 2014г. соответственно 0,852 и 0,838 (а с учётом позиции, округленной до 0 /в ней

Таблица 1

Структуры обследованных ансамблей, взвешенные на соответствующие доли групп в генеральной совокупности по переписям 1979, 2002 и 2010 гг. (В % к общему числу респондентов в каждом массиве; $n_{1976}=229$, $n_{2000}=650$, $n_{2014}=273$).

	1976 г.					2000 г.					2014 г.				
	Число рожденных				S	Число рожденных				S	Число рожденных				S
	0	1	2	3и<		0	1	2	3и<		0	1	2	3и<	
В целом	10	39	39	12	100	9	40	43	8	100	10	41	41	8	100
18-24 года	6	18	7	0	31	6	13	3	0	22	7	12	3	0	22
30-39 лет	3	17	25	7	51	2	21	29	6	58	2	22	23	5	52
40 лет и старше	1	4	7	5	18	1	6	11	2	20	1	7	15	3	26

Таблица 2

Корреляционная матрица структур «поколение * число рожденных детей» в генеральных совокупностях женщин по переписям 1979, 2002 и 2010 гг. и в ансамблях обследованных в 1976, 2000, 2014 гг. женщин (сверху от диагонали корреляции по генеральной совокупности по соответствующим годам переписей, а внизу от диагонали корреляции по ансамблям опрошенных в соответствующие периоды).

**Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

	Пирсон			Спирмен			Кендалл		
	1979/76	2002/0	2010/14	1979/76	2002/0	2010/14	1979/76	2002/0	2010/14
1979/76	1,000	,941**	,866**	1,000	,905**	,832**	1,000	,800**	,677**
2002/0	,942**	1,000	,965**	,909**	1,000	,965**	,816**	1,000	,877**
2010/14	,877**	,969**	1,000	,838**	,982**	1,000	,720**	,935**	1,000

был один респондент/ то же значение: 0,852). Все три взвешенные структуры иллюстрируются в табл. 1.

Для оценки достаточности подобия взятых для анализа структур исследуемых ансамблей ниже приведена корреляционная матрица между заполнениями аналогичных таблиц по генеральной совокупности (РСФСР-1979г., РФ-2002 г., РФ-2014 г.; в верхней части трёх матриц соответственно типам коэффициентов корреляции) и по данным приведенной выше таб. 1 (1976 г., 2000 г., 2014 г.; в нижней части трёх матриц).

Высокая степень связи базовых характеристик общепринятых при исследовании демографического поведения женщин в генеральной совокупности оказывается практически тождественной степеням связи во взвешенных ансамблях, что позволяет нам положить последние в основание всех графиков и таблиц настоящей работы, и выводов по ним.

Поведение групп, лежащих в основании модели

В табл. 3 приводятся веса тех 12 групп, которые лежат в основании трёхмерной модели «поведение * степень семейной ориентации * широта совпадения ареалов оценки»*.

Каждая из 36 групп за три замера может быть охарактеризована широким набором показателей предпочтений, широты их совпадения с другими людьми, вариативности оценок. Начнем с простого: с рассмотрения отклонения от средней оценки четырёх типов семьи раздельно в группах различной «детности» и различной «ориентации»*.

В 1976 г. наблюдается чётко выраженная негативная оценка параметров бездетной семьи всеми без исключения группами с различной «детностью» и всеми группами различной семейной ориентации по семантическому дифференциалу. Особенностью картины 1976г., иллюстрируемой на рис. 1, является ниже средне-

Таблица 3

Структуры обследованных ансамблей с точки зрения веса групп на пересечении признаков «число детей * степень семейной ориентации» в 1976, 2000 и 2014 гг. (В % к общему числу респондентов в каждом массиве; $n_{1976}=229$, $n_{2000}=650$, $n_{2014}=273$).

Примечание: «-» - низкая (неопределенная), «±» - средняя (умеренная), «+» - высокая (многодетная), «S» - вес группы с определенным числом детей в массиве

Число детей \ Ориентация	1976 г.				2000 г.				2014 г.			
	-	±	+	S	-	±	+	S	-	±	+	S
В целом	15	54	31	100	29	50	21	100	21	68	11	100
0 детей	1	4	5	10	4	3	3	10	4	7	2	12
1 ребёнок	10	22	8	40	10	20	7	37	8	26	4	38
2 детей	3	21	14	38	13	23	8	44	6	32	3	41
3 и более	2	6	4	12	2	5	2	9	3	4	1	9

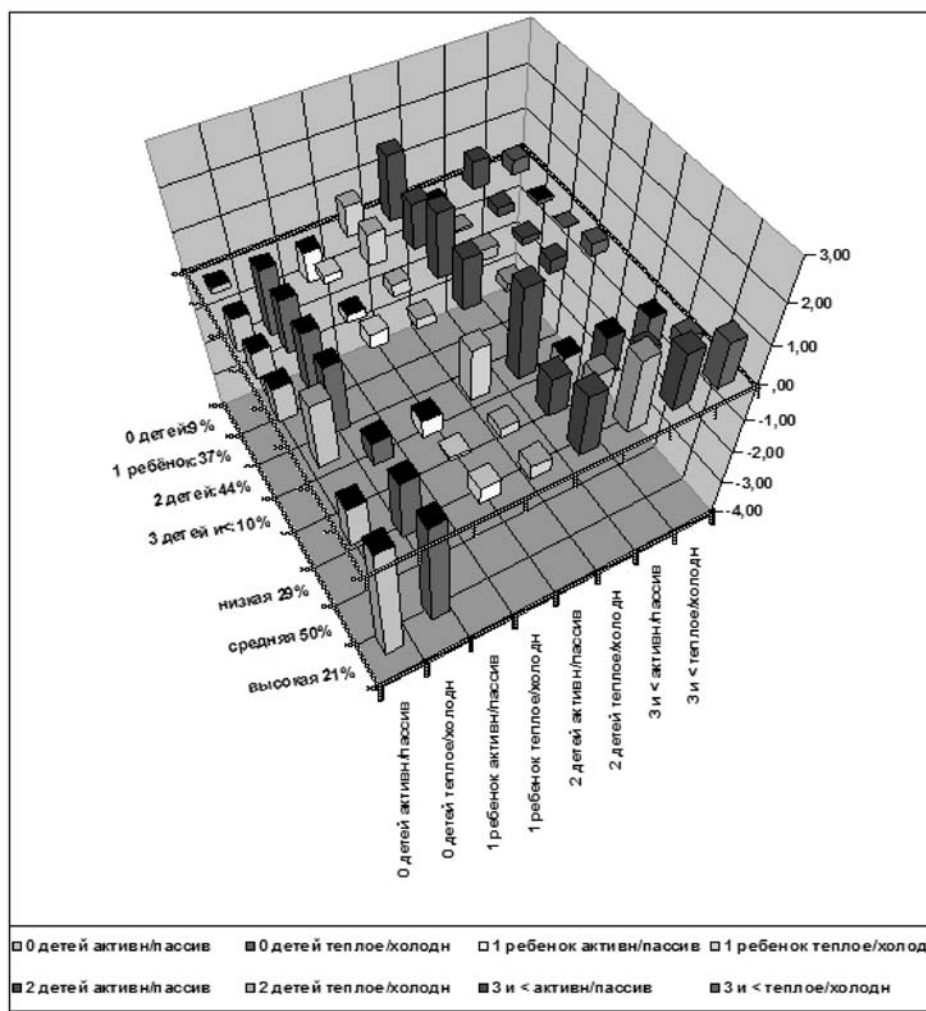

Рис 1. Картина поляризации семейных предпочтений в 1976 г.

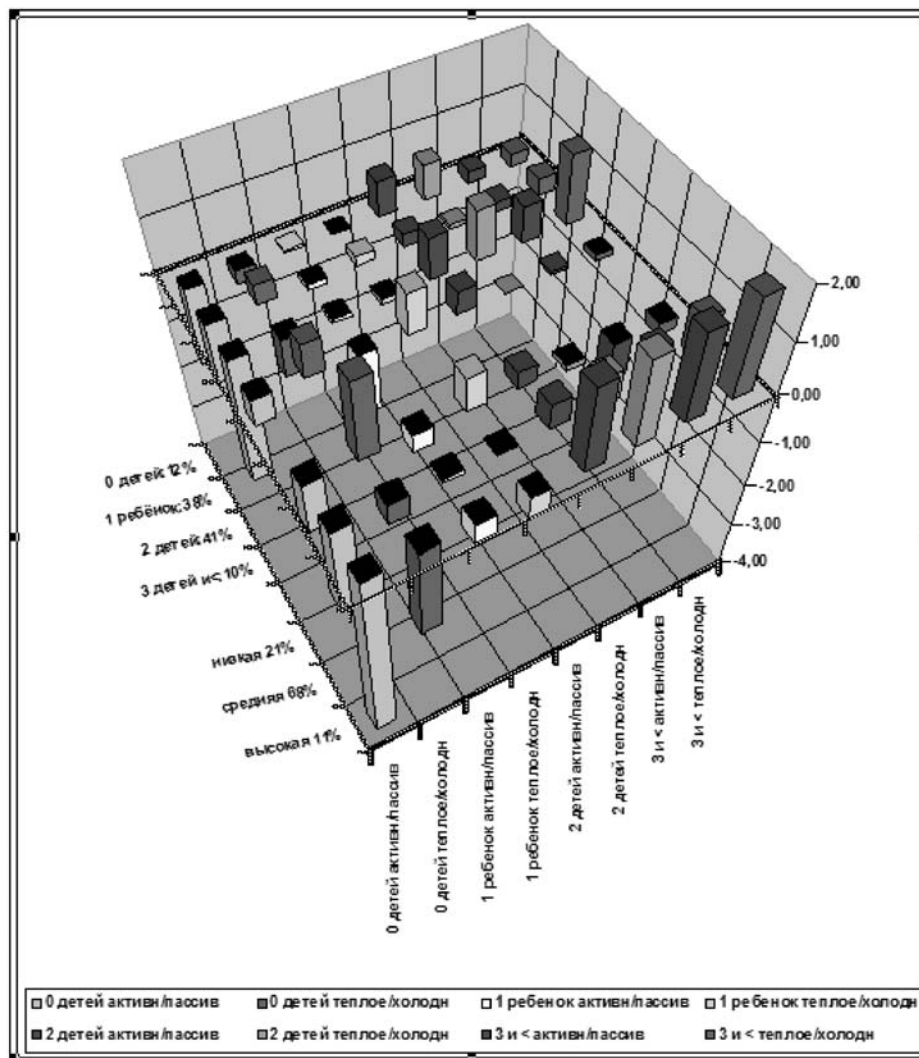

Рис 2. Картина поляризации семейных предпочтений в 2000 г.

го оценка качеств семьи с одним ребенком и несколько менее отрицательная оценка качеств «пассивность» и «холодность» бездетной семьи группой с неопределенной ориентацией. Обращает на себя внимание и более высокие оценки женщинами без детей в 1976 г. качеств трёхдетной семьи, чем эти же оценки у женщин с низкой (неопределенной) семейной ориентацией. И те, и другие оценки находятся в «положительной», выше среднего зоне, однако у женщин без детей оценки выше значительно: 1,1 за «активность» и 0,8 за «тепло» трёхдетной семьи про-

тив 0,2 и 0,3 у женщин с неопределенной семейной ориентацией за эти же качества. Являются ли эти явления следствием нереализованной потребности в детях у одной группы (бездетных) и трудностями многодетной семьи у другой (со снизившейся семейной ориентацией) надо выяснять на более репрезентативных ансамблях.

При этом $K_{\text{вариации}}$ значения средней оценки типов семьи по разбираемым параметрам монотонно «падает» от 54,3% до 51,8% с ростом числа детей (диапазон оценим позже) и доволь-

Рис 3. Картина поляризации семейных предпочтений в 2014 г.

но резко возрастает с повышением степени семейной ориентации (с 39% в группе с неопределенной через 42% у женщин с умеренной и до 58% у женщин с семейной ориентациями). Это явление видно даже невооруженным глазом по разнице в высоте столбиков гистограмм в различных группах «детности» и интегральных оценок по дифференциалу.

Наконец, еще один момент. Максимум отклонений на «плюс» в 1976 г. составляет значение «2», а на «минус» «-4». Этот диапазон говорит о том, что средняя оценка по анализируемым качествам различных типов семьи лежит возле точек «+1» на шкале Осгуда или «5» на шкале положительных значений оценок теста.

Выявленный диапазон сохраняется и в 2000 г., как это явствует из рис. 2. Однако даже при достаточно простом инструменте наблюдения за поведением объекта здесь видна более резкая дифференциация и вырабатываемых смысловых полей (оценок), и поведенческих аспектов у обследованных женщин.

Если в 1976 г. из 56 оценок по двум параметрам «активности/пассивности» и «теплоты/холодности» четырех типов семьи по «детности» у семи групп по числу рожденных детей (4) и степени семейной ориентации (3) было всего 16 оценок ниже среднего значения на «поляризованной» шкале (28% от всего поля оценок), то в 2000 г. эта доля составляет уже 36% (20

оценок) в абсолютно тождественном пространстве.

Вариативность оценок в группах по числу детей остается довольно устойчивой. Коэффициент вариации положительного значения средней оценки типов семьи по семантическому дифференциалу упал с 47% в целом по массиву в 1976 г. до 44% в 2000 г. При этом коэффициент вариации этого значения и в 1976 г., и в 2000 г. близки у всех групп по числу рожденных детей. Вариативность оценки у женщин с неопределенной ориентацией чуть возросла, составив 50% против прежней 39%, а у женщин с умеренной ориентацией упала до 35% против прежних 42%. У ориентированных на многодетную семью осталась практически прежней: 56% против прежних 58%. В целом ситуация достаточно устойчивая, хотя есть некоторые флуктуации смыслов в оценках у групп с неопределенной и умеренной ориентацией.

Качественная сторона этих флуктуаций состоит к 2000 г. в следующем. В целом, как это явствует из графика рис. 2, резко снизились негативные оценки бездетной семьи во всех без исключения группах. У женщин с «неопределенной» семейной ориентацией (37% в 2000 г. против 29% в 1976 г.) оценка бездетной семьи по параметру «активное/пассивное» переходит в зону положительных значений. У семей с тремя и более детьми оценка параметров однодетной семьи перешла из отрицательных значений в

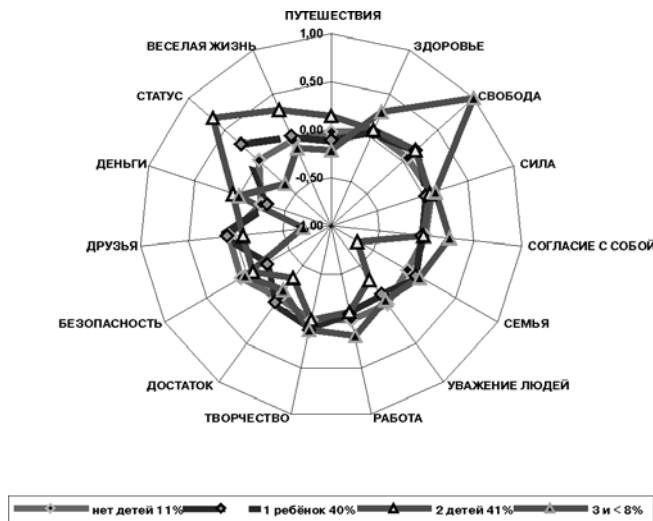

Рис 4. Поколенческая скорость изменения предпочтений женщин в 2014 г.

положительные. У женщин без детей и с двумя детьми и в группе с неопределенной оценкой типов семьи оценка семьи с 1 ребенком по параметру «активное/пассивное» меняет положительное значение на отрицательное. Резко снижаются все оценки параметров трёхдетной семьи, а в группах с одним рожденным ребенком и с неопределенной семейной ориентацией оценки трёхдетной семьи переходят в зону отрицательных значений. Последняя группа (низкая ориентация) снижает оценку даже двухдетной семьи по параметру «тёплое/холодное» до «-0,92» на поляризованной шкале (вычет средней каждого из его же конкретной оценки).

Рассмотрим результаты замера 2014 г. Они представлены в картине, тождественной в координатах предыдущим графикам, на рис. 3. И здесь уже, конечно, имеет смысл сравнивать результаты двумерного дескриптивного анализа сразу по трём «точкам» нашего замера.

Первое, что нужно отметить, так это продолжающуюся снижаться вариативность значений оценки типов семей по семантическому дифференциалу. $K_{\text{вариации}}$ значения средней оценки типов семьи по массивам в целом составляет в 2014 г. 35% против 44% в 2000 г. и 47% в 1976 г. Меняется и характер вариаций смыслов, кристаллизуемых в ансамбле обследованных. Если в 1976 и в 2000 г. вариация среднего значения оценок незначительно возрастала с числом рожденных детей (от 44% до 49% в 1976 г.

и от 42% до 47% в 2000 г.), то в 2014 г. демонстрирует неустойчивость: 38% у бездетных женщин, 32% у родивших 1 ребенка, 37% у родивших 2 детей, 37% у трёхдетных. В группах с неопределенной (низкой), умеренной (средней) и многодетной (высокой) семейной ориентацией $K_{\text{вариации}}$ средней оценки типов семей колеблется также, как и в 2000 г. от 34% через 32% до 47% соответственно перечислению групп. Прежде чем переходить к качественным характеристикам варьирующихся средних, отметим одно важнейшее обстоятельство. Дело в том, что и группы по параметру «число рожденных детей» и группы по типу ориентации через семантический дифференциал не дискриминируются критерием среднеквадратического отклонения значения $K_{\text{вариации}}$ (« $X_{\text{средн}} \pm 1?$ ») ни в одном из замеров. То есть, если мы прибавим к среднему значению $K_{\text{вариации}}$ суммарной оценки типа семьи у бездетной семьи стандартное отклонение этого значения, сумма окажется «перекрывается» разницей между этими показателями в группе «3-хдетная семья». Конечно, этот факт, с одной стороны, говорит об низкой скорости происходящих процессов и о стохастическом характере их протекания, но с другой – снижение значений и разброса $K_{\text{вариации}}$ свидетельствует о снижении разнообразия оценок семейных практик в обществе. Это видно и при сравнении картин на всех трёх рисунках. В самом деле, если на графике 1976 г. количество «чёрных дыр» (по-

ляризованных оценок ниже среднего) составляло, как уже было указано, 28% (и почти полностью соотносилось с бездетной семьей), то на графике 2000 г. эта доля возрастает до 36%, а в картине 2014 г. достигает 43%. И этот факт сопровождается, **во-первых**, общим снижением диапазона оценок (от «-4-+2» в 1976 и 2000 гг. до «-3,5-+1,5» в 2014 г., **во-вторых**, общим снижением массы положительных отклонений от средней в семейных ориентациях и сокращением отрицательных отклонений в оценках бездетности и, наконец, **в-третьих**, отражением колебания смысловых полей в семейной ориентации уже и в субъектах процесса замещения поколений. На пересечении групп женщин по количеству детей на группы по степени семейной ориентации (см. таб. 3) значения энтропии падает от 0,875 через 0,881 к 0,802 с 1976 г. через 2000 г. к 2014 г. Сначала изменяются смыслы, затем – поведение людей. Постараемся высветить факторы этих изменений.

Есть в картине 2014 г. любопытные детали качественных характеристик деградации смысловых полей воспроизводства жизни. Если в 2000г. лишь треть отрицательных поляризованных оценок относилась к оценкам качеств семей с детьми (7 из 20 против 2 из 16 в 1976 г.), то в 2014 г. их доля составляет уже 58% (14 из 24). Самое поразительное в картине смыслов 2000 и 2014 гг. резкое снижение оценок качеств двухдетной семьи у женщин с неопределенной ориентацией: «теплота» двухдетной семьи уходит у них в минус, превращаясь в «холод». Правда, у этой групп «пассивность» и «холодность» трёхдетной семьи несколько «оживляются», последняя даже преодолевает точку нуля, составив +0,05 (градуса!). В этом же плане фиксируется рост оценок качеств трёхдетной семьи у одно- и двухдетных женщин и у женщин с умеренной и многодетной ориентацией по сравнению с оценками 2000 г. Значения их оценок не перекрывают высоты значений 1976 г., исключая высокую оценку «теплоты» трёхдетной семьи женщинами, родившими двух детей. Зато в три раза падает оценка этой «теплоты» у трёхдетных матерей.

Здесь уместно детализировать позицию наших групп по числу рожденных детей и степени предпочтений различным семейным практикам с совершенно другой точки зрения: жиз-

ненных ориентаций респондента. Обследованные женщины расставляли по определенным местам жизненные приоритеты для себя, а затем их же в качестве приоритетных для своих детей. Разница в рангах по предпочтительности достаточно широкого набора, представляющего те или иные стороны практической жизни оказывается довольно результативным показателем. Он интерпретируется как «скорость изменения смысловых проекций в следующем из поколения» и выявляется простым вычитанием из ранга приоритетных для респондента жизненных практик, ранга этих же практик, желаемых респондентом для своих детей.

На рис. 4 объединены два графика диаграмм, показывающих скорость таких изменений в группах различной «детности» и степени семейной ориентации по шкале Ч.Осгуда у наших обследованных женщин в 2014 г.

Нулевая окружность графиков свидетельствует об устойчивой ориентации: что себе, то и детям. Выбросы вверх о том, что наиболее желательно, вниз о нежелательном. Таким образом, мы видим, что *двухдетные* ориентированы в предпочтениях для своих детей на *статус*, а *трёхдетные* на *свободу*. Женщины с ориентацией на *многодетную* семью мечтают для своих детей о *статусе*. Характерно, что поколенческая ориентация на семью остается устойчивой у трёхдетной и однодетной семьи и резко падает у двухдетной. Женщины, *ориентированные на многодетную семью и с умеренной семейной ориентацией* (по тесту Ч.Осгуда), детям своим такого счастья не желают. У них наиболее резкое, максимальное падение семейных приоритетов для своих детей. Практика критерий истины. Так что, не всё примитивно и просто. Люди всегда будут пользоваться своим священным, по выражению Чехова, правом: противоречить самим себе.

На самом деле нет никакого противоречия в том, что мы фиксируем у различных людей определенные этапы процесса образования тех или иных типологических смыслов, которые заданы социальными условиями. Наши данные свидетельствуют о неуклонном падении нормы детности в обществе и деградации процесса даже *простого*, не говоря о расширенном, *замещении поколений*. Для построения картин широты распространенности этих норм за три рассматриваемых периода и динамики сужения/

Таблица 4

Структуры обследованных ансамблей с точки зрения веса групп на пересечении признаков «число детей * степень семейной ориентации», а также с точки зрения веса ареалов положительных и отрицательных связей по своим оценкам с другими людьми в 1976, 2000 и 2014 гг. (В % к объёмам ансамблей по взвешенным массивам; исходные $n_{1976}=229$, $n_{2000}=650$, $n_{2014}=273$ и в % к числу парных корреляций: $n_{1976\text{полож}}=2413$, $n_{1976\text{отриц}}=563$, $n_{2000\text{полож}}=27399$, $n_{2000\text{отриц}}=6865$, $n_{2014\text{полож}}=5889$, $n_{2014\text{отриц}}=1776$)*.

Примечание: А - % к объёму обследованных за период. В - % положительных корреляций респондентов в шкалах дифференциала. С - % отрицательных корреляций респондентов в шкалах дифференциала. «-» - семейная ориентация неопределённая (низкая). «±» - семейная ориентация умеренная (средняя). «+» - семейная ориентация многодетная (высокая). Н - значение нормированной энтропии соответствующих распределений. 1-10 - номер группы для соотнесения с диаграммами рис. 5,6,7.

Год	Тип данных	Число детей и тип семейной ориентации												Н
		Нет детей			Есть 1 ребенок			Есть 2 детей			Есть 3 или <			
		?	±	+	?	±	+	?	±	+	?	±	+	
Номер группы:		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
1976	А	1	5	5	10	22	8	3	21	14	1	7	4	0,873
	В	0,3	4	0,4	8	18	5	4	25	15	2	9	9	0,847
	С	0,4	6	0,2	19	24	5	3	16	8	3	6	9	0,845
2000	А	4	3	3	10	20	7	13	23	8	2	5	2	0,881
	В	7	5	5	11	15	3	17	22	6	3	5	1	0,892
	С	3	3	3	12	20	11	10	22	6	2	5	3	0,892
2014	А	4	7	2	8	26	4	6	32	3	4	4	1	0,807
	В	1	8	2	3	35	5	3	33	2	0,5	7	0,5	0,700
	С	10	6	3	9	28	4	3	31	1	1	3	1	0,770

расширения их ареалов надо перейти к рассмотрению третьей составляющей нашей модели.

Ширина ареалов совпадения взглядов исследуемых когорт

Приступим к решению первой задачи: построению трёхмерного пространства по сочетаниям шкал поведенческих, установочных, широты ареала совпадений взглядов. Для этого положим в основание трёхмерного графика по оси «Х» группы по числу рожденных детей, по оси «Y» группы по степени семейной ориентации (неопределённая/низкая/, умеренная/средняя/, многодетная/высокая/), а по оси «Z» отложим значения тех положительных или отрицательных корреляций, которые выявлены у каждой женщины со всеми остальными на восьми шкалах Ч.Осгуда в каждом замере. Во всех трёх замерах основание «куба» трёхмерного пространства уже готово. Оно отражено в таб. 3 в весах соответствующих пересечений групп «детности» и «ориентаций», которые тождественны весам этих слоев в генеральных совокупностях на моменты времени замеров. Данные таб. 3 показывают соотношения субъектов того или иного типа поведения и ориентаций, но ничего не скажет нам о совпадении, широте распространения, доминанте воззрений. Раскроем под-

робно как построены показатели широты распространённости (ареала) предпочтений.

Матрицы SPSS-файлов всех трёх массивов были перевернуты. Как было упомянуто восемь шкал теста Ч.Осгуда были обращены в «кейсы», а респонденты в «переменные». Затем был проведен корреляционный анализ с помощью коэффициентов Кендалла, в которых присутствуют элементы перестановок для совпадения рангов шкал респондента «А» с рангами респондента «Б». Коэффициенты корреляции делились на два вида: положительные и отрицательные. Программа предусматривала выход коэффициентов в двух доверительных интервалах 95% и 67%*. В таб. 4 приведены показатели дифференциации массивов с точки зрения их вклада в поле согласованных и антагонистических смысловых проекций Отрицательное значение коэффициента Кендалла в 95% доверительном интервале (да и при 67%) очень хорошее свидетельство поляризации смыслового поля в отношении которого оно зафиксировано. Кроме того в таблице приведены значения коэффициентов вариации для всех групп на пересечении признаков «число рожденных детей» и «степень семейной ориентации». Те «матрицы», которые приведены в таб. 3, теперь «вытянуты в линию», характеристики каждого пункта которой могут

быть проанализированы перед рассмотрением трёхмерной модели.

Начнём с описания картины в целом. Из анализа распределений людей и общего числа их связей между собой по оценкам семейных практик через семантический дифференциал вытекает ряд важных выводов.

1 — Наблюдается *одновременно устойчивость и динамика структур во времени*. Коэффициенты корреляции Пирсона, Спирмена, Кендалла распределений людей по 12 группам составляют между 1976 и 2000 гг. 0,771 - 0,737 - 0,523, между 2000 и 2014 гг. 0,880 - 0,840 - 0,677, а между 1976 и 2014 гг. 0,681 - 0,623 - 0,431 соответственно* *. С одной стороны, устойчивость налицо, но с другой стороны, значения связи между первой и второй и между второй и третьей временными точками выше, чем между первой и третьей. *С увеличением временного интервала изменения нарастают*. При этом картина 2014 г. ближе к картине 2000 г., нежели 2000 г. к 1976 г. Вопрос в том, в каком качестве и в какую сторону происходят обнаруживаемые изменения?

2 — Доля *положительных совпадений между людьми* в их оценках-ассоциациях семейных практик через семантический дифференциал в рассматриваемый период упала с 23% в 1976 г. до 18% в 2000 г. и поднялась до 38% в 2014 г. (при 95% доверительном интервале вычислений коэффициента корреляции Тау-б Кендалла между респондентами во всем поле измеряемых связей). Доля отрицательных корреляций, наоборот составила в соответствующих корреляционных полях 1% в 1976 г. 1% в 2000 г. 3% в 2014 г. При 67% доверительном интервале счёта Тау-б Кендалла эта доля составляет соответственно замерам 15-12-17%. Малая доля отрицательных корреляций в 95% доверительном интервале, высокая сопряженность групп по критерию $X_{cp} \pm 1?$, образованных в поле положительных корреляций как на основе 95%, так и 67% доверительного интервала выявления связей между людьми, определили выбор для анализа тех связей, которые были получены в корреляционных матрицах в 67% доверительном интервале Тау-б Кендалла* .

Здесь число положительных связей во взглядах людей составило в 1976 г. 23% против 1% отрицательных связей (коэффициенты со знаком «-»). В 2000 г. это соотношение составило

18% против 12%, а в 2014 г. 38% против 17% соответственно. Заметим, что этот результат хорошо согласуется с теми данными исследований политического, классового, правового, ценностно-ориентированного массового сознания, которые проводились на массивах от 200 до 90000 респондентов с 1969 по 2016 г. и которые четко свидетельствуют об уменьшении плотности положительно направленных ориентаций и росте рассогласованных смыслов в кризисные периоды развития общественной системы. Качественные характеристики этих смыслов — предмет особого рассмотрения.

Если исходить из соотношения узкого, среднего, широкого ареалов совпадений людей по шкалам семантического дифференциала по критерию « $X_{cp} \pm 1?$ », где « X_{cp} » среднее число коэффициентов с положительными значениями, то картина здесь следующая. В 1976 г. узкий, средний, широкий ареалы совпадений составляли 14% - 69% - 17% ансамбля. В 2000 г. это соотношение было 23% - 53% - 25%, а в 2014 г. — 21% - 60% - 19%. То есть во взглядах людей на семью в период кризисных ситуаций «шапки полярных ареалов» имеют тенденцию к возрастанию. Колеблется и центральная зона.

3 — Об этом же явлении свидетельствует и тот факт, что в 2000 г. среди 12 групп женщин фиксировались представительные группы, которые различались критерием « $\pm 1?$ » по вариации своих оценок двух параметров семьи (активное/пассивное и тёплое/холодное). В 1976 г. по этому принципу тоже можно было выделить три группы, но одна из них была малочисленна и поэтому не могла браться в расчёт. К примеру, в 2000 г. группа двухдетных с умеренной ориентацией и группа трёхдетных с такой же ориентацией резко отличались низкими вариативными свойствами оценки от группы двухдетных с многодетной ориентацией, варьирующих широко свои взгляды. Вычет у последней группы из средних показателей вариативности значения среднеквадратического отклонения не перекрывал значения коэффициента вариации первых двух групп с прибавленным стандартным отклонением. Такая же картина наблюдалась в 2000 г. и у других групп (у восьми против трёх). Из 12 групп только одна малочисленная группа в 15 респондентов не была подвергнута анализу. В 2014 г. перекрытия значений при такой операции не наблюдается ни в одной из

Рис. 5. Оценки женщинами в 1976, 2000, 2014 гг. бездетной семьи.
 — Балл бездетной 1976: "-2,88" — Балл бездетной 2000: "-1,19" — Балл бездетной 2014: "-1,49"

Рис. 6. Оценки женщинами в 1976, 2000, 2014 гг. семьи с 1-2 детьми.
 — Балл среднетной 1976: "+0,98" — Балл среднетной 2000: "+0,53" — Балл среднетной 2014: "+0,57"

групп. Некоторые группы подходят к пограничной ситуации, но черту не пересекают. Следовательно, та резкая, с точностью физического закона дифференциация взглядов, которая наблюдалась у женщин, находящихся в «активной зоне» процесса замещения поколений в период кризиса после «дефолта» несколько сдувается. С другой стороны, мы видим в таб. 4 резкие перепады во вкладах некоторых групп по удельному весу в согласованные и конфликтные поля позиций по вопросам числа детей в семье. Растет вклад в поле отрицательных со-

впадений взглядов бездетных женщин с неопределенной семейной ориентацией и падает вклад в поле совпадения положительно ориентированных на семью взглядов женщин семейных. При этом в 2014 г. впервые за три десятка лет значения энтропии в распределении вклада каждой из 12 групп женщин в согласованные и несогласованные позиции падает до предельных значений, что говорит о стягивании смыслового поля массового сознания к центральной точке, своего рода схлопыванию его в социальном пространстве.

Рис. 7. Оценки женщинами в 1976, 2000, 2014 гг. семьи с 3 и более детьми.

Рассмотрим теперь качественные характеристики оценок представленных групп по числу детей и ориентациям на тип семьи. На трёх последующих графиках приводятся поляризованные от среднего значения по всему дифференциалу оценки сначала бездетной (рис. 5), затем среднедетной (рис. 6) и многодетной (рис. 7) семей.

На графике видна динамика роста ориентаций замужних женщин на бездетность. Отрицательная оценка бездетности рухнула после кризиса 1998 г., причем настолько сильно, что негативное отношение к бездетным практикам семейной жизни не восстановилось до сих пор. К 2014 г. лишь 4 группы: без детей с многодетной ориентацией (2%), имеющие одного ребенка с многодетной ориентацией (4%), имеющие 2 детей с неопределенной ориентацией (10%) и имеющие троих детей с умеренной ориентацией (1%), — всего 17% резко повысили негативное отношение к бездетной семье по сравнению с 2000г. Одна группа в 24% снизила негативную оценку бездетности незначительно, а не имеющие детей с умеренной ориентацией (6%) и двухдетные с многодетной ориентацией (7%), — всего 13% в 2014 г. укрепляются в положительном отношении к семье без детей. Остальные группы с разным числом детей и типами ориентаций, — всего 46% остались на уровне той оценки которая резко возросла в 2000 г. (за малым исключением 2% группы трёхдетных женщин с многодетной ориентацией, которая положительно «зависла» на низкой оценке без-

детности с 1976 г.). Таким образом в 2014 г. 56% имеют снисходительное отношение к бездетности, в то время, как в 1976 г. отрицательная оценка такой семейной практики была доминирующей формой. Посмотрим на отношение к семье с 1-2 детьми.

На рис. 6 отчетливо видно падение ориентации на среднедетную семью в 2000 г. у подавляющей доли замужних женщин и медленный рост этой ориентации к 2014 г. в очень незначительных по объёму группах. Картина свидетельствует, что потоки встречных изменений оценок (в одних группах падают, в других возрастают) имеют стохастический характер и зависят от очень трудно отслеживаемых изменений положения людей в социальном пространстве существующими методами исследований.

В отношении многодетной семьи только у женщин с 1 ребенком с многодетной ориентацией и с 2 детьми с ориентациями неопределенной и умеренной наблюдается рост оценок качеств многодетной семьи по сравнению с тем провалом, который был в 1976 и 2000 гг.

Таким образом, рассмотрение средних баллов различных типов семьи у исследованных нами женщин показало резкий рост оценок бездетной семьи в 2000 г. и продолжающиеся изменения в полях смыслов, ориентированных на семью.

Прежде чем перейти к обобщающим выводам, следует указать на то обстоятельство, ради которого, собственно, и был предпринят представленный анализ. Если мы рассмотрим все наши группы, приведенные в таб. 4, в качестве

Рис. 8. Динамика объёма семейных ориентаций в 1978-2014 гг.

основания «куба» трёхмерного пространства, где по оси «X» расположен признак «число детей», по оси «Y» «степень ориентации на многодетную семью», то, расположив по оси «Z» вес доли совпадений оценок, которые наличествуют в каждой группе (т.е. ареал распространения оценок), мы получим общую картину объекта в динамике за 40 лет.

Зависимость между тремя параметрами, отображенными на рис. 8, была рассмотрена с помо-

щью большого количества уравнений как параметрической, так и непараметрической статистики. Уравнения Гаусса, некоторые полиномы третьей, четвертой, пятой степени давали коэффициенты соответствия эмпирических данных математическим моделям в диапазоне от 90% до 100%. Мы выбрали уравнение Хироси Акима¹ с точностью в 100%, так как оно очень наглядно демонстрирует как устойчивость параметров, так и флуктуации, колебания вокруг некоторого центра равновесия изучаемого нами фрагмента процесса воспроизводства населения.

Надо сказать, что объём журнальной публикации не позволяет оценить в полной мере полученные результаты хотя бы с той точки зрения, что в короткой статье нельзя описать даже часть картины возникновения, роста и сокращения в социальном пространстве тех или иных ареалов поляризующихся форм массового сознания, отражающих семейные практики. Мы оставили графики, иллюстрирующие только картину существования твёрдо совпадающих взглядов (положительных корреляций).

1 — ориентация на семью с одним или двумя детьми стала тотально доминирующей **общественной нормой** уже к началу последней четверти прошлого века. Об этом уже давно предупреждали определенным образом ориентированные демографы². У этой нормы были небольшие «ответвления-бугорки» в пространство смыслов многодетной ориентации в 1976г., которые полностью «рассосались» к 2000 г*. Более того, сам неуклонный рост центральной области пирамиды нормативно-смысловой- и поведенческой активности женщин (с 40 через 45 до 60 пунктов шкалы «Z») говорит о продолжающейся кристаллизации смысловых полей в зоне, которая связана с малым числом детей в семейных практиках. Тут как раз к месту вспомнить резкое падение значения энтропии (таб. 4) в зонах совпадений и поляризации смысловых полей в 2014 г.

2 — Те изменения и выбросы в ориентациях, составляющих модель поведения замужних женщин за 40 лет, которые наблюдались нами выше при рассмотрении объектов исследования в двумерной логике, похоже, могут свидетельствовать о колебательных процессах вокруг устойчивой точки равновесия, вырабатываемой всем образом жизни населения нашей страны. Средние оценки бездетных и многодетных практик-

суждений в общественном мнении не дают никаких оснований сделать вывод о влиянии многолетней пропагандистской кампании на повышение семейных ориентаций. Тест по суждениям общественного мнения, результаты которого также были рассмотрены в трёхмерном пространстве, скорее свидетельствует о давно предсказанном росте разрыва между декларируемыми и реализуемыми в семейных практиках ценностями³. Последствия такого расхождения ни к чему хорошему в обществе привести не могут.

3 — Из представленных в настоящей работе математических обобщений материала подтверждается такая модель социального пространства-времени, которая подобна (на определенном промежуточном этапе её разработки) многомерному фрактальному образованию, где метрики и последовательность развития экономических форм асинхронны и враждебны последовательности практик воспроизводства человеческого существования. Обычно приводимые суждения о том, что достижение высокого уровня цивилизации влечет за собой падение рождаемости, ещё в начале прошлого века было остроумно опровергнуто. Причина обратная: это низкая рождаемость в современном экономическом пространстве фетишей тотальной доминанты частной собственности как регулятора обмена результатами труда, влечет за собой повышение уровня благосостояния⁴.

4 — Полученная трёхмерная модель может быть ориентиром для балансировки процесса нормального замещения поколений в индустриальном и постиндустриальном обществах. Суммарный коэффициент рождаемости, необходимый для этого, давно рассчитан⁵. В общественной практике развитых зарубежных стран были отдельные краткие периоды достижения баланса между экономическим развитием, ростом благосостояния и высокой рождаемостью. В нашей истории это период окончания гражданской войны и принятия земельного кодекса, давшие всплеск тех форм человеческого общежития, которые не устраивали мировоззренческие концепции правящих верхов. Исходя из положительного опыта, полученная нами модель должна быть несколько смещенной в координатах. И это смещение не может быть достигнуто экономическими полумерами. В социуме приватизированных общественных функций, служащих источником дохода, материнский ка-

питал становится не фактором роста норм многодетности, а стимулятором норм выживания. Необходимо менять регуляторы механизмов перераспределения стоимости: формы собственности, институциональные и региональные структуры, конституционное и федеративное устройство. Люди ответят естественным поведением. В цивилизованном обществе не может быть средством получения сверхприбыли то, что является жизненно необходимым всем. Те формы развития общественной системы, которые демонстрируют полное пренебрежение к основам нормального человеческого существования, демагогически заявляя о высшей ценности человеческой жизни и сокращая при этом с завидным упорством поле её воспроизводства, должны быть преодолены.

Ссылки:

* Во всех трёх исследованиях изучались замужние женщины.

** Эта задача решается только в границах исследования 2014г., хотя замеры по её решению идентичным инструментарием проведены на более репрезентативных массивах и в 2015, и в 2016г., выполненных в рамках проекта РНФ №15-18-30077 (руководитель А.В.Тихонов).

* Конечно, здесь есть оговорки. В исследованиях А.И.Антонова выясняются, например, факты смерти или мертворождения детей, наличия в семье внебрачных детей или детей от предыдущих браков жены или мужа, но в нашем случае, в связи с малыми объёмами выборок, они не зафиксированы. И так как абсолютное большинство опрошенных ансамблей находятся в возрастном диапазоне до 50 лет, а рождения после 36 лет чрезвычайно редки, чтобы попасть в наши выборки (так же, как и наличие детей от других браков), то и вопрос: «Сколько у Вас детей до 18 лет?» достаточно надёжен для построения поведенческого индикатора. В 2014г. именно ответы на этот вопрос и использовались.

* Здесь веса групп даны по данным взвешенным на генеральную совокупность взятых в исследовании когорт женщин по их соответствию возрастам и числу рожденных детей у этих же когорт во Всесоюзных и Всероссийских переписях населения 1979, 2002, 2010гг. Ниже необходимость этой операции будет оговорена особо.

* Необходимо использовать именно этот коэффициент, так как в математическом аппарате Кендалла содержится переменная «время», которая изоморфна процессу смены ориентаций у людей, протекающему в социальном пространстве.

* До 29 лет/30-39 лет/40 лет и старше * Нет детей/1 ребенок/2 детей/3 детей и более

* Группы по числу детей на пересечении с признаком «семейная ориентация» в таб. 3 дают несколько иной «вес», чем в таб. 1 на пересечении с признаком «поколение» из-за разницы в числе ответов респондентов.

* Каждая женщина в трёх замерах давала 8 оценок. Тест был обработан и обычным, и нетрадиционным образом. В последнем случае, так как распределение в целом носило характер нормального, средняя оценка у каждого респондента вычиталась из конкретной оценки того или иного параметра. Скажем, $7-4=+3$, а $1-4=-3$. Скошенный характер средней от нулевого значения шкалы Осгуда (4 в положительном ряду) сам по себе несет содержательный аспект. Аспекты традиционной обработки теста разбираются А.И.Антоновым.

* Идея разработана Э.И.Бутаевым и автором статьи, программное обеспечение реализовано А.Л.Королевым.

* Для повышения надежности данные в таб. 4 даны из расчётов Тау-б Кендалла при $Q=95\%$. В связи с этим здесь доли групп на пересечении признаков «детность» * «семейная ориентация» * «ареал совпадения» отличаются в ряде случаев на 1% от доли в таб. 3. Меняются при этом и значения нормированной энтропии.

** Значимость всех в диапазоне 95-99,9%, кроме последнего 0,431 по Кендаллу: здесь $Q=94,6\%$.

* В массивах 2015 и 2016 гг., инструментарий которых идентичен исследованию 2014 г. и которые насчитывают около 2500 респондентов, мы, естественно, проверим надежность группировок, полученных в различных доверительных интервалах расчёта миллионов коэффициентов Тау-б Кендалла. В отношении замеров подобного рода на других исследованиях сходимость результатов, выявленных в разных доверительных интервалах, достаточно высока. Тем более важно рассмотреть эту проблему применительно к созданию топологических групп на шкалах семантического дифференциала Ч.Осгуда.

1 Hiroshi Akima: «A Method of Bivariate Interpolation and Smooth Surface Fitting for Irregularly Distributed Data Points», ACM Transactions on Mathematical Software, Vol. 4, 1978, p.144-159, Also «Algorithm 526», p.160-164. TableCurve 3D, v4.0 for Windows - 1993-2002, SYSTAT Software Inc., p.7-29.

2 Антонов А.И. Социология рождаемости. М. 1980.

* Некоторый всплеск рождаемости в 80-е гг. требует отдельного и детального рассмотрения для прояснения и демографической и социальной «природы» реакций населения.

3 Жаворонков А.В. О влиянии средств массовой информации на репродуктивные установки населения // Проблемы социологического изучения семьи. М., 1976. С. 98-111.

4 Менделеев Д.И. Заветные мысли. М. 1995. С. 32.

5 Борисов В. А. Демография. М., 1999. С. 136-139.

Сравнительный анализ ценности детей и семейного образа жизни у малодетных и многодетных семей

Карпова В. М.

Статья посвящена сравнительному анализу семейных ценностных ориентаций малодетных и многодетных семей. Автор анализирует систему семейных ценностей, проводит факторный анализ набора утверждений для измерения ценностных ориентаций, который позволяет выделить четыре основных ценностных ориентации: экономический аспект, про-малодетность, про-многодетность и ориентацию на добровольную бездетность. Проводится анализ наполненности этих групп в зависимости от возраста, семейного положения, уровня дохода и размера семьи респондентов. Ключевые слова: ценностные ориентации, репродуктивные установки, ценность детей, число детей, малодетные семьи, многодетные семьи.

Karpova V. M.

Comparative analysis of children and family lifestyle values in small and big families

The article dedicated to comparative analysis of family values of small and big families. The author analyses the family values system and conducts factor analysis of the statements used to evaluate the values orientation, which allows to distinguish four main groups of values orientation: economical aspect, pro-small families, pro-large families and childfree. Analysis of these groups filling dependent on respondents' age, family status, income level and family size is conducted.

Key words: family, health, self-preservation behavior, large family, housing, family conditions, trust in doctors.

Говоря о современной демографической ситуации можно отметить неоднозначность ее оценки: с одной стороны, за последние годы благодаря тенденции увеличения показателей рождаемости, снижения смертности был достигнут пусть небольшой, но все же естественный прирост населения России (в период с 2013 по 2015 годы отмечается естественный прирост населения на уровне 20-30 тысяч человек ежегодно) [5]. Однако в соответствии с оценкой ведущих демографов отмеченные позитивные тенденции не будут носить долговременный характер, так как во многом связаны не только с мерами демографической политики, но и с благоприятными структурными изменениями в населении России, которые исчерпают себя в ближайшие годы. Так без «стимулирования и поддержания семейственности, однажды возникшая тенденция спада численности жителей Земли приведет к вымиранию (вырождению) человечества» [3].

При рассуждении о способах увеличения показателей рождаемости можно выделить два основных логически различных подхода. Можно проводить меры демографической политики, которые в первую очередь будут улучшать ситуацию рождения детей (благодаря различным льготам, пособиям и выплатам), что позволит повысить степень реализации репродуктивных установок населения. Эти меры с одной стороны довольно быстро приводят к позитивным сдвигам, особенно если изначально уровень рождаемости был низким, однако они имеют свой предел, не позволяя повысить рождаемость выше имеющихся репродуктивных установок.

С другой стороны, можно развивать меры демографической политики, направленные на изменение репродуктивных установок населения, тем самым поднимая «потолок» возможного повышения рождаемости. Однако эти меры гораздо менее разработаны и дают результат в

слишком далекой перспективе, так как репродуктивные установки меняются в среднем раз в поколение. То есть, чтобы иметь потенциал повышения рождаемости в будущем необходимо начинать работу уже сейчас, причем с нынешними студентами, школьниками и возможно даже более младшими детьми, формируя общественное мнение положительно оценивающее и поддерживающее многодетное родительство. Важным аспектом планирования такого рода политики является изучения формирования репродуктивных установок, определение факторов, оказывающих влияние на их уровень, что в целом может быть изучено в рамках анализа ориентаций людей в сфере семейных ценностей.

На данный момент тема изучения ценностей личности является довольно популярной и проводится много исследований вплоть до общемировых (например, Всемирное Исследование Ценностей (World Values Survey)[4] и Европейское Социальное Исследование (European Social Study)[6]). Некоторые исследования, которые охватывают всю сферу ценностных ориентаций респондента, есть исследования, направленные на изучение отдельных аспектов ценностных ориентаций. Именно такие цели были в данном исследовании и поэтому в данной статье будут подробно рассмотрены вопросы ценности детей и родительства. Это лишь часть всего спектра семейных ценностей, однако именно эти вопросы наиболее близки репродуктивным установкам, которые оказывают значительное влияние на уровень рождаемости.

Описание исследований

В данной статье представлен сравнительный анализ результатов двух из ряда исследований, проведенных на кафедре Социологии семьи и демографии совместно с Институтом Социологии РАН и Научно-исследовательским центром фонда Андрея Первозванного в 2014 и 2015 годах. В рамках данных исследований проводился анкетный опрос, в рамках которого был задан блок вопросов, направленных на изучение ценностных ориентаций респондентов.

Исследование 2014 года¹ проводилось в различных городах РФ, всего было опрошено свыше 2000 человек, в то время как из двух исследований 2015 года, было отобрано то, что проводилось только в Уфе и в нем принимали

участие только многодетные матери. Различная методология построения выборки этих исследований накладывает ограничения на возможный анализ и обобщение результатов. Однако некоторые аспекты сравнения ценностных ориентаций семей с различным числом детей остаются корректными и будут представлены в данной статье.

Для данной работы было использовано 840 анкет исследования 2014 года². В опросе принимали участие мужчины (30,0%) и женщины (70,0%), в возрасте от 18 до 77 лет (средний возраст 36,3 лет), различного уровня образования (50,9% среднее, 49,1% высшее) и различного семейного положения (30,4% никогда не состояли в браке, 58,4% состоят в браке, 9,0% развелись/разошлись и 2,1% вдовы). Для анализа числа детей в семье в данном исследовании был задан вопрос о том сколько детей до 16 лет проживает вместе с респондентом. Очевидно, что такая формулировка вопроса могла в некоторой степени снизить число семей с тремя и более детьми, однако, учитывая небольшую долю таких семей в населении России³ можно использовать имеющуюся информацию для изучения взаимосвязи ценностных ориентаций респондентов в зависимости от числа рожденных детей.

Отобранное исследование 2015 года проводилось только в одном городе (Уфе) и только среди матерей из многодетных семей. В опросе приняли участие 325 женщин в возрасте от 22 до 60 лет (средний возраст 37,8 лет), с различным уровнем образования (43,2% среднее, 56,8% высшее), практически все (91,0%), состоящие в зарегистрированном браке (5,2% разведены и 3,9% вдовы). Существенное отличие данной выборки от исследования 2014 года приводит к невозможности использования общей базы данных двух исследований, однако не лишает возможности проведения сравнительного анализа. Более того, выбор для опроса только матерей из многодетных семей позволяет провести сравнительный анализ ценностных ориентаций в зависимости от числа детей не только среди родителей 1-2 детей, но и среди тех, у кого 3-4 детей, причем в данном исследовании размер выборки достаточен для рассмотрения отдельных групп 3 и 4 и более детей. Таким образом было проведено исследование где группа семей, традиционно остаю-

щаяся вне поле зрения ученых, в том числе из-за небольшой представленности в населении в целом, стала фокусом внимания и число опрошенных позволяет провести разнообразный анализ социальных, психологических, демографических и репродуктивных характеристик многодетных матерей.

Результаты исследований

Для изучения ценностных ориентаций респондентов в сфере деторождения и семьи в обоих исследованиях использовался список утверждений, для которых оценивалась степень согласия или несогласия респондента. Для данной работы были изначально отобраны 18 утверждений, представленных в обоих исследованиях.

На диаграмме 1 представлено распределение средних оценок по каждому из утверждений среди респондентов 2014 и 2015 годов, а также приведены коэффициенты асимметрии, характеризующие распределение оценок. Учитывая тот факт, что в рамках первого исследования были опрошены бездетные или малодетные респонденты (среднее число детей 0,76), а в 2015 году в опросе участвовали многодетные матери, при интерпретации результатов можно усредненно считать выборку 2014 года мнением малодетного населения, а выборку 2015 – многодетного. Год проведения исследования, а также тип населенного пункта не оказывают значимого влияния на ответы респондентов.

Как следует из данных, представленных на диаграмме 1, мнения малодетных и многодетных респондентов практически совпадают по ряду утверждений, и значимо отличаются по другим. Единодушное согласие респонденты выразили с утверждениями о ценности детей в целом («Ничто не приносит такого удовлетворения, как выращенный ребенок» (средние оценки 4,52 среди малодетных и 4,51 среди многодетных), «Только в детях можно передать себя и свойства своего рода в будущее» (4,06 и 4,21), «Бездетные часто ощущают пустоту своей жизни» (3,90 и 3,93)), а также мнения многодетных и малодетных совпали в оценке нынешнего общества, как не развивающего чувства отцовства и материнства (3,27 и 3,37), нецелесообразности рождения детей «при безысходности собственного существования» (3,22 и 3,11) и в отношении к установке на соблюдение заповеди: «Плодитесь и размножайтесь» (2,56 и 2,57).

По всем остальным утверждениям мнения респондентов из малодетных и многодетных семей значимо отличаются друг от друга. Так ожидаемо многодетные матери высказывают большее согласие с утверждениями о ценности и важности многодетного образа жизни для воспитания детей и семьи в целом (утверждения 4 и 5), и большее несогласие с утверждениями о возможности бездетного образа жизни и сложностях, которые появляются с рождением детей (утверждения 13-18). Также многодетные матери иначе относятся к важности материальной базы для рождения детей – они значимо реже соглашались с тем, что без предварительного формирования материальной базы нельзя рожать детей (утверждения 9-10).

Для сравнения распределений ответов респондентов использовался аналог коэффициента асимметрии. Поскольку этот статистический метод применим только к интервальным шкалам, для сравнения распределения ответов использовался искусственно вычисленный показатель, который также характеризовал насколько ответы респондентов в целом смещены в сторону согласия или несогласия, имеют равномерное распределение или же сконцентрированы вокруг центрального ответа («трудно сказать»). Для вычисления этого показателя использовалась следующая формула:

$$\alpha = \frac{p_+ - p_-}{p_+ + p_-}$$

где p_+ - процент ответов согласия (полностью + скорее), p_- - процент ответов несогласия (полностью + скорее). Как следует из формулы этот коэффициент принимает значения от -1 до 1. Крайние положительные и отрицательные значения принимаются когда все ответы респондентов смещены в одну сторону ($b > 0$ если ответы смещены в сторону согласия, и $b < 0$ если в сторону несогласия). Если же доли тех, кто согласен и не согласен с утверждением совпадают, то коэффициент b обращается в ноль. Следует помнить, что данный коэффициент обращается в ноль при любом равном значении положительных и отрицательных ответов и для точного определения наличия полярных точек зрения необходимо контролировать долю тех, кто сказали «трудно сказать» - если она велика, то полярных мнений нет, если же она мала и коэффициент b стремится к 0, то можно гово-

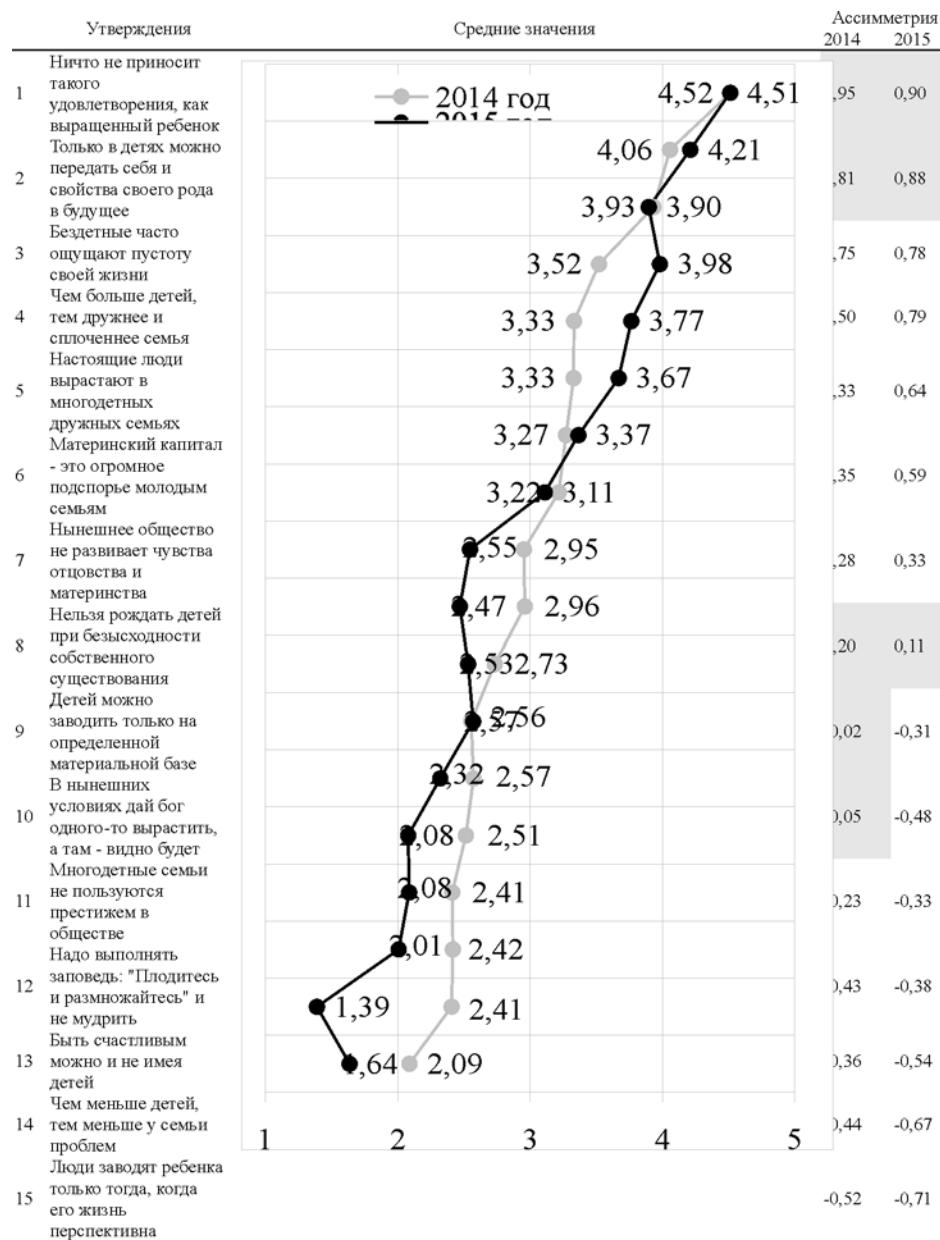

Диаграмма 1
Средние оценки согласия с утверждениями о ценности детей и родительства (2014-2015 годы).

ритель о наличии полярных мнений. Для данного исследования доля затруднившихся ответить не превышала трети, то есть в случае низкого значения коэффициента б можно говорить о наличии полярных точек зрения.

Абсолютная величина показатель асимметрии выше практически для всех высказываний среди многодетных матерей, опрошенных в 2015 году по сравнению с ответами респондентов в 2014. Так только по одному высказыванию мне-

ния респондентов в 2015 году разделились на две достаточно большие группы – «Нельзя рожать детей при безысходности собственного существования» (29,9% не согласны с этим утверждением и 37,5% согласны). Среди респондентов в 2014 году высказывания о материальных сложностях, связанных с рождением ребенка («Детей можно заводить только на определенной материальной базе», «В нынешних условиях дай бог одного-то вырастить, а там - видно будет») вызвали полярное отношение с достаточно большими группами согласных и не согласных (группы согласных и несогласных оказались не менее 31%).

Еще одной общей характеристикой ответов многодетных матерей в исследовании 2015 года стала большая степень единодушия по всем вопросам по сравнению с мнениями малодетных респондентов, среди которых больше доли согласных и несогласных с отдельными утверждениями. Одной из возможных причин наблюдаемой однородности мнений многодетных является зависимость ценностных ориентаций от числа рожденных детей. Такая зависимость может сказываться в выборке 2014 года, где есть три основных типа респонденты по числу детей: бездетные, однодетные и двухдетные, в то время как в выборке 2015 года все респонденты многодетные, причем ожидаемо с подавляющим большинством трехдетных. Взаимосвязь числа детей и ценностных ориентаций респондентов будет более подробно проанализирована в дальнейшем.

На диаграмме 2 представлено аналогичное распределение ответов респондентов о степени согласия с утверждениями о ценности детей и семейного образа жизни. Однако здесь распределение дано в зависимости от числа детей в семье респондента. Для выборки 2014 года использовался вопрос о числе детей до 16 лет, проживающих вместе с респондентом, а для исследования 2015 года – общее число рожденных детей. В ходе анализа учитывался факт различия формулировок и то, что, при использовании вопроса 2014 года, число детей получается заниженным, однако для предварительного исследования данных и формулировки гипотез для последующих исследований можно допустить объединение двух вопросов в одну переменную.

В первую очередь следует отметить, что группа респондентов, не имеющих детей, не

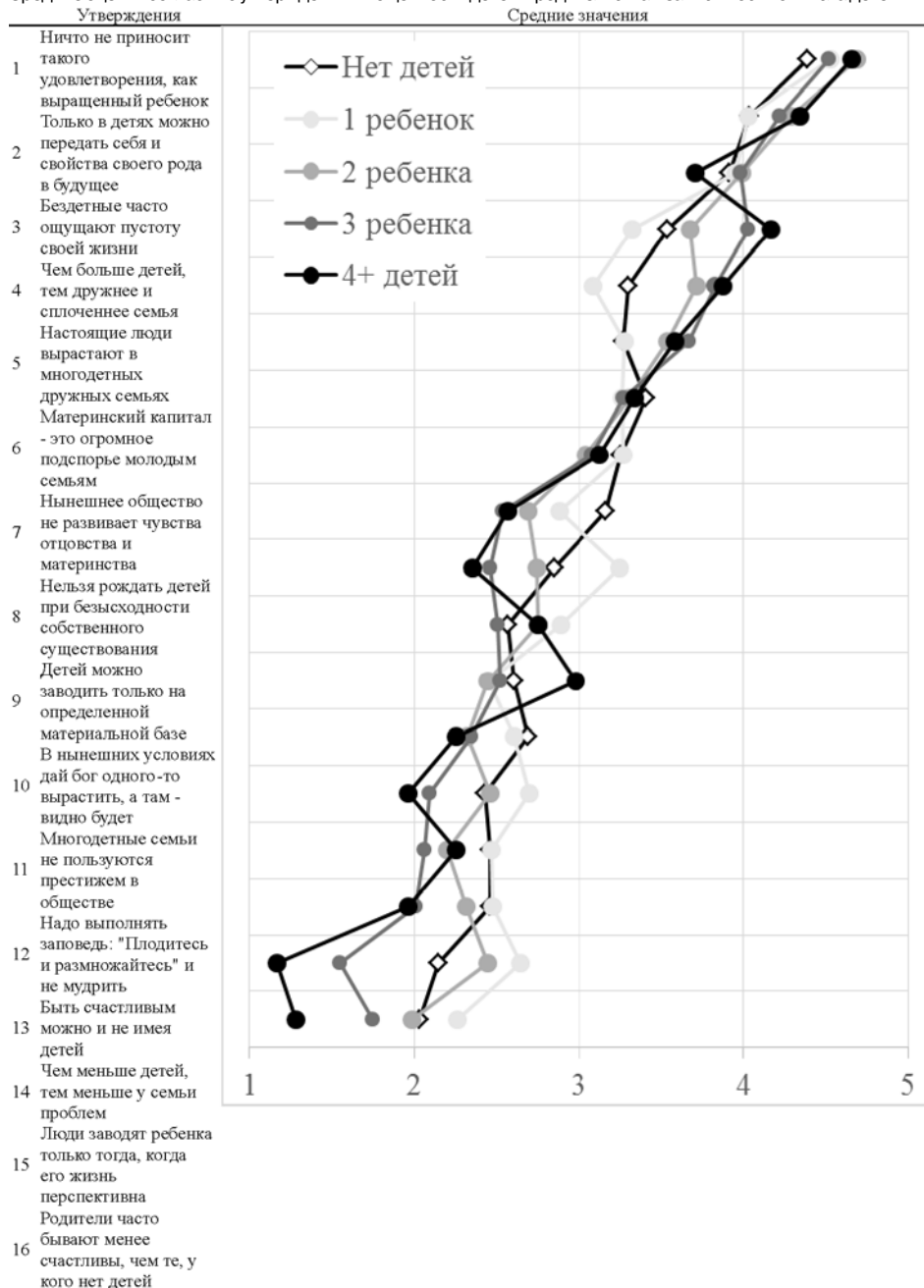
являются бездетными по убеждениям. Это в основном молодые люди (средний возраст 33,4⁴ по сравнению с 37,8 среди тех, у кого есть дети), которые еще не успели создать семью и родить детей (54,8% холосты/не замужем и 38,2% состоят в браке, по сравнению с 85,4% респондентов с детьми, которые состоят в браке). Ответы этой группы респондентов интересно сравнивать с ответами уже состоявшихся родителей и по степени близости к той или иной группе можно косвенно судить о возможном числе детей у тех, кто пока еще относится к группе «нет детей». Так если выбрать утверждения, по которым ответы респондентов представляют тенденцию в зависимости от числа детей (например, растут или уменьшаются средние оценки степени согласия), то в большинстве случаев группа «нет детей» располагается между группами «1 ребенок» и «2 детей», таким образом косвенно подтверждая ориентацию на рождение 1-2 детей среди молодых респондентов.

Похожие результаты были получены в рамках опроса ВЦИОМ [9], проведенного в мае 2014 года. Распределение идеального числа детей в зависимости от уже имеющегося числа показало, что ответы тех, у кого еще нет детей находятся между ответами однодетных и двухдетных респондентов (2,22 среди бездетных, 2,01 среди однодетных и 2,41 среди двухдетных). То есть репродуктивные установки бездетных респондентов в целом соответствуют взглядам малодетных семей, что может служить индикатором того, что именно такой тип семьи будет выбран ими в дальнейшем и для себя.

Возвращаясь к анализу ответов респондентов о ценностях родительства в зависимости от имеющегося числа детей, можно отметить, что все утверждения, можно разделить на несколько групп. Так ряд утверждений вызвали одинаковую реакцию среди всех респондентов, то есть это общие ценности свойственные всем вне зависимости от числа детей. К этой группе относятся утверждения о ценности детей в целом, о счастье испытываемом родителями, о возможности передать себя в будущее посредством детей и об ощущении пустоты жизни бездетных семей. (утверждения 1-3). Также единодушие в ответах респондентов с разным числом детей было при оценке того насколько современное общество развивает чувство материнства и от-

Диаграмма 2
Средние оценки согласия с утверждениями о ценности детей и родительства в зависимости от числа детей.

цовства (утверждение 7) и при оценке невозможности рождения детей при безысходности собственного существования (утверждение 8).

Оценка ряда ценностей значительно отличается у респондентов с разным числом детей. Так с увеличением семьи растет доля разделяющих

ценности многолетнего образа жизни и отмечающих преимущества воспитания среди большого числа детей (утверждения 4-5). Любопытно, что с ростом числа детей в семье снижается ценность и важность материальной обеспеченности каждого отдельного члена семьи, такие утверждения как «Детей можно заводить только на определенной материальной базе» и «В нынешних условиях дай бог одного-то вырастить, а там - видно будет» вызывают меньше согласия среди многодетных семей. Ожидаемо с ростом числа детей увеличивается степень несогласия с утверждениями о неразумности рождения большого числа детей («Только неразвитые люди могут рожать бесчисленное число детей» и «Права те, кто, отказываясь от детей, говорит «нечего плодить нищету»»).

Ряд утверждений разделяет мнения малодетных и многодетных респондентов, получая близкие оценки внутри групп, но значимо отличаясь между группами. К таким утверждениям можно отнести степень полезности материнского капитала (эту меру демографической политики смогли ощутить на себе семьи с 2 и более детьми именно они в большей степени согласны с полезностью материнского капитала). О возможности счастья даже при бездетном образе жизни чаще говорят те, у кого нет детей и родители 1 ребенка. Любопытным в связи с этим становится вывод, что с рождением 2 и последующих детей счастье без них уже не представляется столь возможным для респондентов. Наличие психологической границы бездетного и детного уровня жизни, проходящей именно на уровне двух детей может послужить направлением для дальнейшего исследования.

Еще одно утверждение, вызвав в целом одинаковую оценку среди респондентов, значимо отличается от всех остальных в ответах только группы тех, у кого 4 и более детей. Эти респонденты в значимо большей степени согласны с необходимостью «выполнять заповедь: «Плодитесь и размножайтесь» и не мудрить». Возможно именно такая установка, которая часто может быть связана с частичным или полным отказом от контрацепции приводит к рождению 4 и более детей.

В целом следует ответить гораздо большее принятие роли родительства, демонстрируемое многодетными родителями. Утверждения о сложностях родительской роли вызывают у них

меньший уровень согласия, чем среди малодетных и бездетных респондентов, сложности материального порядка отступают на второй план, а утверждения о ценности большой семьи, роли родителя, наличия большого числа детей, братьев и сестер вызывают у многодетных родителей больше принятия. Похожие выводы были сделаны еще в 1952 при исследовании многодетных семей в Америке, тогда Д. Боссард и В. Сангер отметили в целом большую стрессоустойчивость больших семей с несколькими детьми. Причем по результатам исследований эта устойчивость достигается именно за счет изменения ценностей и снижения уровня напряжения в случае возникновения многих бытовых проблем [1].

Факторный анализ

Для более детального исследования ценностных ориентаций респондентов в сфере рождения детей и семейного образа жизни, а также для выявления групп утверждений, позволяющих затем выделить группы респондентов ориентированных на разные сферы жизни в целом был проведен факторный анализ ответов по 16 утверждениям. 2 утверждения, которые не относятся напрямую к семье и детям (о материнском капитале и о развитии чувства отцовства и материнства в современном обществе) были исключены из анализа, так как они привели к дестабилизации числа и наполненности факторов. Аналогичный подход к анализу данных часто используется при изучении ценностных ориентаций [10].

При анализе использовались те же самые утверждения, что и в первой работе по исследованию 2014 года [8, с. 123-131], что позволило проводить сравнения как между результатами факторного анализа, так и между разными группами респондентов. Факторный анализ был проведен как для отдельных выборок, так и для всей совокупности респондентов из двух исследований. Результаты разбиения на группы переменных оказались достаточно стабильными. При проведении группировки на основе всей выборки, или выборки, где доли ответов 2014 и 2015 годов были взвешены чтобы получить равные группы (вес анкет 2014 года был снижен до 0,39) результаты факторного анализа совпали практически полностью (коэффициенты корреляции факторных нагрузок составили более 0,9),

Таблица 2
Факторная структура взглядов о ценностях детей и родительства

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Детей можно заводить только на определенной материальной базе	,740	,182	-,068	,047
Люди заводят ребенка только тогда, когда его жизнь перспективна	,713	,247	,058	,089
Права те, кто, отказываясь от детей, говорит "нечего плодить нищету"	,685	,260	-,095	,159
Нельзя рожать детей при безысходности собственного существования	,675	,037	-,148	,025
Только незрелые люди могут рожать бесчисленное число детей	,234	,714	-,098	-,014
Многодетные семьи не пользуются престижем в обществе	,044	,681	-,077	-,008
Чем меньше детей, тем меньше у семьи проблем	,204	,631	,044	,282
В нынешних условиях дай бог одного-то вырастить, а там - видно будет	,328	,529	-,079	-,007
Настоящие люди вырастают в многодетных дружных семьях	,009	-,213	,815	-,122
Чем больше детей, тем дружнее и сплоченнее семья	,004	-,268	,805	-,138
Только в детях можно передать себя и свойства своего рода в будущее	-,075	,045	,553	-,326
Надо выполнять заповедь: "Плодитесь и размножайтесь" и не мудрить	-,225	,122	,493	,070
Быть счастливым можно и не имея детей	,114	,175	-,086	,694
Бездетные часто ощущают пустоту своей жизни	,088	,094	,207	-,654
Родители часто бывают менее счастливы, чем те, у кого нет детей	,127	,260	,156	,577
Ничто не приносит такого удовлетворения, как выращенный ребенок	-,122	,106	,261	-,496

что говорит о стабильности представленного объединения утверждений.

При попытке объединения ответов только из базы 2015 года факторная структура нарушалась. Однако этот фактор может быть объяснен тем, что в 2015 году в исследовании участвовали только многодетные матери, а их ценности семейного образа жизни, во-первых, достаточно однородны, а во-вторых, существенно отличаются от мнений респондентов с другим числом детей. Таким образом в целом можно утверждать, что представленное разбиение утверждений на группы хорошо работает на выборках, где представлены ответы людей с разным числом детей и может вырождаться в узких группах по уровню детности.

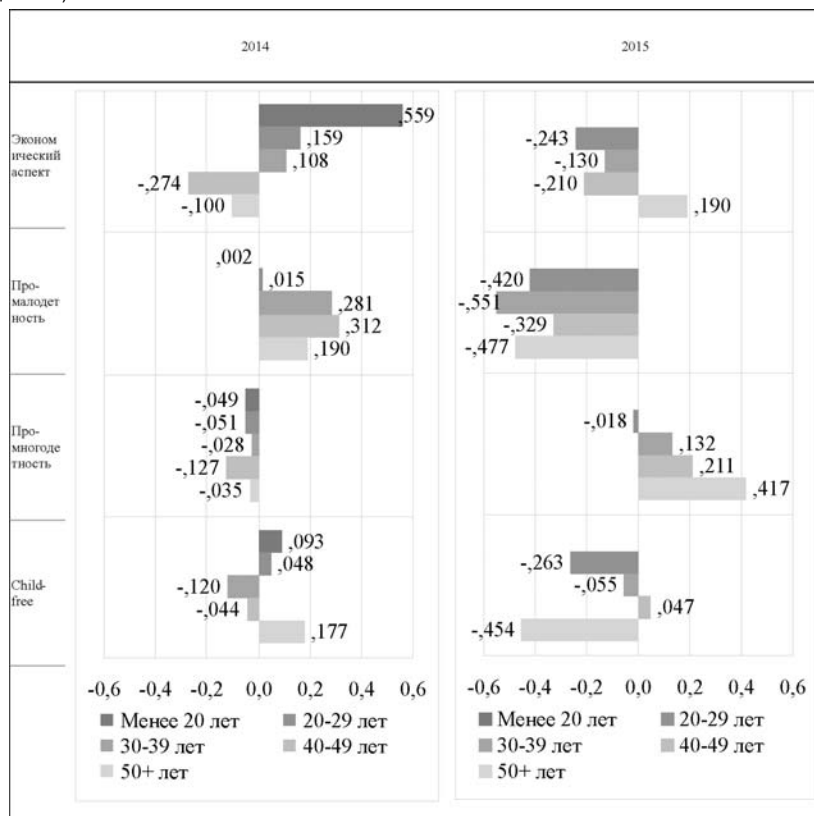
В табл. 2 приведены значения факторных нагрузок для выделенных групп по всей выборке. В соответствии с результатами 2014 года было получено 4 группы утверждений. Представленная четырехфакторная модель объясняет 56,1% дисперсии, в модель были включены только те факторы, чьи собственные значения

больше 1. При интерпретации факторов использовались те утверждения, для которых абсолютные величины факторных нагрузок максимальны.

Фактор 1. Экономический аспект. В этот фактор вошли утверждения, отмечающие важность материальной составляющей для будущего родительства (наличие материальной базы, перспектив в жизни будущего ребенка, достаточная материальная обеспеченность родителей). Респонденты, для которых значения этих факторов высоки уделяют много внимания собственному материальному благополучию, зачастую за счет детей или их числа.

Фактор 2. Про-малодетность. Здесь объединены утверждения, которые отрицают ценность многодетного образа жизни, говорят о низком престиже многодетных семей, многодетности как признаке незрелости и об увеличении проблем с ростом числа детей. Также в эту группу утверждений входит установка на рождение единственного ребенка «В нынешних условиях дай бог одного-то вырастить, а там -

Диаграмма 3
Средние значения факторов ценности детей и родительства в зависимости от возраста респондента (по годам исследования).

видно будет». Люди имеющие высокие оценки по этому фактору, не выступая против рождения детей как такового всеми силами стремятся ограничить их число, предпочитая рождение единственного ребенка. Причем по сравнению с теми, кто много внимания уделяет материальному благополучию, здесь можно отметить скорее принципиальную установку против большого числа детей, без выделения четких причин и сложностей. Лозунгом такой группы респондентов мог бы стать: «Много детей – это плохо!», без ответа на вопрос чем именно.

Фактор 3. Про-многодетность. В данный фактор вошли утверждения, которые отражают ценности именно многодетного образа жизни, преимущества воспитания в многодетной семье с братьями и сестрами, а также тот факт, что в детях можно передать себя и свой род в будущее и необходимо выполнять заповедь «Пло-

дитесь и размножайтесь». Значения этого фактора выше у тех, для кого ценностью является именно многодетное родительство, у тех респондентов, которые либо уже имеют 3 и более детей или стремятся к этому.

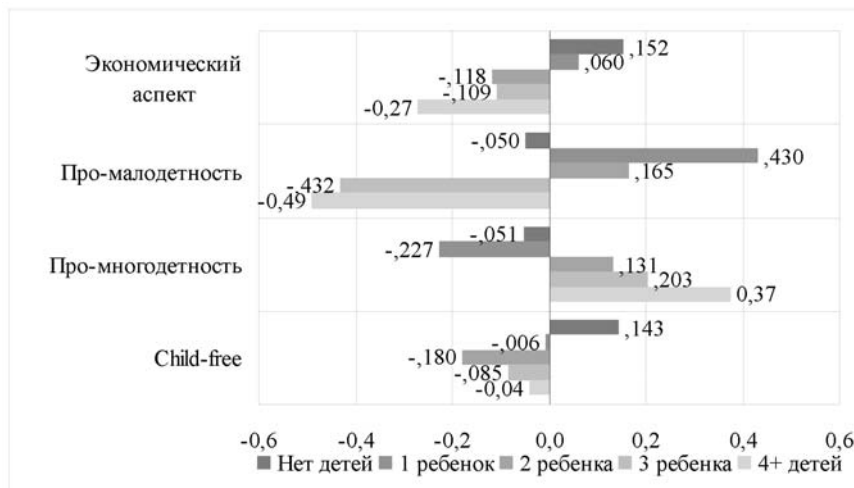
Фактор 4. Child-free. Здесь сгруппированы утверждения, которые относятся к теме наличия или отсутствия детей вообще, причем в соответствии со знаками факторных нагрузок в данном факторе собраны утверждения, которые говорят о преимуществах бездетного образа жизни, представляют концепцию child-free [2]. Респонденты с высокими значениями данного фактора чаще считают, что быть счастливым можно и не имея детей, они не признают ощущения пустоты бездетной жизни и отмечают, что родители могут быть менее счастливы, чем бездетные пары.

Снижение числа утверждений от исходных 16 до выделенных 4 смысловых групп позволя-

Диаграмма 4

Средние значения факторов ценности детей и родительства в зависимости от числа детей (в целом).

ет проводить сравнительный анализ мнений различных групп респондентов в более наглядной и емкой форме. В следующих диаграммах 3-5 приведены наиболее интересные с точки зрения анализа результаты расчетов значений факторов для разных групп. Для всех групп кроме числа детей сравнения проводилось в разрезе каждой волны исследования, так как совокупная выборка не является репрезентативной по социо-демографическим характеристикам респондентов.

Анализ мнений респондентов разного возраста показывает, что если для малодетных участников исследования важность экономического аспекта рождения детей снижается с увеличением возраста, то в опросе многодетных матерей 2015 года эта зависимость не проявляется и наоборот в старшей возрастной группе (50 лет и более) вопросы материальной обеспеченности играют большую роль, чем в других. Оценки фактора поддержки малодетного образа жизни практически не отличаются по возрасту, но они качественно отличны в двух исследованиях: положительны в 2014 году и отрицательны в 2015. Также значительно отличаются мнения респондентов в двух волнах исследования по фактору поддержки ценностей многодетного родительства, причем среди многодетных матерей степень поддержки растет с увеличением возраста респондента. В выборке 2015 года значительно выделяется группа респондентов стар-

ше 50 лет, по степени отрицания ценностей добровольной бездетности.

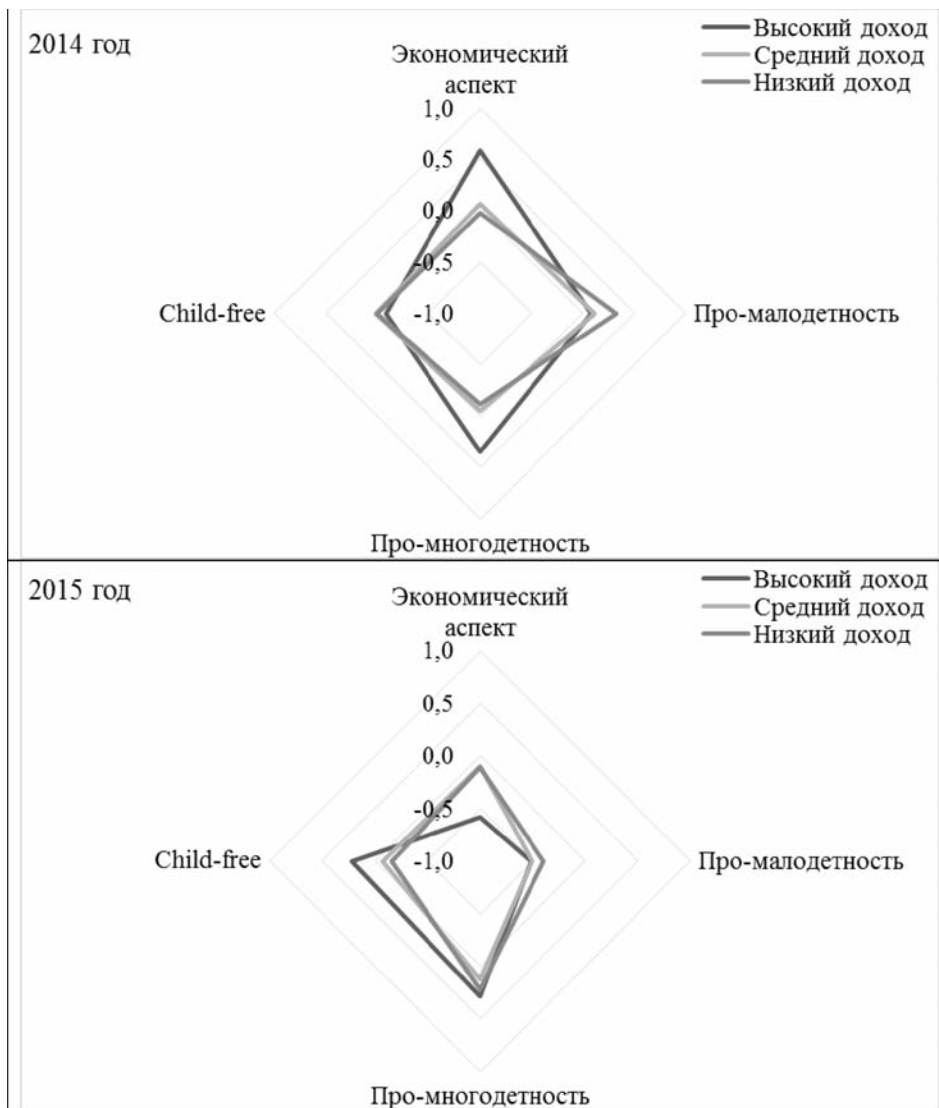
На диаграмме 4 представлены значения факторов в зависимости от числа детей у респондента. В целом основные зависимости были описаны ранее при подробном анализе ответов респондентов по отдельным утверждениям, однако представление в таком виде позволяет максимально наглядно продемонстрировать описанные тенденции:

- с ростом числа детей снижается важность экономического аспекта для рождения детей, достигая своего минимума среди тех, у кого 4 и более детей;
- также с увеличением числа детей в семье значительно снижается поддержка взглядов, ориентированных на малодетный образ жизни, причем если респонденты с 1 и 2 детьми эти взгляды скорее поддерживают, многодетные родители наоборот, не разделяют эти ценности;
- С ростом числа детей увеличивается поддержка многодетного образа жизни, причем уже начиная с двух детей респонденты начинают отмечать преимущества больших семей с братьями и сестрами для воспитания будущего поколения;
- взгляды child-free не разделяются родителями и находят поддержку среди тех, кто еще не родили детей или имеют не более 1 ребенка.

В заключение был проведен сравнительный анализ ответов респондентов о ценностях

Диаграмма 5

Средние значения факторов ценности детей и родительства в зависимости от самооценки уровня доходов.

детей и родительства в зависимости от самооценки уровня доходов и материальной обеспеченности. Как следует из графиков, представленных на диаграммах, наибольшие отличия наблюдаются среди ответов респондентов с высоким уровнем дохода. Однако особенности их мнений отличаются в двух волнах исследования. Если в 2014 году респонденты с высоким уровнем дохода чаще других высту-

пали в поддержку важности экономического аспекта рождения детей, а также поддерживали ценности многодетного образа жизни (хотя сами его не разделяли). То в 2015 году при опросе многодетных матерей те из них, кто оценили свой доход как высокий в меньшей степени отличаются от остальных респондентов и лишь несколько более лояльно относятся к взглядам child-free.

Выводы и перспективы продолжения исследования

Проведенный сравнительный анализ ценностных ориентаций в сфере семьи, детей и родительства среди семей с разным числом детей показал в первую очередь, что многодетное родительство является результатом не только фактического рождения 3-х и более детей, но оно невозможно без качественного изменения системы ценностных ориентаций людей. Это не только отказ от личных устремлений и эгоистических ценностей, в большей степени присущих малодетному и бездетному образу жизни. Многодетное родительство строится на базе принятия ценностей жизни в большой семье с братьями и сестрами, причем не только для детей, но и для родителей. Ценности материального достатка сменяются духовными ценностями взаимопонимания, дружбы и любви, продолжения своего рода, воспитания в ребенке полноценной личности. Стрессы, которые в общественном мнении обычно связывают с рождением и воспитанием детей для многодетных родителей теряют свою остроту становясь обыденными задачами, не требующими напряжения для их решения, что позволяет обратить внимание на более высокие и духовно богатые цели и ценности.

Таким образом, с точки зрения пирамиды потребностей А. Маслоу ценности многодетных родителей ближе к потребностям более высокого уровня, ближе к вершине пирамиды, к уровню самоактуализации и к самотрансценденции. (реализации своих целей, устремлений, способностей) [7].

В качестве перспектив для дальнейшего исследования можно было бы отметить феномен отличия мнений респондентов о возможности счастья без рождения детей. Анализ степени согласия с этим утверждением позволил выделить гипотез, что именно после рождения второго, а не первого ребенка происходит качественное изменение в мировоззрении человека и жизнь без детей становится для него невозможной. Уточнение наличия границы именно на этом уровне и изучение широты охвата изменениями различных сфер жизни человека может выступать в качестве задач для дальнейшего изучения.

Литература

1. Bossard J. & Sanger W. The Large Family System—A Research Report // *American Sociological Review*, Vol. 17, No. 1 (Feb., 1952), pp. 3-9
2. Saunders D. 'I really regret it. I really regret having children.' France's rebel against the

motherhood cult, <http://www.theglobeandmail.com/life/parenting/mothers-day/i-really-regret-it-i-really-regret-having-children/article1200668/>

3. Антонов А. Коэффициенты рождаемости растут, а население убывает // *Российская Федерация сегодня*. — 2015. — № 13

4. Всемирное Исследование Ценностей (World Values Survey)ю <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

5. Демографический ежегодник России. 2015: Стат.сб./ Росстат.- М., 2015

6. Европейское Социальное Исследование (European Social Study)ю <http://www.ess-ru.ru/>

7. Маслоу А. Мотивация и личность, пер. А.М.Татлыбаевой, СПб.: Евразия, 1999

8. Семья, дети— жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России, под. ред. Антонов А.И., Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы. Москва. 2015

9. Сколько детей нужно для счастья? ВЦИОМ, пресс-выпуск №2595. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114842>

10. Фабрикант М.С, Магун В.С. Семейные ценности россиян и европейцев // *Демоскоп Weekly* № 613 - 614 6 - 19 октября 2014. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0613/demoscope613.pdf>

Ссылки:

1 Результаты данного исследования подробно проанализированы в коллективной монографии «Семья, дети— жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России» [8]

2 Всего в 2014 году было опрошено свыше 2000 человек, однако только 840 дали ответы на блок вопросов о ценностных ориентациях.

3 По данным Всероссийской переписи населения 2010 года 65% домохозяйств с детьми включают в себя только 1 ребенка, 28%—??двоих детей и только в 7% домохозяйств с детьми проживают 3 и более детей.

4 В связи с особенностями формулировки вопроса о числе детей в семье в исследовании 2014 года в группу бездетных респондентов также попали те, чьи дети уже старше 16 лет, что привело к значительному росту среднего возраста. Если провести расчет среднего возраста без тех, кто старше 50 лет, то средний возраст снижается до 26,3 лет, а доля холостых / незамужних возрастает до 71,5%.

Влияние ценностных ориентаций на реализацию репродуктивных установок

Ляликова С. В.

В статье анализируются результаты социологического исследования, проведенного в 10 регионах России и Республики Башкортостан, относительно их семейной ситуации и жизненных перспектив, связанных с брачно-семейным образом жизни. Акцент делается на анализе влияния фамилистических ценностей на репродуктивные ориентации и установки.

Ключевые слова: семья, фамилистические ценности, антифамилистические ценности, репродуктивные установки и ориентации.

Lyalikova S. V.

The influence of value orientations on the implementation of reproductive attitudes

The article analyzes the results of sociological research conducted in 10 regions of Russia and Republic of Bashkortostan based on their family situation and life prospects associated with marriage and family life. The emphasis is on the analysis of the impact of values on reproductive orientation and installation.

Key words: family, familistic values, antifamilistic values, reproductive attitudes and orientations.

Ни для кого не секрет, что нормы и ценности являются важнейшим средством, влияющим на социальную регуляцию поведения индивидов. Чтобы понять, как фамилистические ценности влияют на репродуктивные установки, дифференцируем респондентов на 5 типологических групп. В зависимости от степени фамилистической ориентации выделяются респонденты с очень высокой, высокой, средней, низкой и антифамилистической ориентацией [3, с. 132-133]. (Данная операция была проведена на двух массивах совместных исследований кафедры социологии семьи и демографии МГУ имени М. В. Ломоносова и Института социологии РАН: Межрегиональный социологический опрос российского населения (10 регионов РФ) в 2014 г. и исследование «Уфа-2015», участие в котором принимали женщины с несколькими детьми).

Диаграмма показывает (рис. 1, А), что 35,5% это приверженцы высокой и очень высокой фамилистической ориентации, 30,5% тяготеют к низкой и антифамилистической, остальные обладают нейтральной (средней) фамилистической ориентацией. Высокий процент респондентов средней группы объясняется тем, что они не сумели четко выразить свое мнение, что может быть связано с переоценкой семейных и социальных ценностей, либо с фрагментарностью, преобладающей в современном массовом сознании, при которой внутри индивида могут сосуществовать любые противоположности, никоим образом, друг друга не исключаящие.

Совершенно иная картина предстает перед нами в случае с уфимскими женщинами, столбцы гистограммы резко смещаются в сторону фамилистически ориентированных групп (рис. 1, В), что говорит нам о большем значении для них ценностей семьи и детей. Так подавляющее большинство респондентов (59,3%) являются высоко и очень высоко фамилистически ориен-

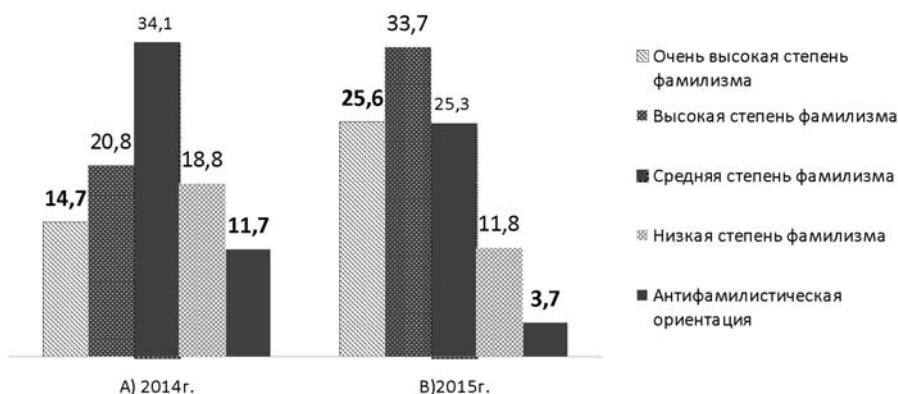

Рис. 1. Степень ориентации респондентов на фамилистические ценности, (в %). А) по 10 регионам РФ, 2014 г.; В) республика Башкортостан, 2015 г.

Таблица 1
Степень ориентированности респондентов на фамилизм, в зависимости от числа детей (2014 г.)

Степень фамилизма	Количество детей			
	Бездетные (0 детей)	1 ребенок	2 ребенка	3 и более детей
Очень высокая степень фамилизма	15,6%	10,3%	19,2%	22,7%
Высокая степень фамилизма	20,7%	19,7%	23,8%	18,2%
Средняя степень фамилизма	32,3%	33,8%	35,4%	36,4%
Низкая степень фамилизма	18,4%	21,1%	16,9%	13,6%
Антифамилистическая ориентация	13,0%	15,0%	4,6%	9,1%
Итого:	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

тированными. Здесь же наблюдается минимальный процент противоположно настроенных – антифамилистов (3,7%).

Ожидается, что у респондентов, обладающих более высокой фамилистической ориентацией и установки на детность, и фактическая детность будут выше, чем у респондентов, разделяющих настроения антифамилистические. Обратимся к результатам исследования и посмотрим, подтверждается ли данная гипотеза.

В табл. 1 показано, что респонденты, более ориентированные на фамилизм, обладают более высоким фактическим числом детей. В группах с высокой и очень высокой фамилистической ориентацией, преобладают представители двухдетных и трёхдетных семей, что соответственно, логично, как и то, что представителей низкой и антифамилистической ориентации

здесь минимальное количество. Обращают на себя внимание двухдетные семьи, где группа с антифамилистическими ориентациями в 4 раза меньше, чем фамилистическая. У трёхдетных семей данные группы различаются в полтора раза. В однодетных семьях наблюдается максимальный показатель антифамилистических ориентаций (15,0%) и минимальный - высокой степени фамилизма (10,3%).

С бездетными дело обстоит чуть сложнее, это достаточно разнородная группа респондентов, представленная людьми, сознательно отказывающимися иметь детей, теми, кто реально ориентирован на семью, но по каким-либо обстоятельствам еще не завели детей, либо вовсе не смогут этого сделать. Для получения полноценной картины по данной группе, необходим более детальный статистический анализ. В це-

Таблица 2
Степень ориентированности респондентов на фамилизм, в зависимости от числа детей («Уфа-2015»)

Степень фамилизма	Количество детей	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка	5 и более
Очень высокая степень фамилизма		8,0%	27,9%	22,2%	52,6%
Высокая степень фамилизма		40,0%	32,2%	40,7%	26,3%
Средняя степень фамилизма		20,0%	26,4%	22,2%	15,8%
Низкая степень фамилизма		32,0%	8,7%	11,1%	5,3%
Антифамилистическая ориентация		0,0%	4,8%	3,7%	0,0%
Итого:		100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Таблица 3
Интенсивность установок детности и мотивации (по опросу 325 уфимских женщин с несколькими детьми)

№	Вопрос	Количество детей
1	Сколько детей надо иметь, чтобы у Вас лично оставалось свободное время?	̄ 2,14
2	Сколько детей надо иметь в семье, чтобы не перегружать себя домашними делами?	̄ 2,32
3	Сколько детей Можно иметь в семье, не ущемляя себя материально?	̄ 2,33
4	Сколько детей Вы посоветуете иметь своим взрослым детям?	̄ 2,53
5	Сколько детей надо иметь, чтобы окружающие относились к родителям по-человечески?	! 2,74
6	Сколько детей надо иметь, чтобы лучше и правильнее воспитывать их?	! 2,81
7	Сколько детей надо иметь, чтобы эмоционально обогатить свою жизнь?	̄ 3,25
8	Сколько детей надо иметь, чтобы в старости не грозило одиночество?	̄ 3,42

лом, можно сделать вывод о том, что фамилистическая ориентация влияет на фактическое число детей.

На примере опрошенных в Уфе (табл. 2), просматривается процентный ряд, подтверждающий вышеупомянутую гипотезу, что чем выше фамилистические установки, тем больше детей в семье, так среди 3-детных семей процент высоко и очень высоко фамилистически ориентированных респондентов равняется 60,1%, среди 4-детных – 62,9%, самый высокий процент наблюдается у представителей семей с 5 и более детьми (78,9%). Можно говорить о прямой зависимости между фактической и предпочитаемой детностью: у многодетных семей выше семейные ценности, и вместе с тем фамилистические ценности определяют число детей в семье.

Суммарный коэффициент рождаемости в Российской Федерации на 2014 г. составляет 1,75 [4], однако, данного значения недостаточного, даже для простого воспроизводства насе-

ления. Для достижения поставленной правительством задачи, а именно роста трехдетных семей среди населения, необходимо повысить значение данного коэффициента до 2,15 и выше (подробнее см.: [1]). Справиться с данной проблемой в одночасье непросто, т.к. регион, в котором достигается максимальное значение данного коэффициента 2,03 (Северо-Кавказский ФО), характеризуется небольшой численностью населения и составляет 4% от всего населения РФ (5,868 млн. человек).

По данным ФОМ [4] подавляющее большинство населения (85%) считает, что правительству следует принимать специальные меры, чтобы повысить уровень рождаемости в нашей стране, причем предпочтение отдается увеличению детских пособий и льгот по уходу за ребенком (24%), предоставлению бесплатного и доступного жилья (22%), а также снижению цен и увеличению заработной платы (22%). Материальное стимулирование, играет важную роль в полноте удовлетворения потребности в двух

Таблица 4
Процентные ряды фактической и советуемой детности

Количество рожденных детей у респондента	Сколько детей Вы посоветуете иметь своим взрослым детям?			Итого:
	2	3	4 и более детей	
2 детей	70,6%	23,5%	5,8%	100,0%
3 детей	52,4%	44,8%	2,9%	100,0%
4 и более детей	31,3%	60,4%	8,4%	100,0%

детях, однако, для увеличения потребности в 3 и более детях требуется изменение системы жизненных ценностей.

При анализе вопросов о межпоколенной детности, наблюдается следующая картина: респондентки, которые выросли в семьях, где было 3-4 ребенка (3,42), рожают также более троих детей, но меньше чем в родительской семье (3,09). К сожалению, своим детям советуют еще меньше детей - 2,53. Эта тенденция, связана исключительно с сокращением потребности в трех и более детях [2], и в частности подтверждается результатами всероссийских исследований. Например, ФОМ [4] в 2001 г. зафиксировал преобладание установки на двоих детей (44%), превосходящую в полтора раза ориентацию на третьего ребенка, в 2006 г. данный процент незначительно сокращается до 40% [4]. Однако ориентация на двухдетность прочно закрепилась в массовом сознании, что подтверждается трендами последующих лет: в 2013 г. - 54% [4], в 2014 г. 53% [8].

Рассмотрим блок вопросов, сочетающих в себе установку к детности и побуждения респондентов выбрать определенное число детей (табл.3). Различают несколько типов мотивации: экономическую, психологическую и социальную. В соответствии с представленной классификацией разделяем вопросы данного блока на три категории. К первой категории – экономической, отнесем вопросы: «Сколько детей надо иметь, чтобы не перегружать себя домашними делами?», «...чтобы не ущемлять себя материально?». К социальной: «Сколько детей надо иметь, чтобы у Вас лично оставалось свободное время?», «...чтобы окружающие относились к родителям по-человечески?», «...чтобы лучше и правильнее воспитывать их?». К последней - психологической категории отнесем следующие вопросы: «Сколько детей Вы посоветуете иметь своим взрослым детям?» и «Сколько детей надо иметь, чтобы в старости не грозило

одиночество?». Подсчет средних значений по вышеприведенным вопросам, показал, что экономическая мотивация дает нам наименьший результат – 2,325 ребенка, социальная - несколько выше 2,563, а психологической - максимальное значение 3,067 детей.

Рассмотрим данные опроса в зависимости от фактической детности. Наибольшее стимулирующее значение по данным таблицы № 3 имеют психологические мотивы №№ 8,7, социальные мотивы №№ 5 и 6 побуждают к меньшему числу детей и наконец, наименьшее число детей способна дать экономическая мотивация. Последнее обстоятельство противоречит распространенному мнению, будто улучшение материальных условий усиливает потребность в детях. Это улучшение на самом деле увеличивает степень реализации имеющейся у населения потребности в двух детях.

Наличие свободного времени является важной жизненной ценностью, противостоящей, к сожалению, рождению нескольких детей. По индикатору №1 (табл. 3), двухдетные матери считают необходимым ограничиться двумя детьми (52,9%), трехдетные - двумя (37,4%) и тремя (33,6%). Подобная ориентация сохраняется среди имеющих 4-х и более детей – так считают 37,2% и 32,6%, соответственно.

Двухдетные респонденты, уверены, чтобы не перегружать себя домашними делами достаточно иметь двух детей (48,5%), трехдетные - трех (40,1%), а вот респонденты с 4 и более детьми ограничивают свои предпочтения не четырьмя, а тремя детьми, так считает треть респондентов (34,1%).

Анализируя влияние фактической детности на советуемую своим взрослым детям (табл. 4) приходится признать, что опыт семейно-детного образа жизни оказывается скорее всего негативным. Этот опыт пересиливает ценность обзаведения детьми независимо от любых условий жизни. Поэтому трехдетные и многодет-

Таблица 5
Среднее значение семантического дифференциала по объектам 0-1,2,3,4 ребенка и 0-дети

№	Объекты для оценки СД	Среднее значение СД 2014 г.	Среднее значение СД 2015 г.
1	СД 0 детей – 1 ребенок	5,911	6,890
2	СД 0 детей – 2 детей	7,555	9,426
3	СД 0 детей – 3 детей	7,981	10,757
4	СД 0 детей – 4 детей	7,599	-
5	СД дети – 0 детей	-	10,81
6	СД 1 ребенок – 2 детей	3,668	5,634
7	СД 1 ребенок – 3 детей	4,413	6,771
8	СД 2 детей – 3 детей	2,972	3,348
9	СД 3 детей – 4 детей	2,401	-

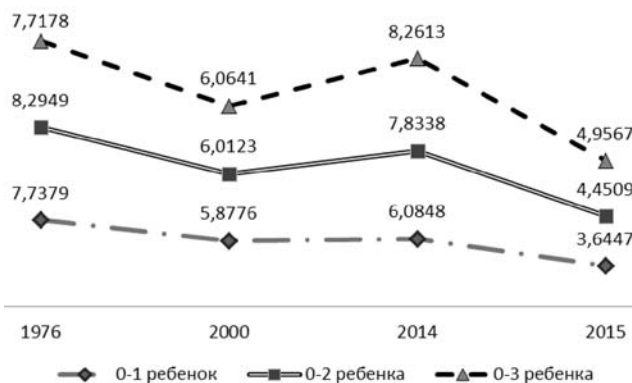

Рис. 2. Динамика различий между бездетностью и установками детности в 1976-2000-2014-2015 гг. (по двум сопоставимым шкалам СД)

ные матери советуют своим взрослым детям иметь меньше детей, чем в родительской семье. Каждая вторая трехдетная респондентка советует иметь лишь двоих детей, а респондентки с 4 и более детьми предлагают трехдетность (60,4%) и даже двухдетность (31,3%). Следует отметить, что двухдетные родители рекомендуют то же самое и детям (70,6%).

Объясняется эта вынужденная ориентация многодетных семей на меньшее число детей, в первую очередь неудовлетворенностью условиями жизни, внесемейной направленностью социальных сфер и жилищной необеспеченностью. При низкой самооценке уровня своего достатка, 48% респонденток с 4 и более детьми определяют его ниже среднего. У частично и полностью удовлетворенных выше ориентация на третьего ребенка для своих детей (53,8%), у неудовлетворенных – на второго (49,0%). Двухдетные матери считают, чтобы не ущемлять себя

материально нужно иметь не более 2 детей (67,6%), трехдетные респондентки, увы, разделяют аналогичную точку зрения (42,3%). Многодетные также считают, что нужно иметь двоих (35,7%) и троих (31,0%) детей, чтобы не чувствовать материального ущемления.

Какое же число детей является оптимальным для россиянина? По данным ФОМ [7] идеальная семья должна обладать 2 детьми, так считает больше половины опрошенных (54%), менее одной трети респондентов уверены, что семьи должны быть трехдетными (27%). Отметим, что это почти в 2 раза меньше того, что требуется для устранения угрозы убыли населения. Подтверждает ориентацию на двоих детей и исследование ВЦИОМ [8] где каждый второй респондент (53%) считает, что идеальной является двухдетная семья и 28%, что трехдетная.

В уфимском исследовании многодетных женщин, было рассчитано идеальное, плани-

Таблица 6
Средние значения СД по объектам 0-3, 0-4 ребенка в зависимости от степени фамилистической ориентаций респондентов, однодетных и не имеющих детей и (2014 г.)

Кол-во детей в семье	Степень фамилист. ориентации		Очень высокая	Высокая	Средняя	Низкая	Антифамилистическая
	Объекты СД						
0 детей	СД 0 детей – 3 детей		10,07	9,44	7,88	7,20	6,14
	СД 0 детей – 4 детей		9,51	8,68	7,60	6,57	5,60
1 ребенок	СД 0 детей – 3 детей		9,56	8,29	7,68	6,55	6,07
	СД 0 детей – 4 детей		8,82	7,96	6,85	6,43	6,17

руемое и желаемое число детей равно 3,50, 3,36 и 3,81 ребенка соответственно. При корреляции данного вопроса с группами по степени фамилистической ориентации (рис. 1), обнаружилась прямая зависимость идеального числа детей от фамилистических настроений респондента. Так, среди респондентов с очень высокой степенью семейных ценностей идеальным числом детей является трое (64%), а у 26,7% респондентов 5-6 детей.

Рассмотрим результаты непосредственно измерения репродуктивных ориентаций на основе техники семантического дифференциала (СД). В таблице №5 представлены средние СД, по сумме ответов на данный вопрос (795 из 2169 в 2014 г.; 248 из 325 в 2015 г.). Чем выше арифметическая величина СД, характеризующая объект, тем дальше он располагается от негативного эталона, в нашем случае бездетности (позитивный эталон - дети).

Следует обратить внимание на значения СД в первых четырех позициях (см. табл. 5, 2014 г.), характеризующих расстояние между негативным эталоном бездетности и числами детей (0-1, 0-2, 0-3, 0-4 ребенка). Можно видеть ярко выраженную триаду, представленную наибольшими значениями СД. Это значит, что в сознании населения наиболее далеко друг от друга располагаются бездетность и наличие детей в семье (2,3,4 ребенка). При этом однодетность тяготеет к негативному эталону (5,9 в 2014г.; 6,9 в 2015 г. у многодетных), что свидетельствует о ее наименьшем различии с негативным эталоном. Итак, по результатам нашего исследования с помощью СД, была выявлена ориентация респондентов в 2014 г. на 3 ребенка, а в 2015 г. у многодетных семей на 4 и более детей. Однодетность все ещё оценивается респондентами достаточно негативно. Однако, при сопоставлении результатов предыдущих исследований, замечена тенденция сглаживания контрастных противопоставлений позитивного и негативного эталонов (рис.2).

На рисунке видно (см.рис.2), как наиболее полярные оценки в 1976 г. в среднем равные 7,92, сменяются менее контрастными [* | In-line.WMF *]=5,98 в 2000 г., далее к 2015 году они понижаются до величины [* | In-line.WMF *]=4,35 (подробнее см.: Гл. 1. [3]). Выбиваются из этой картины результаты исследования 2014 г., где значения СД несколько выше, в сравнении с замером в 2000 г. Это можно объяснить действием семейно-демографической политики, а именно введением материнского капитала в 2007 г., и временным подъемом сумарного коэффициента рождаемости.

В таблице (табл. 6) представлена статистически значимая дифференциация величин СД в зависимости от степени фамилизма у бездетных и малодетных. Обладатели высоких фамилистических ориентаций, характеризуются максимальным значением СД - 10,07, а приверженцев антифамилистических настроений отличает минимальное различие между бездетностью и тремя (6,14), четырьмя (5,60) детьми. Можно заключить, что выше вероятность появления третьего ребёнка будет у людей, чей уровень фамилизма выше и самой потребности в детях.

Для повышения ценностных ориентаций на семью и детей необходимо начать работу в первую очередь с младшим поколением, в том числе со школьниками и дошкольниками. Пропаганду и поощрение многодетного образа жизни, необходимо включить в семейно-демографическую политику нашей страны, по опросу ВЦИОМ в 2013 г. считает 59% респондентов [5].

К сожалению, однобокое воздействие, не включающее в себя комплексных мер, не приве-

дет нас к цели - обеспечение простого воспроизводства населения. При всех финансовых составляющих уровень рождаемости останется на прежнем уровне, если будет игнорироваться уровень семейно-детных ценностных ориентаций.

Литература

1. Антонов А.И. Коэффициенты рождаемости растут, а население убывает // Российская Федерация сегодня. - 2015. - № 13
2. Антонов А.И. Снижение репродуктивных установок и ориентаций российского населения в 1991-2007 годы // demographia.ru.
3. Антонов А.И., Жаворонков А.В., Синельников А.Б. и др. «Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России» // Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы Москва, 2015. С.270.
4. Демография: как повысить рождаемость // Отчет по опросу ФОМ 25.05.2006 // <http://bd.fom.ru/report/cat/famil/dd062025#d062015>
5. Закон о защите семьи: какая семейная политика нужна нашей стране? Отчет по исследованию ВЦИОМ. 11 февраля 2014. <http://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/moral-relations/article/zakon-o-zashchite-semi-kakaja-semeinaja-politika-nuzhna.html>
6. Коэффициент суммарной рождаемости, Демоскоп Weekly // http://demoscope.ru/weekly/app/world_tfr.php
7. Образ идеальной семьи. Много ли в России идеальных семей? И какую семью можно считать идеальной? // «ФОМнибус» 14 июля 2013. <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11024>
8. Сколько детей нужно для счастья? // «Омнибус ВЦИОМ». 30 мая 2014. <http://old2.wciom.ru/index.php?id=459&uid=114842>

Семья как фактор здоровья: социологический аспект

Новоселова Е. Н.

Статья посвящена исследованию основных факторов здоровья населения России. Автор рассматривает проблему ценности здоровья, а также роль института семьи в формировании установки на здоровье и здоровый образ жизни. Анализируется влияние состава семьи, её жилищных условий и материального положения, образования родителей, количества детей в семье на самооценки здоровья и самосохранительное поведение российских женщин репродуктивного возраста. Также уделено внимание взаимодействию институтов семьи и здравоохранения, доверию к врачам и системе здравоохранения в целом.

Ключевые слова: семья, здоровье, самосохранительное поведение, многодетная семья, жилищные условия семьи, доверие к врачам.

Novoselova E. N.

Family as a factor of health: sociological aspect

The article analyzes the main factors of health of the Russian population. The author considers the problem of the value of health, and the role of the family institution in the formation of the healthy settings and healthy lifestyle. Family structure, living conditions and income, parental education, number of children in the family for health self-assessment and self-preservation behavior of Russian women of reproductive age. Attention is also given to the interaction of family and health institutions, trust in doctors and the healthcare system as a whole.

Key words: family, health, self-preservation behavior, large family, housing, family conditions, trust in doctors.

Семья и здоровье: постановка проблемы

Состояние здоровья населения России на фоне сокращения общей численности трудоспособного населения является крайне важным фактором национальной безопасности и экономической стабильности нашей страны. Этот факт делает крайне актуальным исследования, направленные на изучения здоровья, продолжительности и качества жизни населения, особенно населения репродуктивного возраста и родителей несовершеннолетних детей, т.к. именно данная категория населения формируют у молодого поколения отношение к здоровью, которое в будущем уже у взрослого человека выражается в желании и потребности быть здоровым. Несмотря на признание исключительной роли семьи в формировании и сохранении здоровья населения работ посвященных данной проблеме недостаточно.

В данной статье основной акцент сделан на изучении состояния здоровья женщин репродуктивного возраста¹, а особенно многодетных матерей несовершеннолетних детей т.к. роль матери в развитии ребенка несомненно крайне серьезна и важна, «наличие матери в самом начале жизни предопределяет существование ребенка в целом» [23], здоровье матери – залог здоровья детей, а здоровые дети – залог здорового, счастливого и успешного общества, оно «определяет будущее страны, генофонд нации, научный и экономический потенциал общества и наряду с другими демографическими показателями является чутким барометром социально-демографического развития страны» [37].

Здоровье человека зависит от сочетания целого ряда факторов: биологических и социальных, сложных и многообразных, постоянно изменяющихся. Вклад данных факторов в здоровье обычно оценивается по четырем основным позициям: образ жизни, генетика человека, внешняя среда и здравоохранение [33]. Доля

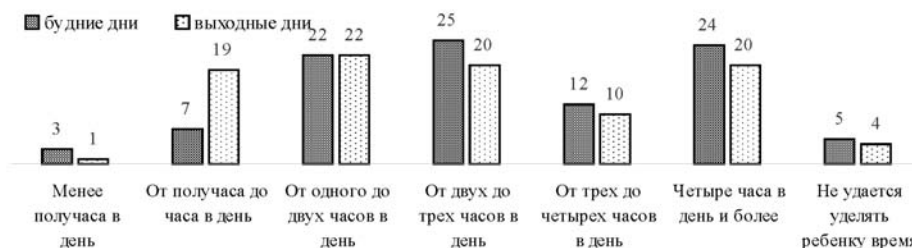

Рис. 1. Количество времени, посвящаемое общению с ребенком (%). Ответ на вопрос: Сколько времени вы обычно посвящаете общению, совместным занятиям с вашим ребенком? Источник: Дети и родители: совместный досуг. Еженедельный опрос «ФОМнибус» 19–20 октября 2013 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. <http://fom.ru/posts/11256>

Таблица 1
Жизненные ценности респондентов (%). Ответ на вопрос: Что для Вас наиболее ценимо, важно в вашей жизни?

	%
Здоровье	47,7
Семья, дети, заботливые близкие	43,7
Душевное благополучие, согласие с собой, забота о спасении души	6,5
Свобода и самостоятельность в жизни	4,6
Материальное благополучие, заработок, достаток	4,3
Спокойная, безопасная жизнь	4,0
Интересная работа	3,1
Возможность путешествовать, ездить без ограничений	2,5
Физическая сила	2,2
Уважение, благодарность других людей	2,2
Уважение, благодарность других людей	2,2
Возможность занятий по душе, духовного развития, творчества	1,5
Высокий статус, положение в обществе, карьера	1,2
Верные и надежные друзья, общение	0,9
Деньги в неограниченном количестве	0,9

влияния условий и образа жизни на здоровье человека в современном мире около 50%, таким образом, в первую очередь здоровье/нездоровье современного человека обусловленные повседневным самосохранительным поведением, отношением к собственному здоровью и продолжительности жизни, позитивным настроем и желанием жить.

Как уже отмечалось выше, одним из важнейших факторов, влияющих на здоровья человека являются его родители, его семейное окружение. Здоровье ребенка характеризуется гармоничным физическим, психическим и интеллектуальным развитием и особой зависимостью от среды, в которой он живет. Семья детерминирует развитие личности, в том числе и отношение личности к своему здоровью. Семья прививает поведенческие стереотипы, влияю-

щие на составляющие образ жизни человека воздействующие на его здоровье: наличие/отсутствие вредных привычек, вовлеченность в занятие спортом, привычки в питании, отношение к профилактике и лечению заболеваний, взгляд на все другие составляющие ЗОЖ. Безответственное поведение родителей в отношении своего здоровья (курение, чрезмерное употребление алкоголя, неправильное питание, пренебрежение гигиеной, безразличное отношение к физкультуре и спорту и т.д.) может служить серьезным фактором, пагубно влияющим на здоровье детей.

К сожалению, многие родители, воспринимая здоровье исключительно как отсутствие болезней и игнорируя взаимосвязь физического, психического и социального благополучия не понимают самой сущности понятия здоровья, а

между тем, «...здоровье человека не может сводиться лишь к констатации отсутствия болезней, недомогания, дискомфорта, оно – состояние, которое позволяет человеку вести несущенную в своей свободе жизнь, полноценно выполнять свойственные человеку функции... - вести здоровый образ жизни, т.е. испытывать душевное, физическое и социальное благополучие» [20].

Современные родители довольно серьёзно ограничены в средствах укрепления и сохранения здоровья ребенка в семье, причины этого в следующем: у них не всегда хватает времени на общение с детьми, а иногда и на заботу о их здоровье; родители не всегда обладают достаточными знаниями для воспитания культуры здоровья у ребенка, т.к. культура заботы о собственном здоровье в современной России практически отсутствует; не все родители умеют беречь свое собственное здоровье и, следовательно, не приучают к этому детей [26].

Судя по опросу Фонда Общественное мнение большинство родителей уделяют общению с ребенком несколько часов в день (см. рис. 1) и признаются, что это не больше и не меньше, а именно тот отрезок времени, который они хотели бы проводить с своим ребенком - 46%. Лишь 15% из них посвящают хотя бы часть этого времени такому составляющему ЗОЖ как, например, занятие спортом. Больше всего времени родители уделяют подготовке уроков и проверка домашнего задания – 50% родителей заявили об этом, при этом, если ребенок учится в младших классах этот процент возрастает до 61. Интересен тот факт, что почти 10% современных родителей говорят о том, что они проводят со своими детьми больше времени, чем им хотелось бы.

Здоровье как ценность

Здоровье является основополагающей ценностью, как общечеловеческой, так и индивидуальной. Как показывают современные исследования, ценность здоровья существенным образом зависит от социально-демографических факторов, таких как пол, возраст, брачный статус, социально-экономическое положение, уровень образования [3], при этом, здоровье находится в определенном соотношении с другими ценностями личности, такими как семья, материальный достаток, карьерные достижения и т.д.

В нашем исследовании респонденты объявили здоровье самой главной жизненной ценностью, так считает почти половина из них, ценность здоровья обогнала даже, хотя и не на много, такие ценности как: дети, семья, заботливые близкие (см. табл. 1).

Еще более значимой ценность здоровья становится, если речь идет о здоровье детей, при ответе на вопрос: «Что должны, на Ваш взгляд, наиболее сильно ценить Ваши дети?» - 68,9% респондентов называют именно здоровье. Влияние здоровья на семейное благополучие наши респонденты оценивают следующим образом – очень сильно влияет 65,2%, сильно влияет – 15,4%, то, что здоровье практически не оказывает влияние на семейное благополучие, считают лишь 3,6% респондентов (мало и очень мало влияет в совокупности).

Судя по опросам «Левада-центра», люди считают здоровье главной ценностью и неотъемлемым элементом счастья. Так считают 64% респондентов. 77% опрошенных своим детям и внукам, прежде всего, желают крепкого здоровья [5], т.к. оно помогает этого самого счастья достичь. Счастье и здоровье взаимосвязаны - счастливое детство влияет на здоровье человека в будущем, родители же могут помочь своим детям сохранить здоровье на долгие годы.

Как уже отмечалось, здоровье далеко не в последнюю очередь связано с феноменом счастья, который оказывает влияние, как на качественную сторону человеческой жизни, так и на её продолжительность. Количество россиян, которые считают себя «полностью счастливыми» в России невелико [15], Россия занимает 64 место в мире согласно Всемирному индексу счастья. При этом «несчастные» россияне ориентированы на сохранение вредных привычек, они курят, пьют, едят излишне жирную и соленую пищу и не хотят жить долго, опасаясь старости, немощности и бедности. Многие россияне не живут, а выживают, данное обстоятельство не добавляет ощущения счастья, здоровья и лет жизни нашим соотечественникам.

Самооценка здоровья как индикатор его состояния. Гендерный парадокс здоровья

В нашем исследовании мы попытались выявить собственные оценки и представления женщин репродуктивного возраста о своем здоро-

Таблица 2

Самооценки состояния здоровья по полу (%). Ответ на вопрос: Как бы Вы оценили свое здоровье?

Источник: «ФОМнибус» 11–12 июля 2015 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12324>

	МУЖЧИНЫ	ЖЕНЩИНЫ
здоровье хорошее (никогда не болею или болею очень редко, обычно хорошо себя чувствую)	47	31
здоровье среднее (довольно часто болею или чувствую себя нездоровым(-ой))	42	53
здоровье плохое (есть хронические заболевания, постоянно плохо себя чувствую)	10	16

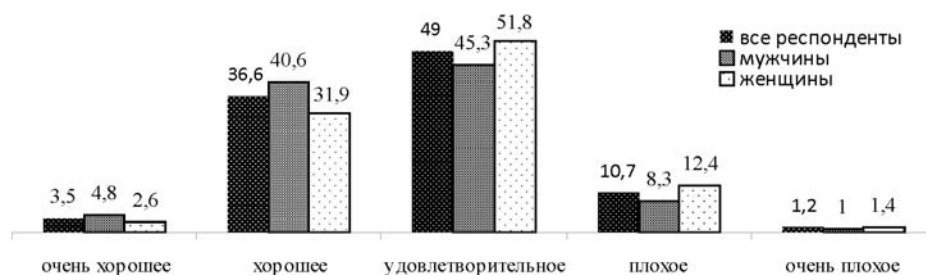

Рис. 2. Оценка состояния своего здоровья лицами в возрасте 15 лет и более в 2014 г., в % (по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения). Источник: Здравоохранение в России. 2015: Стат. сб./Росстат.- М., 2015.

вые, зафиксировать факты и обстоятельства, которые на эти оценки влияют. Самооценка «здоровья – это оценка индивидом своего физического и психического состояния, ключевой показатель отношения к здоровью» [14]. Еще Гиппократ определял здоровье как субъективно-психологическое ощущение. По данным отечественных и зарубежных исследований самооценка людьми своего здоровья является показателем, довольно явно коррелирующем с реальными показателями здоровья [22]. Метод самооценок здоровья признан учеными достаточно надежным и рекомендован ВОЗ для мониторинга здоровья. Самооценка здоровья включает в себя как наличие или отсутствия заболеваний, так и психологическое благополучие в целом [38].

Обратимся к данным социологических опросов касательно самооценок здоровья. По данным опроса проведенного ФОМ в июле 2015 года почти половина россиян оценивают свое здоровье как хорошее - 48%, среднее - 38%, постоянно плохо себя чувствуют 13% наших соотечественников [25]. По данным комплексного наблюдения условий жизни населения России в 2014 году хорошим и очень хорошим свое здоровье считают 40,1% населения, удовлетво-

рительным 49%, плохим и очень плохим 10,7 и 1,2% соответственно.

В нашем исследовании, большинство опрошенных оценили свое здоровье как удовлетворительное - 53,8%, чуть больше трети определили его как хорошее - 35,4% и 1,5% назвали его плохим, оставшиеся респонденты затруднились ответить на данный вопрос. То, что только треть нами опрошенных оценили свое здоровье как хорошее крайне невысокий показатель в контексте высокой значимости здоровья.

Напомним, что в нашем исследовании респондентами выступали женщины репродуктивного возраста, а по данным многих социологических исследований женщины всегда несколько ниже оценивают состояние своего здоровья. Лишний раз подтверждают это и данные ФОМ (см. табл. 2), и это при том, что в реальности продолжительность предстоящей жизни у российских мужчин значительно ниже, чем у женщин: продолжительность жизни российских женщин в 2015 г. достигла своего исторического максимума - 76,5 года, тогда как продолжительность жизни мужчин составила - 65,1 года, получается, что женщины болеют чаще, мужчины умирают раньше.

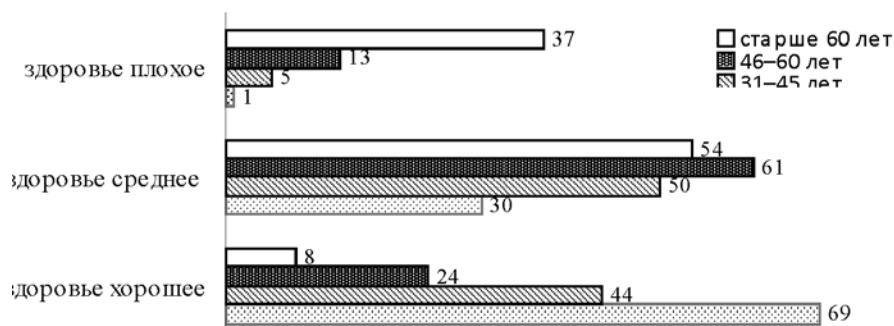

Рис. 3. Самооценка состояния здоровья и возраст респондента, в%. Ответ на вопрос: Как бы Вы оценили свое здоровье? Источник: Отношение к здоровью. «ФОМнибус» 11–12 июля 2015 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12324>

Данный феномен получил название «гендерный парадокс здоровья», он является общемировой тенденцией, характерной для всех цивилизованных стран и объясняется действием целого ряда биологических и социальных факторов. Биологический фактор обуславливает разницу в продолжительности жизни мужчины и женщины 1,9-2,1 года [39], остальное – социокультурные факторы: большая ответственность женщины за воспитание детей, более негативная направленность самосохранительного поведения мужчин, представители сильного пола физически более выносливы, но менее защищены перед стрессом, и т.д., проще говоря - женский организм - стайер, мужской - спринтер [29].

Существование «гендерного парадокса» здоровья подтверждают и данные комплексного наблюдения условий жизни населения в 2014 году (см. рис. 2).

Оценивая свое здоровье более критично, чем представители сильного пола, женщины относятся к нему ответственнее и больше о нем заботятся – 77% женщин и 65% мужчин следят за своим здоровьем [25].

В первую очередь данные различия объясняются тем, что «ответственность женщины за здоровье детей определяет существенную социальную значимость ее адекватных ценностных ориентаций направленных на культуру самосохранительного поведения и выживания рода» [25]. Возможно, это связано еще и с тем, что для женщины понятие «здоровье» тесно связано понятием «красота». Стремясь обрести красивую фигуру и кожу женщины стараются вести правильный образ жизни, они ограничи-

вают потребление нездоровой пищи, меньше курят и пьют алкогольных напитков, занимаются спортом и т.д.

Влияние возраста на самооценку здоровья

Рассмотрим самооценку состояния здоровья опрошенными женщинами в связке с их возрастом. Вполне естественно, что более всего удовлетворена своим здоровьем наиболее молодая группа наших респонденток 18-30 лет, среди них около 45,8% считают свое здоровье хорошим, и никто не назвал свое здоровье плохим. Возраст и самооценка здоровья находятся в обратной зависимости, количество негативных самооценок с возрастом увеличивается, а положительных уменьшается. «Молодые люди обычно относятся к проблеме здоровья как к чему-то достаточно важному, но абстрактному, не имеющему к ним прямого отношения» [28] Часто, молодые люди относятся к своему здоровью как средству достижения определенных целей (заработок, карьерный рост, развлечения и т.д.), а не как к средству жить долго и полноценно. По данным ФОМ 69% современной молодежи считают свое здоровье хорошим (рис. 3).

Здоровье и самосохранительное поведение

Крайне «важным показателем здоровья как элемента качества жизни является уровень самодерминации поведения, т.е. ответственного отношения к сохранению и поддержанию людьми своего здоровья» [35]. Здоровье – ресурс, распорядиться которым можно по-разному.

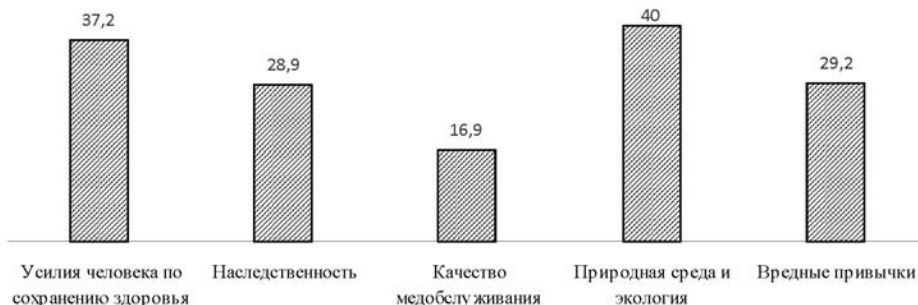

Рис. 4. Влияние на здоровье различных аспектов жизни, в %. Ответ на вопрос: Как Вы считаете, что в наибольшей степени влияет на здоровье человека?

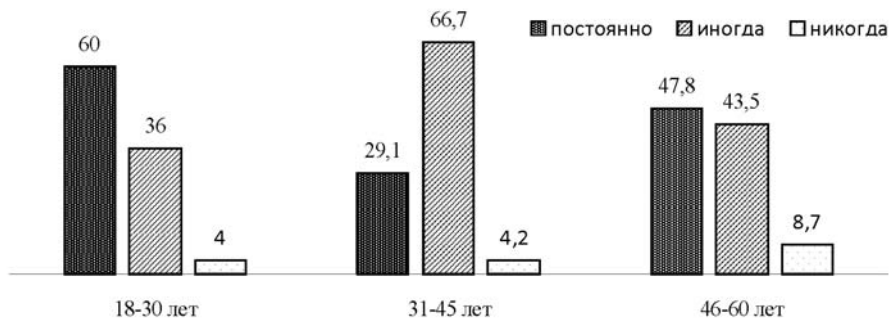

Рис. 5. Систематичность заботы о своем здоровье, в %. Ответ на вопрос: Как регулярно вы заботитесь о своем здоровье?

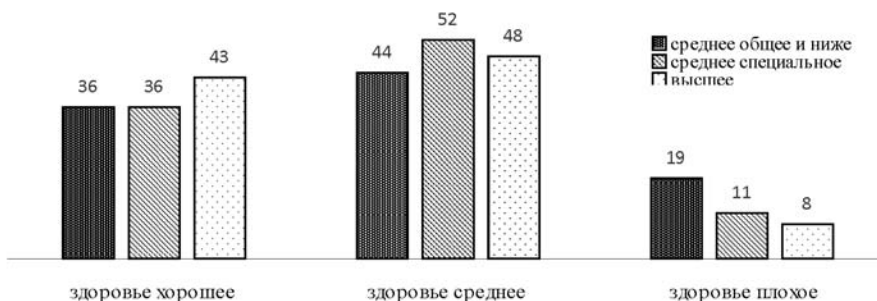

Рис. 6. Взаимосвязь уровня образования и самооценок здоровья, в %. Ответ на вопрос: Скажите, пожалуйста, как бы вы оценили свое здоровье? Источник: Отношение к здоровью «ФОМнибус» 11 – 12 июля 2015 г.

Основная масса опрошенных нами респондентов разделяет мнение о том, что немалую часть ответственности за свое здоровье несут они сами, что демонстрирует рис. 4.

При этом реальные действия опрошенных по сохранению и улучшению здоровья не свидетельствуют о подлинной значимости данного аспекта их жизни. Так, только 30% респондентов регулярно заботятся о своем здоровье, 38,5% вообще не уделяют времени своему здо-

ровью, 32,6% уделяют до 15 минут в день и лишь 13% уделяют своему здоровью около часа в день.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения в плохом самочувствии и ухудшении здоровья россияне склонны винить самих себя - 47%. Также респонденты винят государство - 13%, уровень развития медицины и качество медицинских услуг - 23%, низкий уровень жизни - 25% и плохую экологию -

ческую обстановку - 28%. Редко, но россияне все же винят в заболеваниях плохие условия труда - 7%, отмечают, что болезни достаются за грехи - 4%.

Согласно нашему исследованию наибольшую заботу о своем здоровье проявляют лица крайних возрастных групп 18-30 и 46-60 лет (см. рис. 5), люди, находящиеся в промежутке между этими возрастными группами, заботятся о здоровье лишь иногда и либо не уделяют ему времени вообще (42,4%), либо уделяют ему не более 15 минут в день (35,6%).

Эти данные подтверждает и вышеупомянутое исследование ФОМ, при анализе данных которого становится также понятно, что большинство россиян вкладывают в понятие «забочусь о здоровье» прием витаминов и лекарств, лечение уже существующих болезней. Лишь 13% занимаются спортом, 11% - следят за питанием, 9% - ведут активный, здоровый образ жизни, много ходят, гуляют на свежем воздухе, 9% - избегают вредных привычек или стараются от них избавиться [12]. Получается, что «здоровье ценно и значимо, но к мерам для его поддержания большинство россиян обращаются в случае безысходности... здоровый образ жизни - это хорошо, но ведут его не многие» [32]. Оценки факторов, влияющих на здоровье, практически не зависят от пола респондента, разве что женщины чуть выше ставят значимость фактора экологической обстановки.

Образование – социальная вакцина здоровья

Образование и здоровье находятся в тесной взаимосвязи, о чем свидетельствует масса данных и исследований. Образование обладает большим потенциалом для разрыва порочного круга бедности, плохого состояния здоровья, низкого статуса, передаваемых от поколения к поколению. Люди с более высоким уровнем образования лучше понимают факторы, ухудшающие здоровье, они меньше курят, спиртное употребляют в умеренных количествах, следят за своим питанием и весом, регулярно посещают врачей и поэтому обладают лучшим здоровьем. При этом они в большей степени возлагают ответственность за свое здоровье на себя - 70%, в то время как люди с низким уровнем образования делают это лишь 30-36% случаев [16].

Данные нашего исследования лишний раз подтверждают наличие прямой зависимости между уровнем образованием и здоровьем. Так, 43% опрошенных нами женщин, имеющих высшее образование, оценивают состояние своего здоровья как хорошее, среди имеющих среднее общее образование таких 25%, средне специальное и незаконченное высшее по 29%. При этом 98% респондентов с высшим образованием считают, что именно усилия самого человека в наибольшей степени влияют на состояние его здоровья, и 90%, что человек сам хозяин своей судьбы и его действия влияют на то, как складывается его жизнь. Данные Фонда общественное мнение также свидетельствуют о наличии зависимости между уровнем образования и здоровьем (рис. 6).

Образованные люди «быстрее воспринимают информацию, им легче осознать новые веяния и изменить свое поведение, потому что они хотят сохранить свое здоровье и продолжать наслаждаться радостями жизни (активный досуг, отношения с другими людьми и т.д.), которые, по их мнению, того стоят» [40].

Нельзя не отметить тот факт, что образованные люди чаще живут в крупных городах, где зарплаты обычно выше, медицинское обслуживание качественнее, снабжение продуктами питания лучше и в связи с этим выше ориентации на позитивно направленное самосохранительное поведение, т.е. сильнее нацеленность на укрепление здоровья, на здоровый образ жизни, и больше средств для этого. «При улучшении социально-экономического благополучия населения гораздо больше внимания уделяет именно своему здоровью и в плане отказа от разного рода вредных факторов и образа жизни» [13].

Влияние жилищных условий и уровня жизни семьи на здоровье ее членов

От качества жилья, в котором проживает семья, зависят многие показатели здоровья ее членов. Стесненные жилищные условия, их перенаселенность может служить предпосылкой возникновения частых респираторных и аллергических заболеваний, а также влияет на психологический климат в семье, мешает взаимодействию членов семьи и т.д.

Качество, комфортность и благоустроенность жилья крайне важно для поддержания здоровья членов семьи на должном уровне. Рас-

Таблица 3

Жилищные условия семей с разным числом детей в 2009 г., доля домохозяйств (в %)

Источник: Гасс Т.А. Жилищные условия семей с детьми: динамика неравенства // «Вопросы статистики», 2014, №3. [http://demoscope.ru/weekly/2014/0607/analit04.php]

	Число детей до 16 лет в домохозяйстве				
	нет детей	один ребенок	двое детей	трое детей	четыре и более детей
Стесненность (меньше 18 кв.м/чел.)	23,5	65,5	83,2	86,3	92,7
Теснота (менее 9 кв.м/чел.)	1,1	6,2	15,4	31,9	41,3
Ощущается большая стесненность	6,1	19,7	21,9	32,5	37,3
Неудовлетворенность жилищными условиями	8,8	11,6	12,8	19,1	24,7
Желание улучшить жилищные условия	4,9	11,7	16,6	20,4	19,3
Состояние на учете в качестве нуждающихся в жилье	1,0	2,4	3,2	5,4	6,0
Необходимость капитального ремонта	34,7	35,4	36,2	45,7	54,0
Необходимость текущего ремонта	44,6	46,2	46,2	50,7	60,7
Жилье, не удовлетворяющее ни одному из стандартов качества	34,4	37,8	52,9	70,1	89,3

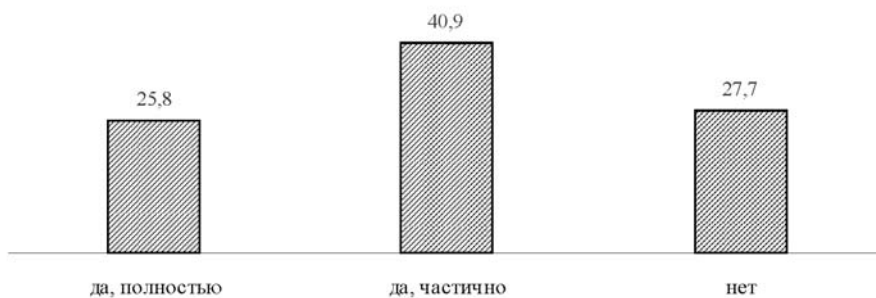

Рис. 7. Удовлетворенность многодетных матерей жилищными условиями, в %. Ответ на вопрос: Удовлетворены ли Вы своими жилищными условиями?

смотрим жилищные условия опрошенных нами женщин. Отдельную приватизированную квартиру имеют - 56,9%, частный дом – 20,6%, отдельную неприватизированную квартиру – 3,1%, служебную, ведомственную квартиру – 1,5%, комнату(ы) в коммунальной квартире – 4,3%, комнату в общежитии – 4,0%. Средняя площадь жилья - 14,3 кв.м. на одного человека.

Жилищные условия имеют большое значение для качества и чувства удовлетворенности жизнью. «Положение семей в жилищной сфере характеризуется статусом собственности жилья, его площадью и качеством» [7]. Семьи с разным числом детей в России имеют несколько разные жилищные условия. Так, с ростом числа детей увеличивается процент домохозяйств, площадь и качества жилья которых не отвечает требованиям нормативов, т.к. с рождением каждого

ребенка площадь, приходящаяся на одного члена семьи, уменьшается, а невозможность улучшить жилищные условия ведет к перенаселенности жилья и сложности планировки личного пространства для всех членов семьи. «Классической нормой жилой площади считается 18 кв.м. на одного гражданина, 42 кв.м. на семью, состоящую из двух человек, а также чуть более 30 кв.м. для одиноких граждан...Жилищное законодательство (ст. 50 ЖК РФ) указывает, что учетная норма не может составлять менее 12 кв.м. в расчете на одного человека» [11]. В реальности же, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), 22% российских детей живут в крайне тесном жилье, когда на одного члена семьи приходится не более шести квадратных метров жилой площади [37].

Таблица 4

Как изменились за последние десять лет жилищные условия вашей семьи?

Источник: Всероссийский опросе ВЦИОМ от 26.05.2013 <http://wciom.ru>

	Все опрошенные	Пол		Материальное положение семьи		
		мужской	женский	очень хорошее, хорошее	среднее	плохое, очень плохое
Значительно улучшились	7,00	7,00	7,00	21,00	6,00	3,00
Несколько улучшились	22,00	23,0	22,0	40,00	22,00	12,00
Практически не изменились	62,00	65,0	63,0	36,00	65,00	66,00
Несколько ухудшились	6,00	7,0	4,0	2,00	5,00	14,00
Значительно ухудшились	2,00	0	2,0	1,00	1,00	4,00

Многодетные семьи чаще всего имеют стесненные жилищные условия, так «многодетные домохозяйства с тремя детьми имеют 11,9 кв.м. на 1 человека, с четырьмя и более детьми – 10,3 кв.м., а это более чем в 2 раза ниже средних российских показателей. Особенно острая разница отмечается в городах (почти в 3 раза по семьям с 4 и более детьми), по селу эти различия ниже» [27].

А каковы же реальные притязания многодетных к жилой площади их жилища? При ответе на вопрос: «Сколько по вашему мнению квадратных метров надо иметь жилой площади на одного члена семьи, включая несовершеннолетних (в том числе только что рожденных) детей?» мы получили следующие ответы – до 10 кв.м. - 8,2%, до 11 до 14 кв.м. – 14%, от 15 кв.м. – 15,4%, от 16-19 кв.м. – 10,4%, 20 кв.м. – 23,1%, 21-29 кв.м. – 4,6%, 30 кв.м. – 4,3%, более 35 кв.м. – 4,8%. Истинное положение с жилищными условиями семей с различным числом детей показывает табл. 3.

Значимость проблемы жилищных условий для многодетных матерей демонстрируют данные нашего исследования. 47,7% наших респондентов назвали плохие жилищные условия, скученность и тесноту одной главной проблемой многодетных семей. А среди мер поддержки многодетных семей главными были названы: быстрое предоставление многодетным семьям отдельных квартир – 10,5%, переориентация

строительной индустрии на квартиры для многодетных – 8,6%, проведение принципа: каждому члену семьи, в т.ч новорожденному – комната – 9,5%.

Проанализируем удовлетворенность наших респондентов своими жилищными условиями. По удовлетворенности жилищными условиями они разбились почти ровно пополам – 49,5% удовлетворены своими жилищными условиями, 44% – нет. При этом контрольный вопрос на эту тему дал несколько иные результаты: частично и полностью удовлетворенных получилось в совокупности - 66,7%, полностью не удовлетворенных - 27,7% (рис. 7).

По данным Фонда общественное мнение около трети россиян - 34%, оценивают свои жилищные условия как хорошие, 48% находят их терпимыми, а 16% – плохими. С 2005 года с 28 до 34% выросло число тех, кто оценивает качество своего жилья как хорошее, меньше стало тех, кто живет в плохих (с 20 до 16%) и терпимых условиях (с 50 до 48%). При этом, число тех, у кого есть потребность в улучшении жилищных условий семьи также увеличилось за эти годы с 46% до 61%, и никак не изменилось число тех, что может себе это позволить (9-10%) [19].

Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ 23 мая 2013 года, жилищные условия россиян за последние 10 лет практически никак не изменились (см. табл. 4). Так считают 62% респон-

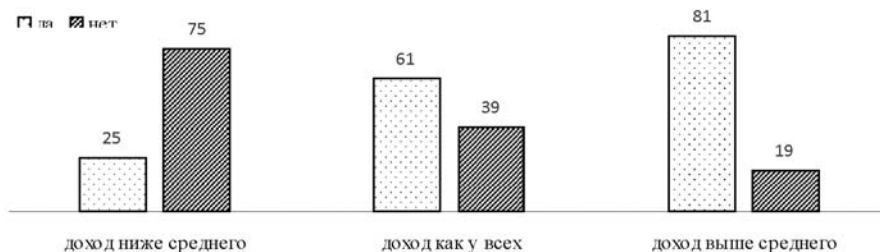

Рис. 8. Взаимосвязь оценки респондентами дохода своей семьи и удовлетворенности жилищными условиями, в %

дентов, несколько улучшились они только у самой высокодоходной части российского общества, чьи доходы на одного члена семьи составляют 150 тысяч рублей и выше на одного человека в месяц.

Что касается многодетных семей, то 40% населения России думают, что условия проживания многодетных семей ничем не отличаются от других, причем эту точку зрения разделяют и сами многодетные - 42%, однако более половины из них - 52%, считают, что улучшать жилищные условия многодетным семьям становится все труднее и труднее [21].

Рассмотрим влияние удовлетворенности жилищными условиями на самооценки здоровья. Среди тех, кто удовлетворен своими жилищными условиями 44% считают свое здоровье хорошим, среди неудовлетворенных таких только 28,6%. Плохим свое здоровье считают 0,6% удовлетворенных жилищными условиями и 2,9% неудовлетворенных.

Качество жилищных условий в немалой степени определяется уровнем жизни семьи, ее благосостоянием. Обеспеченные семьи живут в более благоприятных условиях, удовлетворены своими жилищными условиями и состоянием своего здоровья. Наше исследование указывает на прямую связь между удовлетворенностью доходом и жилищными условиями опрошенных, при этом, чем выше оценка уровня благосостояния своей семьи в сравнении с доходами окружающих, тем в большей степени респонденты удовлетворены условиями своего проживания, что и демонстрирует рис. 8, если сопоставить удовлетворенность респондентов собственным доходом с удовлетворенностью жилищными условиями, то картина получается еще более четкая – 96% полностью удовлетворенных уровнем своего дохода всецело устраивают их жилищные условия, среди не удовлетворенных

своим доходом таких – 33%.

По данным нашего исследования связь дохода и самооценки здоровья также весьма прозрачна - 43,8% оценивающих свои доходы как «выше среднего» считают, что обладают хорошим здоровьем, при этом респонденты из группы по доходам «ниже среднего» лишь в 20,2% случаев считают, что обладают хорошим здоровьем.

Несомненно, немалую роль в формировании здоровья членов семьи и особенно детей играет ее уровень жизни, хотя действие этого фактора скорее не прямое, а опосредованное. «Высокие доходы не являются автоматически залогом лучшего здоровья, но они позволяют обеспечить определенный набор материальных благ, способствующих сохранению и укреплению потенциала здоровья» [37]. Низкие доходы не дают семье возможность обеспечить своих членов качественным питанием, лекарствами и т.п. к тому же постоянное отсутствие денег увеличивает количество конфликтных и стрессовых ситуаций в семье, что также пагубно сказывается на здоровье.

По данным ФОМ россияне считают, что о здоровье заботятся люди старших возрастов - 22%, те, у кого на это есть лишние средства - 17% и болеющие люди - 11%. Также о здоровье заботятся те «кто внимателен к своему здоровью, хочет быть здоровым, думает о своем будущем» - 12%. При этом 49% считают, что, чтобы заботиться о своем здоровье нужно много денег и времени, и лишь 16% считают, что важен временной ресурс и денежные затраты тут не при чем [12].

Свободное время как ресурс для формирования здоровья

Согласно нашему исследованию основная причина, которой респонденты объясняют свое

Рис. 9. Причины, по которым россияне не занимаются спортом, в %. Источник: Россия спортивная: факты и тренды // ВЦИОМ Пресс-выпуск. №2274 09.04.2013 [<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113837>]

невнимание к собственному здоровью – отсутствие времени - 40%. Действительно, в современных условиях свободное время является подлинной ценностью. За последние несколько лет отмечается увеличение доли россиян, страдающих отсутствием или недостатком свободного времени. Абсолютный дефицит этого ресурса характерен для 16% россиян в 2013 году (для сравнения в 2007 это было 12%) [36].

Согласно нашему исследованию среди респондентов, жалующихся на постоянную нехватку времени, 40% совсем не уделяют времени своему здоровью, 37% уделяют здоровью не более 15 минут в день и лишь 13% уделяют ему до 1 часа в день. Отсутствие времени является главной причиной почему россияне не занимаются спортом и согласно данным ВЦИОМ (рис. 9).

И все же, большая часть населения России располагает парой часов свободного времени каждый день (54%) [36], и проводят они это время согласно своим возможностям, связанным с возрастом, самочувствием, материальным достатком и уровнем культуры. Интересен тот факт, что россиянами остаются абсолютно невостребованными те способы коротать свободное время, которые составляют исходные положения здорового образа жизни. Так, 25% россиян при ответе на вопрос Фонда общественное мнение «Как вы проводите свое свободное время?» указали, что они смотрят телевизор и лишь 4% занимаются спортом и активно отдыхают, при этом 66% вполне довольны тем, как они проводят это время [36]. Половина россиян посещали за последний год торговые центры и магазин для своего удовольствия и лишь 11 % спортклубы, бассейны, спортивные секции. При ответе на вопрос «Есть ли у вас увлечения, любимые занятия, не связанные с рабо-

той, учебной? Если есть, то с чем связаны эти увлечения, чем именно вы занимаетесь?» - 46% населения указали в качестве своего «хобби» просмотр телевизора и лишь 10% спорт, фитнес [10]. В нашем исследовании не было вопроса касающегося свободного времени, однако, тот факт, что респонденты находят время на просмотр телевизора, косвенно подтверждает то, что 76,9% опрошенных нами женщин пользуется телевидением как основным источником информации.

В нашем исследовании была выявлена связь между субъективной самооценкой состояния здоровья и заботой о нем, чем выше оценка здоровья, тем регулярнее респондент о нем заботиться, так 50% респондентов, оценивающих свое здоровье как хорошее, заботятся о нем постоянно, 23,6% оценивающих свое здоровье как удовлетворительное систематически занимаются своим здоровьем, и никто из оценивающих свое здоровье как плохое. Парадоксально, но факт, люди оценивающие свое здоровье как хорошее уделяют своему здоровью от 15 минут до 1 часа в день, в то время как респонденты, оценивающие его как плохое, вообще не занимаются здоровьем и не уделяют ему времени, оправдываясь тем, что у них его нет. Связь заботы о здоровье и возраста респондента не столь очевидна, но все же есть, менее всего заботятся о здоровье представители средней возрастной группы 31-45 лет, молодежь и представители более старшей возрастной группы предпочитают уделять здоровью хотя бы 15 минут в день.

Состав семьи и здоровье

Особенный интерес представляет выявление влияния состава семьи на здоровье, т.к. по данным многих исследований именно данный показатель, наряду с доходами семьи и уров-

нем образования ее членов оказывает наибольшее влияние на состояние здоровья супругов и детей. Наше исследование показало, что матери в неполных семьях оценивают свое здоровье хуже, чем женщины, имеющие мужей. 37,9% женщин, состоящих в зарегистрированном браке, оценили свое здоровье как хорошее, в то время как среди разведенных и разошедшихся данный процент значительно ниже и составляет – 25%. Влияет семейное положение респонденток и на оценку ими состояния здоровья детей – среди состоящих в браке лишь 7% не удовлетворены состоянием здоровья своих детей, в то время как среди разведенных данный процент более чем в два раза выше и составляет – 16,7%.

Материнство в неполной семье сопряжено с рядом жизненных затруднений: социально-бытовой и жилищной неустроенностью, материальными трудностями, дополнительной трудовой занятостью для женщины. Возникают серьезные проблемы в социальной среде и системе личностных отношений с противоположным полом, все это не добавляет здоровья данной категории женщин. Дети из неполных семей также болеют чаще своих сверстников из полных семей. «Заболеваемость детей в неполных и негармоничных семьях достоверно выше, чем в полных, и часто болеющих детей у них больше, и эта разница усугубляется с возрастом. Здоровье внебрачных детей хуже, они чаще рождаются недоношенными, позже начинают ходить и говорить, у них чаще бывают острые и хронические заболевания. Дети из негармоничных семей чаще болеют острыми и хроническими заболеваниями» [2].

А влияет ли детность семьи на здоровье ее членов? К сожалению, наше исследование показало, что матери в многодетных семьях несколько хуже оценивают, как показатели своего здоровья, так и здоровье детей, чем их «коллеги» из семей малодетных. Так, лишь 19% трехдетных и 18% четырехдетных матерей полностью удовлетворены своим здоровьем, в то время как среди однодетных таких 60%, среди двухдетных 24%. Однако радует тот факт, что полностью неудовлетворенных своим здоровьем среди многодетных матерей не много, около 10%. Основную массу респондентов, хоть и частично, состояние здоровья устраивает. Примерно такая же ситуация и с оценкой состояния

здоровья детей, около половины однодетных матерей полностью устраивает состояние здоровья их ребенка, среди двухдетных их меньше – 36%, в то время как среди трехдетных и четырехдетных таких по 29%.

По всей видимости, это связано не столько с наличием нескольких детей, сколько с тем, что однодетные и среднедетные матери в нашей выборке несколько моложе чем многодетные, возможно, женщины, имеющие одного ребенка, не столько намерены, остановится на этом в своем репродуктивном поведении, сколько в силу возраста еще не реализовали полностью свои репродуктивные установки. Более молодые женщины соответственно лучше оценивают свое собственное здоровье, а их детность, в данном контексте, не имеет столь высокого значения.

Кроме того, нельзя отбросить тот факт, что сегодня в нашей стране многодетное родительство сопряжено с материальными трудностями, жилищными проблемами и другими сложностями. Многодетные матери не всегда располагают временем на заботу о себе: о своем здоровье, образовании, внешнем виде и т.д. Как и раньше многодетность сопряжена с бедностью, стесненностью, непониманием со стороны окружающих. По некоторым данным, дети из многодетных семей часто говорят о проблемах в общении со сверстниками, их не всегда понимают и принимают [31].

Тем не менее, «при правильном воспитании дети из многодетных семей обладают более мобильной психикой, устойчивее к стрессам и лучше адаптируются в любом коллективе. В многодетных семьях, как правило, воспитываются разумные потребности и умение считаться с нуждами других; успешнее, могут формироваться такие нравственные качества, как чуткость, человечность, уважение к людям, а также качества социального порядка – способность к общению, адаптации, толерантность» [31].

Здравоохранение. Доступность и удовлетворенность медицинской помощью. Доверие врачам

Рассматривая проблему здоровья, мы не можем оставить в стороне вопросы взаимоотношения между семьей, её членами и системой российского здравоохранения. Наше исследование подтверждает тот факт, что россияне не

любят ходить к врачам. Лишь 35% опрошенных нами женщин при плохом самочувствии идут к врачу и выполняют его указания, причем, треть из них делают это потому, что им необходимо получить больничный лист. О состоянии своего здоровья наши респонденты узнают от кого угодно, только не от профессионалов: 30,8% лечатся самостоятельно, 6,8% читают перед этим медицинскую литературу, 7,1% обращаются за советом к знакомым, 10,5% ничего не делают и ждут пока само пройдет. Около половины - 44,6% связывают обращение к врачам с потерей времени, 11,7% не устраивает квалификация врача, 16,6% считают, что болезнь пройдет сама.

В сегодняшней России «отказ от профессиональной медицинской помощи (за исключением острых случаев, требующих вмешательства, например, скорой медицинской помощи) стал одной из основных практик самосохранительного поведения» [1]. По опросу ФОМ, россияне, которые лечатся самостоятельно и обращаются к врачам только в крайнем случае, – 46%. Примерно такое же число респондентов обращаются к врачу, а самостоятельно лечатся только в крайнем случае – 44%. Основные причины того, почему россияне лечатся сами (вопрос задавался предпочитающим лечиться самостоятельно): сложно попасть на прием к врачу, большие очереди – 13%, редко болею, заболевания легкие, можно лечиться и самому – 7%, привык(-ла) к самолечению, так лучше – 6%, не доверяю врачам, боюсь их, не доверяю современной медицине – 6% [18], т.е. вопрос не только в нежелании людей лечиться у профессионалов, но и в закрытости нашего здравоохранения.

Дело обстоит чуть по-другому, если вопрос касается здоровья детей. Оказывается, 68% предпочитают обращаться к врачам в случае болезни ребенка, но - 49% когда-либо сомневались в диагнозе, поставленном ребенку, лишь 23% считают, что врачи-педиатры обладают высоким уровнем профессионализма и только 13% считают, что в России дела в педиатрии обстоят хорошо [24].

Более половины - 55% населения России считают, что система здравоохранения нашей страны находится в плохом состоянии, 37% в удовлетворительном и лишь 6% в хорошем [6]. В то же время 54% полагают, что больницы и поликлиники в недостаточной мере обеспече-

ны медицинским оборудованием, необходимым для диагностики и лечения [24], 41% населения считает, что большинство современных российских врачей обладают низким уровнем квалификации и профессиональных знаний, 46% когда-либо сомневались в диагнозе или назначенном врачом лечении, но при этом 63% доверяют врачам в больницах и поликлиниках [9].

Вместо заключения

Считая здоровье необходимым условием полноты жизни и благополучие, безусловным благом и необходимым элементом счастья россияне, по большей части, воспринимают его как отсутствие болезней и обращают на него внимание лишь в том случае, если возникает недомогание и наши респонденты здесь не исключение. Впрочем, отечественная медицина на протяжении всего своего существования лишь поддерживала и укрепляла данную тенденцию уделяя внимание лишь здоровью «больного человека» оставляя за рамками своего интереса «здоровье здорового» [30], а ведь еще Ф. Бэкон писал «первая обязанность медицины - сохранение здоровья, вторая - лечение болезней» [4].

Формирование ценностного отношения к здоровью - сложный социальный процесс. Результат взаимодействия различных социальных институтов, в первую очередь семьи и государства. Семья является основным институтом, влияющим на точку зрения индивидов относительно таких показателей отношения к своему здоровью как: самооценка здоровья, ценностные установки в сфере здоровья, деятельность человека по сохранению своего здоровья и т.д., она прививает поведенческие нормы, «определяющие...не только наличие или отсутствие вредных привычек, но и отношение ко всем другим составляющим здорового образа жизни» [2]. Немаловажным помощником для семьи в сфере сохранения здоровья её членов могло бы стать государство, причем не только и не столько путем изменения бедственного положения дел в отечественной медицине, хотя это безусловно тоже необходимо, сколько путем глубокой продуманной семейно-демографической политики создающей условия для снижения доли неполных и неблагополучных семей, улучшения положения многодетных семей, увеличения доходов семей с детьми, повышения ценности института семьи в обществе. Нужно помнить,

что здоровая семья - залог становления здоровой личности, а здоровая личность в свою очередь залог здорового, счастливого и успешного общества.

Литература

1. Аронсон П. Я. Социальная интеракция и социальные сети в ситуации болезни // Диссертация...кандидата социологических наук. СПб. 2007.
2. Багнетова Е. А. Образ жизни родителей и поведенческие привычки старшеклассников // Фундаментальные исследования. Вып. № 2. 2011.
3. Богачева Т. Ю. Здоровье в системе жизненных ценностей современного специалиста / Диссертация...кандидата психологических наук. М. 2010.
4. Бредихина Н. В. Роль институтов семьи, образования и здравоохранения в формировании здорового образа жизни населения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки / Выпуск № 32 (165) / 2009.
5. Быть здоровым и верить в завтра // Аналитический центр Юрия Левады. [http://www.levada.ru/2013/03/18/byt-zdorovym-i-veritv-zavtra]
6. Всероссийском опросе ВЦИОМ: 17/03/2013. [http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=899&q_id=62513&date=17.03.2013]
7. Гасс Т. А. Жилищные условия семей с детьми: динамика неравенства // Вопросы статистики, 2014, №3.
8. Гордеева С. С. Гендерные различия в отношении к здоровью: социологический аспект. Вестник Пермского университета. 2010. №2.
9. Доверие врачам. Россияне оценивают профессиональные качества современных врачей // «ФОМнибус». 3 августа 2014. [http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11765]
10. Досуг россиян: развлечения и увлечения // «ФОМнибус», 16 декабря 2012. [http://fom.ru/Rabota-i-dom/10846]
11. Жилищный кодекс РФ. Социальная норма площади жилья [http://www.gilkod.ru/article/kvartirnyj_vopros/Sotcialnaya-norma-ploshadi-zhilya.html]
12. Забота о здоровье. Заботятся ли люди о своем здоровье? И кто больше: молодые или пожилые? // «ФОМнибус». 30 июня 2013. [http://fom.ru/Zdorove-i-sport/10984]
13. Здоровый образ жизни в России: что ему препятствует, что способствует // Аналитический центр Юрия Левады. [http://www.levada.ru/24-06-2012/zdorovy-obraz-zhizni-v-rossii-chto-emu-prepyatstvet-cto-sposobstvuet]
14. Здоровье студентов: социологический анализ. / Отв. ред. И. В. Журавлева; Институт социологии РАН. М., 2012.
15. Исследование качества жизни в российских городах // Правительство Российской Федерации // Финансовый университет при правительстве Российской Федерации. М., 2014.
16. Всероссийском опросе ВЦИОМ: 12/04/2015 [http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1020&q_id=70364&date=12.04.2015].
17. Как оцениваются доступность медпомощи, квалификация врачей и оснащенность медицинских учреждений? // «ФОМнибус». 12 июля 2015. http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12346
18. Как россияне лечатся. Насколько распространено в России обращение к нетрадиционной медицине? «ФОМнибус» 11–12 июля 2015 г. [http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12348]
19. Квартирный вопрос. Тема качества жилищных условий россиян – в новом опросе ФОМ // «ФОМнибус». 9 февраля 2014. [http://fom.ru/Rabota-i-dom/11356]
20. Лисицин Ю. П., Сахно А. В. Здоровье человека - социальная ценность. М., 1988.
21. Мониторинг социальных задач: жилье для многодетных. Меняется ли ситуация с жилищными условиями для многодетных семей? «ФОМнибус» 10 марта 2013. [http://fom.ru/Ekonomika/10990]
22. Мороз И. Н., Плахотя Л. П. Некоторые медико-социальные аспекты репродуктивного здоровья мужчин // Беларусь: 10 лет после Каирской международной конференции по народонаселению и развитию: тезисы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 27–29 ноября 2003 г.) // ЮНФПА, Мин. труда и соцзащиты РБ. Минск, 2003. С. 145–146.
23. Мунтазири Ниййа К проблеме связи между формированием привязанности у детей и здоровьем матери // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4.
24. О врачах-педиатрах. Насколько профессиональны российские педиатры? И как в целом обстоят дела в сфере детской медицины?

«ФОМнибус». 16 июня 2013. [<http://fom.ru/Zdorove-i-sport/10986>]

25. Отношение к здоровью. «ФОМнибус» 11–12 июля 2015 г. [<http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12324>].

26. Перепелкина Т. В. Роль семейного воспитания в формировании здоровья младших школьников // Казанский педагогический журнал. Вып. № 4 (99). 2013.

27. Прокофьева Л., Куприянова Е. Многодетная семья в России. [<http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema03.php>]

28. Радионова Л.В. Здоровьесберегающие технологии в дошкольных образовательных учреждениях // Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011.

29. Римашевская, Н.М. Социальная политика сбережения народа: радикальное изменение негативного тренда здоровья российского населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4. 2010.

30. Роль институтов семьи, образования и здравоохранения в формировании здорового образа жизни населения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки / Выпуск № 32 (165) / 2009.

31. Сафронова М. В., Гаврилова Е. В. Психическое здоровье и индивидуально-психологические особенности детей, воспитывающихся в многодетных семьях // Ученые записки Российского государственного социального университета. Выпуск № 7/2010.

32. Ситникова С.В. Аксиологические аспекты здоровья современного горожанина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. Вып. № 4 / том 14 / 2014.

33. Тихомирова И.А. Физиологические основы здоровья. Ярославль, 2007.

34. Финансовый университет при правительстве Российской Федерации. М., 2014. [http://www.fa.ru/chair/priksoc/Documents/Russian_Cities_Life_Quality_2014.pdf]

35. Фомин Э.А., Федорова Н.М. Стратегии в отношении здоровья // Социологические исследования. 1999. № 11.

36. Чем россияне заняты в свободное время? Сколько свободного времени у россиян и как они его проводят? // «ФОМнибус». Апрель 2013. [<http://fom.ru/Obraz-zhizni/10880>].

37. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда, 2010.

38. Шабунова А.А., Шухатович В.Р., Корчагина П.С. Здоровьесберегающая активность как фактор здоровья: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. №3. 2013.

39. Шилова Л.С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000 №2.

40. Rius M. Educaciyn = salud + longevidad / La Vanguardia Ediciones Todos los derechos reservados // Цит.по: ИНОСМИ.РУ [<http://inosmi.ru/world/20120923/199667762.html>]

Ссылки:

1 Репродуктивный возраст - период в жизни женщины, в течение которого она способна к вынашиванию и рождению ребёнка. В демографии репродуктивный возраст принимается 15-49 лет. В данной статье анализу подвергнуты анкеты женщин репродуктивного возраста, которые составили 95,5% выборки, 4,5% составили женщины 50-60 лет имеющие несовершеннолетних детей.

Демографические и социально-психологические последствия стремления к личной независимости

Синельников А.Б.

В современном обществе все большую ценность приобретает личная свобода и независимость. Однако и брак, и сожительство, и рождение детей существенно ограничивают свободу индивида и ставят его в зависимость от других членов семьи. Полная независимость от семьи возможна лишь для людей, у которых нет ни детей, ни супругов, ни даже сожителей. Когда общественное мнение перестает осуждать таких мужчин и женщин, то их становится все больше. В конце жизни их ожидает печальная одинокая старость. Общество, состоящее из таких людей, обречено на самоликвидацию.

Ключевые слова: личная свобода и независимость, семья, брак, сожительство, рождение детей вне брака по свободному выбору, добровольная бездетность, одиночество.

Sinelnikov A.B.

Demographic and socio-psychological consequences of the desire for personal independence

In modern society, becoming more and more important, personal freedom and independence. However, both marriage and cohabitation, and having children significantly restrict the freedom of the individual and put it in dependence on other family members. Full independence from the family is possible only for people who have no children or spouses or even cohabitants. When public opinion ceases to condemn such men and women, they are becoming more. At the end of life they can expect a sad lonely old age. The society consisting of such people is doomed to self-destruct.

Key words: personal freedom and independence, family, marriage, cohabitation, having children outside of marriage by free choice, voluntary childlessness, loneliness.

Влияние стремления к личной свободе на семейное положение

Данные российских переписей населения свидетельствуют о росте численности людей, живущих отдельно от семьи или вообще не имеющих ее. Всего за восемь лет между переписями 2002 и 2010 гг. доля домашних хозяйств, состоящих из одного человека, среди всех частных домохозяйств, увеличилась с 22 до 26%, а доля населения, проживающего в домохозяйствах из одного лица – с 8 до 10% [рассчитано по: 7, Том 6, таблицы 1 и 10; 8, Том 6, таблицы 1 и 10].

Все больше становится людей, которые не желают вступать в законный брак. Данные социологических исследований показывают, что многие люди предпочитают сожительство, поскольку это менее обязывающая форма отношений [4; 5]. Весьма популярно, в том числе и среди некоторых социологов и демографов, мнение о том, что сожительство – это своеобразная форма семьи и брака, более подходящая, чем законное супружество, для многих современных людей, которые дорожат своей личной свободой и независимостью. Однако даже и без регистрации брака постоянное совместное проживание и ведение общего хозяйства все-таки создает необходимость учитывать интересы сожителя, хотя и в меньшей степени, чем приходится считаться с законным супругом, а также с его родителями. Поэтому многие люди предпочитают вообще жить одни. Если у них есть сексуальные партнеры, то встречи с этими мужчинами или женщинами носят периодический (или эпизодический) характер, и, как правило, не создают никаких обязательств [15, с. 5-32].

Рождение детей ограничивает личную свободу и независимость еще сильнее, чем сожительство или брак, особенно для женщин. Можно развестись с мужем, если больше не хочется

заботиться о нем, а сам брак воспринимается только, как бремя. Еще легче расстаться с сожителем. Но забота о ребенке гораздо отнимает гораздо больше сил, чем забота о супруге и должна продолжаться до тех пор, пока ребенок не станет взрослым.

Мать, которая отказывается от своего ребенка, оставляет его в родильном доме или сдает в приют, осуждается общественным мнением даже в либеральном западном обществе, которое толерантно относится к выбору любого варианта личной и семейной жизни, вплоть до так называемых «однополых браков». Но эта толерантность не распространяется на тех матерей (а также и на отцов), которые хотя и живут со своими детьми, но слишком мало заботятся о них. Ювенальная юстиция часто отнимает детей у родителей, которые думают лишь о себе, но забывают о ребенке. К сожалению, основанием для изъятия детей из семьи и передачи их на воспитание в детские дома или в приемные семьи может быть не только действительно жестокое обращение с ними или отсутствие заботы о них. Любые заявления соседей или других лиц по этим поводам в органы ювенальной юстиции, а также жалобы самих детей на родителей рассматриваются с позиций «презюмции родительской виновности», из-за чего могут пострадать совершенно нормальные отцы и матери. Детей могут отобрать и у тех родителей, вся «вина» которых состоит только в том, что они слишком бедны, чтобы обеспечить детям тот уровень жизни, который ювенальная юстиция считает приемлемым. Западные государства и международные организации неоднократно пытались навязать нашей стране эту антисемейную систему. В условиях, когда многие российские семьи с детьми имеют доходы ниже прожиточного минимума, это могло бы вызвать чрезвычайно негативные последствия [12].

Не все люди, которые думают только о себе, живут одни. Некоторые из них вступают в отношения сожительства и даже в законный брак, потому что при этом всегда возможен «обратный ход», т.е. развод или разрыв отношений. Но рождение ребенка – это необратимый шаг, во всяком случае, для женщин. Поэтому те люди, для которых личная свобода и независимость важнее семейных ценностей, пополняют ряды добровольно бездетных – child free [10].

Женщины, которые не нашли себе таких мужей, о которых мечтали, и не вышли замуж за тех, за кого могли, не всегда считают обязательным вступление в брак и присутствие отца в семье. Некоторые из них сознательно идут на рождение детей «для себя» вне брака. Одинокое материнство «по выбору» резко отличается от ситуации, когда мужчина обещает своей подруге жениться (а если и не обещает, то она все равно надеется на брак с ним), а потом он оставляет ее беременной на произвол судьбы [11, с. 133]. В наше время одинокое материнство бывает не только вынужденным, но и добровольным. Есть женщины, которые отказываются ограничить свою личную свободу ради мужа или сожителя, но готовы пойти на это ради ребенка. Однако в отношениях с маленькими детьми они, хотя и принимают на себя множество обязанностей, но все же доминируют над ребенком, который должен подчиняться матери. А в отношениях с мужчинами это доминирование имеет место далеко не всегда и, во всяком случае, не в такой степени. Одинокая или разведенная мать сама решает, что покупать для ребенка, в какие игры с ним играть, как заботиться о его здоровье и образовании, как его воспитывать. Необходимость учитывать при этом мнение мужа или отца своего внебрачного ребенка (если отец принимает участие в его воспитании) она может воспринимать как ограничение своей личной свободы.

Многие родители отказываются от помощи бабушек в уходе за маленькими детьми, хотя без этой помощи молодой матери очень трудно учиться или работать. Они не хотят, чтобы бабушка, приходя в дом, чтобы присмотреть за ребенком, вмешивалась в их семейные дела, критиковала их за неправильное, по ее мнению, воспитание детей и ведение домашнего хозяйства. Отказ от помощи старшего поколения означает переход от территориальной нуклеаризации (обособлению) семей, когда супружеские пары живут отдельно от родителей, но поддерживают с ними отношения единой общесемейной деятельности, т.е. постоянной взаимопомощи (особенно в вопросах воспитания детей, а также ухода за старыми и больными родственниками), к функциональному разобщению старшего и среднего поколений, которые уже не оказывают друг другу систематической взаимопомощи. Такие отношения между поколениями

ями характерны не только для американских и западноевропейских, но и для некоторой части российских семей [2].

Однако и в рамках функционально нуклеарной семьи личная свобода все-таки сильно ограничена зависимостью от супругов и детей. Многие мужчины настолько дорожат своей свободой, что уходят из семьи. Немало и таких женщин, которые желают воспитывать детей самостоятельно, не считаясь с мнением мужа. Кроме того, они не хотят «обслуживать» своих супругов в домашнем хозяйстве. С точки зрения многих экономически независимых и эмансипированных современных женщин, которые вполне могут обеспечить материально себя и детей, необходимость согласовывать свои решения (в том числе о дорогостоящих покупках) с супругом не окупается его вкладом в семейный бюджет, даже если он зарабатывает намного больше, чем жена [1, с. 44].

По мнению американского философа и социолога Фрэнсиса Фукуямы, «Теоретики модернизации, писавшие в 1950-х или 1960-х годах, ошибались, предполагая, что дезинтеграция родственной структуры должна закончиться на стадии нуклеарной семьи, устойчивость и сплоченность которой они не ставили под сомнение. Оказалось, что нуклеарные семьи с пугающей быстротой стали распадаться и уступать место неполным семьям, и это уже имело гораздо менее благоприятные последствия для благосостояния, чем распад расширенных семей в предыдущие годы» [14, с. 45].

Однако многие женщины хотят полностью распорядиться судьбой своего ребенка и не зависеть при этом не только от матери и свекрови, но и от мужа. Поэтому они выбирают для себя трудный путь одинокой матери. Это касается не только женщин, добровольно родивших детей вне брака, но и разведенных, особенно если причиной развода (и последующего отказа от вступления в повторный брак) было стремление к личной независимости.

Одинокие матери (включая вдов и разведенных) живут в семьях, но эти семьи – неполные. Данный образ семейной жизни не всегда избавляет от чувства одиночества. Отношения с детьми не могут заменить отношения с супругами (как и наоборот). Разумеется, почти для каждой одинокой матери ее ребенок – самый близкий в мире человек. Но когда дети становятся взрос-

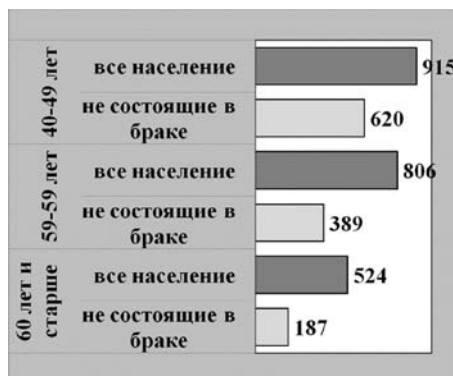

Рис. 1. Число мужчин в расчете на 1000 женщин старше 40 лет (по переписи 2010 г.). Рассчитано по: [8, Том 2, таблица 5]

лыми, и, тем более, когда они создают свои семьи, матери, как правило, уже не будут для них самыми близкими людьми.

Для матери, имеющей взрослых детей, создать новую семью очень сложно. По данным переписи 2010 г., в возрастах от 40 до 49 лет на 1000 женщин приходится 915 мужчин. На первый взгляд, эта диспропорция, вызванная повышенной смертностью мужчин, представляется не очень большой.

Однако на 1000 женщин, не состоящих в браке, приходится лишь 620 «свободных» мужчин в этом же возрасте. Соответственно, в возрастах от 50 до 59 лет пропорция составляет 806 на 1000 для всего населения и 389 на 1000 для не состоящих в браке, а возрастах от 60 лет и старше соответственно 524:1000 и 187:1000. К тому же, многие мужчины этих возрастов ищут жен значительно моложе себя. Поэтому у тех женщин, которые пытаются вновь создать семью после того, как их дети выросли и отделились, шансы на вступление в брак очень невелики.

Место личной свободы и независимости в системе ценностей у людей с разным семейным положением (по данным исследования)

Связь семейного положения с ранговым местом личной свободы и независимости в системе ценностей подтверждается также и данными социологического исследования, проведенного в Уфе и Московской области в 2015 г.

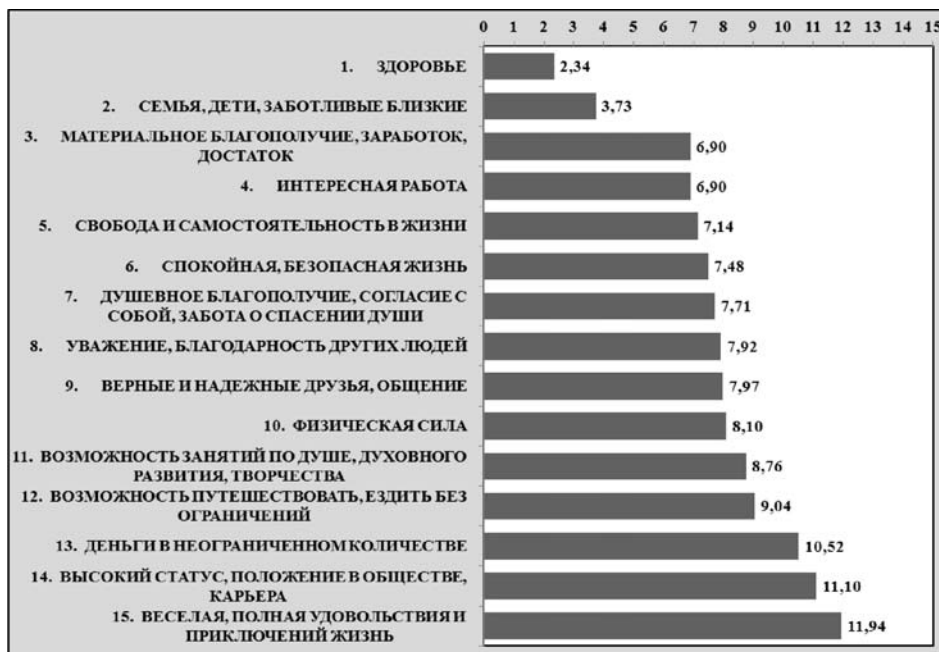

Рис. 2. Средние ранги жизненных ценностей в системе ценностей респондентов. *Примечание:* Жизненные ценности расположены на графике в порядке возрастания величины среднего ранга.

Институтом социологии РАН совместно с кафедрой социологии семьи социологического факультета МГУ. Число опрошенных 1001 человек (440 мужчин и 561 женщина). Респондентам предлагался список из 15 ценностей и они должны были определить ранг каждой из этих ценностей.

Отвечали на вопрос о ранге ценности «Свобода и самостоятельность в жизни» 962 респондента, т.е. 96,1% от общего их числа. Средний ранг этой ценности составил 7,14. Это близко к середине ранговой шкалы от 1 до 15. Может показаться, что для большинства респондентов такая ценность не очень важна. Но более значительные средние ранги есть только у четырех ценностей из пятнадцати: 1) Здоровье – 2,34; 2) Семья, дети, заботливые близкие – 3,73; 3) Материальное благополучие, заработок, достаток – 6,90; 4) Интересная работа – тоже 6,90. У остальных 10 из 15 ценностей средние ранги менее значительны, чем у ценности «свобода и самостоятельность в жизни».

Чем меньше средний ранг и чем ближе он к единице, тем большее значение имеет для респондентов данная ценность. Эти показатели

варьируют в зависимости от брачного статуса респондентов.

Среди мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, средний ранг данной ценности равен 6,99, а среди не состоящих в браке – 6,55. Но у мужчин, состоящих в так называемом «гражданском браке», этот показатель равен 5,81. Это ниже, чем у состоящих в законном браке, и чем у вообще не состоящих в браке. Разница между средними рангами у состоящих в законном супружестве и в «гражданском» браке составляет $? = 6,99 - 5,81 = 1,18$. Это различие статистически значимо (критерий Стьюдента $t = 2,19$; доверительный уровень $P = 0,97$). В то же время различие между состоящими в законном браке и вообще не состоящими в браке значительно меньше ($? = 0,44$ ранга) и его статистическая достоверность сомнительна ($t = 1,06$; $P = 0,71$).

Мужчины, предпочитающие т.н. «гражданский брак» ценят свою личную свободу и независимость больше, чем официально женатые и даже, чем холостые. Если какие-то мужчины не женаты, это не обязательно означает, что все они настолько дорожат своей свободой, что вообще не желают вступать в брак. Некоторые

из них просто еще не нашли «женщин своей мечты» или не встретили взаимности со стороны последних, хотя эти поиски могут затянуться до бесконечности. Однако если мужчина живет вместе со своей подругой, как с супругой, но не хочет оформлять в ЗАГСе отношения с ней, то весьма вероятно, он опасается, что законный брак слишком сильно ограничит его личную свободу и самостоятельность в жизни. Некоторые женщины тоже отказываются от регистрации брака со своими сожителями, нередко по тем же причинам, что и мужчины.

Женщины, состоящие в законном браке, сравнительно низко ценят свободу и самостоятельность в жизни. Средний ранг данной ценности составляет у них 8,02, в то время как у женщин, состоящих в «гражданском» браке он равен 7,26, а у тех, которые вообще не состоят в браке – 6,83. Различие между замужними и незамужними достаточно велико ($t = 8,02 - 6,83 = 1,19$ ранга) и его статистическая достоверность вне сомнения ($t = 3,39; P = 0,999$). Женщины, состоящие в гражданском браке, занимают по данному показателю промежуточное положение между замужними и незамужними.

Данные исследования показывают также и то, что мужчины и женщины по-разному понимают выражение «гражданский брак», столь часто употребляемое жителями современной России. Среди мужчин-респондентов 245 человек указали, что они состоят в зарегистрированном браке и еще 39 – в т.н. «гражданском браке». Общее число состоящих в законных и «гражданских» браках равно: $245 + 39 = 284$. Доля состоящих в «гражданском браке» среди этих двух групп, вместе взятых равна:

$$39/284 \times 100\% = 14\%.$$

Соответственно среди опрошенных женщин 275 состояли в законном браке и 68 – в «гражданском», т.е. всего в этих двух формах отношений: $275 + 68 = 343$. Доля гражданских браков (в % к суммарной численности законных и «гражданских» союзов) у женщин составляет:

$$68 / 343 \times 100\% = 20\%.$$

Это заметно больше, чем у мужчин. Статистическая достоверность гендерного различия ($\Delta = 20\% - 14\% = 6\%$) соответствует принятым критериям ($t = 2,05; P = 0,96$).

Во многих сожительствующих парах женщины считают, что состоят в «гражданском бра-

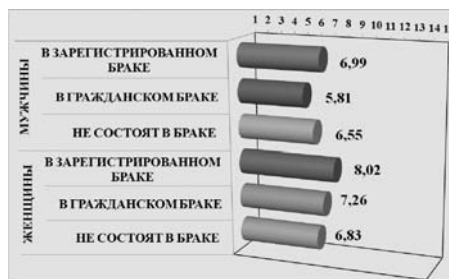

Рис. 3. Средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни» (по шкале от 1 до 15) у мужчин и женщин с разным брачным статусом. *Примечание:* данные исследования 2015 г. (Уфа и Подмосковье).

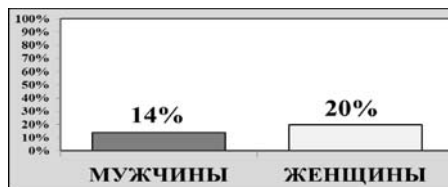

Рис. 4. Доля состоящих в т.н. «гражданском браке» в % к суммарной численности состоящих в законных и «гражданских» браках.

ке», но их партнеры утверждают, что в браке не состоят. Однако даже и те мужчины, которые сами определяют свой матримониальный статус, как «гражданский брак», придают личной свободе и самостоятельности в жизни большее значение (средний ранг 5,81), чем женщины с тем же статусом (средний ранг 7,26).

На мнение о личной свободе и независимости влияет также и наличие детей. К сожалению, в анкете не было вопроса о числе детей у респондента вообще, а был только вопрос о числе детей в возрасте до 18 лет. Но если сами респонденты моложе 35 лет, то у них не может быть детей до 18 лет.

Среди мужчин, которые моложе 35 лет и не имеют детей, наблюдается та же ситуация, что и среди всех мужчин вообще. У состоящих в законном браке бездетных мужчин этого возраста ранг ценности «Свобода и самостоятельность в жизни» составляет 6,89, у не состоящих в браке – 6,41, а у состоящих в «гражданском» браке – 5,33. Различие между состоящими в законном и «гражданском» браке составляет 1,56 ранга.

Когда мужчина живет вместе со своей подругой, но не узаконивает брак и не хочет иметь детей, то весьма вероятно, что выбор им такого

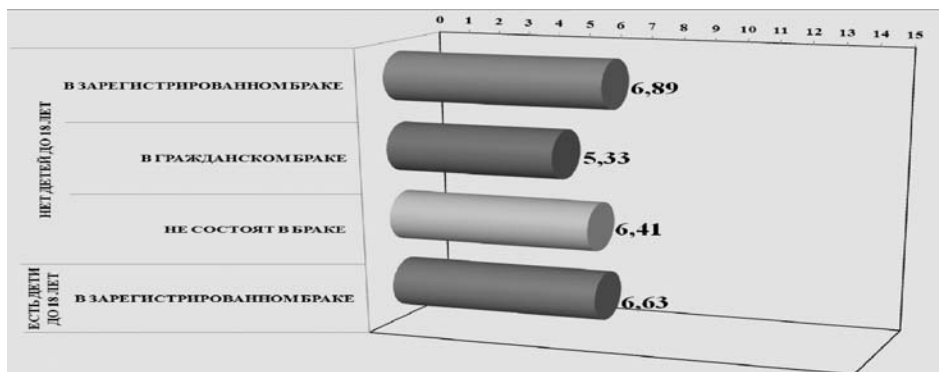

Рис. 5. Средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни» (по шкале от 1 до 15) у мужчин моложе 35 лет. Данные исследования 2015 г. (Уфа и Подмосковье). *Примечание:* Среди респондентов-мужчин, имеющих детей, лишь четыре человека состоят в гражданском браке и три человека не состоят в браке. Поэтому показатели для этих групп не рассчитываются.

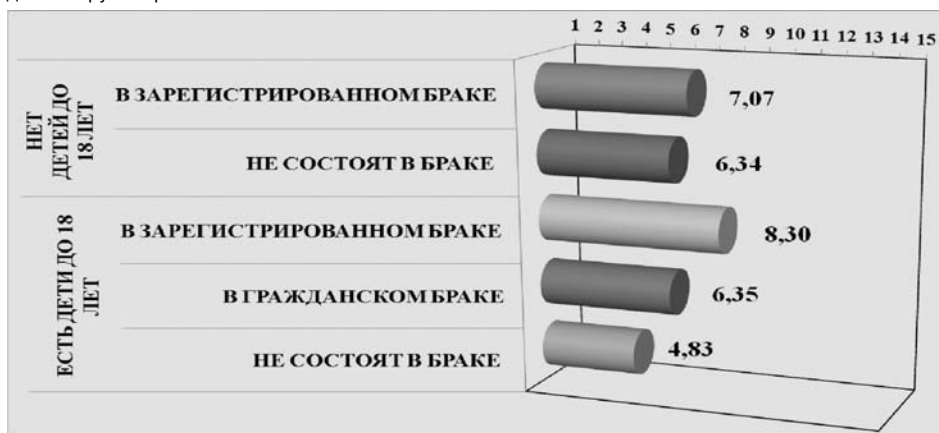

Рис. 6. Средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни» (по шкале от 1 до 15) у женщин моложе 35 лет. Данные исследования 2015 г. (Уфа и Подмосковье). *Примечание:* Среди респондентов-женщин, не имеющих детей, лишь пять человек состоят в «гражданском браке». Поэтому показатель для этой группы не рассчитывается.

семейного положения объясняется желанием сохранить максимально возможную при совместном проживании степень личной свободы и независимости. Если же отношения с ней станут восприниматься им как обременительные, то он в любой момент может расстаться с этой женщиной и вернуть себе полную личную свободу и независимость без развода, раздела жилья и прочего имущества, а также без выплаты алиментов на детей.

К сожалению, не удалось проследить такую же закономерность для мужчин до 35 лет, имеющих детей, поскольку среди них оказалось лишь четыре респондента, состоящих в т.н. «гражданском браке» и только три респондента, вообще не состоящих в браке.

У женщин моложе 35 лет, не имеющих детей, средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни», составил 7,07 для замужних и 6,34 для незамужних. Однако рассчитать такой же показатель для состоящих в т.н. «гражданском» браке не удалось, поскольку численность этой группы респондентов данного пола и возраста составила лишь пять человек.

С другой стороны, у женщин-матерей этого возраста, состоящих в зарегистрированном браке средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни» составил среди состоящих в зарегистрированном браке – 8,30, а среди не состоящих в браке – 4,83. Различия показателей между замужними и незамужними статистически значимо ($\Delta = 8,30 - 4,83 = 3,47$;

$t = 3,79; P = 0,999$). Женщины, состоящие в т.н. «гражданском» браке, занимают по среднему рангу ценности личной свободы и независимости (6,35) промежуточное положение между незамужними (включая разведенных), с одной стороны, и состоящими в законном браке, с другой.

Совместная жизнь сожителей, имеющих детей без регистрации брака, — это особая форма семьи. Она занимает промежуточное положение между полной семьей, состоящей из законных супругов с детьми, и неполной семьей, состоящей из одной матери с детьми. Но поскольку родители ребенка не зарегистрировали брак даже после его рождения, шансы на то, что их отношения когда-то будут узаконены, весьма невелики. Такое промежуточное семейное положение уже не является переходным. Для отказа от регистрации должны быть причины. Главная из них — сомнение в прочности отношений и недоверие между сожителями. Широкая распространенность и социальная приемлемость сожительских и неполных семей с детьми — это проявления кризиса семьи как социального института.

Среди всех подгрупп респондентов моложе 35 лет больше всего ценят свою личную свободу и независимость женщины, не состоящие в браке, но имеющие детей. Эта ценность для них важнее, чем их замужних ровесниц, как имеющих, так и имеющих детей, чем для незамужних бездетных женщин, чем для женатых мужчин того же возраста (независимо от наличия детей у последних). Вероятно, многие среди этих женщин сами выбрали свой путь, т.е. сознательно стали одинокими матерями либо развелись с мужьями по своей инициативе и не пожелали потом вновь выйти замуж за неподходящих, по их мнению, претендентов, а подходящих не встретили.

Конечно, растить ребенка без отца нелегко. Однако мать не считает ребенка равным себе, во всяком случае, до тех пор, пока он не станет совсем взрослым и полностью самостоятельным. Материнские обязанности весьма обременительны, но от них нельзя отказаться — общество осуждает матерей, которые не заботятся о своих детях. Поэтому в данной ситуации действует механизм психологической самозащиты: мать не воспринимает выполнение этих обязанностей, как потерю личной независимости. Од-

нако для нее имеет немаловажное значение независимость от мужа, т.е. отсутствие необходимости считаться с его мнением по вопросам домашнего хозяйства, семейного бюджета, проведения досуга, отношений с родителями, родственниками и подругами, и, разумеется, воспитания детей.

Многие женщины не хотят зависеть от супругов или сожителей, но согласны зависеть от детей. Есть мужчины и женщины, которые готовы принять на себя определенные обязательства, связанные с браком или сожительством, но не желают обременять себя заботой о детях и поэтому решают никогда их не иметь. Но для полной личной свободы и независимости необходим отказ и от вступления в законный брак, и от соительства, и от рождения хотя бы одного ребенка, т.е. от создания семьи в любых формах — хотя бы неполной или бездетной.

Полная личная независимость возможна лишь при полном одиночестве

Американский автор Эрик Кляйненберг (Eric Klinenberg) пишет о том, что в США и Западной Европе все больше становится мужчин и женщин, которые живут одни, потому что хотят остаться свободными и независимыми. Некоторые из этих людей имеют детей, но живут отдельно от них. Их дети родились тогда, когда сами эти люди еще не стремились к свободной жизни в одиночестве. Но, не выдержав зависимости от жен и детей, мужчины ушли из семей и больше не женились. Жены выгнали из дома мужей, потому что не желали считаться с их мнением. Затем одни воспитывали детей, пока дети не выросли и не ушли из дома. Многие дети отделяются от родителей сразу после окончания школы и уезжают на учебу или на работу в другие города либо уходят из дома, когда вступают в брак или просто начинают с кем-то жить вместе. А их незамужние или разведенные матери после этого остаются совсем одни. Они долго жили без супругов и не хотят принимать на себя обязанности, неизбежные в любом браке и даже во внебрачном сожительстве.

Да и возраст уже не самый подходящий для нового замужества. Неженатые мужчины-ровесники часто предпочитают женщин значительно моложе себя. Свободных мужчин более старшего возраста еще меньше, чем потенциальных

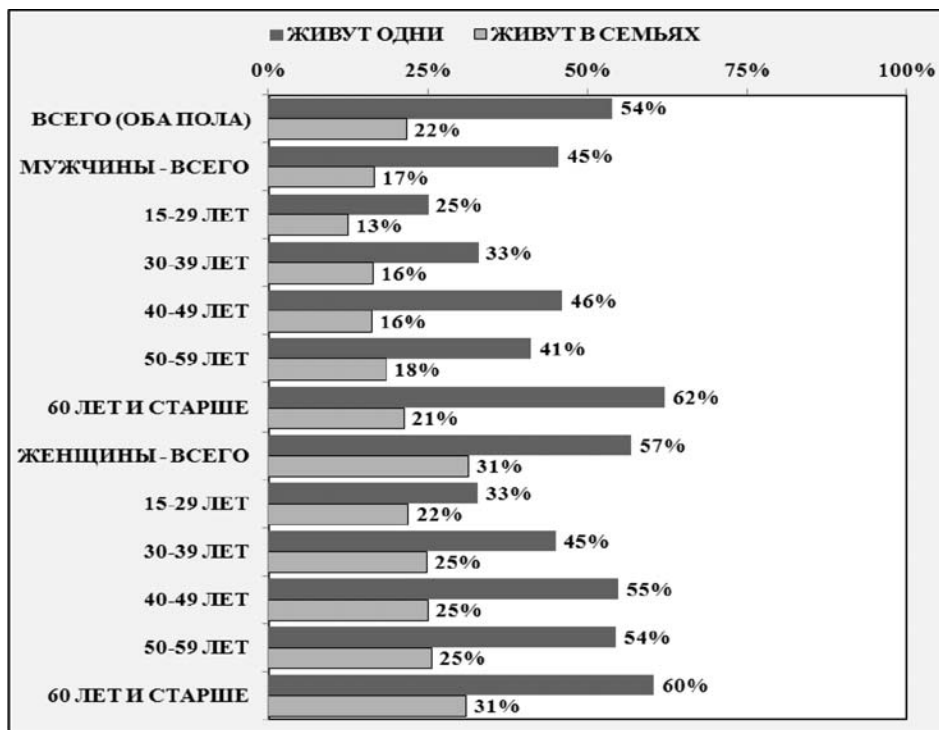

Рис 7. Доля респондентов, у которых возникает чувство одиночества, в % к числу лиц данного пола, возраста и семейного положения. Источник: Рассчитано по: [13]

женых своих лет. К тому же многие из этих немолодых мужчин уже имеют проблемы со здоровьем. Если муж и жена много лет прожили вместе, и он тяжело заболел, то, она, скорее всего, она будет за ним ухаживать. Но если он никогда не был женат (или развелся с женой), уже не молод, не разбогател, не стал известным ученым, писателем, музыкантом, режиссером или актером, и к тому же серьезно болен, то какой женщине он нужен?

Кроме того, многие среди холостых и разведенных мужчин и сами не хотят вступать в брак, особенно после 40 лет. За долгие годы они привыкли к одиночеству и не хотят жить под одной крышей ни с новой женой, ни с очередной сожительницей, поскольку при этом надо считаться с ее интересами и в чем-то себе отказывать. В результате у него не будет родных и близких, чья помощь так необходима, когда наступит старость и(или) возникнут серьезные проблемы со здоровьем [15, с. 88-110, 162-190].

Одиночество как вариант семейного положения и как психологический синдром

На официальном сайте Всероссийской переписи населения 2010 года (www.pererpis-2010.ru) опубликованы в открытом доступе базы микроданных переписей 2002 и 2010 годов, а также некоторых социологических исследований Федеральной службы государственной статистики (Росстат). В их число входит выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения, которое было проведено Росстатом в сентябре 2013 г. и охватило 15875 респондентов в возрасте от 15 лет и старше во всех субъектах РФ [13]. Это дает возможность строить в режиме онлайн таблицы по сочетанию ответов на несколько вопросов переписного листа или анкет соответствующих социологических исследований.

Автор этой статьи по базе микроданных выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья насе-

ления, построил таблицу по сочетанию демографических характеристик респондентов (пол, возраст, число членов домохозяйства) с их ответами на вопрос: «Возникает ли у Вас чувство одиночества?». Респонденты, выбравшие варианты ответа «очень часто» и «скорее возникает, чем нет», рассматривались как люди, испытывающие чувство одиночества. Затруднились ответить на этот вопрос лишь 2,3% респондентов. При составлении комбинационных таблиц они не учитывались. Данные таблицы были преобразованы в графическую форму (рис. 7).

Результаты этих расчетов показали, что некоторые люди могут считать себя одиночками, даже когда живут в семье. С другой стороны, чувство одиночества присуще не всем людям, которые живут одни. Однако в процентном отношении различие между этими двумя группами очень велико. Оно проявляется, как у мужчин, так и у женщин в любом возрасте.

Среди респондентов, живущих в частных домохозяйствах из двух и более человек (подавляющее большинство из них состоит из людей, связанных друг с другом отношениям брака и(или) родства, т.е. является семьями), 22% ощущают чувство одиночества. Это не так уж мало, но для основной массы семейных людей такое чувство все-таки не характерно.

В то же время более половины (54%) среди респондентов, которые живут одни, т.е. в частных домохозяйствах, состоящих из одного человека, испытывают это чувство. Это в два с половиной раза больше, чем среди респондентов, живущих в семьях.

Среди мужчин, живущих в семьях, психологически одиноки – 17%, а среди тех, которые живут одни – 45%. У женщин оба показателя выше – 31% у семейных и 57% - у одиноких, но разница между этими двумя группами примерно такая же, как соответствующее различие у мужчин.

С возрастом процентная доля тех, кто испытывает чувство одиночества, увеличивается, как среди проживающих в семьях, так и среди тех, которые живут одни. Однако, как у мужчин, так и у женщин, живущих в семьях, это повышение не очень велико. В то же время, чем старше становятся люди, которые живут без семьи, тем больше (и намного больше!) оказывается среди них тех, у кого демографическое одиночество сочетается с психологическим.

В возрастах до 29 лет лишь 13% мужчин, живущих в семьях, ощущают свое одиночество.

Среди семейных мужчин старше 60 лет чувство одиночества возникает у 21%, т.е. разница между молодыми и пожилыми мужчинами составляет лишь 8%. В то же время у мужчин, которые живут вне семьи, доля психологически одиноких повышается от 25% у самых молодых до 62% у самых пожилых, т.е. на 37%.

Аналогичная ситуация имеет место и у женщин. Среди молодых женщин, живущих в семьях, осознают свое психологическое одиночество, как проблему, 22%, а среди пожилых женщин, проживающих вместе с членами семьи – 31%, т.е. разница между двумя крайними возрастными группами составляет лишь 9%. Среди женщин, которые живут одни, то доля тех, которые испытывают чувство одиночества, повышается от 33% в возрастах до 29 лет до 60% в возрастах старше 60 лет, т.е. на 27%.

Среди респондентов, живущих в одиночестве, доля тех, для кого это одиночество является психологической проблемой, превышает 40% у мужчин старше 40 лет и у женщин старше 30 лет, а после 60 лет соответствующие показатели составляют у обоих полов не менее 60%.

Когда люди, живущие в семьях, ощущают себя одиночками, это может объясняться не только натянутыми внутрисемейными отношениями, но и демографическим составом семей. Незенатые мужчины и особенно незамужние женщины, проживающие вместе с родителями, могут испытывать психологически дискомфортное чувство одиночества из-за того, что не имеют собственных семей. Особенно если они уже достигли того возраста, в котором иметь свою семью считается в данном обществе нормой, (а не иметь ее – отклонением от нормы), и у подавляющего большинства их ровесников и ровесниц давно есть супруги и дети.

Именно поэтому среди женщин, которые живут в семьях, процент психологически одиноких не так уж мал: 25% во всех возрастах от 30 до 59 лет и 31% – после 60 лет. Однако гораздо выше эти показатели у тех женщин, которые живут одни: 45% - в возрастах от 30 до 39 лет, 55% у 40-49 летних, 54% - у 50-59-летних, 60% - у 60-летних и старше. Тот факт, что и в этих возрастах не все одиноко живущие женщины ощущают свое одиночество, объясняется тем, что многие из них и при раздельном проживании поддерживают тесные отношения с детьми и другими родственниками, особенно если живут недалеко от них. Но эти отношения не избавляют большин-

ство женщин старше 40 лет, которые живут одни, от чувства одиночества.

Стремление к неограниченной личной независимости угрожает самому существованию общества

В любом обществе есть как писанные, так и неписанные законы, Нельзя их игнорировать, особенно тогда, когда они предписывают то, без чего государство и общество не могут существовать. Социальные нормы, которые многие люди считают устаревшими, испокон веков требовали, чтобы все здоровые взрослые люди (за исключением монахов, монахинь, католических священников и некоторых других категорий лиц) к определенному возрасту вступали в брак и имели детей. Эти неписанные законы необходимы для выживания общества [11, с. 139].

Современное российское общество может позволить себе лишь минимальный уровень безбрачия и бездетности, поскольку в нашей стране очень мало многодетных семей, которые являются «демографическим противовесом» для тех, у кого детей нет [9, с. 290]. Иначе оно вымрет. Однако даже среди демографов есть люди, считающие подобные социальные нормы насилием общества над личностью и нарушением прав человека, в число которых они включают право на безбрачие и бездетность [3; 6]. Они оценивают демографическую ситуацию не по демографическим, а по демократическим критериям. Но если поставить демократические критерии прав человека и свободы личности выше демографического критерия выживания общества, то общество совершит демографическое самоубийство. После этого пользоваться правами человека будет просто некому.

Литература

1 Аронс К. Развод: крах или новая жизнь? М.: Мирт, 1995.
2 Блюм А., Лефевр С., Себий П., Бадурашвили И., Ренье-Луалье А., Станкуниене В., Синявская О. Семья в четырех странах: Франция, Грузия, Литва, Россия // Демоскоп Weekly. 1 - 23 января 2011. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». № 449-450.. (Институт демографии Государственного университета - Высшей школы экономики). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0449/tema01.php>. Дата обращения 12.04.2015.

3 Вишневский А. «Семья эволюирует...» // Иностранная литература. №5. 2011. С. 256-264.

4 Вовк Е. Практика сожительства в России: распространенность, смыслы, интерпретации / Социальная реальность. № 4. 2006. С. 46-60. [Электронное издание] URL: <http://corp.fom.ru/socreal/authors> (дата обращения: 01.02.2016).

5 Исупова О. Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2 (126) 2015. С. 153-164

6 Исупова О.Г. «Чайлдфри», или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly. 2010, № 427-428. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php> (дата обращения: 11.04.2016).

7 Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года (в 14 томах). М.: Статистика России, 2004-2005.

8 Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года (в 11 томах). М.: Статистика России, 2012-2013.

9 Население России 2010–2011: восемнадцатый–девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.

10 Новоселова Е. Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2012. – № 1. – С. 99–110.

11 Синельников А.Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. № 4. 2015. – С. 132-148.

12 Сулакшин С.С., Деева М.В., Бачурина Д.В., Бобров Е.В., Куропаткина О.В., Нетесова М.С., Репин И.В. Проблема инокультурной ювенальной юстиции в современной России. М.: Научный эксперт, 2012.

13 Федеральная служба государственной статистики / Построить таблицу.../Выбрать тему/ Выборочное наблюдение поведенческих факторов. Режим доступа: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>, (дата обращения: 12.04.2016).

14 Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

15 Klinenberg Eric. Going Solo. The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone. N.Y., 2012..

Университетская практика и научный путь выдающегося слависта В.И. Григоровича в контексте формирования славистики как науки

Аристова Л. Ю.

Научный и жизненный путь В. И. Григоровича был тесно связан с Московским императорским университетом. В 1849 г., уже в бытность свою известным ученым-славистом, Григорович был переведен в Московский университет, на место выдающегося слависта, профессора О. М. Бодянского. Здесь Григорович привлек внимание студентов и профессуры не только блестящими лекциями, но и драгоценной коллекцией рукописей, вывезенных из славянских земель и с Афона. В 1854 г. В. И. Григорович вернулся в Казань, однако долго еще был памятен студентам и профессуре как один из самых ярких специалистов в области славянских литератур и славянской палеографии.

Ключевые слова: славянские литературы, славянская палеография, славистика

Aristova L. Yu.

University practice and scientific way of the outstanding Slavist V. I. Grigorovich in the context of formation of Slavic philology as sciences

Scientific and the course of life of V. I. Grigorovich has been closely connected with the Moscow imperial university. In 1849, already in the stay by the famous scientist-Slavist, Grigorovich has been transferred to the Moscow university, to the place of the outstanding Slavist, professor O. M. Bodyansky. Here Grigorovich has drawn attention of students and professorate not only with brilliant lectures, but also a precious collection of the manuscripts which are taken out from Slavic lands and from Athos. In 1854 V. I. Grigorovich has returned to Kazan, however long was still memorable to students and professorate as one of the brightest experts in the field of Slavic literatures and Slavic paleography.

Keywords: Slavic literatures, Slavic paleography, Slavic philology

Будущий великий славист родился в 1815 г. в Балте, в Подольской губернии, получил образование сначала в Уманском униатском училище, а потом на словесном факультете Харьковского университета. Свое образование Григорович продолжал в Дерптском университете, где увлекся историей, культурой и языками славянского мира. Собственно говоря, увлечение славянством началось у Григоровича еще в детстве – благодаря матери-польке и отцу – украинскому помещику. В то время в Дерпте подвизался такой блестящий ученый-славист, как П. И. Прейс, однако биографы Григоровича не зафиксировали факта его близкого знакомства с Прейсом.

После Дерпта Григорович был вызван в Казань, «для приготовления себя к занятию кафедры истории и литературы славянских наречий» [13, с. 56]. В Казани вышел первый труд Григоровича, посвященный древней славянской литературе – «Опыт изложения литературы Словен в ее главнейших эпохах, часть I: 1 и 2 эпохи» (Печатано в университетской типографии, 1843). Оригинальность и научная новизна этого труда заключается в том, что в нем литературное творчество славян представлено в тесной связи с политическими судьбами славянских народов, а также в контексте литературного процесса европейского и славянского мира. Исторический обзор литературного процесса славянских народов Григорович довел до XIV века.

Григорович находился под ощутимым влиянием философии славянофильства и, в частности, под влиянием взглядов того направления, которое представляли в философии И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский и В.И. Ламанский.

И в философии славянофилов, и в магистерской диссертации Григоровича Россия представлена как собирательница славянских племен. В своем «Опыте изложения литературы славян» Григорович писал: «Не приписывая роду нашему важное и уже достигнутое значение в человечестве, мы одушевляемся мыслью, что он постоянно стремится к возвышенной своей цели» [1, с. 6].

По мнению Григоровича, главная идея славян сходна с подобными идеями других европейских народов, и эта главная идея – христианство.

Как утверждал ученый, «с сознанием Христианства начинается деятельность Словен в нравственном мире, их участие в судьбах человечества, их история по отношению к человечеству» [1, с. 5]. И далее: «Но Христианство, как идея, долженствовавшая проникнуть всю природную жизнь, была сперва только задачей, которую осуществить, решить в жизни, было назначением племен Германских и Словенских» [1, с. 5].

Более того, по мнению ученого, культурные взаимосвязи славян с античным миром являлись залогом их сопричастности мировой истории. Разность культурно-исторических путей славянских и германских народов обусловлена, по мнению Григоровича, «особенным характером племен, определяемых местностью и отношениями, непосредственными и посредственными к древнему миру» [1, с. 7]. Григорович считал, что история славянства тесно связана с историей Европы, и, более того, у славян есть особая, европейская, миссия.

Более того, Григорович рассматривал всемирность как европейскость, а историю славян считал неотделимой от истории Европы. История славянских литератур, по мнению ученого, включена в европейский литературный процесс. «Всемирность» для Григоровича – это именно европейскость, славяне в европейской истории, славяне в Европе.

Кроме того, в своей магистерской диссертации Григорович сформулировал гипотезу о

влиянии гуситского движения на развитие чешского языка и литературы. В своем труде ученый пытался проследить связи литературного процесса различных славянских народов с их политическими судьбами и культурным развитием. Славянская культура для Григоровича – это единство языка, истории, культуры, славянское просвещение. В Прошении об утверждении темы магистерской диссертации от 17 мая 1841 г. Григорович писал: «Следуя указанной мне цели на новом поприще учености, в изучении славянских литератур всегда стремился я обнимать их в совокупной связи и находить близкие или отдаленные отношения славян к высшей сфере человечества – духовной, обнаруженной словом» [1, с. 8].

Магистерскую диссертацию Григоровича можно считать одним из первых научных трудов в Российской империи, затрагивавших вопросы славянской взаимности – взаимного влияния, «взаимочувствия». Григорович намеревался осмыслить отдельные факты славянской истории и литературы и показать необходимость их и логическую последовательность. В этом научном труде русская и польская литературы рассматривались параллельно. Более того, в диссертации сопоставлялись литературные факты из жизни таких народностей, за которыми до тех пор не признавали никакой литературы.

По мнению Григоровича, «литература какого-либо народа есть проявление в слове народного духа, который, при постепенном своем развитии, известными признаками определяет степень сознания идеи человечества» [1, с. 8]. Здесь Григорович близок к знаменитой гумбольдтовской формуле «язык – дух народа», являющейся, в свою очередь, отражением идеалистической философии Гегеля. Однако выражением духа народа русский ученый считает литературу, художественную словесность.

Идея славянской взаимности сформировалась в трудах Яна Коллара и Людевита Штура. Именно Коллар видел в славянах единую славянскую нацию. Коллар считал, что дальнейшее дробление единого славянского народа является пагубным, и необходимо, напротив, сплотить славян в единое социально-политическое образование. По мнению Коллара, одним из главных препятствий на пути формирования этого единого социально-политического образования является многоязычие славянских на-

родов. Ученый писал, что жертва любого из наречий не должна быть тяжелой утратой, ибо потерей малого мы извлекаем большую выгоду.

С этим тезисом Коллара Григорович, в целом разделявший идею славянской взаимности, никак не мог согласиться. По мнению Григоровича, многоязычие и поликультурность славянских народов является залогом их многогранного и бурного историко-культурного развития. Однако в целом концепция единения славян импонировала Григоровичу.

Концепция славянской культурной и литературной «взаимности», которую во многом разделял В.И. Григорович, близка к панславистской концепции В.И. Ламанского. В своей магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» (СПб., 1859), а также в докторской диссертации «Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе» (СПб., 1865) Ламанский обращал особенное внимание на вопросы славянской культурной «взаимности».

Пресловутая славянская культурная взаимность (и по Ламанскому, и по Григоровичу) заключается во «взаимочувствии», во взаимных симпатиях славянских народов, в их культурно-исторической общности. Причины политического или социального характера могут, конечно, разделить славянские народы в настоящем, но их культурно-историческая общность все равно рано или поздно даст о себе знать. Более того, одна из важнейших черт славянского мира – связь славянства с эллинизмом, могущественное влияние эллинской культуры. «Голос Эллады» говорит в сердцах славянских народов, сближает их исторические судьбы.

Славянские народы объединены также почитанием солунских братьев – святых Кирилла и Мефодия, своей, как указывал Ламанский, принадлежностью к восточно-христианской культуре, а также историческим стремлением разорвать свои отношения с Римом и сблизиться с Константинополем. Последнее, впрочем, характерно не для западнославянских, а лишь для восточнославянских народов.

Тем не менее, славянский мир имеет прочный фундамент – общее культурное наследие, что, по мнению русских философов-славянофилов, в равной мере осознают и славяне-православные, и славяне-католики, и славяне-униаты. Именно это культурное (в том числе и ли-

тературное) наследие, как следует из магистерской диссертации Григоровича, объединяет славянские народы, является залогом их историко-культурного «взаимочувствия».

Получив магистерскую степень, Григорович читал лекции в Казанском университете по славянской кафедре – с 1843 по 1844 г. Далее одним из самых ярких событий в биографии Григоровича является предпринятое им путешествие по славянским землям. Особенное внимание ученого привлекли славянские земли, находившиеся под властью Турции. Совершить это путешествие Григоровичу предложил Казанский университет (по примеру О.М. Бодянского, П.И. Прейса и И.И. Срезневского).

В мае 1844 г. Григорович отправился в путь по маршруту Одесса – Константинополь – Солунь (Салоники) – Афон. Особенно привлекал его Солунь – родной город Кирилла и Мефодия, а также монастырские книгохранилища Афона. На Афоне Виктор Иванович сумел осмотреть 2800 греческих и 445 древних славянских рукописей, а также снял копии со 120-ти средневековых грамот. Наиболее ценными находками Григоровича стали глаголическое Мариинское евангелие и Хиландарские листки, вошедшие затем в корпус древнейших памятников старославянского языка. В ходе путешествия по Болгарии и Румынии Григорович впервые обследовал болгарские говоры и предложил их классификацию. Ученый также побывал в Сербии, Хорватии, Черногории и Чехии.

«Он домогся таки до памятников, никем из исследователей дотоле не виденных и никому неизвестных, сделал описи их, выметки из них, а некоторые и приобрел в собственность. Вместе с тем собрал так же, как новости, много сведений местных – частью о народе и народных преданиях, частью о разных местностях, важных для древней истории славян и для славянского языка» [13, С. 57], – писал И.И. Срезневский.

Григорович называл европейскую Турцию terra incognita для ученых. По мнению русского слависта, для того, чтобы изучить хотя бы славянские рукописи, хранящиеся в Солуни или на Афонской горе, в этих местах нужно провести долгие месяцы, а то и годы. Библиотеки монастырей Афона, конечно, были в этом период более исследованы, но все же не в полной мере.

Григоровича прежде всего интересовали хрисовулы (от лат. χρυσοβύλλον, букв. – золотая

я печать) – византийские императорские грамоты. По хрисовулам можно было проследить историю Византии, а также Болгарии и Сербии. Поэтому Григорович определял цель своего путешествия следующим образом – «видеть библиотеки и хрисовулы».

На Афоне Григорович побывал в ските пророка Или, монастырях Пандократор, Ивер, Филофей, Каракаллу, в Лавре святого Афанасия, монастыре Павлу и храме великомученика Георгия, храме святого Иоанна Предтечи, а также в монастырях Григория, Ксиропотаму и т.д.

В своих донесениях Григорович указывает, что видел более ста хрисовулов, болгарских и сербских. В донесениях ученый излагает содержание 57 наиболее примечательных хрисовулов. Григорович отмечал плохое состояние монастырских книгохранилищ, во многом объясняемое войной с турками и албанцами. Так, в монастыре Пандократор албанская стража наполнила башню, в которой находились редкие книги и рукописи, мокрой известью и книги сгнили.

Далее Григорович через Битолу проследовал в Охрид, обошел озеро через город Стругу, посетил монастырь Калиште и св. Наума. Затем ученый перевалил хребет Галичицу, дошел до Преспанского озера, посетил Ахил и Перово. Из городка Ресна Виктор Иванович Григорович дошел до монастыря Слепче, затем направился в город Прилеп и в монастырь Трескавец. Через гору Бабуна ученый добрался до города Велеса, затем через Овче-Поле и город Штипи проехал до города Сера. Оттуда ученый направился через город Мельник в Рильский монастырь, а потом через Софию, Габрово, Тырново, Руцук и Румынию вернулся на родину.

Известно, что за время своего путешествия Григорович ознакомился с пятьсот восемьюдесятью греческими и славянскими рукописями. Так, в Охриде Григорович нашел 69 греческих и 23 славянские рукописи. В монастыре Лешке села Велмей ученый поговорил с местным священником, и тот принес Григоровичу целый мешок рукописей. В городе Струге, в церкви святого Георгия, ученый нашел сербский Апостол с записью, датирующейся 1227 г. и рукопись Законника царя Душана.

В монастыре святого Наума Григорович обнаружил остаток некогда богатой библиотеки, которую, по местным сведениям, сжег прежний игумен монастыря – грек по имени Дионисий.

В Перове ученый обнаружил 20 славянских рукописей, в Слепче - 60 рукописей и отрывков. В книжном и рукописном собрании Григоровича находились впоследствии ценнейшие памятники славянской культуры и письменности, а именно: старославянское глаголическое Мариинское евангелие и Хиландарские листки XI в., охридский Апостол XII в. с отдельными глаголическими словами и целыми строчками среди кириллического текста, листки из слепченского Апостола XII в., Боянское евангелие-палимпсест с кириллическим текстом нач. XIII в., написанным по смыслу глаголическому тексту, сербская рукопись «Книги царств», написанная специально для деспота Стефана Лазаревича в 1418 г., несколько списков Законника царя Душана.

Итак, В.И. Григоровичу удалось вывезти из Европейской Турции обширную книжную коллекцию, которая требовала отдельного научного описания и изучения. Глубокий и систематический анализ привезенной Григоровичем книжной коллекции – актуальная задача славяноведения.

В 1847 г. Григорович вернулся в Казань и в 1848 г. издал книгу «Очерк ученого путешествия по Европейской Турции», с подробным отчетом о путешествии. В 1848 г. Григоровича перевели в Московский университет. В 1852 г. вышли в свет «Статьи, касающиеся древнего славянского языка», посвященные различным проблемам славистики. Григорович подробно изучал вопросы, связанные со славянскими азбуками. Виктор Иванович считал древнейшей из них глаголицу. Более того, как указывал тот же И. Срезневский, «он был предан глаголице как религиозной святыне, готов был всякого вводить в ее таинства» [13, С.57]. Более всего в этот период ученого интересовали связи Византийской Греции со славянством, а также византийская древность и история.

«Мысль о древности глагольского алфавита, сравнительно с кирилловским, поддержанная открытием глаголических памятников на юго-западе Болгарии, все более и более приобретала вероятия у Григоровича; но несмотря на свои открытия и находки, доказывавшие правдоподобность сказания о двух алфавитах, - находки, вполне уже опровергавшие мысль Добровского и его последователей о позднейшем изобретении глаголицы, наш ученый еще не решился тогда высказать мысль о древности гла-

голицы сравнительно с кириллицей» [13, С. 58], - справедливо указывал И.И. Срезневский.

В 1863 году Казанский университет присудил В.И. Григоровичу докторскую степень без защиты диссертации. В 1865 г. Григорович был назначен профессором Новороссийского университета – тогда только открывшегося. Одесса привлекла Григоровича своей близостью к древней Византии и одновременно – к славянскому миру, пестротой и яркими красками южного города, энтузиазмом студентов и преподавателей. В Новороссийском университете Григорович проработал одиннадцать лет и оставил о себе самые светлые и благодарные воспоминания. Благодаря его усилиям в Новороссийском университете была сформирована славистическая школа.

В 1876 г. Григорович подал в отставку с поста профессора Новороссийского университета и переселился в Елизаветград, где умер 19 декабря того же года. Памятник на могиле Григоровича был открыт 18 октября 1892 г.

Большая часть собрания Григоровича отошла Румянцевскому музею (ныне – Российской государственной библиотеке в Москве). Достаточно серьезную часть привезенной коллекции ученый подарил Новороссийскому университету. Сейчас они находятся в Одесской научной библиотеке им. М. Горького.

Одна из привезенных рукописей находится в библиотеке Казанского университета. Некоторые рукописи были переданы Казанской духовной академии, а потом были перевезены в Российскую национальную библиотеку в Санкт-Петербурге.

В настоящее время известно 32 греческих рукописи, принадлежавшие В.И. Григоровичу: 16 - в Одессе (ОГНБ), 15 - в Москве (9 - в ГБЛ, 5 - в ГИМ, 1 - в ГТГ) и 1 - в Санкт-Петербурге (ВАН). Шестнадцать рукописей ОГНБ (№ 24-26, 38, 108, 441, 551, 552, 555, 559, 566, 654) находились прежде в библиотеке Одесского государственного университета. В Одесскую государственную научную библиотеку они были перемещены в 1930 г. Девять рукописей ГБЛ [ф. 87, № 2 (М. 1685) - палимпсест, 14 (М. 1696) - палимпсест, 46 (М. 1728), 61 (Ин. 818), 62 (Ин. 819), 63 (Ин; 820) - 4 единицы хранения] были приобретены в составе большой коллекции славянских и инославянских рукописей Московским Публичным и Румянцевским музеями вскоре после смерти ученого, в 1877 г.

Н.М. Петровский, восстанавливая историю путешествия Григоровича по Европейской Турции, привел в своей работе текст копии «Списка книгам и манускриптам, доставленным от магистра Григоровича». Перечисленные в этом «Списке» книги и рукописи Григорович во время своего второго пребывания в Солуни (6 февраля– 28 апреля 1845 г.) отправил через Константинополь в Казань.

В описанных в этом списке под № 7, 8, 9 и 11 рукописях можно без труда узнать бумажные рукописи Хлудовского собрания 171д (Фукидид), 173д (Аристофан, Эсхил, Гесиод [а не Геродот] и др.), 172д (Софокл и Эсхил) и 174д (Гиппократ, Аэций и Симеон Сиф). В этих рукописях есть многочисленные пометы В. И. Григоровича. В фондах ГТГ был обнаружен один лист из греческого Евангелия XI в. (инвентарный № 2580), на обороте которого имеется карандашная помета XIX в.: «От В. Григоровича». Рукопись БАН (F № 3) имеет собственноручную запись Григоровича о передаче кодекса в 1858 г. в дар Императорской Академии наук.

Почти все греческие рукописи, принадлежавшие выдающемуся Виктору Ивановичу Григоровичу, были приобретены им в 1844-1845 гг. во время путешествия по Европейской Турции. Собственноручные пометы Григоровича на рукописях, материалы архива собирателя, опубликованный отчет о его путешествии, воспоминания коллег и учеников позволяют установить время и место приобретения большинства греческих рукописей этой коллекции.

Литература

1. Григорович В.И. Опыт изложения литературы словен в главнейших эпохах. Часть 1. 1 и 2 эпохи. Казань: Печатано в университетской типографии, 1843.
2. Григорович В.И. Статьи, касающиеся древнеславянского языка. - Казань, 1852.
3. Григорович В.И. Описание четвероевангелия, писанного глаголицей // «Известия Академии Наук», по II отд., II, 242, 1852.
4. Григорович В.И. Древнеславянский памятник, дополняющий житие святых апостолов Кирилла и Мефодия. - Казань, 1862.
5. Григорович В.И. Из летописи науки славянской // «Записки Новороссийского университета», VI, 1871.

6. Григорович В.И. Очерк путешествия по европейской Турции (с картою окрестностей охридского и преспанского озер). Издание второе. М., 1877.

7. Донесения Григоровича об его путешествии по славянским землям. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Казань. Типо-литография императорского университета, 1915.

8. Кирпичников А. И. В. И. Григорович и его значение в истории русской науки // Исторический вестник, 1892. - Т. 50. - № 12. С. 755-763.

9. Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892.

10. Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. .

11. Матула В. Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура // Советское славяноведение. 1978. - №2. - С. 58-71.

12. Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. М., 2001.

13. Срезневский И.И. На память об О.М. Бодянском, В.И. Григоровиче и П.И. Прейсе. Первых преподавателей славянской филологии. Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наук. С.-Петербург. Май 1878 года. С. 36-56.

Догматическая сущность индульгенции

Гусарова С. В.

Статья раскрывает догматическую сущность индульгенции, что позволяет объяснить принцип функционирования отпущения грехов в католической церкви периода Средних веков. Актуальность статьи связана с необходимостью определения социальной роли Римской католической церкви в современном мире, оценкой ее возможностей в нравственном и психологическом регулировании общества, что невозможно без обращения к историческому опыту в данной области. Теоретический фундамент индульгенции, окончательно сформировавшийся к XIV веку, обеспечил длительность существования этой формы покаянной практики. Догматическую сущность индульгенции автор представляет в виде совокупности и взаимосвязи католических учений о Чистилище и о Сверхзаслугах святых (Сокровищница церкви). Догматическая база индульгенций стала необходима папству в период падения материального и политического влияния с целью организации массовой продажи отпущений. Рассматриваемые в статье учения в известной степени рационализировали принцип функционирования отпущений, что позволило последним существовать на протяжении вот уже восьми столетий. Неизменность схоластического обоснования индульгенции актуализирует изучение генезиса теоретической базы отпущений. Основное внимание автор уделяет практическому подходу папства к выявлению материального потенциала индульгенции.

Ключевые слова и фразы: индульгенция, учение церкви, догмат, Чистилище, булла, Сверхзаслуги святых, Сокровищница церкви.

Gusarova S. V.

Dogmatic essence of the indulgence

This article exposes the dogmatic essence of indulgence thus explaining the principles of remission of sins in Catholic Church in Middle ages. The relevance of the article lays in definition of social role of Roman Catholic Church in contemporary world and assessment of its influence on moral and psychological aspects of society, which is impossible without considering the historical experience in this area. The long-term existence of this penitential practice was provided by its theoretical basis that was completely formed by the 14th century. Author explains the dogmatic essence of indulgence as aggregation and interrelation of catholic dogmas of Purgatory and Supererogation (Treasury of merit). The dogmatic basis of indulgence was highly required by papacy during the period of its material and political power descent to organize vast trade of indulgences. Doctrines that are covered in this article rationalized the basis of indulgence thus allowing the latter to exist during last eight centuries. The immutability of scholastic indulgence concepts over years makes research of indulgence theoretical base genesis urgent.

Key words and phrases: indulgence, church doctrine, dogma, Purgatory, bulla, Supererogation, Treasury of merit.

В исторической науке проблема генезиса индульгенции крайне мало изучена. Как правило исследователи затрагивают этот вопрос в контексте истории Церкви и деятельности папства, при этом индульгенция рассматривается исключительно как средство манипуляции массами. Однако данный подход лишает возможности всесторонне изучить историю отпущений. Данная статья призвана раскрыть догматическую сущность индульгенции с целью наиболее четкого определения принципа действия отпущений.

На историческую сцену индульгенцию вывел Папа Урбан II, когда пообещал прощение грехов всем участникам Крестового похода в 1096 году. Уже в XII сформировалось представление об индульгенции как об универсальном средстве прощения всех наложенных церковью епитимий. Современное понимание отпущений по своей сути близко к пониманию индульгенций в период первых Крестовых походов. Итак, индульгенция [лат. *Indulgentia* – снисхождение, доброта, польза, милость, освобождение от долга; англ., франц. *indulgence*; итал. *indulgenza*; испан. *indulgencia*; нем. *Ablass, Ablassbrief, römische Gnade*] – это освобождение от временного наказания за отпущенные в таинстве Покаяния грехи. Параллельно с реализацией индульгенций происходил процесс схоластического обоснования отпущений. Важной вехой в становлении на поток продажи разрешительных грамот стала разработка католического догмата о Чистилище и учения о Сверхзаслугах святых. Мы остановимся на теоретических положениях католических богословов, которые связаны с проблемой индульгенции.

В период Средних веков вплоть до XV века формировались представления о Чистилище и

Сверхзаслуга святых, которые с тех пор остаются неизменными, так как приобрели статус догматов Римской католической церкви. Эти учения служат своего рода аргументационной базой в пользу приобретения индульгенций. Богословы приняли на себя заботу обосновать принцип функционирования отпущений, исходя из представления о том, что Иисус Христос принес удовлетворение Божественному правосудию только за первородный грех и спас людей от вечных мучений. При этом за грехи, совершенные после искупления, человек должен сам приносить сатисфакцию Творцу. Несение епитимьи следовало считать подвигом, который удовлетворяет Божественное правосудие за грехи.

Католический богослов Ансельм Кентерберийский (1033 – 1109 гг.) в своем сочинении «*Cur Deus homo*» («Почему Бог воочеловечился») выдвигал идею об обязательном удовлетворении Богу за грехи, причем в большем размере. Углубляясь в рассуждения о человеческой природе он писал: «Нет ничего более нетерпимого в порядке вещей, как то, что творение отнимает у Творца должную честь и не возвращает отнятого... Ничего Бог не защищает с большей справедливостью, чем честь Своего достоинства»¹. Идея об удовлетворении за грехи получила развитие у последователей Ансельма. Забегая далеко вперед, отметим, что в католической практике индульгенция фактически стала синонимом удовлетворения².

По мнению схоластов, начиная с Абельяра (1079 – 1142 гг.), грех-вина (лат. «*culpa*») отпущалась священником в силу раскаяния грешника, но этого раскаяния лишь в исключительном случае достаточно для удовлетворения Божественной справедливости. Поэтому необходимо получить у Бога прощение за грех покаянием или муками в Чистилище. Таким образом, индульгенция стала не только освобождением от наложенной Церковью епитимьи, но главным образом отпущением земных и загробных наказаний. Ввиду того, что при таком понимании удовлетворения (лат. «*satisfactio*») человек рассматривался как должник не Церкви, а Бога, Церковь расширяет свою власть на трансцендентную загробную сферу.

Папству стало необходимо основание для понимания индульгенции как выкупа, и оно было найдено в учении о Сверхзаслуга святых.

Согласно теории Фомы Аквинского (ок. 1225 – 1274 гг.), индульгенции действуют только потому, что Церковь обладает «избыточными» заслугами и может ими распоряжаться; нет прощения греха как такового, но святость одних превышает греховность других. На основании этого могла существовать индульгенция. Авторитетные священники говорили о том, что индульгенции значительно облегчают спасение грешников, ибо те из них, кто стремится к искуплению, не в силах его достигнуть, поскольку сама природа толкает людей на новые прегрешения. Например, в «Откровениях» святой Бригитты Шведской (1303 – 1373 гг.) утверждалось, что индульгенции неизмеримо более значимы для спасения человека, нежели личная праведность и духовные подвиги³.

Для лучшего понимания сущности индульгенции и сопутствующих догматов необходимо ввести понятие о классификации грехов в христианской религии. Условно грехи делятся на особо тяжкие, которые называются смертными и менее тяжкими – обыденными. Принято выделять семь смертных грехов, закрепленных еще в Ветхом Завете. В Библии находятся разные подтверждения невозможности искупить смертные грехи. Так, например согласно учению апостола Павла, те, кто повинен в совершении определенного рода тяжких грехов «Царства Божия не наследуют» (1 Кор 6:9; Гал 5:21; 1 Фес 4:6). Смертный грех определяется как страсть, подчиняющая волю человека, отдаляющая его от Бога и поэтому ведущая в конечном итоге к смерти души. Обыденные грехи человеку было гораздо проще искупить, однако для их полного прощения средневековые верующие стремились получить индульгенцию. И, очевидно, что чем тяжелее грех, тем большие надежды правый католик связывал с заступничеством Церкви. В свою очередь, Церковь активно извлекала выгоду из монопольного права «связывать» и «разрешать» грехи. Согласно католическому учению именно обыденные грехи душа может доискупить в Чистилище, однако в XV веке за покупку индульгенции клирики обещали простить чуть ли не любой грех.

Чистилище, согласно учению Римской католической церкви, – место, где души умерших грешников очищаются от неискупленных при жизни грехов. Очищение совершается в результате сравнительно умеренных страданий греш-

ника, а также благодаря молитвам и добрым делам оставшихся в живых родственников. Под добрыми делами родственников, как правило, понималось приобретение индульгенции в пользу умершего.

Народные верования в искупительный огонь – зачатки представлений о Чистилище, встречались уже на заре христианства. А истоки размышлений о временных муках богословам дала Библия. Например, Ветхий Завет содержит рассказ о жертвоприношении, совершенном по приказу Иуды Маккавея ради искупления грехов воинов, павших в битве (2 Мак. XII, 41–46). В Деяниях Апостолов есть отрывок из первого послания ап. Павла к Коринфянам, где описано спасение после смерти некоторых грешников «как бы из огня»: «огонь испытает дело каждого» и что «у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасается, но так, как бы через огонь» (1 Кор. III, 13–15); (1 Кор. III, 11–15). Также Библия содержит текст, который станет излюбленным объектом средневековых толкователей Писания – это история бедного Лазаря и злого богача (Лк. XVI, 19–31), где ничего не говорится о собственно Чистилище, но тем не менее трижды упомянуто временное пристанище в потустороннем мире: лоно Авраамово⁴.

Уже в III веке христианский теолог Ориген, опираясь на библейские тексты о божественной милости и любви, доказывал невозможность бесконечных мук душ. Можно предположить, что дополнительную пищу для подобных размышлений Оригену и его последователям дал текст Апокалипсиса Иоанна Богослова, содержащий инсказание и тайны. Под конец времени, по мнению Оригена, души будут прощены – достигнут апокатастасиса⁵. Очевидно, что период очищения грешной души индивидуальный. В своем трактате «О началах» Ориген отмечал воспитательный момент в вопросе претерпевания адских мук: «Каждое наказание направлено на исправление тварей, чтобы все они могли быть восстановлены в их первоначальном совершенстве. После воскресения все человечество должно будет пройти через огонь, после чего очищенные души войдут в рай, а злые останутся в «огне», который следует понимать не как материальное пламя, но, скорее, как умственную и духовную катастрофу. Наши грехи – предмет и пища для этого страшного огня, а «тьма кромешная» – это мрак невежества⁶. Од-

нако положение этих страдающих духов не совсем безнадежно, хотя тысячи лет могут пройти, прежде чем муки окажут на них какое-либо влияние: «Некоторые из них достигнут невидимого и вечного [бытия] на первых же порах, другие только потом, а некоторые даже и в последние времена, и то только путем величайших и тяжчайших наказаний и продолжительных... самых суровых исправлений... путем постепенного восхождения к небу, путем прохождения... всех отдельных служений, присущих небесным силам... переходя из одного чина в другой»⁷. Идея об апокатастасисе частично послужила развитию будущего учения о Чистилище, потому как в ней содержится вера в возможность прощения несправедливой души уже после смерти человека.

Блаженный Августин (354 – 430 гг.) и Григорий Великий (590 – 604 гг.) разработали теоретическую базу для создания нового отсека в потустороннем мире. Августин первым обосновал его необходимость с теологической точки зрения; затронул также и вопрос о времени в этом отсеке. Так он просил Господа: «Очисти меня в этой жизни и сделай меня таким, чтобы я не нуждался в этом очистительном огне». В своем трактате «О граде Божьем» Блаженный Августин писал: «Временным наказаниям подвергаются одни в настоящей только жизни, а другие по смерти, иные же и здесь и там, до наступления Страшного Суда Христова»⁸.

Базируясь на видениях и явлениях, Папа Григорий подвел теоретический фундамент под воображаемое строение Чистилища, этого своеобразного потустороннего «запасника», где происходит очищение от грехов, которые можно искупить после смерти. В «Диалогах о бессмертии и жизни италийских отцов» Григорий разъяснил понятие о Чистилище с опорой на текст Писания: «Должно верить, что существует очистительный огонь до времени Суда для некоторых лёгких прегрешений, каковы, например, празднословие, неумеренный смех, излишнее попечение о домашних, потому что Истина говорит, что если кто изречет хулу на святого Духа, не отпустится тому ни в сей век, ни в будущий»⁹. Не вдаваясь в детали, Папа писал далее: «Душам могут принести облегчение молитвы, которые будут произноситься, пока они пребывают в Чистилище, а освободить их из оттуда можно с помощью обеден, которые служат специально

с этой целью». И далее: «Души покойных являются к живым; рассказывая о своих мучениях, они просят помочь им молитвами, а затем подтверждают, что молитвы и в самом деле облегчили их участь»¹⁰. Таким образом, уже в VII веке фигурирует название доискупительного места – Чистилища. Однако, создавая воображаемый образ, теологи не пошли дальше идеи об огне, расположенном не слишком понятным образом во времени и пространстве¹¹.

Процесс «институализации» представлений о Чистилище начинается со второй половины XII века. К этому времени Папство в полной мере осознало выгоду от продажи разрешительных грамот, и потребовались упорядоченные теологические заключения для легитимизации этого вида покаянной практики. Задним числом церковники ищут обоснования вере в возможность изменения участи души после смерти. С момента начала раздачи индульгенций Римская курия стремится укрепить материальное положение за счет утверждения своей исключительной возможности облегчать положение умерших и живых грешников. За десятилетие с 1170 по 1180 г. стараниями парижских теологов из школы Нотр-Дам и цистерцианцев¹² из аббатств Восточной и Северной Франции новый отсек загробного мира получает свое название. Родителями системного представления о Чистилище стали богословы Петр Певчий и Симон из Турнэ. Историк П.В. Гидулянов в своем исследовании приводит слова кардинала Пётра Дамиани (1007 – 1072 гг.) о том, что «черти, орудующие в Чистилище, особенно ненавидят клюнийского святителя Одилона за то, что он каждой своей молитвой спасал какую-нибудь душу из лап служителей сатаны»¹³. Подобные высказывания свидетельствуют об оформлении представлений о Чистилище в народном сознании европейцев XI века. Популярность представлениям о промежуточном отсеке загробного мира помогла заработать легенда под названием «Чистилище святого Патрика», согласно которой сам Христос показал святому вход в загробный мир через пещеру на острове Стейшн. Соседний с пещерой монастырь получал в XII – XIV вв. огромные выгоды от потока пилигримов к сакральному месту. Таким образом, согласно данной легенде, промежуточный отсек загробного мира находился под землей. Распространялись и другие версии, относительно местонахождения

Чистилища. Так, например, Гуго Сан-Викторский (1097 – 1141 гг.) полагал, что оно располагается на земле, так, например, богослов писал: «Место чистилищных наказаний находится на поверхности земли, ибо каждая душа находит Чистилище там, где грешила»¹⁴. Подобное «приземление» загробного мира в сознании людей делало еще более реальным посмертные муки души, что впоследствии могло способствовать лучшей реализации индульгенций.

Все крупнейшие теологи – Гийом Овернский (1190 – 1249 гг.), святой Бонавентура (1218 – 1273 гг.), святой Альберт Великий (1200 – 1280 гг.) и святой Фома Аквинский включили Чистилище в свои идеологические системы. В XIII в. Чистилище завоевывает прочное место в христианстве. Представление о Чистилище вполне определенно фигурировало в письме папы Иннокентия IV (1243 – 1254 гг.) легату Эду де Шатору от 1254 года: «Греки всегда молились за умерших, но не признавали ни промежуточного места между небом и адом, ни искупительного страдания в мире ином; для них там было лишь окончательное воздаяние за добро или за зло. Эта ошибка заставила Латинскую Церковь многократно настаивать на учении о Чистилище»¹⁵.

Существенную роль в становлении догмата принадлежала средневековому поэту Данте Алигьери (1265 – 1321 гг.), автору знаменитой «Божественной комедии». Он создал философскую концепцию Чистилища, определил его географию. Промежуточному отсеку потустороннего мира нужно было отмежеваться от Ада, мало различимой частью которого, верхней геенной, оно оставалось долгое время. Это метание между Раем и Адом обнаруживает, какой значительный смысл имело Чистилище для христиан. Выдающийся поэт расположил Чистилище под землей. Вот как этот средневековый деятель искусства начинает раздел поэмы о путешествии героя «Божественной комедии» Вергилия по Чистилищу:

«И я второе царство воспою,
Где души обретают очищенье
И к вечному восходят бытию»¹⁶.

Согласно Данте, потусторонний мир делится на Ад, состоящий из девяти кругов, Чистилище и Рай. В конечном счете Чистилище не стало подлинным, строго промежуточным отсеком. Предназначенное для полного очищения буду-

щих избранных, оно сдвинулось ближе к Раю. Смещенное промежуточное место, оно установилось не в центре, но ближе кверху. Таким образом, оно относится к тем самым столь характерным для феодального менталитета системам децентрализованного равновесия: неравенство в равенстве, которое встречается в моделях, современных вассалитету и браку, когда в мире равных вассал, тем не менее, подчинен сеньору, а жена – мужу. Ложная равноудаленность Чистилища от Ада, которого удалось избежать, и неба, к которому уже удалось приблизиться. Автор «Божественной комедии» указывает на временность мук в Чистилище, пребывание в этом месте хоть и скорбно для души, но все же не безнадежно:

«Читатель, да не будут смущены
Твоей души благие помышленья
Тем, как Господь взимает долг с вины.
Подумай не о тягости мученья,
А о конце, о том, что крайний час
Для худших мук – час грозного решенья»¹⁷.

Таким образом, в западном христианском мире к середине XIII века окончательно оформились представления о Чистилище, его местоположении и времени. Широким слоям населения уже в полной мере была понятна мысль святого Лютгарда, который писал, что Папа Иннокентий III (1198 – 1216 гг.) осужден томиться в Чистилище за свои многочисленные грехи до Страшного Суда.

Среди средневековых богословов не было единого мнения о времени прибывания душ в Чистилище. Бэда Достопочтенный полагал, что душа любого небезнадежного грешника будет находиться в этом месте до начала Страшного Суда. Доменико Сото (1480 – 1542 гг.) полагал, что чистилищные муки краткосрочны и не превышают двадцати лет для одной грешной души. Со становлением практики продажи индульгенций утвердилось представление об индивидуальном сроке прибывания в промежуточном отсеке загробного мира¹⁸.

Подводя итог эволюции представлений об искуплении грехов в загробном мире, охарактеризуем время Чистилища: для каждой души оно представляет собой индивидуальный срок погашения нравственных задолженностей перед Богом. При этом само Чистилище имеет свой конец, совпадающий с началом Страшного Суда. Его месторасположением стал не Ад,

а некий «промежуточный отсек», смещенный к Раю.

С начала Крестовых походов Римская католическая церковь стремилась к извлечению большей материальной выгоды от реализации разрешительных грамот – индульгенций. Большим подспорьем в этом деле выступала народная вера в Чистилище – место страданий душ до окончательного искупления вины за грехи. Церковь утверждала свое исключительное право эффективной молитвы за умерших. Пожертвования также контролировались Церковью, а мессы полностью являлись делом церковников. Для живых, желающих обеспечить себе заступничество, способное вырвать их после смерти из Чистилища, основным средством являлось письменное обещание оставить в дар храму часть имущества, указанного в завещании. В ведении Церкви также находились ведомости усопших с указанием заупокойных обеден; в XIII в. структура этих ведомостей изменилась в связи с необходимостью отразить веру в новый отсек загробного мира – Чистилище. Не имея возможности полностью взять под свой контроль составление завещаний, РКЦ тем не менее являлась исполнительницей всех распоряжений, сделанных завещателем с целью сократить душе срок прибывания в Чистилище.

Развитие представлений о Чистилище на протяжении Средневековья далеко ушло от философии Оригена и раннехристианских Отцов Церкви, которые верили не в доочищение некоторых грешных душ перед концом времени, а во всеобщее спасение от бесконечных мук. Подробное смещение акцентов связано с возрастающей ролью мирского в мировоззрении людей. К самым важным изменениям следует отнести постоянно растущую тягу христиан к земным благам, перемещение средоточия их интересов с неба на землю (возрастающее стремление к материальному благополучию, увеличение доли, приходящейся на движимое имущество и предметы потребления и роскоши, рост личных состояний, возникновение светской литературы, возрождение литературы античной, развитие независимого эстетического чувства, появление идеи «беззаботности», возникновение понятия собственности и реализация его на практике, постепенное вытеснение оппозиции «сильный мира сего – виллан» оппозицией «богатый – бедный», «большой – малый»¹⁹. С воз-

растанием роли земного в жизни человека уменьшился элемент аскетизма, все труднее становилось нести налагаемые священником епитимьи. Церковь же, исходя из своих интересов, охотно шла навстречу верующим, реализуя разрешительные грамоты, чтоб гарантировать грешникам облегчение положения в загробном мире.

Догмат о Чистилище официально был принят только в 1439 году в рамках Ферраро-Флорентийского собора, несмотря на многовековую веру в промежуточный отсек загробного мира. Контрреформационный Тридентский церковный собор в XVI веке в закрепил основы учения, так, согласно постановлению: «Существует Чистилище и, находящиеся в нем души получают облегчение благодаря молитвам верующих, а, главным образом, благодаря обедням»²⁰.

Представления Католической церкви о промежуточном отсеке загробного мира обосновывали целесообразность покупки индульгенций, тогда как догмат о Сверхзаслугах святых объяснял механизм их функционирования.

Сокровищница (лат. *thesaurus, scrinium* – скарб, ящик) сверхдолжных дел (*super-rogoratoria opera*) – разработанное в XIII – XIV вв. в католицизме положение о возможности спасения грешных людей с помощью совершенных Иисусом Христом, Богородицею, святыми и праведниками «сверхдолжных» добрых дел. Согласно этому учению, в лоне христианства есть люди, чьих добрых дел больше, чем им необходимо для спасения. Такие добрые дела, наместник святого Петра может раздавать по своему усмотрению. Иными словами, Папа Римский может вменять добрые дела из Сокровищницы Церкви в заслугу грешникам, чтобы облегчить участь их душам в Чистилище. Подобное утверждение вытекает из представления об определенном единстве и взаимосвязи всего сущего и соединении подобного с подобным²¹.

Представление о Сокровищнице Церкви начинается формироваться в XIII веке. Французский богослов Гуго Сен-Шерский (1214 – 1273 гг.) разработал учение о том, что Церковь обладает запасом добрых дел, при том из этого запаса можно покрывать грехи людей. Теоретически учение было подробно развито в сочинениях Альберта Великого, Фомы Аквинского, Бонавентуры и Дунса Скота (1266 – 1308 гг.). Очевидно, что догмат о Сверхзаслугах святых продолжил уже известное нам «правовое» отношение

Католической церкви к дихотомии «Бог–человек», имеющее языческие корни. Раздача добрых дел из Сокровищницы смещает акцент с искреннего покаяния на формальное удовлетворение Богу за нанесенный ущерб.

Безусловно идеи о Сокровищнице Церкви разрабатывались в угоду нуждам Папства. В XII – XIV веках люди имели представление об индульгенциях и стремились их приобрести. Для начала массовой продажи разрешительных грамот было необходимо объяснить механизм отпущения грехов. С этой целью разработались представления о Сверхзаслугах святых. Понтифик Климент VI (1342 – 1352 гг) в булле «*Dei filius*» от 27 января 1343 года закрепил новый догмат в рамках развития представлений об индульгенции. Папа, стесненный Авиньонским пленением^{22†}, в поисках денежных средств издал документ, скрытой целью которого являлась «реклама» продаж индульгенций в честь празднования Всемирного римского Юбилея. В булле Климент VI разъяснил подробно сущность Сокровищницы Церкви: «На алтарь Креста Он (Иисус Христос), невинная жертва, пролил не малейшую каплю Своей Крови, которой одной было бы достаточно благодаря единению со Словом для искупления всего человеческого рода, но поток Крови, столь изобильный, что от подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места...». (Ис 1, 6). Какое великое сокровище принес он воинствующей Церкви для того, чтобы это столь милосердное Кровопротечение не было бесполезным! Как милосердный Отец, Он желал собрать богатство для Своих сынов, для того, чтобы люди обладали «неисчислимым сокровищем», пользуясь которым, «они входят в содружество с Богом» (ср. Прем 7, 14). Он пожелал, чтобы это сокровище преподавалось ради их спасения верным блаженным Петром, хранителем небесных ключей, и предоставлялось Его преемниками, Его наместниками на земле, и чтобы оно милосердно подавалось подлинно раскаявшимся и исповедующимся для отпущения временного наказания за грехи либо частично, либо полностью по разумным и особым причинам в общих или особых случаях, как это будет признано полезным перед Богом. Мы знаем, что заслуги Блаженной Богородицы и всех избранных, от первого до последнего, участвуют в богатствах этого сокровища, о котором нечего беспокоиться, что

оно может исчерпаться или оскудеть, и благодаря бесконечным заслугам Христа, о которых мы говорили, и потому, что, чем больше людей будет приведено к праведности благодаря этому сокровищу, тем более возрастает масса заслуг»²³. Понтифик также говорил о неисчерпаемости Сокровищницы. Отдельно стоит отметить попытку сформировать учение о достижении святости некоторых грешников через очищение Сокровищницей: «Сокровищница становится тем больше, чем больше число лиц, которые путем использования ее приобщаются к праведности». Возможность очиститься до уровня святости безусловно могла увлечь средневекового человека, который идеализировал святых, с удовольствием впитывал рассказы об их подвигах и чудесах. Кроме того, само по себе слово «сокровищница», по нашему мнению, носит простонародный, сказочный оттенок, что позволило Папе более доступно объяснить сущность учения неграмотным массам. Важным историческим фактом является одновременное обнародование названной буллы Климента VI и другого документа, известного под названием «Такса святой апостольской канцелярии». В данном источнике понтифик, остро нуждающийся в деньгах, приводит список грехов и цен на их отпущения. Таким образом, очевидна прямая связь между теоретической разработкой учения о Сверхзаслугах святых и необходимостью для Папства продавать индульгенции.

Представления о Сверхзаслугах святых, как и католическая концепция Чистилища получают официальное подтверждение в 1439 году на Ферраро-Флорентийском соборе.

У Римской католической церкви нет отдельного догмата об индульгенциях. Однако учения о Сверхзаслугах святых и о Чистилище фактически выполняют роль такового. Неудивительно, что деятели Реформации критиковали представление о запасе добрых дел. Наиболее ёмко, на наш взгляд, выразил свое мнение Джон Уиклиф (ок. 1320 – 1384 гг.): «Любимая папская фантазия о духовной Сокровищнице на небесах, которой каждый папа может распоряжаться по своей воле – это мечта безо всяких оснований»²⁴. Подобная логика привела Уиклифа к выводу о том, что Папа мог бы заменить собой Христа, так как возможность раздавать добрые дела из бесконечного запаса спасла бы человечество от адских мук. Наличие грешников и ад-

ских мук при условии возможности спасти всех одной волей Папы, согласно Уиклифу, доказывало абсурдность самого догмата. Аналогично умозаключение присутствовало в 82 тезисе против индульгенций Мартина Лютера (1483 – 1546 гг.): «Например: Почему папа не освободит Чистилище ради пресвятой любви к ближнему и крайне бедственного положения душ, то есть по причине наиглавнейшей, если он в то же время неисчислимо количество душ спасает ради презренных денег на постройку храма, то есть по причине наименее значимой?»²⁵ Кроме того, идейный вдохновитель Реформации указывал на догматическую слабость представлений о Сверхзаслугах святых, так в 56 тезисе он писал: «Сокровища Церкви, откуда папа раздает индульгенции, и не названы достаточно, и неизвестны христианам»²⁶.

Рассмотрев вопрос богословского обоснования индульгенций, мы приходим к выводу, что догматы о Чистилище и Сверхзаслугах святых в совокупности фактически выполняют роль официального учения Церкви об индульгенциях.

С начала Нового времени РКЦ отказывается от продажи прощений грехов, при этом и по сей день каждый понтифик раздает верующим индульгенции за те или иные христианские заслуги. На протяжении нескольких веков осуществлялся ряд реформ с целью оздоровить репутацию отпущений, однако догматическая сущность индульгенции остается неизменной.

Литература

1. Данте. А. Божественная комедия. М.: АСТ, 2013. 372 с.
2. Блаженный Августин. О граде Божьем. М.: АСТ, 2000. 335 с.
3. Булла Климента VI «Ugenitus Dei filius» / Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. С. 212.
4. Диспут доктора Мартина Лютера, касающийся покаяния и индульгенций / Лютер. М. О свободе христиан. М.: ARS, 2013. С.56-58.
5. Ориген. О началах. М.: Амфора, 2007. 270 с.
6. Гидулянов П.В. Загробная жизнь как предмет спекуляции или индульгенции в римско-католической и греко-православной церкви. М.: Атеист, 1930. 257 с.
7. Гуревич А.Я. Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 412 с.

8. Иванов М.С. Индульгенции // Православная энциклопедия. В 40 т. М.: 2012. Т. 22. С. 632-645.

9. Католическая Россия / Энциклопедия / Католическая энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://catholic.ru/modules.php?name=Encyclopedia&op=tams&id=3&tr=8>

10. Ле Гофф Ж. Рождение Чистилища. М.: АСТ, 2009. 383 с.

11. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. 412 с.

12. Шафф Ф. История христианской церкви. В 8-и т. М.: Библия для всех, 2010. Т. 6. 425 с.

Ссылки:

1 Ле Гофф Ж. Рождение Чистилища. С. 67

2 Ле Гофф Ж. Средневековый мир... С. 78

3 Там же. С. 84

4 Ле Гофф Ж. Средневековый мир... С. 99

5 Апокатастасис (др.греч. ?рп-кбфьуф?уйт - восстановление) – богословское понятие о восстановлении творения и всеобщем спасении

6 Ориген. Указ. соч. С. 97

7 Ориген. Указ. соч. С. 99

8 Блаженный Августин. Указ. соч. С. 71

9 Ле Гофф Ж. Рождение Чистилища. С. 113

10 Ле Гофф Ж. Рождение Чистилища. С. 127

11 Там же. С. 157-164

12 Цистерцианцы (бернардинцы) – католический монашеский орден аскетов, основанный Бернардом Клевроским в XII веке.

13 Гидулянов П.В. Указ. соч. С. 54-56

14 Ле Гофф Ж. Средневековый мир... С. 139

15 Там же. С. 145

16 Данте А. Указ. соч. С. 83

17 Там же. С. 88

18 Ле Гофф Ж. Рождение Чистилища. С. 141

19 Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 64

20 Ле Гофф Ж. Рождение Чистилища. С. 153

21 Иванов М.С. Указ. соч. С. 638

22 Авиньонское пленение Пап – период с 1309-1378, когда в результате поражения Папы Бонифация VIII в борьбе с французским королем Филиппом IV, резиденция Пап находилась в Авиньоне.

23 Булла Климента VI «Ugenitus Dei filius» / Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. С. 123-125

24 Шафф Ф. Указ. соч. С. 111

25 Лютер М. Указ. соч. С. 87

26 Там же. С. 88

Исламская революция в Иране в фокусе исторической социологии Теды Скочпол

Епархина О.В., Рахманов А.Б.

Авторы рассматривают концепцию исламской революции в Иране, разработанную американским ученым и видным представителем исторической социологии Т. Скочпол. Она при анализе событий иранской революции, с одной стороны, опирается на свою концепцию социальных революций, разработанную в труде «Государства и социальные революции», с другой – выделяет моменты отличия иранской революции. Успех иранской революцией был обусловлен формами социальной самоорганизации революционных сил и идеологией шиизма.

Ключевые слова: Иран, исламская революция, Теда Скочпол, историческая социология.

Eparikhina O. V., Rakhmanov A. B.

The Islamic revolution in Iran in the focus of historical sociology Ted Skocpol

Authors consider the theory of Islamic revolution in Iran that was developed by the American social scientist and prominent representative of historical sociology T. Skocpol. On one side, she founded on her theory of social revolutions, because the Iranian revolution had the common features with the classical social revolutions, on other side she analyzed the specifics of the case of the Iranian revolution. T. Skocpol highlights that the victory of the Iranian revolution was determined by the forms of social self-organization of the revolution forces and the ideology of the shia islam.

Key words: Iran, Islamic revolution, Theda Skocpol, historical sociology.

Важнейшими функциями социологии как общественной науки является объяснение и предсказание общественных процессов. В современную эпоху – эпоху становления глобального общества – огромное значение приобретает внешнеполитический аспект объяснительного и прогностического потенциала социологической науки. В этом отношении трудно переоценить роль исторической социологии – области социологической науки, которая бурно развивается в западной науке с 1960-х годов, но, к сожалению, получила гораздо меньшее распространение в России.

В современном мировом сообществе важную и все более растущую роль играет Исламская Республика Иран. Эта страна после исламской революции 1978-79 встала на специфический путь развития. Для того, чтобы понять то, что представляет собой современный Иран, необходимо понять его истоки – т.е. исламскую революцию. Эта революция была полной неожиданностью и для Запада, и для СССР. На наш взгляд, одна из самых интересных концепций, призванных объяснить ее, разработана в статье «Государство-рантье и шиитский ислам в Иранской революции» (1982) [7], принадлежащей перу одной из виднейших представительниц исторической социологии американской исследовательницы, профессора социологии Гарвардского университета Теды Скочпол (Theda Skocpol, род. в 1947).

Самым значительным трудом Т. Скочпол является книга «Социальные революции и государства» (1979) [6]. В этом труде исследовательница осуществляет систематический компаративный анализ трех классических социальных революций – Великой французской 1789-1799, Октябрьской 1917-1920 в России, Китайской 1911-1949¹ – с целью выявить зако-

номерности социальных революций в чистом виде. Данное произведение следует считать главной книгой Скочпол, и именно она принесла этому ученому признание в мировом научном сообществе, сделав ее классиком исторической социологии. Концепция социальных революций Т. Скочпол в последние годы неоднократно рассматривалась в отечественной научной литературе [1; 2; 3; 4; 5], а ее анализ исламской революции в Иране мало известен российскому читателю, и в связи с этим, обратимся к его рассмотрению.

Скочпол в статье «Государство-рантье и шиитский ислам в Иранской революции» ставит себе целью исследование природы и движущих сил исламской революции 1979, свергнувшей власть шаха Мохаммеда Резы Пехлеви. Скочпол указывает на дефиницию социальной революции, которой она руководствуется: «Социальные революции», как определяю их я, — это быстрые базовые трансформации государства и классовых структур. Кроме того, социальные революции опираются на классовые перевороты снизу. Иранская революция, по всей видимости, отвечает этому понятию» [7, р. 265]. В дореволюционном Иране, отмечает Скочпол, шахский режим представлял собой «абсолютистско-монархическую военную диктатуру», которая была стилизована в духе космополитического персидского царя наподобие Кира Великого [7, р. 265]. Вестернизированный господствующий класс дореволюционного Ирана включал в себя бюрократов, иностранных инвесторов и местных капиталистов, тесно связанных с государственным аппаратом. Иранская революция представляла собой выступление против господства этого класса, осуществленное городскими рабочими, безработными, а также старым и новым городским средним классом. В результате свержения шаха произошла экспроприация многих (особенно близких монархии) капиталистов, изгнанием из власти высокопоставленных чиновников и реорганизацией административного, юридического и репрессивного аппарата и атаками на прозападный стиль жизни старого правящего класса. Скочпол пишет, что в случае исламской революции в Иране, как впрочем, и в случае других современных революций в странах третьего мира, трудно провести резкую грань между политической и социальной революцией, поскольку

государство и высокопоставленные чиновники в шахском Иране жестко контролировали экономику и ведущие экономические объекты.

Иранская революция в силу того, что для нее были характерны высокий уровень вовлечения масс и последовавшая в ее результате глубокая трансформация базисных социокультурных и социально-экономических отношений, как полагает Скочпол, во многом соответствовала модели великих социальных революций, исследованной ею в книге «Государства и социальные революции». Эта модель предполагает, что для успеха социальных революций одного лишь народного недовольства, вызванного быстрой модернизацией, недостаточно. Скочпол вслед за другим видным американским историческим социологом Ч. Тилли утверждает, что угнетенные и недовольные низы для осуществления победоносной революции должны располагать собственными автономными организациями и ресурсами. Кроме того, важной предпосылкой социальной революции является то, что накануне революционных выступлений масс государственный аппарат оказывается ослабленным и не располагает былой репрессивной мощью. Сами по себе массовые выступления, как показывает история революций, не в состоянии разрушить репрессивный аппарат государства. Большое значение для успеха социальной революции имеет наличие внешнего давления, сопровождаемое военными поражениями, и раскол между государственным аппаратом и господствующим классом, которые подрывали мощь репрессивного аппарата и открывали путь для осуществления революционному перевороту, движимому массами. Для успеха социальных революций недостаточно было лишь деятельности революционных движений во главе с идеологически ориентированными лидерами, которые мобилизовывали массы для свержения старого режима во имя какой-либо альтернативы. В случае социальных революций признанные лидеры отсутствовали или же были политическими маргиналами. Народные массы, особенно крестьяне, участвовали в революционном движении, обычно руководствуясь идеями, которые отличались от идеологий революционных лидеров. Социальные революции возникают в результате объективных конstellаций разнонаправленной деятельности различных социальных групп. В связи с этим Скочпол,

резюмируя свою концепцию социальных революций, подчеркивает, что революции не делаются, а приходят. Важно отметить, что ученый ставит под сомнение возможность создания общей теории революции, пригодной абсолютно для всех стран, народов и эпох.

Начальные стадии иранской революции, как отмечает Скочпол, противоречили ее представлению о причинах социальных революций. Она указывает на три момента, отличающих исламскую революцию в Иране от великих революций прошлого. Во-первых, иранская революция была не просто продуктом очень быстрой модернизации, индустриализации и урбанизации, которые сопровождались перемещением масс сельских жителей в города, и, в первую очередь – в Тегеран, чему сопутствовал быстрый рост грамотности населения и стремительное распространение среднего и высшего образования. Накануне революции все слои иранского общества оказались недовольными шахским режимом. Революция в Иране была продуктом социального разложения, дезорганизации и всеобщей фрустрации вследствие быстрых изменений в 1960-1970-х годах. Во-вторых, довольно мощный репрессивный аппарат шахского Ирана оказался неэффективным перед лицом революционных протестов, но это не было обусловлено внешним военным давлением, поражениями в войнах с другими государствами и, следовательно, отсутствовали причины для возникновения конфликта между господствующим классом и правящим режимом. Шах и его режим были сметены революцией вопреки отсутствию внешних предпосылок эрозии репрессивного аппарата шахского государства. В-третьих, иранская революция была именно «сделана» массовым социальным движением, направленным против шаха. В 1978 все слои иранского городского общества были объединены против шахского режима под знаменем шиитского ислама, и для них аятолла Рухолла Хомейни был непрекращаемым авторитетом. Революция началась с серии яростных массовых демонстраций и забастовок безработных, рабочих, ремесленников, торговцев, студентов и чиновников невысокого ранга, направленных против коррумпированного прозападного шахского режима и его репрессивного аппарата. Эта революция, подчеркивает Скочпол, была сделана, а не пришла. Скочпол полагает, что иранская революция дол-

жна (и может) быть понята только в макросоциологической и исторической структурной перспективе, которая учитывала бы взаимосвязь государства, общества и политики в контексте динамики международных политических и экономических отношений. Скочпол полагает, что изучение случая иранской революции позволяет скорректировать ее концепцию социальных революций, в особенности в том, что касается роли идеологических и культурных факторов как детерминант политической активности.

Скочпол, приступая к исследованию специфики исламской революции в Иране, утверждает, что иранский шах был абсолютным монархом, как и монархи Франции до 1789, России перед 1917 и Китая накануне 1911, но при этом он был более могущественным властителем, чем они. Шахское государство было намного меньше укоренено в обществе, чем упомянутые монархические государства (аграрные бюрократии). Шах Реза Пехлеви (отец шаха, свергнутого в 1979), захвативший власть в Иране в 1925, создал в этой стране режим аграрной бюрократии, при котором институты централизованного государства сосуществовали с могущественными аристократами-землевладельцами. Экспорт нефти и газа, начиная с середины 1960-х годов, превратил Иран в государство-рантье, ориентированное на мировую капиталистическую экономику. Основой хозяйства страны стали экспортные сырьевые отрасли, и иранское государство перестало нуждаться в налогах с населения. Шахское государство направляло значительные государственные средства в первую очередь на предметы роскоши для шаха и его окружения, но также и на оборону и репрессивный аппарат, на проекты по развитию страны, строительство, субсидии на потребление для населения и т.д. Шахский режим, будучи отчужденным от своего народа, подкупал людей, регламентировал их жизнь и репрессировал диссидентов. Начатая в 1960-е годы «белая революция», направленная на выкуп земли у крупных землевладельцев с целью ее продажи богатым крестьянам и распространение контроля бюрократии и на сельскую местность, привела к ухудшению положения бедных крестьян и к тому, что миллионы из них были вынуждены мигрировать в города. Накануне 1978 число горожан приблизилось к 50% населения страны.

В силу природных и социально-политичес-

ких условий жизни на селе крестьяне были не в состоянии поднимать восстания против шахского режима. Сельское хозяйство не было объектом повышенной заботы шахского режима и все более маргинализировалось. Деньги за экспорт нефти и газа направлялись на индустриальные, строительные, сервисные и военные проекты. При этом приток высокооплачиваемых квалифицированных иностранных работников и инфляция ухудшали положение иранцев-горожан. В 1975-1977 мировой спрос на иранскую нефть упал, финансирование шахским режимом многих проектов резко сократилось, и многие иранцы-горожане потеряли работу. Все городские слои обвиняли в своих бедствиях шахское государство.

Шахское государство всеми в Иране воспринималось как автократическое. Шаха Скочпол определяет как «патримониального абсолютиста» [7, р. 280], который лично принимал все важные решения. Шах поощрял конфликты внутри государственного аппарата, например, травил бюрократов на военных, и не позволял складываться устойчивым коалициям внутри него. В силу этого с началом революционного кризиса народная ненависть сконцентрировалась на персоне шаха. Скочпол подчеркивает, что все слабости шахского режима не были фатальными, и протестные выступления можно было бы обуздать, но важную роль сыграли формы организации городского общества Ирана, а именно – традиционные центры коммунальной жизни и сети исламской коммуникации, а также исламские лидеры.

Центрами кристаллизации оппозиции шахскому режиму стали городские коммунальные анклавы. В силу исторических традиций Ирана социально-экономический мир базара (bazaar) был центром городской жизни. Существовали тесные связи торговцев и ремесленников базара и сельскохозяйственных производителей. В мире базара были распространены мелкие ремесленно-промышленные предприятия с менее чем 10 работниками, которые работали в тандеме с крупными современными промышленными предприятиями. В 1977 году, как указывает Скочпол, 72% всех работников были заняты на предприятиях менее чем с 10 работающими. Торговцы базара держали в руках импортные товары, которыми кормились и в которые одевались небогатые иранцы. В ходе капитали-

стической индустриализации и внедрение новых форм городской жизни базары Тегерана и других городов были обойдены, но сдавлены в экономическом и пространственном отношениях. Модернизация направляла на базар маргинализированных сельских мигрантов, которые искали здесь работу и социальную поддержку. Традиционные городские общины оставались центрами экономической и общественной жизни. Базары были центрами религиозной жизни, которая соединяла в единое целое торговцев, ремесленников и рабочих. Важную роль в функционировании мира базара играло мусульманское духовенство, которое с помощью исламского права регулировало социально-экономические конфликты, преподавало, организовывало социальное обеспечение неимущих и обездоленных и т.д. Базар был связан и с современными слоями иранского общества, которые, казалось бы, вытесняли мир базара. Студенты университетов, которые были ориентированы на карьеру в рядах бюрократии или в качестве профессионалов, часто были детьми людей базара, базари (baazaris). Многие богатые торговцы базара были вовлечены в осуществляемые государством промышленные проекты.

В середине 1970-х шах в интересах капиталистической модернизации начал наступление на жизнь базара. Он попытался поставить под полный контроль бюрократии самоорганизующиеся и саморегулирующиеся советы торговцев, усилить вмешательство государства в оптовую и розничную торговлю. Шах вел «антикоррупционные» кампании против спекулянтов с базара. Это сочеталось с усилиями по вытеснению духовенства из сферы права, образования и социального обеспечения, т.е. из сфер, исторически закрепленных за ним. Базар был солидарным и гибким социальным миром, автономным по отношению к государственной власти и, когда шах попытался наступать на его позиции, он вызвал массовое недовольство городского населения и подтолкнул базар и социальные слои, группирующиеся вокруг него, к активной самозащите.

В массовом антишахском движении 1977-78 годов традиционные городские общины, объединенные базаром, играли ключевую роль в качестве средства мобилизации народного сопротивления. Рабочие современных индустриальных предприятий, вынужденные регуляр-

но обращаться к экономической помощи базара и светские профессионалы из среднего класса зависели от альянса с клерикальными и светскими лидерами базара, которые могли бы мобилизовать массы с помощью экономических и социальных сетей. Роль базара в иранской революции наглядно показывает, что одни лишь социально-экономические противоречия и массовое недовольство людей сами по себе не могут вызвать революцию, поскольку не могут создать автономных организаций и ресурсов. Революционный потенциал антишахского сопротивления коренился в социально консолидированном и автономном мире базара как центре городской жизни миллионов иранцев. Таким образом, одной из важнейших предпосылок успеха революции в Иране было то, что городские иранцы, в значительной мере, недавние сельские мигранты, представляли собой не массы атомизированных и дезорганизованных индивидуумов, всецело зависящих от поддержки государства, а опирались на самоорганизацию и ресурсы базара, автономного по отношению к государству.

Заметим, что выделение Скочпол базара как социальной ячейки иранского общества вполне логично. Иран при шахе оставался еще полуфеодально-полукапиталистической страной. Иранский базар — был средоточием докапиталистической торговли и ремесла, взаимодействующих с возникающим промышленным производством. Но модернизация и индустриализация, форсируемая шахом, подрывала докапиталистические отношения, и базар неизбежно вытеснялся на периферию. Это объясняет оппозиционность базара шахскому режиму.

Скочпол полагает, что один лишь феномен базара не способен объяснить победу исламской революции. Для понимания того, почему массы иранцев устраивали массовые демонстрации и забастовки, готовые идти на смерть, что, в конце концов, парализовало шахскую армию и привело шахский режим к крушению. Скочпол считает, что огромную роль сыграл шиитский ислам. Если либералы и левые (коммунисты) как потенциальные лидеры антишахского движения имели поддержку среди университетов, среди средних классов и организованного рабочего класса, то шиитское духовенство опиралось на большинство простых иранцев — мелких торговцев, ремесленников, неква-

лифицированных рабочих, безработных, а также сельских жителей. Муллы контролировали их через мечети, местные исламские суды, неформальные структуры народного образования и социального обеспечения. При шахе репрессии были направлены на светских оппозиционеров, что изолировало их от массы населения, и возникшие ниши были заняты шиитскими богословами. В связи с этим в 1977-78 центрами революционной мобилизации низшего и среднего класса были традиционные городские общины жилых районов, руководимые духовенством.

Шиизм как религиозное мировоззрение располагал значительными символическими ресурсами для оправдания сопротивления несправедливой власти, обосновывая роль духовенства как конкурента светской власти, как претендента на светскую власть. В вероучении шиизма в отличие от суннизма особую роль играет культ имамов — религиозных лидеров мусульманской общины. Согласно шиизму, имамы получают свою власть от Аллаха, они непогрешимы, их мнение по любому политическому или религиозному вопросу является авторитетом в высшей инстанции. В суннизме окончательное решение достигается общим согласием богословов и других авторитетных лиц, а в шиизме выносятся имамом.

Догматика шиизма предполагала, что в будущем должен вновь появиться на земле мессия-махди, который восстановит попорченную суннитами справедливость, в более широком плане — ликвидирует социальную несправедливость. Шииты ждали появления имама-махди, т.е. мессии. Большинство шиитов полагало, что этим мессией и спасителем мусульман станет двенадцатый имам — Абуль-Касым Мухаммад, родившийся в 869 году в Багдаде и исчезнувший в пятилетнем возрасте, который и был с точки зрения шиизма «скрытым имамом». Шиизм признавал притязания религиозных лидеров мусульман, т.е. духовенства на светскую власть. Согласно шиизму, власть делится между политическими и религиозными лидерами, и ни один из них не может претендовать на выражение воли «скрытого имама».

Главный религиозный миф шиизма — это миф о мученике Хусейна, павшего в неравном сражении с войсками суннитского халифа-узурпатора Язида. Но миф о Хусейне мог вести ско-

рее к смиренным обращениям к заступничеству Хусейна для обеспечения индивидуального спасения верующему, чем к коллективным актам мученичества в противостоянии несправедливой власти, замечает Скочпол. Политическое развитие Ирана нельзя было объяснить только шиизмом, скорее, наоборот – шиизм эволюционировал в зависимости от исторических событий. В XIX веке шиитское духовенство добилося независимости в финансовом отношении, став землевладельцами и сборщиками религиозных налогов, причем половина средств шла на содержание духовенства и студентов духовных учебных заведений, половина – на систему социального обеспечения, управляемой религиозными лидерами шиизма – аятоллами. Улемы (шиитские богословы) пользовались горячей поддержкой горожан. Уже в XIX веке в ответ на иностранное проникновение духовенство организовывало исламский «националистический» протест против прозападной политики правительств. При этом шиитское духовенство не было объединено в иерархию, основанную на дисциплине, и было сложным образом связано с землевладельцами-аристократами, вождями племен и патримониальными чиновниками. Некоторые улемы поддерживали реформистские движения, а другие – иранскую монархию как институт.

Но после разрыва шаха Пехлеви с духовенством оно полностью оказалось в оппозиции и, в конце концов, поддержало революцию. В 1960-1970 шахский режим использовал мощь государства и осуществлял модернизацию для атак ослабления позиций шиитского духовенства. Земельная реформа 1960-х годов лишила многих священнослужителей и религиозных институтов собственности и была нацелена на разрыв связей духовенства и высшего землевладельческого класса. Реформы в области образования, права и социальной сферы создали слой современных профессионалов, состоящих на государственной службе и выступавших в качестве конкурентов духовенству во всех его исторически значимых социальных функциях. Однако реформы шаха не коснулись некоторых традиционных центров религиозного образования (например, в Куме), которые теряли студентов, которые стремились получить светское высшее образование, а также обошли альянс духовенства и людей базара, которые продол-

жали добровольно платить религиозные налоги. Шах полагал, что старомодные улемы смиряются со своим удалением с социальной сцены, став безгласными жертвами модернизации. Но многочисленные улемы и их сокращающиеся, но все еще значительные по численности студенты ответили на политику шахского режима, обратившись к идеологии агрессивного и популистского исламского традиционализма. Аятолла Хомейни, высланный из Ирана в 1960-е годы, в изгнании начал проповедовать, что шах является агентом антиисламского иностранного империализма и призвал улемов воспользоваться своим правом на руководство мусульманским обществом в целях борьбы с несправедливой властью. Призывы Хомейни не только стали популярными среди студентов Кума и духовенства, но и распространились по сетям, связывавшим улемов и людей базара. Эти призывы с середины 1970-х вошли в резонанс с ростом широкого недовольства шахом и его политикой по наращиванию вооруженных сил и продаже нефти Западу, марионеточным подчинением курсу США и игнорированием интересов иранского народа.

С началом протестов против шахского режима сети и символы коммуникации шиитского духовенства и светских граждан способствовали организации народного сопротивления. Миф о Хусейне служил моделью оправдания борьбы против шаха как зла, как тиранического «Язида наших дней». Религиозные обряды и ритуалы, собрания, молитвы, праздники и похороны представляли собой формы для канализации массового политического действия против шаха. Даже светские иранцы присоединялись к акциям, проводимыми под религиозными знаменами, ибо Хомейни и духовенство призывало к противостоянию иностранцам. Молодые иранцы из среды базара могли найти вдохновение в мифе о Хусейне перед лицом репрессий шахского режима. Массовые демонстрации возглавлялись людьми, которые надевали белые саваны как символы их готовности к смерти во имя веры и народа. Толпы иранцев были готовы идти на кровопролитные столкновения с силами правопорядка. В этом иранские революционеры отличались от европейских. Акции протеста иранцев продолжались до тех пор, пока армия шаха не начала колебаться и отказываться стрелять в демонстрации. Войска шаха потеряли

способность быть орудием репрессий. Скочпол резюмирует: «Итак, шиитский ислам и в организационном, и в культурном отношении был критически важным фактором для осуществления иранской антишахской революции» [7, р. 279]. Формы общественной организации и основные мифы шиитского ислама помогли скоординировать массовое городское сопротивление и придать ему волю и стойкость перед лицом вооруженных репрессий.

В Иран революция не пришла, а была сделана, полагает Скочпол. В этом отличие иранской исламской революции от классических революций. Революция была сделана с помощью сети культурных и организационных форм, укорененных в коммунальных анклавах – центрах народного сопротивления шаху. «Сделанность» революции означает то, что культура населения оказалась способной бросить вызов властям, используя адекватные сети коммуникации и сопротивления масс. Сами по себе культура и сети коммуникации еще не диктовали массового революционного действия. Сложилась историческая констелляция, которая предполагала, что уязвимое государство столкнулось с оппозиционными социальными группами, располагавшими солидарностью, автономией и независимыми экономическими ресурсами и, кроме того, моральными символами и формами социальной коммуникации, характерными для шиитского ислама, что и сделало возможным осознанное осуществление революции. Не революционная пропаганда, брошенная вдруг в массы в условиях социального кризиса, а мировоззрение и сеть социальных практик масс смогли послужить опорой революционному движению в Иране.

После победы революции в 1979 надежды на развитие по либеральному, демократическому пути развеялись, поскольку у власти оказались религиозные лидеры. Шиитское духовенство оттеснило либералов и коммунистов, также боровшихся с шахом, от власти и подвергло их жестким репрессиям. Духовенство подчинило себе государство, а потом преобразовало его. Оно преобладало в парламенте (меджлисе) и контролировало исполнительную власть и репрессивные органы. Система исламского образования значительно расширилась, а иранские университеты были очищены от западного влияния. Исламские университеты пре-

вратились в центры судебной системы. Возможные конкуренты мулл – военные, чиновники, президент А. Банисадр – попали под контроль исламских судов, меджлиса и Исламской революционной партии. Скочпол отмечает, что создание исламского государства было не возвратом к традиции в Иране, а радикальной инновационной реформой. Хомейни и его последователи сыграли роль революционного авангарда, роль строителя нового государства и его контролера, аналогичную роли якобинцев в революционной Франции и коммунистов в России и Китае. Более того, улемы в этом отношении оказались более успешными, чем якобинцы, чья диктатура была недолговечной.

Скочпол отмечает, что успеху исламской революции и созданию нового государства благоприятствовали внешние условия. В отличие от случая революций во Франции и в России внешняя военная угроза была невысокой: Иран после 1979 вел единственную войну – войну против Ирака, который был относительно слабым государством. Иран граничил с единственной сверхдержавой – СССР, который в условиях противостояния с США, не был склонен нападать на Иран. В связи с этим Иран мог безбоязненно вести идеологическую полемику с США и СССР, трактуя их как «большого сатану» и «малого сатану» соответственно.

Не только геополитические позиции, но и ниша, занимаемая Ираном в мировой экономике, способствовала выживанию революционного исламского государства, которое продолжало экспортировать нефть и газ. Страна осталась государством-рантье, как и во времена шаха, но трансформировалась в популистское государство, ориентированное на социальное обеспечение населения. Иначе говоря, доходы от торговли нефтью и газом распределялись несколько более эгалитарно: улемы распределяли их в обмен на лояльность. Но при этом в первые годы после революции безработица оставалась высокой, экономика пребывала в стагнации. Власти исламского Ирана установили порядки, основанные на исламском пуританизме.

Статья Т. Скочпол была написана в 1982, и мы ныне, во втором десятилетии XXI века можем сказать, что в результате революции в Иране установился исламский режим, который оказался довольно устойчивым, поскольку смог

выдержать и противостояние с США, и многолетнюю войну с Ираком, и санкции Запада. Исламский режим после 1979 продолжал вести страну путем индустриализации и подвел его к порогу клуба ядерных держав, сделав его одной из наиболее мощных региональных держав мира. Вместе с тем, события 2013-2015 годов, связанные со сближением Ирана с Западом, показали, что представления о том, что Иран якобы намерен и может стать одним из полюсов мифического многополярного мира, являются нелепыми. Руководство шиитского Ирана стремится развивать свою страну в качестве субъекта глобальной экономики, приобретающего высокотехнологические товары и услуги у Запада и экспортирующего сырье и несложную продукцию. Следует резюмировать, что в Иране в результате исламской революции 1979 возникло не абсолютно своеобразное общество, а речь пошла о продолжении капиталистической модернизации и индустриализации Ирана, начатой шахом, но более умеренными темпами, с избеганием чрезмерной социальной дифференциации, потерей суверенитета и т.д. В этом смысле современный Иран является более капиталистической и индустриализованной страной, чем при шахе. Это означает, что шиитский ислам послужил идеологическим средством более приемлемого для страны варианта капиталистической модернизации и индустриализации. Это означает, что после 1979 мир базара, ставший основой поддержки исламской революции, неизбежно продолжал руинироваться, но не столь радикально и быстро, как при шахе. Несомненно и то, что будет подрываться и гегемония шиитского духовенства. Но процесс модернизации и индустриализации Ирана все еще не завершен, и для его завершения страна нуждается во включении в мировое разделение труда, в глобальное общество в качестве суверенной капиталистической страны.

Итак, Теда Скокпол, создавая концепцию исламской революции в Иране, попыталась применить свою концепцию социальных революций к специфическому частному случаю. Мышление исследователя в этом случае двигалось от общего к единичному. Скокпол выявила единство тождества и различия классических соци-

альных революций и исламской революции в Иране. Иранская революция отличалась от классических революций тем, что, с одной стороны, репрессивный аппарат дореволюционного режима не был ослаблен в силу внешних конфликтов, с другой – революционные силы смогли мобилизоваться благодаря религиозной идеологии и связанным с ней формам институционализации. Скокпол в структуралистском духе скорректировала свою структуралистскую концепцию социальных революций применительно к казусу исламской революции в Иране. Значение концепции иранской революции Т. Скокпол заключается и в том, что она, обращаясь к изучению современных событий, показала то, что объяснительный потенциал исторической социологии применим не только для понимания прошлого, но и для анализа настоящего и прогнозирования будущего.

Литература

1. Грязнова О.К. Теда Скокпол: феномен революции в структуралистской перспективе // Человек. Сообщество. Управление. 2007, №4.
2. Епархина О.В. Социальная революция в фокусе исторической социологии. Ярославль: Литера, 2011.
3. Епархина О.В. Социоструктурные трансформации в работах Т. Скокпол // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010, № 3.
4. Карасев Д.Ю. Современные зарубежные теории социальных революций: социологический анализ. Дисс. на соискание ученой степени канд. соц. наук, М.: 2015.
5. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М.: Логос, 2002.
6. Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
7. Skocpol T. Rentier State and Shi'a Islam in the Iranian Revolution // Theory and Society, Vol. 11, № 3, (May, 1982), pp. 265-283.

Ссылки:

- 1 Временные границы революций определены Т. Скокпол.

Экокритика как литературное течение в современной литературной критике на рубеже XX–XXI вв.

Краснова Т.В.

Статья посвящена определению экокритики как нового течения в современной литературной критике, этапам ее формирования, определению сферы ее интересов и перспектив развития.

Ключевые слова: Экология, критика, литературоведение, человек и природа.

Krasnova T.V.

Ecocriticism: a new trend in modern literary criticism in the late 20 – early 21 century

The article is devoted to the definition of Ecocriticism as a new trend in modern literary criticism, to the main stages of its formation, the field of its expertise and the perspective of its development.

Keywords: Ecology, environment, literary criticism, nature

Возникновением самого термина 'ecocriticism', или «экокритика», как мы будем называть его в дальнейшем, мы обязаны трем американским ученым, практически одновременно опубликовавшим две основополагающие для этого направления работы: Черил Глотфелти и Гарольду Фромму, выпустившим в свет 'The Ecocriticism Reader', и Лоренсу Беллу, опубликовавшему свой труд 'The Environmental Imagination'.

Естественно, первые попытки обратить внимание читающей публики на проблемы экологии предпринимались с давних пор. Первые из таких работ можно отнести к 60-м годам прошлого века, к всплеску «зеленого» движения. Но вплоть до конца восьмидесятых годов авторы, писавшие на эти темы, работали разрозненно, не объединяясь ни в какие группы.

Парадоксально то, что, до недавней поры проблема экологического кризиса практически оставалась вне области интересов литературной критики.

В предисловии к сборнику 'The Ecocriticism Reader' Гарольд Фромм и Черил Глотфелти пишут: «Если бы вы попытались составить представление об окружающем мире, опираясь на анализ того, о чем толкует современная литература и критика, вы пришли бы к заключению, что человечество в 20-начале 21 века, в основном, волнуют три группы проблем: расовые, классовые и гендерные. Но вы ни на минуту не заподозрили бы, что такая проблема, как глобальный экологический кризис вообще стоит на повестке дня».

В действительности, проблема экологии не только существует, но и является одной из основных проблем, которые должно решить человечество, вошедшее в третье тысячелетие.

Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно просмотреть подшивки газет и журналов с конца восьмидесятых годов прошлого века до наших дней.

Приведем только два примера. В 1989 году проект известного журналиста и общественно-го деятеля Крейга Каснофа (Craig Kasnoff) 'The Endangered Earth' (<http://www.endangereearth.com>), посвященный исчезающим видам животных, был отмечен в номинации «Проект Года» журналом *Times*.

В 1992 году группа журналистов газеты 'The Washington Post' под руководством Сары Коэн получила награду *Selden Ring Award for Investigative Reporting* за серию публикаций о превышении предельно допустимой концентрации свинца в водопроводной воде в Вашингтоне. Группа написала более 200 статей, в результате которых был снят с должности глава городского департамента здравоохранения, и были приняты серьезные практические меры по нормализации ситуации.

Мы намеренно приводим в пример такие, казалось бы, частные случаи, и не заостряем специального внимания на темах, о которых без конца писали газеты и журналы этого времени. Достаточно упомянуть проблемы истребления экваториальных лесов, уничтожение озонового слоя планеты, Чернобыльскую катастрофу...

Несмотря на то, что проблемы экологии волнуют человечество, вплоть до недавнего времени эта обеспокоенность не находила отражения в литературной критике.

Наконец, в середине восьмидесятых годов прошлого века стали появляться первые объединения молодых литературоведов и литкритиков, заинтересованных в проблемах экологии. В 1985 году Frederick O. Waage опубликовал под своей редакцией сборник '*Teaching Environmental Literature*', в котором девятнадцать ученых изложили свое видение проблемы экологии в современной литературе.

В 1989 году Alicia Nitecki основала бюллетень *The American Nature Writing Newsletter*, в котором публикуются краткие эссе и обзоры книжных новинок, посвященных проблемам окружающей среды.

В 1990 году в университете в Рино, штат Невада, была основана первая кафедра экокритики.

Наконец, в 1991 году по инициативе Гарольда Фромма была создана Ассоциация Изучения

Литературы и Окружающей Среды (Association for the Study of Literature and Environment, ASLE). Эту дату можно условно считать датой возникновения экокритики как направления литературной критики, изучающего взаимодействие человека и окружающей среды в контексте литературы.

Принято считать, что к 1993 году экокритика стала вполне узнаваемой критической школой.

Так что же такое экокритика?

В самом прямом и простом смысле — изучение взаимодействия между литературой и окружающей средой, физическим миром и человеческой культурой.

Принято сравнивать экологический подход к литературе с такими известными подходами, как марксистский подход, или феминистский подход.

Что касается марксистского подхода к литературе, позволим себе процитировать небольшой отрывок из статьи Цейтлина, опубликованной в Литературной Энциклопедии, изданной в 1929-1939 годах:

«Художественная литература — это особая форма классового сознания, средством выражения которого являются словесные образы».

«Существеннейшей задачей литературоведения является установление зависимости фактов литературы от фактов классового бытия и смежных форм классового сознания, установление корней литературных фактов в социально-экономической действительности, обусловившей их появление. Важнейшей задачей науки о литературе должно быть установление того класса, выражением идеологических тенденций которого явилось данное произведение. Диалектико-материалистическое изучение литературы требует, как писал Плеханов, «перевода идеи данного художественного произведения с языка искусства на язык социологии, нахождения того, что может быть названо социологическим эквивалентом данного литературного произведения»

Как мы видим, марксистский подход рассматривает литературу с точки зрения класса.

Феминистский подход рассматривает литературу с точки зрения гендера.

Известная американская писательница и феминистка Lisa Tuttle пишет, что этот подход к литкритике ставит «новые вопросы перед ста-

рыми текстами». Она определила основные задачи феминистской критики следующим образом:

1. Рассмотрение и подробный анализ женской традиции в литературе.
2. Интерпретация символики в женской литературе, которая прежде рассматривалась исключительно с мужской точки зрения.
3. Новое прочтение старых текстов.
4. Анализ собственно женской литературы, и литературы о женских вопросах с феминистской точки зрения.
5. Противостояние сексизму в литературе.
6. Повышение уровня гендерного сознания в литературном языке и стиле.

Другая известная писательница, феминистка и общественный деятель, профессор Elaine Showalter в своем труде 'Toward a Feminist Poetics' выделила три чрезвычайно важных стадии, три этапа, три фазы формирования феминистского подхода к литературной критике:

1. Feminine (1840-1880), этап, когда женщины стали писать, в попытке воспроизвести литературные и интеллектуальные достижения мужской культуры, пытаясь имитировать отношение этой культуры к самой женской природе, писать так, «как пишут мужчины».

2. Feminist (1880-1920) — это этап, на котором женщины начали протестовать против исключительного мужского доминирования в обществе и политике, отстаивая свои права.

3. Female — это фаза, начавшаяся с 20-х годов прошлого века. Это этап само-осознания, когда, по словам Showalter, «женщины отвергают как подражание, так и протест — как разные формы одной зависимости — и обращаются вместо этого к женскому опыту как источнику автономного творчества, расширяя феминистский анализ культуры в целом до анализа формы и техники в литературе».

Приблизительно по такому же принципу рассматривает этапы своего формирования и экокритика.

На **первой стадии** экокритика рассматривает сам образ природы, то, как она представлена в литературном произведении, какие стереотипы применимы к ее описаниям. Описывается ли она как некий рай, некая Аркадия, или, напротив, как некая враждебная сила; присутствует ли ее описание в произведении, и если отсутствует, то с чем это связано, и так далее.

Например, один из представителей этого течения литкритики Саймон Эсток посвятил свою работу изучению произведений Шекспира с точки зрения экокритика. Известна его работа «Шекспир и экокритика»

На **второй экологической критике** рассматривает произведения, где природа является не фоном, а основным действующим лицом, центральной темой произведения.

Чрезвычайно важной для этого этапа была, например, книга выдающегося английского натуралиста и орнитолога Гилберта Уайта, опубликованная впервые в 1789 году, «*The Natural History and Antiquities of Selborne*», или просто «*The Natural History of Selborne*». Книга представляет собой сборник из 44 писем автора ведущему английскому зоологу Томасу Пеннату, и 66 писем юристу Дейнзу Баррингтону, в которых он описывает природу и фауну Хемпшира. Уайта считают одним из первых английских экологов.

На **третьем** этапе экокритика входит в свою теоретическую фазу.

Литературоведение начинает заниматься сложными теоретическими проблемами. Например, тем, как литературный дискурс определяет человека как такового? Какую роль играет антропоцентризм в формировании и развитии человеческой цивилизации? Как разделяется в литературном сознании человек от формирующих его природных факторов? В случае применения феминистского подхода наравне с экологически — как связаны, к примеру, проблемы отношения к женщине и отношения к природе.

Таким образом, мы можем определить экокритику как область гуманитарной науки, занимающуюся проблемами взаимоотношения человека и окружающей среды, эволюцией взаимоотношений человека с природой, восприятия окружающей среды в современной поп-культуре, литературе, средствах массовой информации, в рекламе, дизайне, и так далее.

Создатели этого направления намеренно стараются максимально расширить границы своей дисциплины.

Один из лидеров экологического движения 20 века Барри Коммонер сформулировал основной закон экологии следующим образом: «Всё связано со всем!»

Роль экокритики в современной гуманитарной науке уже достаточно велика, и будет, несомненно, расти с течением времени.

В России это движение только зарождается, несмотря на то, что в русской и советской литературе тема природы, а позже и тема экологии играли огромную роль.

Прежде всего, это происходит потому, что необходимость немедленного решения экологических проблем становится все более очевидна.

Решение любой проблемы, как мы понимаем, начинается с ее постановки. Без кардинального изменения в сознании человека, в его восприятии мира, никакие практические шаги невозможны.

Литература

1. Stephen Greenblatt, Giles Gunn, "Redrawing the Boundaries: The Transformation of English and American Literary Studies" (New York: MLA, 1992)
2. Elaine Showalter, "Introduction: The Feminist Critical Revolution," *The New Feminist Criticism: Essays on Women, Literature and Theory* (New York: Pantheon, 1985)
3. Garrard, Greg, *Ecocriticism*. (New York: Routledge, 2004)
4. Glotfelty, Cheryl and Harold Fromm (Eds). *The Ecocriticism Reader: Landmarks in Literary Ecology*. (Athens and London: University of Georgia, 1996)

Российская интеллектуальная образованщина и проблемы реформирования высшей школы

Кулапов М.Н., Сергеев П.А.

Проблемы функционирования высшей школы в значительной мере определяют перспективы национального развития. Именно поэтому ее модернизация становится актуальной проблемой на современном этапе. На основе обобщения и анализа почти 300-летнего исторического опыта Российской академии наук по управлению наукой и образованием, научному обеспечению управленческих решений, развитию народного хозяйства выявлены принципы обеспечения высокого уровня профессиональной подготовки специалистов, предложены меры по совершенствованию современного высшего образования на основе интеграции учебного и научного процессов. Осуществлена попытка вскрыть ментальные корни системно возникающих в российском обществе проблем неудач в реформировании отечественного образования, связанные в значительной степени с традициями формирования и спецификой отечественной интеллигенции. Не говоря уже о вытекающем из этих же явлений опять же системного принципа «остаточного» финансирования отечественного образования на фоне «слепого» копирования опыта реформирования зарубежного образования.

Ключевые слова: Устав Российской Академии наук, национальные научные библиотеки, знание, общество, интеллигенция, университет, образование, школа, специалисты, Дума.

Kulapov M.N., Sergeyev P.A.

Russian intellectual obrazovanshchina and problems of reforming of the higher school

Problems of functioning of the higher school considerably determine prospects of national development. For this reason its upgrade becomes an actual problem at the present stage. On the basis of generalization and the analysis of almost 300 years' historical experiment of the Russian Academy of Sciences on management of science and education, to scientific ensuring management decisions, development of a national economy the principles of providing the high professional training level of specialists are revealed, measures for enhancement of modern higher education on the basis of integration of educational and scientific processes are proposed. Attempt to open mental roots systemically of the problems of failures arising in the Russian society in reforming of domestic education, the forming connected substantially with traditions and specifics of the domestic intellectuals is performed. Not to mention following from the same phenomena besides of the system principle of «residual» financing of domestic education against «blind» copying of experience of reforming of foreign education.

Keywords: Charter of the Russian Academy of Sciences, national scientific libraries, knowledge, society, intellectuals, university, education, school, specialists, Duma

Современная экономика любой страны закономерно образом базируется на использовании накопленных ранее ресурсов, в том числе и интеллектуальных. Однако старые запасы знаний оказываются недостаточными при наблюдаемом в XXI веке беспримерном расширении общественной и хозяйственной деятельности, а их интенсивного обновления в полной мере пока не происходит.

Уровень развития народного хозяйства во многом определяется проблемами развития науки и высшей школы, да и образования в целом. Именно поэтому их состояние и перспективы развития всегда являются предметом самого пристального общественного внимания.

Наиболее существенными, и одновременно традиционными, научно-методическими проблемами, стоящими на современном этапе перед высшей школой в части подготовки специалистов являются:

- обеспечение соответствия содержания учебных программ актуальным проблемам развития современного общества и новым технологическим тенденциям;

- привлечение специалистов-практиков и академических кадров к преподавательской деятельности, (как это было изначально заложено при формировании Российской академии наук при Петре Первом);

- разгрузка программ и учебных планов от второстепенной информации в пользу фундаментальных знаний и навыков практической деятельности, что в противном случае:

- а) неоправданно увеличивает количество учебных часов и наносит урон здоровью студентов;

- б) ведет к снижению качества обучения, поскольку слишком резко увеличивает его интенсивность.

Практика показывает, что пренебрежение этими проблемами ведет к отдалению результатов высшего образования от требований работодателей, необоснованно повышает потреб-

ность в переподготовке на рабочем месте и увеличивает период адаптации в трудовом коллективе. Важно отметить, что основные задачи средней и высшей школы по подготовке квалифицированных специалистов в своей концептуальной части остаются в значительной мере аналогичными тем, которые ставились перед ними со времен промышленной революции. Это, прежде всего, потребность в таком теоретическом уровне подготовки, который соответствует передовым научным достижениям: он должен органично сочетаться с профессиональными навыками, обеспечивающими возможность без дополнительной подготовки (переподготовки) работать по избранной специальности.

Закономерным образом проблема определенной оторванности знаний выпускников высшей школы от потребностей хозяйственной практики всегда была предметом общественного внимания. Так, занимаясь реорганизацией Горного училища в Горный кадетский корпус химик и минералог А.А.Мусин-Пушкин (1760-1805) отмечал в своей записке, что оно выпускает «незрелых еще питомцев в горные офицеры, которые и привозят с собой на заводы не что иное, как поверхность слегка схваченных познаний и надменность, несовершенству в оных свойственную, не имея же никакой опытности в хозяйстве заводском и едва ли какую в тех отраслях горных наук, которые с оным нераздельны, соделываются к служению своему малоспособными, вскоре скучают оные и многие покидают его к явному ущербу сего рода службы, не столько отбытием своим из оной, как в отношении бесполезного воспитания их на таковое служение втуне приготавливавшегося» [В.Г.Горюхов, 1987. С.124].

Для преодоления негативной тенденции отдаления учебных заведений от потребностей хозяйственной практики практически везде применялось испытанное средство - руководство учебным процессом поручалось ученым-практикам, имеющим крупные научные и технические достижения.

Так, «отец русской авиации» Н.Е.Жуковский (1847-1921) преподавал механику не только в университете, но и в Высшем техническом училище, консультировал инженеров, осуществлял экспертизу многих инженерных проектов, решал важные инженерные задачи¹. Великий математик Н.И.Лобачевский (1792-1856) был про-

фессором, деканом физико-математического факультета и ректором Казанского университета. Всемирно известный ученый Д.И.Менделеев (1834-1907), автор фундаментальных исследований по химии, химической технологии, физике, минералогии, воздухоплаванию, метеорологии, сельскому хозяйству, экономике, народному просвещению, другим наукам и научным дисциплинам, имел множество промышленных изобретений, был профессором Петербургского университета. Один из крупнейших физиков XX века, Н.Бор (1885-1962), лауреат Нобелевской премии по физике (1922) в 1916 г. был избран заведующим кафедрой теоретической физики Копенгагенского университета. Имевший свыше тысячи изобретений Т.Эдисон (1847-1931) - организатор первой американской промышленно-исследовательской лаборатории (1872г., Менло-Парк). К сожалению, информация о подобных ученых-современниках крайне скудна при отсутствии попыток со стороны госаппарата сделать её известной, объективной и системной.

Вовлечение ученых-практиков и специалистов в учебный процесс на всех его стадиях в высшей степени важно и с точки зрения эффективного распространения передовых знаний. Так, в книге академика В.И.Вернадского (1863-1945) «Научная мысль как планетное явление» (1937-1938), природа, человеческое общество, научная мысль рассматривается в неразделимом единстве, а научная мысль, наука, рассматриваются и анализируются как важнейшая сила преобразования общества и природы. Касаясь особенностей XX века, В.И.Вернадский отмечает, прежде всего, бум научного творчества и мощный рост научного знания. Причем «научная работа ... требует благоприятной среды для развития, и это достигается широчайшей популяризацией научного знания, преобладания его в школьном образовании ... освобождению его от всякой рутины» [В.И.Вернадский, 1991. С.80].

В России этот процесс принимал в разные исторические периоды различные организационные формы, что связано, прежде всего, с объективно сложившимся значительным научным и культурным отставанием страны от государств Европы. Так, например, к моменту образования в России Академии наук и художеств² в ряде европейских стран уже давно (по 300-500 и более лет назад) успешно существовали и ра-

ботали университеты и национальные научные библиотеки.

Помимо старейших в Европе Болонского и Парижского (1200 г.) университетов это были: Кембриджский университет (1209 г.); Сорбонна (1215 г.); Карлов университет (Прага, 1348 г.); Ягеллонский университет (Краков, 1364 г.); Венский университет (1365 г.); университет им. Карла Рупрехта (Гейдельберг, 1386 г.) и ряд других. Ведущие университеты России появились значительно позже³: Московский – в 1755 г.; Казанский – в 1804 г.; Санкт-Петербургский – в 1819 г. Не менее почтенный возраст имеют в Европе и национальные научные библиотеки. Так, Национальная библиотека Франции основана примерно в 1368 г.; Австрийская национальная библиотека – в 1526 г.; Баварская государственная библиотека (Мюнхен) – в 1558 г.; Университетская библиотека (Амстердам) – в 1578 г. Естественно, что созданные гораздо раньше, чем в России, образовательные системы и научные структуры обусловили и передовые научные, технологические и промышленные достижения.

Так, к 1725 г. уже были созданы основы аналитической геометрии (П. де Ферма, Р. Декарт, 1637 г.); открыта дифракция и интерференция света (Ф.М. Гримальди, 1660 г.); введено понятие химического элемента (Р. Бойль, 1661 г.); исчислена скорость света (О. Рёмер, 1676 г.) и создана его волновая теория (Х. Гюйгенс, 1690 г.).

Очевидно, что наверстывать упущенное, тем более за сотни лет было весьма непросто, и сохранение передовых рубежей, на которые в XX веке все же вышла российская наука – жизненно необходимо. Ещё и неистребимая до сих пор в своей массе, отмеченная Н.А. Бердяевым национальная черта «Консерватизм и косность в основном душевном укладе у нас соединялись с склонностью к новинкам, к последним европейским течениям, которые никогда не усваивались глубоко.» (www.vehi.net/vehi/berdyayev.html)

Важно отметить, что уже в ходе первого академического реформирования проблемам связи науки с хозяйственной практикой и сферой образования было уделено первостепенное внимание. Так, в регламенте Императорской Академии наук 1803 г. (параграф 2) ее практические задачи формулировались следующим образом: «К обязанностям общим ей с другими Академиями присоединяется должность непосредствен-

но обращать труды свои в пользу России, распространяя познания естественных произведений империи, изыскивая средства к умножению таких, кои составляют предмет народной промышленности и торговли, к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художеств – сих источников богатства и силы государства». Задачи Академии в части просвещения конкретизировались в параграфе 8 следующим образом: «Академия, имея сама деятельное участие в распространении полезных знаний, может входить во всё, касающееся до просвещения. На сей конец она должна быть в сношении со всеми университетами в империи, которые со своей стороны будут относиться к ней во всех случаях, где может быть полезно ее содействие или советы. Академия со своей стороны будет относиться в университеты касательно всех нужных известий, сведений и естественных предметов их округа, также об учениках, кои окажутся способными быть академическими воспитанниками» [История..., 1964. Т.2. 664, 665].

На следующем этапе преобразований Императорской Санкт-Петербургской Академии наук в уставе 1836 г. ее задачи в части народного просвещения и развития народного хозяйства были сформулированы в параграфах 2 и 3 еще более четко: «Обязанности Академии наук относятся вообще к следующим главнейшим предметам: а) Она старается расширять пределы всякого рода полезных человечеству знаний, совершенствуя и обогащая оные новыми открытиями. б) Она имеет попечение о распространении просвещения вообще и о направлении оно-го ко благу общему. в) Она старается приспособлять полезные теории и следствия опытов и ученых наблюдений к практическому употреблению» (параграф 2).

При этом «Академии подлежит обращать труды свои непосредственно в пользу России, распространяя познания о естественных произведениях Империи, изыскивая средства к умножению таких, кои составляют предмет народной промышленности и торговли, и к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художеств, как источников богатства и силы Государства» (параграф 3).

Проблема практического использования научных достижений и участия в образовательном процессе конкретизировалась в параграфах 7 и 8 устава следующим образом: «Акаде-

мия обязана доводить до сведения правительства всякое сделанное ее членом или иностранным членом открытие, коего приспособление к практике может с какой-либо стороны быть полезно, или для сохранения здоровья жителей, или для усовершенствования промышленности, искусств, фабрик, мануфактур, торговли, мореплавания и проч[ее]. В подобных случаях она обращается прямо в то место, где может непосредственно сделать употребление из такого открытия» (параграф 7). «Академия может входить во всё, касающееся до просвещения. На сей конец она должна быть в сношении со всеми университетами в империи для получения нужных сведений о естественных предметах их округов и проч[ее]; университеты же со своей стороны относятся к ней во всех случаях, где может быть полезно ее содействие или совет» (параграф 8) [История..., 1964. Т.2. С.664, 665, 668; Ю.С. Осипов, 1999. С.196, 201].

Таким образом, высшее образование в России с самого начала было организовано так, что постоянно обогащалось притоком новейших научных знаний (в том числе и практического характера), поскольку ученые Академии, в разных организационных формах консультируя промышленность, одновременно преподавали в университетах, а также писали для них учебники и учебные пособия. С другой стороны, такая их деятельность была весьма полезна для Академии, так как позволяла своевременно выявлять и приглашать для работы в науке наиболее талантливую молодежь.

Важно отметить, что и в советское время связь науки с хозяйственной и образовательной деятельностью была целевым ориентиром ее развития. С 1918 г. в системе Академии начали создаваться научно-исследовательские институты [Ю.С. Осипов, 1999. С.49]. До 1925 г. Академия наук находилась в ведении Главного управления научных учреждений (Главнауки) Народного Комиссариата просвещения РСФСР. Однако пребывание в составе подведомственных Наркомпросу учреждений не позволяло оперативно решать многие научно-практические вопросы. Поэтому Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27.07.1925 г. Академия наук была признана высшим научным учреждением страны, оказалась в непосредственном подчинении СНК СССР, а 18.07.1927 г. им был утвержден первый советский устав Академии наук СССР.

То есть и на этом, одном из самых сложных этапов своего развития, академическая наука сохраняла свою лидирующую роль в интеллектуальном развитии общества. Основной задачей Академии теперь становилось обеспечение более устойчивой и результативной связи науки с практикой. В соответствии с новым уставом ей следовало:

а) развивать и совершенствовать научные дисциплины, входящие в круг ее ведения, обогащая их новыми открытиями и методами исследования;

б) изучать естественные производительные силы страны и содействовать их использованию;

в) применять научные теории и результаты научных опытов и наблюдений к практическому использованию в промышленности и культурно-экономическом строительстве СССР [Г.Д. Комков и др., 1977. Т.2. С.53].

Академический устав 1927 г. просуществовал до 1930 г., когда руководство всеми научными учреждениями общесоюзного значения было возложено на Комитет по заведованию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 26.03.1930 г. Академия наук СССР была передана в ведение этого комитета, а 23.05.1930 г. был утвержден ее новый устав. Этот устав возложил на Академию наук новую важную функцию - координировать научные исследования с работами других научно-исследовательских учреждений страны, «распространяя влияние теоретических достижений и на практически работающие учреждения и организации Союза» (Г.Д. Комков и др., 1977. Т.2. С.56).

Для обеспечения более тесной и эффективной работы с наркоматами и Госпланом, 14.12.1933 г. ЦИК СССР принял постановление «О передаче Академии наук СССР в ведение СНК СССР», а постановлением СНК СССР от 25 апреля 1934 г. Академия наук переводилась из Ленинграда в Москву.

Важно отметить, что в Академии были сосредоточены не только теоретические, но и прикладные науки. Именно это положение было закреплено в ее уставе 1935 г., который обязывал вести комплексную разработку крупных научных проблем; изучать природные богатства и производительные силы страны, зарубежные культурные и экономические достижения для

рационального их использования; обеспечивать высшие правительственные органы СССР научной экспертизой; готовить научные кадры; содействовать повышению квалификации научных работников СССР. Устав характеризовал Академию наук как совершенно новый тип научного учреждения, являющегося важнейшим государственным органом.

Последующее ухудшение дел в науке и организации в 1960-х годах было связано с организационной перестройкой Академии наук, которая была проведена в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 3.04.1961 г. «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР». Согласно этому документу, наряду с созданием Госкомитета по координации научно-исследовательских работ (в 1965 г. преобразован в Госкомитет Совмина СССР по науке и технике), на Академию наук было возложено руководство теоретическими исследованиями преимущественно в области естественных и общественных наук. В связи с этим ее научные учреждения (примерно половина их количества, в которых была занята примерно треть всех сотрудников) были отстранены от разработки отраслевой технико-технологической тематики и переданы в соответствующие министерства и ведомства, где закономерным образом постепенно растеряли свой научный потенциал (хотя формально Академия наук сохраняла научно-методическое руководство их деятельностью). Негативные последствия этого решения во многом ощущаются и в настоящее время.

На юбилейных торжествах, посвященных 275-летию Российской академии наук (4 июня 1999 г.) тогдашний ее президент академик Ю.С. Осипов отметил, что «настоящее положение Российской академии наук противоречиво. Оставаясь хранителем вековых научных традиций, обладая уникальным составом ученых, создающих весомую часть российского интеллектуального потенциала, Академия сегодня во многих своих проявлениях не востребована российским обществом. И это – отражение бедственного состояния российской цивилизации в целом, поскольку Российская академия наук в неразрывном единстве с университетами в течение 275 лет являлась ее индикатором, в известной мере создателем и интеллектуальным вдох-

новителем. Печально, что интересы и вкусы некоторой влиятельной части современного общества, отказавшейся от извечных гуманистических идеалов и традиций российского общества, пытаются растлить сегодня и российскую науку, ставят под сомнение ее нужность, ее связь с Отечеством, ее способность к вдохновенному и самоотверженному труду» [Ю.С. Осипов, 1999. С.14-15].

Проходящая в настоящее время реформа РАН сталкивается с целым рядом сложных проблем⁴, ситуация в образовательной сфере все чаще получает негативную общественную оценку. Так, в ходе «Гайдаровского форума -2016» предметом обсуждения стали результаты реформы образования. Касаясь проблемы отставания России в технологической сфере, глава Сбербанка Г.Греф отметил, что «ни одного государства, ни одного человека, ни одной компании не останется вне этой технологической революции. Это нужно осознать и осознать системные последствия для всех без исключения. Кто хочет остаться в тренде, не хочет быть дауншифтером... Ключевая роль в этом процессе... - это образование, от детских садов до вузов. Вся модель образования должна быть изменена. Должно быть радикально изменено онлайн-образование, которое такое же, как традиционное... На мой взгляд, и те, и другие лузеры»

Важно отметить, что реформаторский чиновнический зуд существует не сам по себе, а тесно связан и определяется исторической спецификой российской бюрократии. Так, вскрывая причины крушения Императорской России, один из величайших мировых философов И.А.Ильин в качестве болезни, которая в начале XX века завершила ее уничтожение, назвал воинствующее безбожие, террористический социализм, вселенское властолюбие, указав, что недуг имеет западноевропейское происхождение. При этом «русская национальная интеллигенция⁵ не понимала своего народа, не разумела его монархического правосознания, не умела его верно вести и отвернулась от своих государей. И еще: по невежеству, ребячьей доверчивости (*фабрики - рабочим, землю - крестьянам – авт.*) и имущественной жадности народной массы. И, что немаловажно: по недостатку волевого элемента в русском Православии последних двух веков» [И.А.Ильин, 1993. Т.2. С.197].

Когда писателю Л.Н. Гумилеву, во многом олицетворявшем совесть отечественной культуры и нравственность научной деятельности, задали вопрос: «Лев Николаевич, вы – интеллигент?», последовал весьма необычный ответ: «Боже меня сохрани. Нынешняя интеллигенция – это такая духовная секта. Что характерно: ничего не знают, ничего не умеют, но обо всем судят и совершенно не приемлют инакомыслия»

В предисловии к Сборнику статей о русской интеллигенции (авторское предисловие М.О. Гершензона) (www.vehi.net/vehi/intro.html) отмечается то, что 1905-1906 гг. и последующие события поставили под сомнения традиционные мировоззрения, принимавшиеся на веру. Автор главной статьи этого сборника «Философская истина и интеллигентская правда» Н.А.Бердяев уже во втором ее абзаце излагает свое отношение к интеллигенции XIX, которое используемым им термином говорит само за себя: «Высокую философскую культуру можно было встретить лишь у отдельных личностей, которые тем самым уже выделялись из мира **«интеллигентщины»**». (www.vehi.net/vehi/berdyayev.html)

Далее Н.Бердяев указывает на то, что именно направлением воли создана традиционная, упорная интеллигентская среда, «принявшая в свою плоть и кровь народническое мирозерцание и утилитарную оценку», и что «времена народнического мракобесия прошли давно, а бацилла осталась в крови». То есть защитников безусловного и независимого знания, как начала, возвышающегося над общественной злобой дня, все еще подозревают в реакционности. Далее обнаруживается еще одна не менее актуальная мысль: «И этому неуважению к святыне знания немало способствовала всегда деятельность министерства народного просвещения. Политический абсолютизм и тут настолько искадил душу передовой интеллигенции, что новый дух лишь с трудом пробивается в сознание молодежи».

В этой связи весьма характерна его оценка личности В.Белинского, которого Н.Бердяев считал «отцом русской интеллигенции»: плохо знал философию и не обладал философским методом мышления, но его всю жизнь мучали проклятые вопросы, вопросы порядка мирового и философского.

В статье под названием «Те, кто против» [ж.Оракул.....] наш современник П.Журавель

достаточно подробно исследует (правда в аспекте ролевых игр) эволюцию активного этапа, оказавшего влияние на формирование нескольких поколений русской интеллигенции. Так, свойственная русским эмоциональность в стиле «размышляху» накопила и реализовала в первой половине XIX столетия стремления пойти в народ. Одним из результатов стало то, что в одной университетской аудитории с аристократами оказались выходцы из низших сословий (крестьян и мещан), закономерно подвергаемые унижениям как не знавшие правил аристократического этикета.

И один из трех основных законов философии (переход количества в качество) сработал безукоризненно – накопившаяся и окрепшая обида проявилась в конце 1850-х годов. Налицо было проявление не единичного, а сословного протеста, выразившееся в подчеркнутой вопиющей внешней неопрятности и грубости в обращении (в дальнейшем это реализовалось в «специфике» работы 1-й Государственной Думы).

Такое поведение трактовалось тогда как свобода личности от сословных предрассудков, а носители этих устоев, по авторству Н.Г. Чернышевского, именовались как «новые люди», нигилисты, отрицавшие напрочь культуру, искусство, веру в Бога. И регламентом этого нигилизма оказался не подвергнутый разгромной критике роман И.С.Тургенева «Отцы и дети», а сотворенное в казематах Петропавловской крепости произведение того же Н.Г. Чернышевского «Что делать». Именно по этому «учебнику» нигилизма целые поколения новых людей как в жизненном спектакле начали массовую ролевую игру.

В частности, как пишет в своей статье П. Журавель, «среди нигилистов фактивно жениться на девушке обозначалось словом «лечить». Барышни, желавшие сбежать из-под родительской опеки, искали себе таких «врачей». И, как правило, находили. Например, Софья Ковалевская, прожила всю жизнь под знаком романа Чернышевского в попытке построить ее (жизнь) по книге. «Тройственному семейному союзу героев романа пытались подражать «Ленин, Крупская и Арманд», «Маяковский с Лилей и Осипом Брик» и многие тысячи менее известных воспитанников знакового творения «духовного отца» русской интеллигенции Н.Г.Чернышевского. Да

уж чего греха таить, поколение обучавшихся в советской школе в 1960-70-х годах, вынуждены были чуть не наизусть учить «четвертый сон Веры Павловны» для последующей его трансформации в тысячи посвященных этому сну советских школьных сочинений. (Ну чем не системная «промывка» мозгов – но ради чего?)

«Нигилистический морализм есть основная и глубочайшая черта духовной физиономии русского интеллигента - утверждает С.Л. Франк (www.vehi.net/vehi/frank.html) в статье «Этика нигилизма». Жизнь не имеет никакого объективного, внутреннего смысла; единственное благо, что в ней есть материальная обеспеченность, удовлетворение субъективных потребностей». Все, что отвлекает от этого, должно быть беспощадно уничтожено.

Анализируя роль и значение образовательной прослойки российского общества с XVI века, П.Б. Струве приходит к выводу, что идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенчество, ее отчуждение от государства (российского) и враждебность к нему (П. Струве, «Интеллигенция и революция», www.vehi.net/vehi/struve.html). Причем именно это отщепенчество, выступая в двух видах - абсолютное (анархизм) и относительное (радикализм), в эмоциональном российском обществе обеспечили объективное противостояние национально-адаптированной системе народного образования.

Противовесом разрушительным тенденциям невежества и нигилизма в образовании может стать проверенный веками позитивный опыт Российской академии наук по обеспечению профессиональной подготовки специалистов. На его основе можно сформулировать основные принципы совершенствования современного учебного процесса для высшей школы и образования в целом, в том числе:

1) определение концепции и структуры учебных планов, содержания телепрограмм и учебных фильмов, интернет-порталов, совершенствование научно-методической и учебной литературы должно в полной мере осуществляться, прежде всего, ведущими научными коллективами и учеными страны, работающих в академических НИИ и университетах;

2) учебные планы и программы должны быть нацелены на обеспечение выработки навыков творческого мышления и самостоятельного при-

менения знаний при постановке и решении соответствующих научных проблем и задач хозяйственной практики;

3) целесообразно более масштабное привлечение ведущих сотрудников академических, научно-исследовательских и проектных институтов, специалистов управления и отраслей народного хозяйства для преподавания прикладных дисциплин и специальных предметов, приема экзаменов и проведения итоговой аттестации на системной основе;

4) коллективы специализированных кафедр не менее чем на 50% должны быть сформированы из сотрудников, имеющих опыт работы (работающих) в академических институтах;

5) в каждой школе (по крайней мере городской), должны на постоянной основе преподавать 1-2 доктора наук;

6) на эфирном телевидении должен быть канал «Наука и образование», звуковая частота которого находилась бы в FM-диапазоне.

Литература

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А.Л. Яншин. М.: Наука, 1991.
2. Горохов В.Г. Знать, чтобы делать: История инженерной профессии и ее роль в современной культуре. М.: Знание, 1987.
3. Ильин И.А. Собр. соч. в 10 тт. М.: Русская книга, 1993.
4. История Академии наук СССР / В 3-х тт. М.-Л.: Наука, 1964.
5. Комков Г.Д. и др. Академия наук СССР: Краткий исторический очерк / В 2-х тт., 2-е изд. М.: Наука, 1977.
6. Осипов Ю.С. Академия наук в истории российской государственности. М.: Наука, 1999.

Ссылки:

1 Например, в 1897-1898 гг., занимаясь проблемой гидравлических ударов в водопроводных трубах, решил сложную техническую задачу, связанную с их профилактическим обслуживанием.

2 Учреждена 8 февраля 1724 г. Именным указом Правительствующего Сената: «Его Императорское Величество указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим (здесь и далее уставы Академии цитируются с сохранением стиля и орфографии источни-

ка. – авт) наукам, и знатным художествам, и переводили б книги» [Ю.С. Осипов, 1999. С.187, 199].

3 Если не считать Вильнюсский (1579 г.) и Львовский (1661 г.) университеты.

4 См. подробнее: Асеев А. Реформа РАН: гиганты и пигмеи, 08.07.2015 // <http://regnum.ru/news/1940767.html>; Круглый стол «Спасение науки как важнейший фактор безопасности России», 01.12.2015 // www.ras.ru; Ведущие члены Академии наук на «совете мудрецов» обсудили дальнейшую борьбу за выживание науки, 02.12.2015 // www.ras.ru; Академик Асеев: «Чтобы получить Нобелевскую премию, необходимо уехать из России», 02.12.2015 // www.ras.ru; Владимир Иванов: «Единственный

лоббист российской науки – глава государства», 14.12.2015 // www.ras.ru; Сергей Миронов: Абсурд, когда чиновники управляют наукой, 16.12.2015 // <http://rosnauka.ru/news/1223>; Как Россия экономит на науке, 21.01.2016 // www.ras.ru; Ученые потребовали встречи с Путиным, 21.01.2016 // www.ras.ru.

5 Термин «интеллигенция» Wiki-словарь определяет как общественный слой людей, профессионально занимающийся умственным, сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры, происходит от латинского *intelligentia* «понимание», (*intelligere*) – «воспринимать, познавать, мыслить». В России это слово начал активно использовать П.Д. Бобрыкин в 1860-е годы.

К вопросу о механизмах связи соматических и психофизиологических свойств и качеств организма спортсменов, практикующих восточные боевые единоборства

Калинкин Л.А., Бобков Г.А., Морозов В.Н., Толстых С.С.

В настоящее время, имеющиеся методы исследования опорно-двигательного аппарата ОДА (электромиограмма, миометрия и т.д.) не дают комплексной картины распределения межмышечного сопряжения для спортсменов. В связи с этим существует необходимость разработки адекватного способа оценки контроля нейромоторного статуса спортсменов, которая определяется запросами практики. Установление диапазона возможных изменений в функциональном состоянии нервно-мышечного аппарата и скорости их формирования под влиянием физических нагрузок, представляет насущную задачу. И только разработанный метод миофасциографии (патент на изобретение: №2424766) позволяет ликвидировать указанные недостатки [6]. Он определяет степень напряжения мышц и асимметрию функционального распределения мышечного тонуса, иннервируемых всеми отделами спинного мозга. Кроме того метод миофасциографии включает в себя компьютерный комплекс электропунктурной экспресс-диагностики «Diacoms Portrait», который позволяет определить психофизиологическое состояние здоровья спортсмена.

Ключевые слова: опорно-двигательный аппарат, миофасциография, кудо-мио-невро-висцеральные связи, аттракторные зоны, энергетические меридианы, экспресс-диагностики «Diacoms Portrait», психофизиологическое состояние.

The mechanism of associations of somatic and psychophysiological characteristics of sportsmen practicing martial arts

Kalinkin L.A., Morozov V.N., Bobkov G.A., Tolstykh S.S.
FSBI All-Russia scientific research institute of physical education

Currently available methods of investigation of the musculoskeletal system of ODA (elektromiogramma, myometrium, etc.) do not give a reliable picture of the distribution of intramuscular interface for athletes. Thus it is most important to develop an adequate evaluation method of neuromata control of athlete's status. Establishing a range of possible changes in the functional state of the neuromuscular system and the speed of their formation under the influence of physical activity is an urgent task. The well developed method of miofastsiografiya (patent: №2424766) allows to eliminate these shortcomings [6]. It determines the degree of muscle tension and asymmetry of functional distribution of muscle tone, innervated by all parts of spinal brain. In addition the miofastsiografiya method includes a computer complex of electric express diagnostics «Diacoms Portrait», which allows to determine the psychophysiological state of athlete health.

Keywords: musculoskeletal system, miofastsiografiya, kudo-myo-neuro-visceral connection, attraction zones, energy meridians, express diagnostics «Diacoms Portrait», psychophysiological state.

В спорте как и в любом специфическом виде мышечной деятельности под его особенности приспосабливается и опорно-двигательный аппарат (ОДА), и костная, эндокринная, сердечно-сосудистая и вообще все вегетативные системы организма вплоть до психических процессов. Эти изменения, безусловно, способствуют эффективной психологической, физиологической адаптации спортсмена во время тренировочных и соревновательных мероприятий. Если механизмы гипертрофии ОДА и связанных с его «трофикой» вегетативными системами понятны и хорошо изучены, то с развитием и становлением, адекватных виду спорта, психическими функция дело обстоит значительно сложнее.

На уровне «феноменов», в филогенезе, показана связь повышения психических возможностей животных с появлением новых «этажей мозга» (Бернштейн А.Н.). На том же, феноменологическом, уровне показана связь повышения психических качеств, в том числе и появление «элементов рассудочной деятельности» (экстраполяционные рефлексы), в связи с усложнением движений животных (Крушинский Л.В.). В настоящей работе мы попытались, через понятие «поле» объяснить связь и механизмы ее реализации между состоянием ОДА и некоторыми психологическими качествами на примере исследования функций и состояний спортсменов, практикующих восточное боевое единоборство – шотокан.

Для понимания сути метода миофасциальной диагностики, и методики «Diacoms Portrait» используется категория «поля». Современное определение поля таково: «Особая форма материи, связывающая частицы вещества в единые системы и передающая с конечной скоростью действие одних частиц на другие, называется физическим полем» [2]. В биологию понадобилось ввести понятие «поле», когда попытались

понять, под действием каких сил происходит формирование эмбриона. Для этого в 1912 году А.Г. Гурвич ввел в биологию понятие «эмбриональное поле», как той силы формирующей и направляющей ход эмбриогенеза. В ходе совместной работы А.Г. Гурвича с физиками А.Ф. Иоффе, Г.М. Франком удалось подробно изучить и измерить это поле, тем самым, получить экспериментальные доказательства реальности существования у живого организма силового поля с когерентными частотами в спектре от 310 до 340 нм. [3].

Раз поле существует у каждой организма, состоящего из клеток, то по законам физики «оно есть результат интерференции полей всех клеток организма». Впервые поле живого организма было, визуальное зарегистрировано супругами Кирлиан в начале прошлого тысячелетия [4].

Возникновения полей в клетке начинается с атомного и молекулярного уровня. Так, в белковых цепочках (полипептидах), как показали исследования Л. Полинга и Р. Кори, вращение вокруг пептидных связей заторможено, а также расстояние между атомами азота и углерода в пептидной связи на 0,15 (на 10%) Ангстрем короче, чем аналогичная связь в альдегидах и кетонах. Стало быть уже на уровне первичной структуры белковой молекулы существует «напряжение», что по законам физики не может не формировать физическое поле со своей частотой. Далее, формирование вторичной третичной и четвертичной структур белка происходит за счет Ван-дер-Вальсовых невалентных взаимодействий (сил) отталкивания и притяжения. Это дисперсионные силы притяжения, действующие между любыми парами атомов. Энергия (поле) этого притяжения обратно пропорциональна шестой степени расстояния между ядрами атомов и прямо пропорциональна поляризуемости атомов (Ф. Лондон). Это дисперсионные силы взаимного отталкивания валентно-несвязанных атомов описываемые экспонентой Леннарда-Джонса. Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что даже, на уровне первичной структуры, еще не белка, но уже полипептида, формируется силовое поле, характеристики которого можно вычислить, основываясь на современных знаниях биохимии и биофизики. В нашу задачу не входит это вычисление, нам важно показать, что силовое поле обя-

зано существовать, и оно существует, это экспериментально и теоретически доказано. Полипептид становится белком, то есть структурой с определенной функцией, тогда, когда полипептиды объединяются в трехмерный четырехуровневый агрегат (по Линдестрем-Лангу) за счет тех же сил что и формирование структуры полипептида, перечисленных нами выше. Для наших целей это означает, что любая полноценная молекула белка формирует вокруг себя силовое поле с когерентной частотой колебаний. Эти силовые поля, интерферируют с полями других белков, образуя единую суммарную «стоячую волну» клетки.

В организме человека насчитывается до 6 триллионов клеток, из них только нервных 3 миллиарда [7]. Создавая причудливые интерференционные объемные «паттерны», эти паттерны, будучи ограничены объемом и конфигурацией тела и стабилизированы «волновыми» – скелетом тела, сосудами заполненными электролитом – кровью, превращаются в стабильные «стоячие волны» частот общего поля.

В данном случае эти стоячие волны ограничены объемом и конфигурацией человеческого тела. В формировании стоячих волн главенствующая роль принадлежит энергетике нервной и костно-мышечной системам (по объему). Действительно, из 70 кг веса «условного» мужчины, на долю скелетной мускулатуры приходится 28 000 г (40% от веса тела), на долю скелета 10 000 г (14% от веса тела). На долю всех остальных органов, включая жидкости (600 мл/кг веса): пищеварительная система, стенки сосудов, нервная система и т.д. всего 19 000 г. При этом, во всех внутренних органах присутствует гладкая мускулатура, повышая долю мышечной системы в общем весе человеческого тела. Таким образом, в формировании стоячих волн основную роль играет костно-мышечная и нервная системы человека. Это означает, что через измерение параметров отдельных участков «стоячих волн», называемых в традиционной китайской медицине «энергетическими меридианами» мы можем судить о функциональном состоянии мышц, нервной системы метаболическая активность которых, главным образом, формирует эти стоячие волны и формирует психические качества.

Понятия «энергетические меридианы», «akupунктурные точки» включают в себя, кроме

Рис. 1. Типичная миофасциограмма борца шотокан. На рисунке: точками обозначены границы нормы для условно здоровых спортсменов (от +20 до -20 у.е.); миофасциограмма показывает отклонение от нормы (выше – гипертонус, ниже – мышечная недостаточность) мышц, дериватов соответствующих миотомов, иннервированных отделами спинного мозга.

чисто медицинских понятий, еще и определенную идеологию, свойственную буддизму. Дабы отделить идеологию от чисто фактической стороны мы отказались от этих терминов и ввели свои, отражающих только фактологию и современное представление о происхождении этих феноменов. В частности, вместо «меридиан», мы имеем в виду «стоячая волна», вместо «аккупунктурных точек» – «аттракторные зоны». Из-за многообразия функций кожи, отдельные ее участки имеют «особые» свойства, в частности, – электрические характеристики. Впервые зависимость электрических параметров кожи в ответ на сенсорные раздражения была установлена в конце позапрошлого века независимо друг от друга русским исследователем Тархановым и французским врачом Фере. Поэтому, есть основания утверждать, что кожа, благодаря своему необычайно сложному строению и богатой центральной и вегетативной иннервации, как эфферентной, так и афферентной, а также единой метамерной сегментарной иннервации с другими органами, в силу общности эмбрионального происхождения, есть своеобразный «рефлектор», отражающий в себе многие проявления деятельности организма, включая психические. Дабы не использовать термины уже сложившихся научных направлений со своей идеологией, представлениями вроде «энергетические меридианы», мы сочли возможным, для наших целей, ввести свой термин для обозначения участков кожи, где сфокусированы в большей мере кудо-мио-невро-висцеральные связи – «аттракторами».

Этот термин заимствован из синергетики [5]. В ней под аттрактором понимается (англ. attract – привлекать, притягивать) – компактное подмножество частиц, полей, элементов фазового пространства динамической системы, все траектории из некоторой окрестности которого стремятся к нему при времени, стремящемся к бесконечности.

Методы и ход исследования

Определившись с терминами и понятиями, в наших исследованиях, мы регистрировали:

1. миофасциальный «портрет» типичного борца высокой квалификации шотокан, по аттракторным зонам, с использованием метода миофасциографии. Данный инновационный метод позволяет определить функциональное состояние опорно-двигательного аппарата (патент на изобретение: №2424766) [6];

2. психологические качества, по тем же аттракторным зонам с применением компьютерного комплекса электропунктурной экспресс-диагностики «Diasoms Portrait». Использование этого метода позволяет регистрировать психофизиологическое состояние организма;

3. психологические характеристики с использованием стандартного психологического тестирования по методике «Психическая активация, интерес, эмоциональный тонус, напряжение и комфортность».

Анализ рисунка миофасциограммы спортсмена шотокан, занимающегося специфической мышечной деятельностью, «принимającego» специфические стойки, выявил специфический

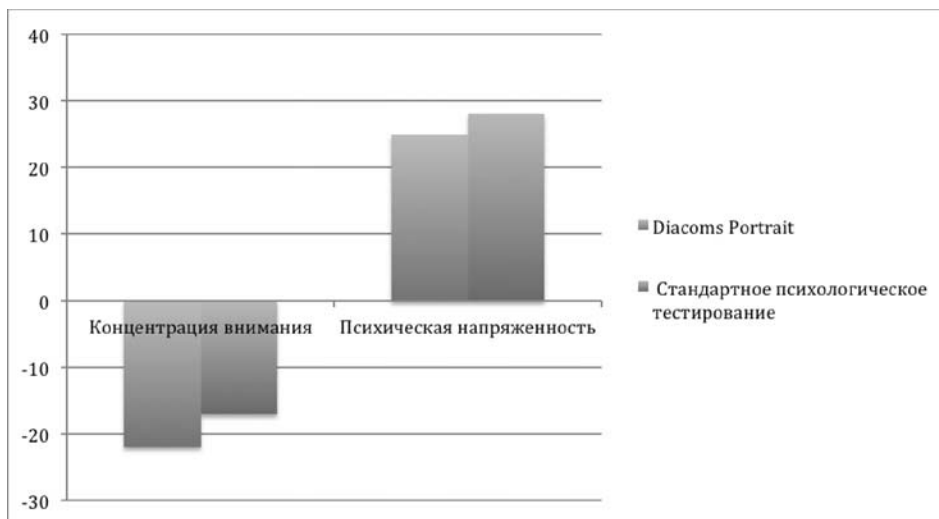

Рис.2. Диаграмма корреляции аттракторных зон с некоторыми психическими качествами, у спортсменов, практикующих восточное боевое единоборство – шотокан.

«паттерн» мышечных напряжений всего ОДА. В частности обнаружен, характерный для данного вида спорта, гипертонус мышц, иннервированных следующими сегментами спинного мозга: I шейных, II и V грудных. Это связано с постоянными напряжениями именно этих мышечных групп, при выполнении именно этих борцовских «стоек» и проведением именно этих «приемов». В то же время, другие мышечные группы, активно не участвующих в реализации приемов шотокан, а выполняющих «вспомогательные» функции (поддержание бойцовской позы и т.д.) выявляют «мышечную недостаточность» в следующих сегментах: III шейном, X грудном, XI грудном, II поясничном, III поясничном отделах. Такие же изменения, с большей или меньшей выраженностью, обнаружены у всех спортсменов, практикующих шотокан, причем, эти изменения были тем больше, чем выше квалификация спортсмена [1].

По тем же аттракторным зонам, измеряя их электрокожное сопротивление, по методике «Diacoms Portrait», был составлен «психологический портрет» спортсменов практикующих шотокан. Эти результаты мы сравнили с данными стандартного психологического тестирования по методике «Психическая активация, интерес, эмоциональный тонус, напряжение и комфортность». В ходе исследования аттракторных зон спортсменов, практикующих восточное

боевое единоборство шотокан, нам удалось установить достоверную значимость совпадения результатов корреляционных связей между двумя качествами «психическая напряженность» и «концентрация внимания» по методикам «Психическая активация, интерес, эмоциональный тонус, напряжение и комфортность» и «Diacoms Portrait».

Одно из психических состояний «психическая напряженность» по методике «Diacoms Portrait» положительно ($r=0,560^{**}$) коррелирует с показателем «психическая напряженность» методики «Психическая активация, интерес, эмоциональный тонус, напряжение и комфортность», корреляция значима на уровне 0,001.

Другое из психических процессов «концентрация внимания» по методике «Diacoms Portrait», низкий его уровень, отрицательно ($r=-0,081^{**}$) коррелирует с «психическими состояниями», ($r=-0,824^{**}$) «психическая активация» методики «Психическая активация, интерес, эмоциональный тонус, напряжение и комфортность», корреляция значима на уровне 0,001.

Результаты исследования

В результате проведенных исследований есть основания утверждать, что, во-первых, специфическая мышечная активность в любом виде спорта, в частности в шотокан, формирует и сохраняет уникальный «паттерн» распределения тонусов мышц ОДА, что соответствующим

образом деформирует позвоночный столб. По окончании спортивной деятельности, как показывает наш многолетний опыт, начинаются проблемы с позвоночником (сколиозы, остеохондрозы, грыжи дисков и др. заболевания позвоночного столба), вызванные специфическим распределением мышечным тонусов, изменяющих позвоночник в соответствующем направлении.

Во-вторых, показана возможность достоверно определять психические качества по активности аттракторных зон кожи, результаты которых совпадают с классическими определениями этих качеств по специальным психологическим тестам.

Наконец, получены экспериментальные данные о том, что поле живого организма, составленного из метаболической активности всех его клеток есть единое целое. Исследуя аттракторные зоны отдельных участков кожи, проецирующих на себе характеристики этого поля можно судить и аналитически, и интегрально, о всех сторонах деятельности как соматических, так и психофизиологических сторонах деятельности организма.

Литература

1. Бобков Г.А., Королев С.А., Сорокина Л.В., Толстых С.С. — «Изменения в опорно-двигатель-

ном аппарате и вегетативных системах при длительных занятиях восточными боевыми единоборствами». — «Медицина Кыргызстана», №3, 2014. с. 52-53

2. Бубновский С.М., Бобков Г.А. — «Анатомо-физиологические основы кинезитерапии», издание 2-е дополненное — Астрейя-центр, Москва 2013, с. 152-155

3. Гавриш О.Г. — «А.Г. Гурвич: подлинная история биологического поля» . — «Химия и жизнь», №5, 2003. с. 32-37

4. Кирлиан В.Х., Кирлиан С.Д. — «В мире чудесных разрядов». — М., 1964 с. 14-16

5. Пригожин И.Р. — «Философия нестабильности» — «Вопросы философии». — 1991, № 6, с. 46-52

6. Способ диагностики функционального состояния мышц сегментов позвоночника : пат. 2424766 Рос. Федерация : А 61 Н 39/00 / С. М. Бубновский, Г. А. Бобков, И. А. Пермяков ; заявитель и патентообладатель Бубновский Сергей Михайлович (RU), Бобков Геннадий Александрович (RU), Пермяков Игорь Александрович (RU). — № 2009136461 ; заявл. 02.09.2009 ; опубл. 27.07.2011.

7. Храмов Ю.А. — «Физики. Биографический справочник» — М., — 1983, с. 198

Сравнительный анализ потребностей менеджеров НКО в обучении управлению проектами

Марон А.И.

Материал настоящей работы основан на результатах социологического исследования, стратегические цели которого состояли в том, чтобы определить влияет ли наличие образования в области управления проектами на эффективность работы менеджеров НКО; и если влияет, то какие темы и формы обучения являются наиболее востребованными. Респондентами были директора и менеджеры российских НКО социальной (не политической) направленности, работающие вне Москвы и Санкт-Петербурга. Организации были разделены на две группы: 1) НКО, поддерживаемые крупными благотворительными фондами в рамках социальных программ и программ развития национальной культуры и образования; 2) НКО социальной направленности с религиозной компонентой. В статье приведены результаты сравнительного анализа полученных данных. На основе этого анализа автором составлена сбалансированная программа повышения квалификации менеджеров НКО в области управления социальными проектами. Ключевые слова: НКО, управление проектами, менеджмент, обучение, образование

Maron A. I.

Comparative analysis managers of NPO needs for training to management of projects.

Material of this article is based on results of sociological research which strategic objectives consisted in defining whether existence of education in the field of management of projects influences overall performance of managers of NPO; and if influences, then what subjects and forms of education are the most demanded. The directors and managers of the Russian NPOs of a social (not political) orientation working out of Moscow were respondents. The organizations were divided into two groups: 1) The NPOs supported by large charity foundations within social programs and programs of development of national culture and education; 2) NPO of a social orientation with religious component. Results of the comparative analysis of the obtained data are given in article. On the basis of this analysis the author made the balanced program of professional development of managers of NPO in the field of management of social projects.

Keywords: NPO, project management, management, training, education

Введение

Менеджерам практически всех некоммерческих организаций (НКО) приходится реализовывать определённые проекты. Проектная деятельность является наиболее регламентированной областью менеджмента, в которой эффективно действуют национальные стандарты и своды знаний де-факто являющиеся международными стандартами [10]. В значительной степени это объясняется тем, что проекты по определению уникальны, а, следовательно, неизбежно связаны с риском. Наличие устава (аналог стандарта), наверное, самое древнее средство, позволяющая руководителю действовать в условиях риска. Большинство менеджеров НКО являются энтузиастами, стремление которых реализовывать социальные проекты во многом спасает наш мир [5]. Однако желание делать добро не эквивалент знанию того, как это осуществить [3]. Обучение менеджменту социальных проектов позволяет значительно ликвидировать этот разрыв. Исходя из этих позиций в 2005 году Благотворительным фондом Джоинт была создана Московская школа менеджмента НКО, в последствии переименованная в Учебный центр менеджмента социальных проектов. С 2005 по 2013 год обучение осуществлялось в основном на базе Высшей школы менеджмента Высшей школы экономики в форме повышения квалификации менеджеров НКО, имеющих высшее образование. Основной контингент выпускников составляли менеджеры московских НКО социальной направленности, относящиеся к еврейским организациям, но было обучено много сотрудников и других социально ориентированных НКО. К 2014 году поток слушателей из Москвы стал уменьшаться, а финансирования для выхода в другие реги-

оны не было, хотя запросы на обучение из регионов поступали. Было принято принципиальное решение, что непрерывное образование должно быть. Это аксиома для современного общества [6], [8]. При этом слушателям должны быть представлены современные теоретические и практические знания, т. е. сбалансированная программа повышения квалификации, опирающаяся на их потребности и лучшие мировые практики [2],[7]. Эти практики должны быть адаптированы к российским условиям. Для определения потребностей менеджеров региональных НКО было решено провести исследование с применением современных методов социологии наиболее адекватных в рассматриваемой ситуации [1].

Этапы. Объекты исследования. Предмет исследования. Методы

Исследование проводилось в два этапа. На первом из них объектом являлись: руководители – первые лица (как правило их должности назывались директор или генеральный директор) и сотрудники, деятельность которых предполагает управление другими людьми и/или реализация проектов (далее именно их будем называть менеджерами, хотя, как правило, их должность называется – координатор); работающие в национальных НКО социальной направленности, расположенные вне Москвы – региональные НКО. Далее будем для краткости называть их НС (национальные НКО социальной направленности). Основной вид деятельность этих организаций социальная помощь престарелым и лицам с ограниченными возможностями, включая организацию культурного досуга. Материальную поддержку данному исследованию оказал Российский благотворительный фонд Genesis. Организационную помощь в получении откликов от респондентов оказали Благотворительный фонд Джоинт, Федеративная еврейская национально – культурная автономия (ФЕНКА), Благотворительный фонд САФ. На втором этапе объектом исследования стали региональные социально – ориентированные НКО с религиозной составляющей. Далее будем для краткости называть их НР (национальные НКО с религиозной составляющей). Материальную и организационную поддержку исследованию оказала Федерация еврейских общин России (ФЕОР).

Предметом исследования является изучение потребности знаний в области общего менеджмента и социального проектирования.

Цель исследования состояла в выработке рекомендаций по формированию актуальных образовательных программ, их содержания и формата.

Были поставлены и решены следующие задачи исследования.

1. Определить каков уровень образования менеджеров исследуемых НКО.

2. Установить имеется ли связь между уровнем образования в области менеджмента и качеством работы менеджеров, если «имеется», то есть ли понимание необходимости повышения квалификации и готовность его оплатить, а также какие темы и формы занятий являются наиболее востребованными.

3. Определить, какие факторы являются наиболее значимыми при выборе учебного заведения для повышения квалификации.

Анализ показал, что наиболее эффективным является сочетание методов опроса и глубокого интервью [4]. Проведение опроса дает возможность получить выраженную количественно информацию по сформулированным вопросам от статистически значимого числа респондентов. Инструментом для обработки результатов опроса выбран программный комплекс SPSS, обладающий полным набором статистических методов (частотный, регрессионный, кластерный, факторный анализы) в сочетании с большим количеством удобных средств визуализации результатов обработки. Метод глубоких интервью позволил выполнить качественный анализ результатов, полученных статистическими методами.

Для проведения количественной части исследования разработаны «Анкета руководителя» и «Анкета сотрудника». Общими блоками для обеих анкет являются вопросы, направленные на выявление наиболее актуальных тем в области менеджмента и социального проектирования для повышения квалификации сотрудников, формы и продолжительности обучения, факторов, влияющих на выбор учебного заведения и программы обучения. С учетом различий между руководителями и сотрудниками, составлены аналогичные вопросы относительно выбора конкретного курса для повышения квалификации и источников оплаты обучения.

В анкете руководителя первый блок вопросов направлен на получение информации о текущем состоянии организации в части квалификации сотрудников, работа которых требует наличия знаний в области менеджмента и социального проектирования. В анкете сотрудника в начале анкеты уточняется его квалификация, образование, опыт руководства коллективом и участия в реализации социальных проектов.

На первом этапе анкеты направлялись руководителям организаций по электронной почте. В обращении к руководителю была просьба заполнить Анкету руководителя и передать для заполнения Анкету сотрудника тем сотрудникам, которым, по его мнению, необходимы знания в области менеджмента и социального проектирования - менеджерам. В основном из организаций, связанных с Федеративной еврейской национально - культурной автономией (ФЕНКА) и поддерживаемых Благотворительным фондом Джоинт, руководители которых любезно согласились написать сопроводительные письма с просьбой принять участие в данном социологическом исследовании. Анкеты приведены в приложении. На втором этапе анкеты были размещены на платформе Survey Gizmo и рассылались только ссылки на анкету. Рассылка осуществлялась сотрудниками ФЕОР по собственной внутренней базе. Исследовательская группа не имела доступа к внутренней базе и конфиденциальным данным сотрудников и руководства организаций.

Зависимость эффективности работы от образования

Анализ показал, что в НС лишь 39% руководителей удовлетворены требуемым уровнем знаний менеджеров в области менеджмента и социального проектирования. Среди НР этот процент составляет 43,2%. В тоже время в тех организациях, где руководители не удовлетворены знаниями менеджеров процент имеющих хотя - бы свидетельство о повышении квалификации в указанных областях составляет: 6,5% для НС и 6,3% для НР. Это в разы меньше, чем процентные значения количества «обученных» сотрудников по данным организациям. Следовательно, существует тесная связь между образованием в области общего менеджмента и управления социальными проектами и эффективностью работы менеджеров некоммерческих организаций.

Выбор формата обучения

Один из вопросов анкеты имел своей целью выявить наиболее приемлемые форматы обучения, как для менеджеров, так и для руководителей. Для менеджеров ответы на этот вопрос отражают возможности проходить обучение с учетом рабочей загрузки и личного времени, для руководителей - возможность организовать повышение квалификации сотрудников, в том числе за счет их рабочего времени. Аналогично предыдущему вопросу, оценка проводилась по шкале от 1 до 5.

Для НС получены следующие результаты. Как по мнению менеджеров, так и по мнению руководителей, с большим отрывом лидирует формат обучения

«Краткосрочное повышение квалификации с отрывом от работы (около 40 учебных часов, продолжительность 1 неделя)». Второе место занимает краткосрочное обучение на отдельных семинарах по интересующим тематикам. Несколько меньшую по сравнению с ответами руководителей оценку получил этот формат у менеджеров, что можно объяснить предложением проходить обучение в нерабочее время.

Для НР получены следующие результаты. Для руководителей наиболее предпочтительным является формат обучения «Краткосрочное повышение квалификации с отрывом от работы (около 40 учебных часов, продолжительность 1 неделя)», а для менеджеров - «Повышение квалификации с отрывом от работы (около 100 учебных часов, продолжительность 2 недели)». Можно сделать вывод о том, что и руководители, и менеджеры считают наиболее эффективным концентрированное обучение с отрывом от работы. Отличается только максимальный срок подобного обучения - неудивительно, что руководители хотели бы, чтобы обучение сотрудников с отрывом от работы занимало меньше времени.

На основании приведенных данных сделан вывод о целесообразности организации обучения в формате «Краткосрочное повышение квалификации -40 академических часов с отрывом от работы на одну неделю».

Темы обучения

На основании глубинных интервью и сопоставлении приоритетов руководителей и менеджеров при выборе тем обучения было принято

Таблица 1

№	Темы для проведения обучения	НР мен	НР рук	НС мен	НС рук
1	Миссия и стратегические цели организации. Инструменты стратегического управления	2,58	3,04	2,63	3,11
2	Внешняя и внутренняя среда организации. Корпоративная культура	2,83	3,04	3,51	3,56
3	Организационная структура как средство достижения стратегических целей	2,92	3,4	3,26	2,89
4	Основные функции менеджмента: планирование, организация, мотивация, контроль	3,33	3,88	3,63	4,11
5	Модели и этапы принятия управленческих решений	3,31	3,33	3,07	3,44
6	Развитие организации. Управление организационными изменениями	2,92	3,96	2,98	3,67
7	Личные качества менеджера. Лидерство в организации	3,71	3,57	3,44	3,89
8	Организационные коммуникации, работа в команде	3,62	3,42	4,07	3,89
9	Управление конфликтами в организации	3,46	3,32	4,12	4,33
10	Эффективность работы менеджера, тайм-менеджмент	3,54	3	3,33	3,89
11	Планирование и реализация социальных проектов, управление рисками проекта	4	3,54	3,77	4,33
12	Критерии успешности и показатели эффективности социальных проектов.	3,77	3,43	3,67	4,22
13	Формирование бюджета НКО. Фандрайзинг для социальных проектов	3,43	3,82	2,81	4,78
14	Практика подачи заявок на гранты и участия в конкурсном отборе	4,23	4,24	2,98	4,22
15	Тенденции развития некоммерческого сектора в России и за рубежом. Взаимодействие НКО с государством и бизнесом	3,23	3,52	2,40	3,44
16	Финансово-правовые основы деятельности НКО	3,5	3,75	2,93	4,22
17	Организация работы с волонтерами	4,31	3,74	3,88	3,67
18	Корпоративная социальная ответственность. Эффективность благотворительных программ для бизнеса	3,62	3,38	2,93	3,33
19	Особенности социального предпринимательства в России	3,23	3,19	2,42	3,11
20	Современные технологии PR и рекламы в социальной сфере	3,21	3,48	3,19	3,89

решение о том, что руководители и менеджеры должны обучаться в разных группах. Остался вопрос надо ли разделять группы по типам организаций. Он был решён на основании анализа выбора тем. Данные о выборе тем приведены в табл. 1. Шкала оценки пятибалльная.

Сопоставляя приоритеты менеджеров НС и НР можно сделать вывод о возможности их со-

вместного обучения в выбранном формате 40 академических часов. Было отобраны 7 тем, для обучения менеджеров. Шесть из них общие, а по одной изучаются в подгруппах. Темы отобраны с помощью двух методов: простое упорядочивание по сумме приоритетов и поиск совпадений в восьми наиболее приоритетных темах. Темы программы краткосрочного повы-

Таблица 2

№	Темы для проведения обучения менеджеров
ОБЩИЕ	
1	Основные функции менеджмента: планирование, организация, мотивация, контроль
2	Планирование и реализация социальных проектов, управление рисками проекта
3	Критерии успешности и показатели эффективности социальных проектов.
4	Личные качества менеджера. Лидерство в организации
5	Организационные коммуникации, работа в команде
6	Организация работы с волонтерами
ПО ПОДГРУППАМ	
7 НС	Управление конфликтами в организации
7 НР	Практика подачи заявок на гранты и участия в конкурсном отборе

Таблица 3

№	Темы для проведения обучения руководителей
ОБЩИЕ	
1	Основные функции менеджмента: планирование, организация, мотивация, контроль
2	Планирование и реализация социальных проектов, управление рисками проекта
3	Критерии успешности и показатели эффективности социальных проектов.
4	Формирование бюджета НКО. Фандрайзинг для социальных проектов
5	Практика подачи заявок на гранты и участия в конкурсном отборе
6	Финансово-правовые основы деятельности НКО
ПО ПОДГРУППАМ	
7 НС	Управление конфликтами в организации
7 НР	Развитие организации. Управление организационными изменениями

шения квалификации менеджеров НКО социальной направленности приведены в табл. 2.

Темы приведены в последовательности, которая представляется методически правильной. Как видно, общая часть курса состоит из двух блоков. Три первых темы относятся к общему менеджменту. Три последующие связаны с лидерством и работой в команде. Заметим, что и ранее вопросам лидерства уделялось немалое место в программах Учебного центра менеджмента социальных проектов [9].

Аналогичный анализ показал возможность совместного обучения руководителей различных организаций. Темы программы краткосрочного повышения квалификации руководителей НКО социальной направленности приведены в табл. 3.

Как видно, и здесь общая часть курса состоит из двух блоков. Три первых темы относятся к общему менеджменту и совпадают, как и в курсе для рядовых менеджеров. Три последующие связаны с формированием бюджета НКО и управления им с соблюдением правовых норм.

Выбор учебного заведения

Как для руководителей, так и для менеджеров НР наиболее важным фактором при выборе учебного заведения для прохождения квалификации является «Состав программы обучения, её сбалансированность и практическая полезность». Второе место занимает фактор «Наличие среди преподавателей признанных экспертов в конкретных областях знаний». Для менеджеров НС наиболее важным фактором является «Приемлемые сроки и форма обучения», за ним следует «Состав программы обучения, ее сбалансированность и практическая полезность». Этот же фактор является наиболее значимым для руководителей, для которых второе место занимает «Приемлемая стоимость обучения». Заметим, что фактор «Известность и/или репутация учебного заведения, выдающего документ об образовании» не получил высокого приоритета, что явилось неожиданным результатом. Он свидетельствует о том, что главным для рассматриваемой аудитории получение знаний является более значимым фактором, чем получение

Таблица 4

	Целевое финансирование	Со финансирование	Собственные средства
НС рук			
Да	100	13,3	0
Возможно	0	60	7,1
Нет	0	26,7	92,9
НС мен			
Да	78,6	8,9	0
Возможно	14,3	17,9	10,7
Нет	7,1	73,2	89,3
НР рук			
Да	79,3	25	5,6
Возможно	20,7	50	33,3
Нет	0	25	61,1
НР мен			
Да	62,9	9,1	0
Возможно	15,4	45,5	30
Нет	15,4	45,5	70

ние удостоверения о повышении квалификации. Следовательно, проведенное исследование, позволившее выявить наиболее востребованные темы и формат обучения является полезным.

Отношение к оплате обучения

Результаты опроса об отношении руководителей и менеджеров к оплате обучения приведены в таблице 4. В ней приведены для руководителей процент готовых направлять менеджеров на обучение при: целевом финансировании от спонсоров, полностью покрывающего затраты на обучение; финансировании от спонсоров, частично покрывающего затраты и требующего финансирования со стороны организации; отсутствии поддержки обучения спонсорами. Для менеджеров в табл. 4 приведён процент готовых пройти обучение: за счёт организации, частично за свой счёт, полностью за свой счёт.

Здесь видно существенное различие в ответах в зависимости от категории организации. Организации НС получают основное финансирование от благотворительных фондов с разнесением средств по статьям затрат. Изменения не допускаются. Соответственно, руководителям этих организаций очень трудно выделить средства на обучение сотрудников, не имея целевого финансирования. Организации НР имеют большой опыт самостоятельного фандрайзинга и соответственно большую свободу в

определении статей использования средств. Вместе с тем, в среднем это организации с меньшей относительно НС численностью штатных сотрудников, и, соответственно, руководители более тяжело идут на отрыв менеджера от работы для обучения. Это относится и к самим менеджерам данных организаций. Наконец, следует иметь в виду, что зарплаты в НКО не велики. Самостоятельная оплата обучения плюс расходы на проезд и проживание для многих менеджеров региональных НКО просто неподъемны. Для организации абсолютно необходимого обучения руководителей и менеджеров НКО требуется целевое финансирование.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Существует однозначная связь между образованием в области общего менеджмента и управления социальными проектами и эффективностью работы менеджеров некоммерческих организаций.

2. Наиболее рациональным форматом обучения руководителей и менеджеров региональных НКО является краткосрочное повышение квалификации - 40 академических часов с отрывом от работы на одну неделю. При этом руководители должны учиться отдельно от рядовых менеджеров. Разделение по типам организаций для НКО социальной направленности не требуется.

3. Для рассматриваемой аудитории получение знаний является более значимым фактором, чем получение престижного удостоверения о повышении квалификации. Наиболее значимый фактор - состав программы обучения, её сбалансированность и практическая полезность. В результате исследования определены наиболее востребованные темы обучения (см. ранее) и формат обучения.

4. Для организации абсолютно необходимого обучения руководителей и менеджеров НКО требуется целевое финансирование.

Литература

1. Добренъков В.И., Кравченко А.И. Междисциплинарная матрица социологии // Социология, 2016, № 1, стр. 148-161.
2. Зырянов В. В. Квалификация одна, учебные планы – разные // Аккредитация в образовании, 2013, № 2, стр. 25-27.
3. Итиуридзе Л.А., Агапов П.В. Современный политико – управленческий менеджмент / Социальная политика и социология, 2008, № 2, стр. 278-288.
4. Котлер Ф, Андреасен А. Стратегический маркетинг некоммерческих организаций. - М: Феникс, 2007.
5. Марон В. И. Информационное движение материи. Постбиологическая цивилизация и будущее человека. М.: МАКС – ПРЕСС, 2010.
6. Радаев В. В. и др. Стратегии развития российских вузов: ответы на новые вызовы. - М.: МАКС – ПРЕСС, 2008.
7. Салми Д., Фруммин И.Д. Российские вузы в конкуренции университетов мирового класса // Вопросы образования, 2007, № 3, стр. 5-45. +
8. Филонович С.Р. Life-long learning: последствия для высшей школы // Вопросы образования, 2009, № 4, стр. 55-67.
9. Филонович С.Р. Лидерство как интегральная проблема наук о поведении // Российский журнал менеджмента, 2007, № 4, Т. 5, стр. 91-100.
10. Ципес Г.Л., Товб А.С. Проекты и управление проектами в современной компании. – М.: Олимп-Бизнес, 2009.

О конструктивной валидности лингводидактических тестов

Муратова И.А.

Конструктивная валидность отражает степень репрезентации исследуемого теоретического конструкта в результатах теста. Исследователи отмечают, что поскольку проявление таких конструктов многообразны и неоднозначны с точки зрения их выделения, процедура установления конструктивной валидности по сравнению с содержательной валидностью и критериальной валидностью является гораздо более сложной.

Установление конструктивной валидности часто определяют как экспериментальную демонстрацию того, что тест действительно измеряет тот конструкт, для измерения которого он был предназначен разработчиком. Ключевые слова: валидность, конструктивная валидность, конструкт, лингводидактические тесты

Muratova I.A.

About a konstruktivny validity of linguo-didactic tests
Lomonosov Moscow State University

The Konstruktivny validity reflects extent of representation of the studied theoretical construct in test results. Researchers note that as manifestation of such constructs are diverse and ambiguous from the point of view of their allocation, the procedure of establishment of a konstruktivny validity in comparison with a substantial validity and a criteria validity is much more difficult.

Establishment of a konstruktivny validity is often defined as experimental demonstration of the fact that the test really measures that construct for which measurement he has been intended by the developer.

Keywords: validity, konstruktivny validity, construct, linguo-didactic tests

Валидность (наряду с надежностью) обосновано считается основополагающим атрибутом теста. Уже традиционное разделение аспектов валидности на содержательный, критериальный и конструктивный невольно подсказывает вопрос о том, какой же из них играет более важную роль. Заметив, что ответ на такой вопрос будет иметь относительный характер и зависеть от многих обстоятельств, связанных, главным образом, с применением результатов тестирования, мы хотели бы отметить роль валидности конструктивной. В лингводидактическом тесте, предназначенном для измерения общего уровня владения (иностранным) языком, сам объект тестирования формулируется в виде конструкта.

Рассмотрим вначале кратко сам концепт валидности и его развитие.

На протяжении многих десятилетий с начала XX века валидность определялась как степень, в которой тест измеряет то, для измерения чего он был предназначен. То есть, по сути, валидность это мера приемлемости теста. Для того чтобы тест или экзамен обладал валидностью, важно было обеспечить реальную значимость материалов содержания, чтобы в заданиях был широко представлен круг основных понятий учебного курса, овладение которыми предполагалось от испытуемых.

Иначе говоря, основной вопрос, на который должен был ответить себе разработчик – измеряет ли мой тест то, что, как я полагаю, он должен измерять. При наличии положительного свидетельства, ответственность разработчика заканчивалась.

В первой половине прошлого века определение валидности сводилось к установлению корреляции между результатами тестирования и некоторым общеустановленным критерием. В 1954 году исследователи под руководством Кронбаха предприняли попытку расширить ох-

ват валидности, предложив подразделить ее на четыре различных типа: конкурентную валидность; предиктивную (прогностическую); содержательную и конструктивную валидности. В дальнейших публикациях конкурентная и предиктивная валидности были объединены в один тип – критериальную валидность.

Сам Кронбах не был удовлетворен полученной моделью валидности («три в одном»), но до определенного момента (о котором ниже) она оставалась ведущей и в психодиагностике и в педагогических измерениях.

В содержательной валидности основное внимание уделяется содержанию теста. Для того, чтобы продемонстрировать ее, необходимо показать (и доказать), что содержание теста представляет собой репрезентативную выборку содержания соответствующего учебного курса или списка проверяемых элементов содержания, которые могут быть представлены в спецификации теста. (В случае ЕГЭ можно сослаться на Кодификатор элементов содержания и требований к уровню подготовки выпускников образовательных организаций для подготовки к единому государственному экзамену.)

Часто для такой валидации приглашаются эксперты, которые должны вынести соответствующие суждения на основании изучения необходимых материалов.

Установление критериальной валидности теста предполагает наличие признанного внешнего критерия (например, другого теста, предназначенного для решения сходных задач) и определение корреляции между результатами выполнения двух тестов (отсюда термин конкурентная валидность).

Другой аспект критериальной валидности предполагает определение корреляции между результатами тестирования и последующими измерениями качеств, уровень развития которых тест должен был прогнозировать. Таким образом, можно предположить, что результаты профильного ЕГЭ должны были бы коррелировать с результатами тестов, выполняемых в первые сессии студентами первокурсниками соответствующих специальностей.

Конструктивная валидность отражает степень репрезентации исследуемого теоретического конструкта в результатах теста. Конструкт (или психологический конструкт) – это понятие об определенном умении, навыке и т.п., установ-

ленным и определенным в научной теории. Так конструктом будет являться, например, общий уровень владения каким-либо иностранным языком. Это понятие обосновано в теории и наблюдается в практике. Можно сказать, что конструктивная валидность определяет область теоретической структуры явлений, измеряемых тестом.

Исследователи отмечают, что поскольку проявление таких конструктов многообразны и неоднозначны с точки зрения их выделения, процедура установления конструктивной валидности по сравнению с содержательной валидностью и критериальной валидностью является гораздо более сложной.

Установление конструктивной валидности часто определяют как экспериментальную демонстрацию того, что тест действительно измеряет тот конструкт, для измерения которого он был предназначен разработчиком. Такого рода эксперимент может состоять, например, в том, что будут определены две группы испытуемых, различающихся в основном лишь тем, что испытуемые в одной группе будут владеть интересующим нас конструктом, а в другой – нет. С определенным основанием, мы сможем заявлять о том, что если результаты тестирования в группе испытуемых, владеющих соответствующим конструктом будут значимо выше, чем в другой группе, то это будет свидетельствовать о конструктивной валидности нашего теста.

Другую методику, на которую ссылается Дж. Д. Браун, можно назвать интервенционным исследованием. В таком исследовании с помощью теста определяется группа, слабо владеющая измеряемым конструктом. Далее в этой группе проводится специальный курс обучения, заканчивающийся повторным измерением. При обнаружении значимого различия между результатами тестирований в пользу последнего, можно будет, опять же, говорить о конструктивной валидности теста.

Безусловно, это не все способы определения конструктивной валидности. Нужно заметить, что иногда для вынесения суждения о ней, достаточно и экспертного суждения относительно заявленного объекта тестирования. Так, в одном издании предлагался набор дискретных заданий, состоявших из предложений на иностранном языке с пропущенным словом. Испытуемые должны были выбрать из набора слов

то, которое было пропущено. Заголовок – «Тест на проверку умения догадываться о значении слова по контексту» превращал этот тест в невалидный с точки зрения измеряемого конструкта. Даже догадываясь о том, какое значение должно иметь пропущенное слово, испытуемый мог выполнить задание лишь точно зная, какое из предложенных слов обладает этим значением.

Следует отметить, что невозможно выделить один единственный «лучший» способ определения конструктивной валидности. По сути валидизационный процесс может занимать какой угодно долгий период времени, времени отведенного для сбора как можно большего числа необходимых свидетельств.

Накопление свидетельств конструктивной валидности может осуществляться как с помощью содержательного анализа, так и с помощью всевозможных психометрических способов: корреляционных исследований, факторного анализа, дисперсионного анализа (при исследовании разных групп испытуемых в интервенционных исследованиях, например) и т.д.

Некоторые исследователи шутят, что здесь главное вовремя остановиться... Но важность доказательства значимости теста в плане реализации задач измерения действительно трудно переоценить.

В этом месте, наверное, следует вернуться к моменту в развитии концепта валидности, о котором было упомянуто выше.

Дело в том, что в последнее время большое значение получила унифицированная модель валидности, в которой она представляется как единый концепт с определенным фасетным набором или набором аспектов. Иными словами, все типы валидности представляются сторонами единой формы конструктивной валидности.

Несмотря на свидетельства о том, что подобные рассуждения велись и раньше, появление новой модели валидности связывают с восьмидесятью годами прошлого века и с именем Самюэля Мессика (Samuel J Messick 1931-1998). В 1988 году он писал: «Использование теста зависит от закономерности его приверженности принципам надежности, валидности и справедливости. Эти принципы организованы внутри всеобъемлющего концепта конструктивной валидности. Желаемая надежность зависит от значения измеряемого конструкта, в то время как

Таблица 1
Фасеты валидности по С. Мессикку

	Интерпретация результатов тестирования	Применение тестирования
Свидетельская основа	Конструктивная валидность	Конструктивная валидность + Значимость/Полезность
Следственная основа	Конструктивная валидность + Ценностные выводы	Конструктивная валидность + Ценностные выводы + Значимость/Полезность + Общественные последствия

справедливость теста зависит от сравнимости степени конструктивной валидности для разных групп испытуемых и разных условий тестирования. Во имя справедливости ценностные суждения должны выноситься на всем протяжении процесса разработки и применения теста, как это делается во имя валидности на всем процессе валидизации».

Валидность, согласно Мессикку, представляет собой единый конструкт (в версии Мессика включающий 6 различных аспектов), соответственно обоснованность любых заключений о правомерности того или иного применения результатов тестирования требует наличия разных типов свидетельств, а не разные типы валидности.

В результате, в настоящее время валидизация может рассматриваться как непрерывный процесс, как постоянный мониторинг и обновление значимой, релевантной информации.

В теории Мессика представлены свидетельская (evidential) и следственная (consequential) основы интерпретации результатов тестирования и их применения. Для иллюстрации своей теории Мессик разработал так называемую «прогрессивную матрицу», вариант которой представлен ниже (табл. 1).

Колонки в приведенной таблице относятся к результатам тестирования, а строки к типам аргументации, которые должны быть использованы для обоснования результатов. В каждой ячейке представлена конструктивная валидность, к которой по мере движения от верхней левой ячейки к нижней правой добавляются все новые фасеты.

Свидетельская основа для интерпретации результатов тестирования включает в себя эмпирические исследования конструктивной валидности, определяемой Мессиком как теоретический контекст предполагаемых взаимоотношений между конструктами. Свидетельская основа для применения тестирования дополняется показателями значимости и полезности, определяемыми как теоретические контексты предполагаемой приемлемости и полезности.

Следственная основа для интерпретации результатов тестирования включает ценностные выводы, определяемые как контексты предполагаемых взаимоотношений между хорошими(-плохими), желательными (нежелательными) интерпретациями результатов. Следственная основа применения тестирования включает общественные последствия тестирования, т.е. анализ ценностного контекста применения текста, общественной реакции на его применение.

В целом исследователи отмечают, что работа Мессика повлияла на развитие лингводидактического тестирования двумя главными способами: предложением нового взгляда на то, каким образом можно оспаривать суждения, делаемые на основе результатов тестирования, и привлечением внимания к последствиям применения тестов.

Из вышесказанного понятно, почему вопросы демонстрации конструктивной валидности лингводидактического теста занимают ведущую роль в валидизационных исследованиях специализированных организаций. В брошюре, посвященной управлению качеством и валидизации в языковом оценивании, специалисты отдела Cambridge English Language Assessment представляют модель конструкта своего теста (основанную на модели коммуникативной язы-

ковой способности) и перечисляют основные мероприятия, направленные на исследования конструктивной валидности. Сюда входят экспертный анализ заданий и типов когнитивной активности, который они требуют, а также статистический анализ факторов, относящихся к группам заданий.

В заключение отметим, что конструктивная валидность тестов будет страдать от тех же угроз, которые стоят перед их надежностью и которые могут быть связаны как с обстоятельствами организации тестирования, так и качеством заданий. Но особого внимания в нашем контексте заслуживает недостаточность специальных валидизационных исследований.

Литература

1. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М., Словарь-справочник по психодиагностике. СПб, «Питер», 1999
2. American Psychological Association, American Educational Research Association, & National Council on Measurement in Education. (1954). Technical recommendations for psychological tests and diagnostic techniques. Washington, DC: The Association.
3. Alderson, J Charles and Jayanti Banerjee. (2002) Language testing and assessment (Part 2), Language Teaching 35, p 79
4. Brown, J.D. (1996) Testing in language programs. NJ: Prentice Hall Regents.
5. Messick, Samuel. (1988) Consequences of test interpretation and use: the fusion of validity and values in psychological assessment. ETS
6. Principles of Good Practice. Quality management and validation in language assessment. January 2013, Cambridge English Language Assessment

Пути развития этнопсихологической компетентности сотрудников ФСИН России

Павлова М.В.

В данной статье обоснована необходимость изучения этнопсихологической компетентности сотрудников ФСИН России, говорится о том, что любая профессиональная деятельность реализуется на основе системы профессиональных качеств, фиксация и оценка которых имеет важное значение и существенно влияет на ее результаты. Этнопсихология в России имеет глубокие корни, но в аспекте деятельности сотрудников пенитенциарной системы ранее не рассматривалась. В статье рассмотрены особенности развития этнопсихологической компетентности сотрудников ФСИН России на современном этапе. Представлена четырехкомпонентная пирамидальная модель этнопсихологической компетентности сотрудников ФСИН России, где основными компонентами выступают – мотивационно-оценочный компонент, когнитивный компонент, деятельностный и метакогнитивный компоненты. Ключевые слова: сотрудник ФСИН, этнопсихологическая компетентность, этнопсихологическая подготовка, толерантность.

Pavlova M.V.

Features of staff competence ethnopsychological FSIN Russia

The article substantiates the need to study ethnopsychological competence of the employees of the FSIN of Russia. States that any professional activity is implemented on the basis of professional qualities, the fixation and evaluation of which is important and significantly affects its results. Ethnic psychology in Russia has deep roots, but in the aspect of the personnel of the penitentiary system had not previously considered. The article considers features of development of ethno-psychological competence of the employees of the FSIN of Russia on the modern stage. Presents a four-part pyramidal model of ethno-psychological competence of the employees of the FSIN of Russia, where the main components are – motivational-evaluative component, cognitive component, activity and metacognitive components.

Keywords: FSIN employee, ethno-psychological competence, ethno-psychological training, tolerance.

Становление России как демократического, правового, социального государства обуславливает необходимость совершенствования государственной политики в сфере деятельности Федеральной службы исполнения наказаний России (ФСИН), ориентации ее на обеспечение прав заключенных граждан и соблюдения требований международных стандартов по правам человека. При таких условиях ФСИН России нуждается в высококвалифицированных, высоконравственных и физически подготовленных работниках, способных выполнять возложенные на них непростые функции воспитания и ресоциализации осужденных.

Актуальность вопроса обусловлена спецификой работы, ее принципиальным отличием от других типов профессиональной деятельности, особенностями службы персонала. Работа сотрудников ФСИН России многокомпонентная по своей структуре, связана с реальным риском для жизни, выполняется в сложной, специфической обстановке [4, С. 87].

В последние десятилетия психологические исследования профессионального становления специалиста были направлены на поиск отдельных индивидуально-психологических особенностей, необходимых для той или иной деятельности. Анализ исследований позволяет утверждать, что любая профессиональная деятельность реализуется на основе системы профессиональных качеств, фиксация и оценка которых имеет важное значение и существенно влияет на ее результаты. Возможность действовать эффективно реализуется при условии развития у субъекта целого комплекса личностных свойств, обеспечивающих этот процесс. К числу таких свойств относится этнопсихологическая компетентность.

Этнопсихология в нашей стране имеет глубокие исторические и культурные корни. Большую практическую значимость этого познания отмечали, русские ученые и публицисты Н.Г. Чер-

нышевский, М.В. Ломоносов, Н.Я. Данилевский, В.Н.Татищев, А.С. Пушкин, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой и многие другие.

Анализ современного состояния исследуемой проблемы в психологии показывает, что в ее толковании и понимании существуют серьезные теоретические разногласия. Это обусловлено, по нашему мнению, сложностью и многоаспектностью самого феномена.

Научная новизна и теоретическое значение исследования заключаются в том, что: впервые создана модель этнопсихологической компетентности сотрудника ФСИН; обоснованы пути формирования этнопсихологической компетентности сотрудника; определены критерии, показатели и уровни (высокий, средний, низкий) этнопсихологической компетентности сотрудников-пенитенциариев. Итак, значимость проблемы и ее недостаточная научная разработанность обусловили выбор темы исследования - «Особенности развития этнопсихологической компетентности сотрудников ФСИН России».

Цель исследования заключается в выявлении и обосновании психологических особенностей этнопсихологической компетентности младшего состава и офицеров ФСИН и экспериментальной проверки программы ее формирования. Согласно цели были определены следующие задачи:

1. Определить теоретико-методологические основы исследования.
2. Разработать модель этнопсихологической компетентности личности сотрудника ФСИН.
3. Апробировать диагностические средства фиксации и оценки этнопсихологической компетентности личности сотрудника ФСИН в условиях служебной деятельности.
4. Эмпирически исследовать психологические особенности проявления этнопсихологической компетентности личности сотрудника ФСИН с учетом уровня этнической напряженности региона преимущественного проживания сотрудника.
5. Определить взаимосвязь этнопсихологической компетентности с индивидуально-психологическими свойствами сотрудников ФСИН.
6. Разработать, обосновать и определить эффективность предложенной программы совершенствования этнопсихологической компетентности сотрудников ФСИН.

В контексте рассматриваемой проблемы остро стоит вопрос об этнопсихологической компетентности сотрудников ФСИН России. Основу реализации сотрудником ФСИН России его этнокультурной компетентности составляют способность и возможность учитывать им этнопсихологические особенности заключенных различных национальностей, а также использовать эти знания в своей профессиональной деятельности [1, С. 52]. Наблюдение за поведением, манерой общения, установление приверженности представителей различных национальностей определенным идеалам и ценностям, системам взглядов и правилам в совокупности с теоретическими знаниями этнопсихологии дают возможность сотрудникам ФСИН России использовать эти знания в различных сферах профессиональной деятельности. В данном случае интерес к «чужому» для профессионала ФСИН России - это инструмент, с помощью которого дается реальная возможность найти наиболее эффективные подходы к осужденным.

При установлении психологического контакта большое значение имеют представление сотрудника о политическом строе государства, гражданином которой является осужденный, его вероисповедание и знание особенностей уголовно-процессуального законодательства этого государства. Кроме того, знание сотрудниками ФСИН России всех осужденных за преступления, совершенных в составе этнических групп, их обычаев, традиций, основных положений шариата и прочее, умелое использование этих знаний в своей профессиональной деятельности являются объективной необходимостью. Так, например, любое конкретное предписание шариата рассматривается в исламской правовой культуре не само по себе, а в качестве инструментария достижения общих целей шариата, защиты основных ценностей, к которым относятся религия, жизнь, разум, продолжение рода и собственность. По шариату считается тяжким грехом (харамом) причинить кому-либо вред путем обмана, в то же время разрешается для предотвращения несправедливости говорить неправду (мухаб). В этой связи склонение лица к даче правдивых показаний должно быть оправдано как с точки зрения закона, так и с позиции шариата. Еще раз отметим, что общение с участниками этнических преступных группиро-

Рис. 1. Модель этнопсихологической компетентности сотрудника

вок - одно из самых сложных действий. В ходе общения далеко не всегда удастся установить психологический контакт с ними. В этой связи особенно важно учитывать некоторые этнопсихологические различия в поведении указанной категории лиц. Уважение национальной культуры, традиций, обычаев наций и народов – важное условие деятельности сотрудников ФСИН России.

Модель этнопсихологической компетентности сотрудника ФСИН, представлена на рис. 1.

В основе пирамиды положен мотивационный компонент без которого не будет открытости к межкультурному обучению и принятия информации о многообразии культурного опыта не состоится. Далее идет когнитивный компонент – это по-существу те знания, которыми сотрудник обладает в области межкультурных взаимоотношений и которые являются необходимыми для формирования определенных навыков, действий и поведения в межкультурном взаимодействии, в связи с чем, он является плат-

формой для деятельностного компонента. Вершина пирамиды это метакогнитивный компонент – предполагающий развитые навыки рефлексивной оценки своего уровня этнопсихологической компетентности, позволяющие вырабатывать новые знания и модели поведения. Необходимо сказать, что внутри компонентов существуют, по-нашему мнению, функциональные блоки, однако в рамках данной статьи мы этот вопрос обсуждать не будем, так как ряд авторов так же признает данный феномен и достаточно подробно его описывает.

Сотрудники ФСИН должны поставить перед собой задачу формирования определенной культуры межличностных отношений, которая представляет собой совокупность мировоззренческих, нравственных, эстетических ценностей нашего общества. Это особенно важно в условиях исполнения наказаний, когда необходимо противопоставить нравственные и культурные заветы механизму психологического заражения при общении с преступниками, которые

могут быть довольно убедительны в своих криминальных установках, о чем свидетельствует довольно высокий уровень правонарушений совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Одним из основных элементов такой подготовки является этнопсихологическая подготовка личности к межэтническим контактам. В современной психологической литературе понятие «этнопсихологическая подготовка» отсутствует, хотя ученые и специалисты используют его в своих работах в том или контексте. В последние годы в отечественной психологии появилось достаточно большое количество работ, посвященных обучению межкультурной коммуникации [3, С. 88].

В общем виде эти исследования можно охарактеризовать следующим образом: адаптация к новой этнической среде и раскрытие подходов к проблеме подготовки к этническому общению, рассмотрение теоретико-методологических и методических особенностей проведения межкультурного тренинга, межкультурный диалог, тренинг толерантности, формирование межкультурной толерантности. Между тем, проблема этнопсихологической подготовки личности нуждается в углубленной разработке в силу того, что отмечается значительное отставание уровня подготовки современной личности от тех запросов, которые предъявляет полиэтническая действительность. Обнаруживается явное противоречие между уровнем этнопсихологической компетентности личности и изменениями нашего общества в плане интенсификации межэтнических контактов. Одним из путей решения этой проблемы является определение научно обоснованных средств и методов организации этнопсихологической подготовки современных специалистов. Этнопсихологическая подготовка – система целенаправленной психологической работы, обеспечивающая надлежащий уровень подготовленности человека, группы к межэтническому взаимодействию.

Учет некоторых этнопсихологических особенностей положительным образом влияет на межэтническое общение. Среди основных приемов межэтнического взаимодействия можно выделить:

- установление контакта и психологической комфортной атмосферы общения;
- выявление факторов, положительно влияющих на ход беседы на отвлеченные темы, на-

пример, знания религии, вероисповедания представителей различных этносов;

- учет особенностей характера, темперамента, степени эмоциональности, образа жизни той или иной нации;

- учет языковых особенностей при общении с представителями другого этноса (построение выражений, фраз, обращения с учетом специфики языковой культуры).

Также наиболее актуальными направлениями деятельности сотрудников пенитенциарной системы являются предотвращение и пресечение межэтнических конфликтов в местах лишения свободы. В данном случае речь идет о чрезвычайных ситуациях, возникающих на почве межэтнических отношений, поэтому особое внимание сотрудников ФСИН обращено на предупреждение общественно опасных межэтнических конфликтов, на предотвращение и пресечение кризисного развития событий.

Факторами, влияющими на этнопсихологическую ситуацию, являются:

1. Непринятие своевременных мер к лицам, разжигающим межэтнические конфликты.

2. Провокационные призывы и действия групп, кланов, заинтересованных в нестабильности данной ситуации (в том числе и извне), захвате власти.

3. Этноцентризм, психологические особенности и стереотипы поведения отдельных наций и народностей.

4. Правовой нигилизм отдельных руководителей.

Предупредительное воздействие осуществляется с помощью реализации основных направлений повседневной деятельности и комплексных целевых профилактических мероприятий, к числу которых в первую очередь следует отнести:

- профилактику конфликтов на почве межэтнических отношений;
- психологическую и разъяснительную работу с заключенными;

- комплексные мероприятия по укреплению порядка и безопасности в конфликтоопасной зоне;

- деятельность сотрудников, направленную на получение сигналов раннего предупреждения об угрозе возникновения этнических конфликтов.

В условиях межэтнического конфликта сотрудникам ФСИН России важно предпринять следующие действия:

- предупреждать эскалацию межэтнического конфликта;
- осуществлять все меры, направленные на урегулирование межэтнического конфликта;
- стремиться пресечь общественно опасные формы проявления конфликта;
- устранять последствия конфликта и предупреждать его повторные обострения.

Таким образом, сотрудникам ФСИН России необходимо знание психологических причин для урегулирования и предотвращения межэтнических конфликтов. Действия сотрудников в условиях психологической напряженности должны носить решительный, упреждающий и стабилизирующий характер [2, С. 325]. Особое внимание необходимо обратить на провокационные призывы и действия групп, кланов, заинтересованных в нестабильности данной ситуации (в том числе и извне).

Предотвращение и локализация межэтнических конфликтов в условиях изоляции являются наиболее актуальными направлениями деятельности ФСИН России. Однако основным объектом их взаимодействия являются не столько межнациональные конфликты вообще, сколько их общественно опасные формы, то есть конфликты ярко выраженного криминогенного характера, что является прямой угрозой общественному порядку и безопасности.

Перечислим основные этапы программы тренинга:

1. Определение уровня этнопсихологической компетентности (входной контроль)
2. Прохождение теоретического блока, заканчивается тестированием по пройденному материалу.
3. Прохождение практического блока – основа: упражнения направленные на расширение репертуарных решеток поведения в конфликте, упражнения «культурного ассимилятора», упражнения направленные на развитие самоконтроля.
4. Обучение навыкам детекции лжи и распознавания эмоций.
5. Определение уровня этнопсихологической компетентности (контроль результатов)

Таким образом, программа тренинга состоит из трех основных блоков – первый общетеоретический, второй тренинговый, третий – формирование навыков детекции эмоций, лжи с учетом этнопсихологических различий, которые

реализовывались в три этапа. Между этапами внедрения программы проводился «круглый стол», во время которого сотрудниками делался анализ изменений, которые появились за это время.

В эксперименте участвовало четыре группы участников: две группы сотрудники офицеры и две группы сотрудники рядового состава, общим числом 126 человек. При этом одна группа офицеров и одна группа рядового состава участвовала во всех процедурах психологического эксперимента, а две другие получали обычное психологическое сопровождение (т.е. не проходили этнопсихологическую подготовку) и выступали в качестве эталона для сравнения эффектов исследования. При проведении исследования у нас получились статистически значимые различия в уровне этнопсихологической компетентности между участниками специальной подготовки и теми сотрудниками, что не получали этнопсихологическую подготовку, а участвовали в обычной программе психологического сопровождения, направленной на предотвращение профдеформации. В сравнении с данными входной диагностики, итоговые результаты показали изменения в плане нивелирования негативных этностереотипов, увеличение объема знаний о психологии народов, получение навыков детекции эмоций и лжи без учета принадлежности к тому или иному этносу, расширение репертуарных решеток поведения в конфликтной ситуации, осложненной этническим компонентом, что, в свою очередь, свидетельствует об эффективности данной программы. Одним из условий такого развития является этнопсихологический тренинг как средство подготовки сотрудников ФСИН России к межэтническим контактам в условиях исполнения наказания. Установлено, что показатели структурных компонентов этнопсихологической компетентности офицеров ФСИН России и младшего состава, прошедших подготовку, значительно превышают показатели двух аналогичных групп, не прошедших спецподготовку. Кроме этого необходимо признать, что офицеры в большей степени, чем младший состав, заинтересованы расширять сферу применения своих способностей, развивать собственные интеллектуальные ресурсы в области этнопсихологии и в общем более мотивированы на повышение своей компетентности, чем сотрудники младшего состава.

Вывод. Особенности воспитания и развития этнопсихологической компетентности сотрудников ФСИН России вполне вписываются в широкий спектр тем и методик углубления теоретических знаний и освоения навыков практического применения. Результаты исследовательских и тренинговых программ, по нашему мнению, смогут помочь сотрудникам ФСИН России расширить знания этнопсихологических особенностей осужденных, принять верное решение с учетом этнических факторов в той или иной ситуации межэтнического взаимодействия.

подавляющее большинство сотрудников ФСИН России нуждаются в психологической подготовке, в частности - этнопсихологической, так как у них отсутствует опыт общения с членами этнических преступных групп. Ввиду того, что указанные группы - это специфические объединения, формирующиеся по национальному, или этническому признаку, сотрудникам пенитенциарной системы необходимо понимание обычаев и традиций членов этнических групп. Иными словами, именно от уровня культурной компетентности сотрудников ФСИН России зависит эффективность их профессиональной деятельности, в частности, от уровня этнопсихологических знаний. Этнопсихологические знания имеют широкий спектр применения. Помимо представлений о психологии и культуре того или иного народа сотрудникам необходимо развивать способности, направленные на анализ и учет этнопсихологических особенностей

осужденных различных национальностей, и уметь применять данные знания в профессиональной деятельности. Однако, остается понятным тот факт, что для изменения внутреннего мира ФСИН требуется долгая и кропотливая деятельность различных звеньев административных и научно-педагогических структур по воспитанию, обучению, формированию устойчивой психики, этнопсихологической компетентности, по трансформации менталитета большинства сотрудников ФСИН России.

Литература

1. Вишневецкая В.П. Актуальные вопросы коммуникативной компетентности // Вестник академии военных наук. - 2014. - № 4 (49). - С. 50-55.
2. Иванова О.В., Кареева И.В. Формирование этнокультурной толерантности как условие качественного профессионального становления современного сотрудника УИС // Пробелы в российском законодательстве. - 2015. - № 4. - С. 323-327.
3. Кошелев М.И., Кареева И.В. Профилактика экстремистских проявлений среди курсантов Вузов ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. - 2015. - № 2. - С. 86-91. [3, С. 88]
4. Кузьмина А.Н. Актуальность этнопсихологии в контексте правоохранительной деятельности // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - 2015. - С. 86-88.

Новый социальный контекст: россияне привыкают к бедности

Поплавская И.А.

Социологи считают, что самым серьезным последствием затянувшегося кризиса в стране может стать привыкание граждан к жизни в бедности без серьезных попыток активного поиска выхода из ситуации.

Ключевые слова: бедность, доход, прожиточный минимум, кризис.

Poplavskaya I.A.

A new social context: the Russians are used to poverty. Sociologists believe that the most serious consequence of the prolonged crisis in the country can become addictive citizens to a life in poverty without a serious attempt to active search of the crisis' exit.

Key words: poverty, income, living wage, the crisis

Как известно, адаптивный потенциал общества зависит от установок, деятельности и поведения рядовых граждан страны и их объективного положения. Располагая очень ограниченными ресурсами, они, на первый взгляд, не оказывают самостоятельного влияния на ход институциональных реформ и нередко становятся их заложниками. Однако, это не совсем так. Дело в том, что установление новых правил игры и освоение новых способов организации общественной жизни не являются конечным критерием оценки результатов любых преобразований. На самом деле, этим критерием является преобразование социальных практик, отражающих повседневное поведение самых массовых социальных групп: это экономические, производственные, политические, трудовые и правовые практики, характеризующие реальную жизнь нашего общества. Изменение этих практик является результатом социально - адаптивного поведения массовых социальных групп. Противоречивость или неполнота вновь утверждаемых институтов создают правовую ситуацию, при которой отдельные акторы могут безнаказанно нарушать слабо контролируемые нормы, что существенно расширяет спектр их поведенческих стратегий. В зависимости от собственных моральных установок, они могут своей деятельностью поддерживать и ускорять введение новых правил, либо противостоять проведению не отвечающим их интересам реформам, либо активно формировать новые нелегитимные нормы поведения. В условиях обострения кризиса именно эта деятельность становится главным источником возможных прогрессивных социальных изменений, либо стихийного развертывания общества в обратную сторону.

На современном этапе развития властям не стоит недооценивать накапливаемый потенци-

ал негативной энергии в обществе: индекс социальных настроений граждан стремительно падает. Согласно исследованию ВЦИОМ на начало 2016 г., когда реальные доходы граждан в долларовом эквиваленте сократились в 2,5 раза, этот показатель опустился до минимального значения: 53 пункта при возможном диапазоне от -100 до +100. Данное значение лишь немного уступает результату годичной давности (57 пунктов). Так, доля положительных оценок на конец 2014 года составила 75% (сумма ответов «отлично», «хорошо», «нормально»), негативных -22% (по ответам «все плохо», «все ужасно»). Для сравнения: в 2009 году ответ «все плохо» и «все ужасно» дали лишь 33% опрошенных. Более половины россиян (52%) ожидают нового ухудшения экономической ситуации, в сравнении с тем, что в 2009 г. ответ «тяжелые времена еще впереди» давали лишь 30% респондентов [1].

Комментируя опрос ВЦИОМ, следует заметить, что многие россияне стали внимательней следить за экономической повесткой дня: недоработки властей ощущает непосредственно на себе каждый, кто столкнулся с сокращением доходов, ростом цен, снижением качества товаров. По данным Росстата, число россиян с доходами ниже прожиточного минимума (на апрель 2016г. – 9452 руб.) по итогам 2015 г. превысило 19,2 млн. человек, что составляет 13,4% всего населения страны, из которых 70% малоимущих – семьи с детьми [4].

Основной макроэкономический тренд – инфляция – начал сказываться на привычной модели потребления. Реальная зарплата россиян – минус 10% к 2015 г. Падение выручки в продовольственных магазинах составило 10-15%, непродовольственные товары – минус 18,5% (декабрь 2015 г.). Продажа водки – минус 7,7%; походы в рестораны – минус 40-50%, общепит – минус 7,4%, по оценке специалистов на декабрь 2015 г. Спрос на новые квартиры, по оценке строителей, уменьшился на 30%; «пассажиროоборот» - минус 5%. Средняя зарплата по стране – 33,1 тыс. руб.; самая высокая среднемесячная зарплата – 86 тыс. руб. в «производстве нефтепродуктов» (январь-ноябрь 2015 г.); самая низкая – 15,5 тыс. рублей в текстильном и швейном производстве. Больше 25% населения получают меньше 24 тыс. руб. в месяц; 14% - меньше 10 тыс. рублей. Один из семи

встреченных на улице людей получает меньше 10 тыс. рублей в месяц. Просроченная зарплата на февраль 2016 г. – минимум 4,3 млрд. рублей, что составило рост за год – в два раза. Средний размер назначенных пенсий в 2015 году – 12 тыс. рублей. В 2015 г. было совершено 200 тыс. мошенничеств, 155 тыс. случаев бандинизма, более 1 млн. человек совершили преступления.

За 2015 г. чистый прирост миграции составил 200 тыс. человек, из них 130 тыс. с Украины, 31 тыс. – из Казахстана, 19 тыс. из Армении, 16 тыс. - из Молдавии. Безработица по Москве с ноября 2015 г. по январь 2016 г. – 1,7%, в Ингушетии – 30,7%; Республика Тыва – 22%; Карачаево-Черкесия -17%. Розничный товарооборот в Челябинской и Кемеровской областях – минус 17%, в Новосибирской – минус 16% (2015 г. к 2014 г.). Промышленное производство в Приморском крае – минус 52%; в Архангельской области – минус 42% (без Ненецкого автономного округа), в Забайкальском крае – минус 30%, в Калужской области – минус 23%; в Рязанской – минус 21% (декабрь 2015 г. к декабрю 2014 г.). Строительство жилых домов в Забайкальском крае – минус 39%, в Еврейской автономной области – минус 42% (2015 г. к 2014 г.). Строительные работы в Калмыкии – минус 62%, в Республике Тыва – минус 43%, в Еврейской автономной области – минус 41%, в Новосибирской области – минус 34%, в Астраханской области – минус 33% (2015 г. к 2014 г.). Реальные доходы населения Ингушетии – минус 22%, в Ульяновской области – минус 20%; в Псковской области – минус 18%; в Краснодарском крае – минус 15% (ноябрь 2015г. к ноябрю 2014г.) [4].

Большинство россиян (от 2/3 до 3/4) – это *общество бедных людей*. Речь идет не о голоде, а о структуре потребительских расходов и ожиданий. Как известно, признаком бедного потребления является растрата большей части доходов на продукты питания. При этом у людей нет возможности сформировать достаточно сбережений, чтобы решать более дорогостоящие семейные задачи: жилье, образование, медицинское обеспечение.

В социологии есть понятие *шкалы субъективной оценки материального статуса* – оценка идет не в деньгах, а на основании того, что человек может себе позволить приобрести. Оп-

росы показывали, к началу этого тысячелетия 28% респондентов говорили, что едва сводят концы с концами, а сейчас таких – только 3%, и за последние полтора года их число не увеличилось. Без труда покупать товары длительного пользования в начале 2000-х могли около 4% граждан, два года назад – примерно 33%, а за последний год эта цифра сократилась до 25%. То есть падение реальных денежных доходов привело к снижению числа людей, которые чувствуют себя финансово свободными и характеризуются поведением бедного населения.

Взят курс на формирование широких слоев населения, живущих в «достойной бедности». Такие люди не голодают, но способны обеспечить только свои текущие нужды, и в этом смысле полностью зависимы от государства. На этой почве хорошо культивируются идеи патернализма. Но основная беда заключается в том, что не происходит прорыва за пределы этой «достойной бедности», что является значительным тормозом на пути изменения общественного сознания. Это лишает людей возможности свободного выбора в сфере потребления и еще больше ограничивает навыки свободного поведения россиян, делает людей зависимыми и безынициативными. Речь идет исключительно о текущем потреблении, а не о развитии человеческого капитала.

По данным последнего исследования Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС [3], впервые за восемь лет доля расходов на продовольственные товары в структуре потребительских расходов россиян превысила 50%. Страна беднеет, и это отражают события первостепенной важности для общества – смерть и рождаемость, с изменением которых меняются заданные общекультурные параметры общества.

Самая высокая смертность в России на 1000 человек в Псковской, Тульской, Тверской, Тамбовской, Новгородской, Орловской, Смоленской, Владимирской, Рязанской, Ивановской, Брянской, Курской областях. Эти области – «сердце» России. В них умирают 16-17 человек на 1000, в Псковской области – более 18. В 2-3 раза ниже, чем в целом по стране. Самая низкая рождаемость – в тех же регионах: 9-11 человек на 1000. В 1,5-2 раза ниже, чем в целом по стране. Пустеющее ядро России с гигантскими воронками Москвы и Петербурга. Самые

большие сокращения «социальных сетей безопасности», знаменитые оптимизации школ, больниц, поликлиник, происходили, по экспертной оценке, именно в Центральной России, что породило «опустынивание» этой части при самой развитой и затратной, в прошлом, социальной инфраструктуре. Средняя продолжительность жизни в Республике Тыва и Чукотском автономном округе – 62 года, в Новгородской области – 67,7; Псковской области – 67,8; в Москве – 76,4; в Петербурге – 74,2 года. Для сравнения: жизнь длиной в 61-62 года – это Либерия, Папуа-Новая Гвинея, Кения, Афганистан (2013 г.). Китайцы живут дольше нас (75 лет), и вьетнамцы (76), албанцы – 74, камбоджийцы – 73. Россияне – 70,9 (2014 г.) – 123 место в мире по данным ВОЗ: женщины – 76,5, мужчины – 65,3 года. Примерно как в КНДР – 70 лет. Для сравнения: в Испании, Италии и Сингапуре – по 83, Кипре и Израиле – по 81, не менее морозной Финляндии и жаркой Греции – по 81. В наркотической Колумбии и несчастной Кубе – по 79, в Чили – 81. По данным ООН за 2014 г. Россия находится на 124 месте по ожидаемой продолжительности жизни в сравнении со странами-лидерами.

По мнению профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Н. Зубаревич, директора региональной программы независимого Института социальной политики, «в нашей стране латиноамериканский уровень неравенства: 40% населения, два нижних квинтиля – по 20% – до сих пор не вышли на уровень средних советских доходов, они живут хуже. Третий квинтиль вернулся на уровень доходов последних советских лет. Инфляция всегда бьет по бедным. Понятно, что в менее развитых регионах, где доля бедных выше, кризисные проблемы острее. Бедные сокращают объем потребления и пытаются компенсировать потери продукцией с личного огорода. Поэтому с точки зрения жесткости выживания, конечно, бедным труднее всего» [2].

В марте и апреле 2016 г. ученые Института социологии РАН провели социологический опрос 4000 респондентов, от 18 лет и старше, представляющих основные социально-профессиональные группы населения и проживающих во всех территориально-экономических районах страны в различных типах поселений. Результаты этого общероссийского исследования мониторингового характера были представле-

ны общественности в итоговом резюме «Российское общество весной 2016-го: тревоги и надежды».

Регулярные исследования с 2014 года позволили зафиксировать у ученых изменения социального самочувствия россиян: доля респондентов, испытывающих безразличие, апатию, подавленность, начиная с осени 2015 г., увеличилась в два раза по сравнению с весной того же года (с 6 до 12%). Те же показатели (12% респондентов, чувствующих подавленность и безразличие) ученые зафиксировали в марте-апреле 2016 г.

Тревогу и страх этой весной чувствуют около 30% опрошенных, раздраженность и агрессию — около 10%. Такое же или более агрессивное состояние респонденты отмечают и у окружающих их людей (раздраженность, озлобленность, агрессию близких наблюдают около 30% опрошенных). Эмоциональный подъем весной 2016 г. испытывают лишь 4% опрошенных против 8% весной 2014 года и 6% весной 2015 г. Если 34% респондентов чувствовали спокойствие и уравновешенность в 2014 г., то весной 2016 г. их было всего 26% (весной 2015 г. таких было 30%).

Экономический кризис, который казался краткосрочным весной и даже осенью 2014 г., стал затяжным и выхода на стабилизацию россияне так и не почувствовали. При всех незначительных колебаниях курса рубля он в разы значительно ниже уровней 2013 г.: 90% опрошенных россиян назвали снижение курса рубля по отношению к доллару и евро событием, повлиявшим на жизнь страны в худшую сторону. 82% опрошенных испытывают тревогу по поводу роста цен на товары и услуги, 58% респондентов тревожит кризис ЖКХ, рост платежей за жилищно-коммунальные услуги, 49% отмечают снижение уровня жизни значительной части населения. Медицина, образование и отдых перешли в разряд nepозволительной роскоши для многих россиян (39% опрошенных испытывают тревогу по поводу снижения доступа к бесплатному образованию и медицине, лишь 18% респондентов положительно оценивают возможность отдыха в период отпуска).

Неудивительно, что весной 2016 г. около 70% опрошенных россиян назвали ситуацию в

стране «напряженной и кризисной» (среди тех, кому от 18 до 30 лет, таких 61%, среди респондентов в возрастной категории от 41 до 50 лет — таких 69%). Нынешнюю ситуацию в России в целом как катастрофическую оценили около 10% опрошенных (31–40 лет — 8% респондентов; 51–60 лет — 10%). Еще больше сократят расходы и начнут экономить 52% опрошенных, а 46% будут искать дополнительные заработки.

Протестных движений нет, потому что у россиян нет линейной связи между динамикой экономики и социокультурным восприятием людей. Люди приспосабливаются к тяжелым условиям и ужимают свои бюджеты. На фоне снижения зарплатных ожиданий Минэкономразвития предложило ограничить «рост зарплат»: это первый кризис, когда при росте цен людям не только не добавляют зарплаты, но еще и пытаются снизить. Народная Россия приспосабливается к неблагоприятным обстоятельствам, которые не привели к структурным реформам.

Совершенно очевидно, что самым серьезным последствием затянувшегося кризиса в стране (осенью 2014 года Президент страны говорил о двух годах терпения) может стать привыкание граждан к жизни в бедности без серьезных попыток активного поиска выхода из ситуации.

Литература

1. Данные опросов ВЦИОМ. Пресс-выпуск №3038 15.02.2016 Социальные настроения россиян в январе.
2. Бедных у нас — две трети страны. Экономика/Выпуск № 42 от 20.04.2016 [Электронный ресурс]// Новая газета <http://www.novayagazeta.ru/economy/72760.html>? (дата обращения 30.04.16)
3. Люди перестают видеть перспективу. Экономика/ Выпуск № 40 от 15.04.2016 [Электронный ресурс] // Новая газета <http://www.novayagazeta.ru/economy/72643> (дата обращения 25.04.16)
4. Росстат — Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ (опубликовано 9 февраля 2016)

Проблемы научной организации рабочего места современного руководителя (на примере банковской сферы)

Семенова Э.Х.

В статье рассмотрены основные проблемы организации рабочего места руководителя банка, которые были выявлены в ходе проведенного анализа состояния организации рабочих мест руководителей банковской сферы на примере ОАО КБ «ЕвроситиБанк». Результаты исследования могут быть использованы при разработке рекомендаций по улучшению рабочего места руководителя, что так необходимо в современных российских организациях для диагностики основных экономических и социальных проблем организации, с целью определения способов их разрешения.

Ключевые слова: управление, банковская деятельность, экономика, рабочее место, менеджмент организации, организация труда, эффективность, конкурентоспособность.

Semenova E. H.

Problems of the scientific organization of a workplace of the modern head (on the example of the bank sphere)

The article considers the main problems executives of the bank workplace organization, which were identified during the analysis of the organization of workplaces banking executives on the example of JSC CB "EvrositiBank". Research results can get the application in the further development of recommendations for improving workplace supervisor, that is so necessary in modern Russian organizations for the diagnosis of major economic and social problems of the organization, with the aim of defining ways of resolving them.

Keywords: management, bank activity, economic, a workplace, management of organization, the organization of work, efficiency, competitiveness.

Научная организация труда (НОТ) оказывает прямое воздействие на экономические и социальные процессы на производстве, которое своим следствием имеет вторичный результат, приводя в итоге к интегральному эффекту. От эффективности производства зависит уровень конкурентоспособности предприятия, наличие преимуществ перед другими организациями из аналогичной сферы деятельности. Основными факторами эффективности является использование прогрессивных технологий производства [4, с.26]. Также на эффективность оказывают значительное влияние уровень профессиональной подготовки работников, их инициативность, дисциплинированность, из чего следует, что человеческий фактор является решающим. Без соответствующей организации труда и производства нельзя достигнуть нужного результата, опираясь только на одну группу факторов. Организационные методы управления способствуют рациональному использованию технического и человеческого факторов [1, с. 19]. Без правильно продуманной организации деятельности сложно сохранять конкурентоспособность, которая имеет большое значение в организации труда и производства.

Экономические результаты деятельности достигаются посредством рационального разделения и кооперации труда, что позволяет обеспечить полное использование времени работника. Именно с помощью правильно продуманной организации рабочего места, применения наиболее прогрессивных приемов и методов труда можно минимизировать временные затраты работника. Также это способствует наиболее экономичному использованию площади и повышению производительности труда персонала.

Организация рабочего места – это система мероприятий по оснащению рабочего места

средствами и предметами труда и их функциональному размещению. Рациональная организация рабочих мест руководителей предполагает правильную их планировку, укомплектование мебелью и необходимыми средствами организационной техники, канцелярскими принадлежностями и различными вспомогательными устройствами [4, с.49].

Основной составляющей общего фонда, примерно 1/3, является потеря рабочего времени из-за нецелесообразной организации труда, что представляет собой значительный резерв для повышения эффективности управления. [8, с.51]. Процесс труда всегда представляет собой совокупность определенных действий работника на рабочем месте. Организация рабочего места прямо пропорциональна производительности труда.

Особое внимание при организации рабочих мест на предприятии необходимо уделить рабочему пространству руководителя, так как оно является мозговым центром компании и оказывает непосредственное влияние на эффективность и успешность деятельности. Правильно спланировать и обустроить свое рабочее место самостоятельно очень сложно. Программа по организации рабочего места одного сотрудника должна вписываться в программу организации рабочих мест всего коллектива организации и в программу управления персоналом в целом. Непонимание этого является большим недостатком современных российских организаций [2, с.53].

Банковские структуры сегодня представлены организациями, успех которых наиболее зависит от производительности одного рабочего места среди всех других. Вот почему их правильная организация так важна и представляется крайне интересной. Российские банки, функционирующие на протяжении долгого периода времени, создают рабочие места, ориентируясь на основную характеристику труда банковского работника, которые на данный момент являются устаревшими. Рабочие места имели статичную и инертную структуру, при которой не учитывались интересы клиента. Эта проблема является основополагающей в существующей в настоящее время системе организации рабочего места работника банка.

Еще более сложным и вызывающим тяжелые экономические и социальные последствия

является проблема формирования качественных параметров рабочих мест руководителей. Речь идет о таких, например, процессах, как:

а) оснащение рабочих мест новой прогрессивной техникой в отрыве от анализа специфики рабочего места и готовности специалиста работать с этой техникой [7, с.36].

При оснащении рабочих мест техническими новшествами не всегда и не везде проводится соответствующее обучение работников, формирование позитивных психологических установок на работу с данной техникой, формирование необходимой мотивации через пояснение того, что даст данная техника конкретному руководителю. Кроме того, новая техника не адаптируется к возможностям того работника, которому придется работать с ней. Новая техника должна обладать не только высокой производительностью, экономичностью и надежностью, не только облегчать, но и улучшать условия труда, обогащая его содержание, то есть обеспечивать творческий характер трудовой деятельности людей. Нужны социальные нормативы на новую технику и технологию.

б) создание рабочих мест, не соответствующих эргономическим, антропометрическим и социально-психологическим характеристикам специалиста [9, с.112]

Данная проблема выявлена на основе исследования организации рабочих мест в ОАО КБ «ЕвроситиБанк» и также является проблемой большинства банков. Рост доходности банковской сферы привел к тому, что многие вновь создающиеся или расширяющиеся банки занимают помещения, не предназначенные для банковской деятельности, строят новые помещения. При реконструкции старых помещений или проектировании новых учитываются интересы эстетического оформления, имиджевого дизайна, общего технологического процесса, что является, безусловно, важным. Однако не уделяется должного внимания проектированию и организации конкретных рабочих мест. Подтверждением этому служит и тот факт, что в банках отсутствует специалист по НОТ или практика привлечения такого специалиста в периоды проектирования, перемещений, перепланировки рабочих мест [3].

Организованность рабочих мест должна достигаться благодаря формированию рабочего процесса, упорядочения и согласования вза-

имодельных элементов рабочего места (системы рабочих мест) за счет установления определенных параметров элементов и определенной структуры отношений между этими элементами, а также между элементами и механизмами, регламентирующими их взаимодействие.

Процесс организации рабочего места может происходить в результате:

- внутренних случайных нерегулярных воздействий самих элементов рабочего места друг на друга, ведущих к организованности рабочего места;

- внутренних целенаправленных воздействий одних элементов рабочего места на другие, имеющих своей целью достижение организованности;

- внешних случайных нерегулярных воздействий на рабочее место и его элементы, вызывающих организованность;

- внешних целенаправленных систематических и непрерывных воздействий с целью достижения организованности рабочего места.

Таким образом, организация рабочего места осуществляется не только с помощью специальных мероприятий организующего внешнего субъекта, т. е. в рамках управления рабочим местом, но и в результате воздействия элементов рабочего места друг на друга, особенно со стороны субъекта труда, работника и влияния на них окружающей среды, что упущено в организации рабочего места генерального директора ОАО КБ «ЕвроситиБанк».

Управление рабочим местом, помимо функции организации, должно осуществляться и с помощью других управленческих функций, таких как проектирование, планирование, оценка, развитие. Что касается таких процедур, как аттестация и рационализация рабочих мест, то они осуществляются при выполнении перечисленных функций управления рабочими местами [5, с.68]

Для последовательной и целенаправленной, согласованной со всеми видами деятельности организации труда в банке «ЕвроситиБанк» рекомендуется создать такую систему управления рабочими местами, которая обеспечит наиболее гармоничное и эффективное развитие банка в целом.

Отчетственная система организации рабочего места руководителя должна быть оптимизирована в первую очередь с позиции учета спе-

цифики его деятельности в условиях конкретного сектора экономики и исходя из следующих параметров:

- рациональное использование производственных площадей при организации рабочего места;

- оптимальность временных затрат на выполнение основных производственных операций;

- возможность группировки трудовых операций в рамках одного рабочего места;

- уровень производительности труда в условиях рабочего места;

- организационно-техническая целесообразность рабочего места;

- комплексность/учетность санитарно-гигиенических норм, психофизиологических условий и эстетической составляющей при организации условий труда [6, с. 157]

Данные показатели составят основу аналитических наблюдений при оценке качества/эффективности организации рабочего места руководителя банковских структур.

Современный банковский сектор осуществляет свою деятельность в очевидно специфических условиях, наиболее существенными из которых являются следующие:

1. Основным маркером экономического рынка выступает усиливающаяся конкуренция, активизирующая в первую очередь стратегии соперничества и противоборства, а также обуславливающая необходимость реализации более стратегичной конкурентной политики банка по привлечению вкладов населения и расширению спектра услуг;

2. Вышеозначенная особенность приводит к росту взаимозависимости всех субъектов финансовой среды (банковских учреждений и иных финансовых организаций, государственных финансовых институтов, предприятий и собственников вкладчиков или заемщиков). В этой связи обостряется необходимость переориентации деятельности банковского специалиста на всех участников/субъектов финансово-кредитной системы, что должно обеспечить отлаженную работу каждого механизма в цепочке финансово-экономических отношений;

3. Финансовая среда в целом и рынок банковских услуг в частности особенно подвержены стихийным изменениям. Банки во все времена (и современное состояние внешней среды тому яркое подтверждение) были зависимы в

первую очередь от устойчивости экономического рынка, степени и характера конкурентной борьбы, макроэкономической конъюнктуры и т.д., что требовало и требует от банковских структур быстрого реагирования на изменение внешней среды, умение максимально прогнозировать данные изменения и быстро адаптироваться к сложившимся условиям;

4. В современных условиях возрастает и чувствительность банковских предприятий к собственным ошибкам. Как показывает практика, даже просчеты и ошибки рядовых сотрудников могут вызвать существенные экономические и социальные потери, не говоря уже об ошибках управленческого уровня, приводящих к дестабилизации внутренней среды, кризисным явлениям и даже банкротству. Логично, что деятельность современных служащих банка должна быть направлена на минимизацию просчетов любого уровня;

5. Большинство банковских операций сопряжено с различными рисками (кредитными, процентными, валютными, ликвидными и т.д.), что требует от банковского служащего на этапе выполнения операций любого уровня прогнозирования и учета этих рисков;

6. Еще одной специфической особенностью финансового рынка в целом и банковской деятельности в частности является ее низкая «прозрачность», что заведомо предполагает ограничение внутренних и внешних информационных потоков и обеспечивает определенные гарантии вкладчикам и заемщикам, от персонала, следовательно, требует конфиденциальности и сохранности служебной информации;

7. Успешность деятельности банка, снижение неопределенности и показателей риска во многом зависит от объема и качества информационных потоков, что в свою очередь приводит к увеличению числа элементов технологических процессов и программированию большинства банковских операций;

8. Условия жесткой конкуренции стимулируют банки к расширению спектра финансовых услуг, традиционный набор которых ежегодно пополняется дополнительными услугами информационного и консультационного порядка, что автоматически приводит к расширению видов банковского труда;

9. Логично, что в свете сказанного расширяется и спектр функциональных обязанностей

закрепленных за одним и тем же банковским специалистом, что происходит на фоне высокой степени функционально разделения и профессиональной специализации банковского труда в целом. Кроме того, отмечается передача части управленческих функций на уровень персонала, что повышает требования к самостоятельности и активности банковских специалистов в принятии решений;

10. В современных условиях меняется также содержание факторов роста эффективности и прибыльности банковского труда и банковской сферы. Высокие комиссионные по валютным операциям, в последнее время активно позиционируются как факторы, подтверждающие качественное использование в деятельности внутрибанковских резервов роста, а именно: развития персонала, совершенствование/технологизация трудовых операций, качественная организация рабочих мест. Иными словами, сам работник банка становится активным участником/субъектом трудового процесса, а уровень его профессиональной готовности рассматривается как фактор результативности деятельности банка. Логично, что эффективность трудовых операций и уровень работоспособности банковского персонала (особенно в тех случаях, когда речь идет о руководящем составе организации) зависит от качества организации рабочего места и условий труда [9, с.84-86]

Отдельное внимание стоит уделить специфическим особенностям труда руководителей банковской сферы, выявление которых в ходе исследования основывалось на методике CMQ (Common-Metric System), согласно которой любой труд базируется на четырех главных категориях: *межличностные отношения, принятие решений, физические и механические характеристики трудовой деятельности, контекст труда* (внутренняя и внешняя среда организации).

Таким образом, труд руководителя банковской сферы в отношении первой категории характеризуется достаточно активными внутренними контактами с персоналом и вышестоящими органами, наличием в деятельности руководителя значительного числа переговорных процессов разного уровня активных публичных выступлений, а также совещательных мероприятий различного масштаба (начиная от инструктивных и оперативных и заканчивая советами директоров).

Относительно второй категории можно заметить, что в компетенцию руководителя банковской сферы входит принятие решений разного уровня и порядка – кадровых, финансовых, стратегических, ориентированных на краткосрочную или долгосрочную перспективу, – что требует от руководителя наличия менеджерских способностей, глубоких профессиональных знаний, навыков прогнозирования и т.п. [9, с.97]

В контексте третьей категории следует отметить информационный характер непосредственного предмета и продукта труда руководителя банковской сферы. Так, большей частью банковский служащий в своей деятельности опирается на соответствующую документационную базу и имеет дело с ежедневным оформлением определенных типов документов. Результаты труда руководителей банковской сферы в целом же оцениваются не только по количественным показателям обработанных или созданных документов, но и по степени влияния этих деловых бумаг на деятельность подразделения или всей организации.

Говоря о контексте труда банковских руководителей, обусловленном информационным характером предмета и продукта его деятельности, следует отметить как его специфическую особенность преобладание умственных/интеллектуальных операций над физическими, что делает трудовую деятельность эмоционально насыщенной и напряженной. Можно с уверенностью сказать, что банковский служащий работает в условиях высокой стрессогенности и подвижности/нестабильности внешней среды [9, с.102]. Данное обстоятельство автома-

тически повышает также степень персональной ответственности руководителя банковской структуры за результаты принимаемых управленческих решений и результаты собственной деятельности и деятельности организаций в целом.

Литература

1. Даниляк В.И. Человеческий фактор в управлении качеством: инновационный подход к управлению эргономичностью: учеб. пособие. М: изд-во «Логос», 2011. 332 с.
2. Друкер, П.Ф. Эффективный руководитель / П.Ф. Друкер. – изд-во «Вильямс», 2007. – 224 с.
3. ЕвроситиБанк. История Банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurocitybank.ru/rus/about/history/>
4. Егоршин А.П. Организация труда персонала / А.П. Егоршин, А.К. Зайцев. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 320 с.
5. Коргова М.А. Кадровый менеджмент: Учебное пособие / М.А. Коргова. – Ростов – н/д: Феникс, 2007. – 456с.
6. Кричевский Р.Л. Если вы – руководитель... / Р.Л. Кричевский. – М.: Дело, 2013 г. – 350 с.
7. Растимениш В.Е. Упорядочение. Путь к созданию качественного рабочего места / В.Е. Растимешин, Т.М. Куприянова. – М.: изд-во РИА стандарты и качество, 2010. – 174 с.
8. Резник С.Д. Персональный менеджмент. учеб. пособие М.: ИНФРА-М, 2008. – С. 263.
9. Тагирбеков К.Р. Основы банковской деятельности / К.Р. Тагирбеков. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 720 с.

Анализ социально–психологического аспекта феномена любви в произведениях профессора И.П. Четверикова

Сизинцев П.В.

Статья посвящена социально-философскому осмыслению феноменологического акта любви, возникающей между людьми, и значению при этом общественных и психологических факторов, которые вносят новые формы переживаний и восприятий, в сферы человеческого диалога и общения. Автор на примере произведений профессора Киевской Духовной Академии И.П. Четверикова показывает, что во взглядах на эту проблему в начале XX века, имеет место натуралистическое истолкование природы любви и критикует истоки этой тенденции мышления. Он пытается обратить внимание на метафизический аспект любовных чувств, его социальное значение, отделяя его от ощущений, симпатических чувствований и физиологических процессов. Исследование сделано в русле междисциплинарной проблематики философии, социологии и психологии, в ракурсе которых любовь для философа являет собой метафизическое выражение личностных свойств человека, и имеет как социологический феномен большое значение для бытия. Методология исследования базируется на системно-философском подходе с использованием эвристических методов выявления информации в используемых источниках. Оригинальность исследования имеет максимальную степень, так как исследований теологического и философского наследия И.П. Четверикова в российской научной среде до настоящего времени практически не проводилось.

Ключевые слова: психология, философия, социологическое значение, акт человеческой личности, феноменологический анализ, переживания, стремления, сознание, чувства, индивидуальность, общение, восприятие.

Sizintsev P.V.

Title of the article: analysis of the socio-psychological aspect of the phenomenon of love in the article by I. P. Chetverikova.

The article is devoted to socio-philosophical understanding of the phenomenological act of love that occurs between people, and value in the social and psychological factors that make new forms of experiences and perceptions in spheres of human dialogue and communication. The author on the example of the article of Professor of the Kiev Theological Academy I. P. Chetverikova shows that the views on this issue in the early twentieth century, there is a naturalistic interpretation of the nature of love and criticizes the origins of this trend of thinking. He tries to draw attention to the metaphysical aspect of love feelings, its social value, separating it from the sensations, the sympathetic sensations and physiological processes. A study made in the framework of interdisciplinary perspectives of philosophy, sociology and psychology, in the view which love for a philosopher is a metaphysical expression of personal properties of the person and has as a sociological phenomenon of great importance for existence. The methodology is based on a systematic-philosophical approach using heuristic methods to identify information in the sources. The originality of the research has the maximum degree, as studies theological and philosophical heritage of I.P. Chetverikova in the Russian scientific community to date is scarce.

Keywords: psychology, philosophy, sociological meaning, the act of the human person, phenomenological analysis of the experiences, the aspirations, consciousness, feelings, personality, communication, perception.

В своих произведениях Иван Четвериков определяет *любовь как основной акт в жизни человеческого духа*. Он особо подчеркивает, что имеет в виду «*христианскую любовь*» как акт *человеческой личности* [Четвериков, 1916, 48]. Для описания психологических состояний, переживаемых человеком, в статье привлечены различные цитаты. И не только некоторых из вышеупомянутых религиозных философов, но и современных автору французских писателей и известных русских поэтов (Г. Мопассан (1850-1893), Г. Флобер (1821-1880), К.Д. Бальмонт (1867-1942), З.Н. Гиппиус (1869-1945)) [Четвериков, 1916, 52-53].

Но, как представляется, в первую очередь следует рассмотреть, что понимало под состоянием любви само христианство, и что такое «христианская любовь». Патрологическая традиция христианства разделяла любовь на любовь к Богу и любовь к ближнему.

Любовь к Божеству возникла через обретение благодати, которая просвещая сердце человеческое, зажигает в нем огонь любви Божией. Чувствуя эту любовь в своем сердце, человек отзывается словами: *Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя!* (Пс. 17., 2.). Любовь христианина к ближнему своему выражалась в том, что христианин не осуждал ни иудея, ни язычника, ни еретика, но относился ко всем с тихой любовью. Но в то же время христианское Предание никоим образом не разделяло, одну любовь от другой. Иоанн Златоуст учил, что «если, вспоминая о благодеяниях людей, мы воспламеняемся к ним любовью, тем более, вспоминая о благодеяниях Божиих, будем усердны к заповедям».

Ибо Благодать Божия не только дает знание о том, что следует творить человеку, но еще и вдыхает в людей любовь, чтобы они могли исполнить то, что познали. Здесь присутствует и социальный аспект отношений, так как религиозное знание и вера определяет нравствен-

ность поведения человека. Учитывая социологический фактор, человек поднимается над своей собственной интерпретацией мира, чтобы взглянуть на социальные воздействия, формирующие все наши жизни и определяющие последующее бытие.

При этом, из контекста анализируемой статьи, очевидно, что Иван Четвериков пишет о человеческой любви друг к другу, способной преломиться сквозь призму *психологического анализа* [Четвериков, 1916, 48] и социальных отношений. Социологический аспект не отвергает и не умаляет значение индивидуального опыта. Наоборот, люди учатся лучше понимать самих себя и других людей, *тем самым, развивая в себе способность восприятия космоса социальной деятельности, в которую мы вовлечены* [Гидденс, 1999, 25].

Особое внимание было уделено И.П. Четвериковым личностному аспекту бытия человека и психологии теории человеческого восприятия в мире европейской цивилизации. Статья описывает психологию как науку, хотя и значимую в современной культуре, но вынужденную вести борьбу за выживание в мире мировой мысли перед лицом обвинений ее как в попытках решения чисто философских проблем, так и в неспособности решить чисто психологические вопросы, а, следовательно, и социальные.

И главной претензией ряда мыслителей среди них была та, что *проблема любви как основного акта в жизни, якобы, недоступна для психологического исследования*. Что *любовь человека, преломляясь сквозь призму психологического анализа, теряет то, что составляет ее душу, и тем самым превращается в некий полу – психический и полу – физиологический процесс* [Четвериков, 1916, 48].

Так, например, согласно, мнения свящ. П.А. Флоренского понятие «христианская любовь» или любовь в виде акта человеческой личности *должна быть изъята из области психологии и передана в сферу онтологии*, ибо любовь, понимаемая как психологическое состояние, соответствует, якобы, по Флоренскому «вещному» представлению о человеческом духе и *психологическая трактовка этой любви очень бедна* [Флоренский, 1914, 83].

Представляется, однако, что такая точка зрения скорее свидетельствует о недостатке психологических и социологических знаний у

самого Павла Александровича. С позиций и социологии и психологии, человеческая любовь – это взаимная физическая и личностная привязанность людей друг к другу. Любовь как чувство вышла из романтизма и впервые появилась в дворянских кругах как особая черта внебрачных отношений. До начала XIX века она была ограничена лишь этими кругами и ни в коей мере не отождествлялась с браком. Поэтому, ни сам феномен называемый «Любовь», ни ее связь с браком не могут восприниматься как «изначально данное» в жизни человека, ибо они чаще всего, *формировались под сильным социальным влиянием* [Гидденс, 1999, 26].

Любовь, как основное (онтологическое, нравственное и психологическое) выражение жизни человеческой личности, была для Флоренского сочетанием категорий «усии» (сущности) и ипостаси (способа бытия), которые он называл составляющими началами человеческой личности. По Флоренскому, гармония личного и надличностного может быть достигнута не путем превалирования одной категории над другой, а лишь когда одна составляющая «признает» другую. То есть, только в состоянии равновесного бытия природы и личности в человеке можно достичь божественного осмысления «образа Божия». Абсолютная же гармония усии и ипостаси в полноте возможна только в Боге Пресвятой Троицы между Божественной Сущностью и Божественными Лицами и их Ипостасями.

Для человека же возможна по Флоренскому, только одна вершина любви – *finis amoris ut duo unum fiant*, т.е. – «предел любви есть да двое будут едины», по библейскому изречению и *будут два одна плоть* (Бытие. 2., 24.). Подобного рода единосущная парадигма личности, отнесена Флоренским к христианской метафизической философии. Противоположной ей является философия рационализма, допускающая только «генерическое подобие», а не «нумерическое тождество» и представляющая понятие о духе как о «вещи и безжизненной неподвижности». Эту философию рационализма Флоренский и отождествлял с психологическим подходом к человеку.

По его мысли любовь, ведущая к отождествлению двух существ, является, не субъективным психическим процессом, а «субстанциальным актом, переходящим от субъекта на объект

и имеющим опору – в объекте», онтологически преобразующим любящих друг друга. Очевидно, что речь идет не о чувствах людей, а о некоем их механическом слиянии. И гипотеза «перехода акта» любви у Флоренского «с человека на человека» не менее механистична и рациональна в своем бытии, чем рационализм критикуемых им экспериментальных методов психологии. Но еще более важно, что это не фигура речи, а метод описания, который относится для Флоренского в полной мере и к идеальной дружбе, ведущей «к полному единодушию двух существ, создающему новую духовную сущность». О какой духовной сущности речь не уточняется, мысль размыта общими словами, имеющими не философский смысл, а эстетическое умствование.

К его духовной сущности был ход через изобретенные им «лестницы освящения» и указывающие на необходимость «градуального», постепенного восхождения человека к Богу. Примечательно, при этом, что мерой возрастания личности Павел Флоренский избрал «рациональный» градус, параметром благодати - «математическое число» посещенных человеком таинств, а силу молитвы соотносил с ритмикой Церкви, с ритмом богослужения, и каждый человек, должен как единица ритма влиться в него. Такой подход отвергает как духовную природу акта любви, так и ее общественно-социологическую значимость.

Возникает логический вопрос, чем же вещественность практической психологии отличается от математических и технических описаний Флоренским духовных актов любви? В своих «математизированных» рассуждениях о любви, дружбе и личности человека он также использовал рациональный инструментарий (число, градус, ритмика и т.д.), как это делал тот же В. Вундт (1832-1920) – германский учитель И.П. Четверикова, используя технические средства исследования душевных процессов в человеке. Желание научного «развода» между психологией и философией этот немецкий ученый, ныне считающийся основателем экспериментальной психологии, изложил так – *когда какая-нибудь пара разводится, то виновными являются обыкновенно, как известно обе стороны... и настоящий случай не составляет исключения* [Вундт, 1914, 93].

Наставник И. Четверикова только не добавил, что следствием развода является и лично-

стный разрыв людей друг с другом и разрушение социума семьи. Это торжество распада отношений, а при массовых разводах - и дезорганизация общественных процессов.

Мнение В. Вундта ценно потому, что по жизни он был сначала философ, а потом стал исследователем души и человеческой природы. Философия с его точки зрения ошибочно оценивает психологию, как источник материалистического подхода к любви, но и сама психология грешна односторонним уклонением в сторону естествознания и рационального отношения к душе человеческой. В его взглядах, отражающих систему ряда мыслителей, (Платон, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, З. Фрейд, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Библия) прослеживались *представления философов и социологов прошлого о природе и сущности любви, феномена любви как особого качества социальных отношений*. И можно было заметить *историческое изменение содержания понятия любви как ценностного отношения человека на социальном уровне в рамках его индивидуальной и общественной природы* [Кузнецова, Социология..., 2015].

Необходимо отметить, что школе В.М. Вундта¹, профессора философии² в Лейпцигском университете (1875) ныне считающегося «отцом» эксперимента в психологии и первой в мире (1879) лаборатории экспериментальной психологии, сугубо настаивали на том, что волевой элемент в процессе восприятия не подвержен никакому дальнейшему разложению. Волевой акт считался в экспериментальной школе основным душевным актом, влияющим на психические процессы в человеке и обуславливающим творческий характер психической активности. Данное представление имело идеалистический характер. Лаборатория Вундта в те годы и стала отправной точкой в изучении человека и, естественно, она была полна учеников, стажеров, визитеров из разных стран. Далеко не последнее место занимали в ней русские гости и ученики Вундта. Можно назвать имена В.М. Бехтерева (1857-1927), Н.Н. Ланге (1858-1921), Г.И. Челпанова (1862-1936). Такая активность русских ученых была основана на том мнении, что психология как знание и слово знания о душе своими истоками уходила вглубь веков на тысячелетия и тогда была частью философии, этики, теологии святоотеческого наследия христианства.

Поэтому далее в статье Иван Четвериков углубляет этот комментарий своего немецкого учителя экспериментальной психологии, у которого он учился и научно практиковал в 1906-1908 гг. в Лейпцигской лаборатории, отмечая философский и онтологический анализы у старых немецких мистиков Я. Беме (1575-1624) и Ф.К. Баадера [Четвериков, 1916, 49].

Будучи для современников критиком папской власти, практикующим христианский мистицизм, Якоб Бёме, считал, что спасение человека достижимо не внешними добрыми делами, и даже не внешним содействием Бога, но только внутренней верой духовного сердца человека. А без *внутреннего, духовного перерождения посредством обретения веры благие дела не имеют ни малейшего значения* [Беме, 2008, Комментарий]. Не наукообразная схоластическая учёность и тем более не внешняя власть чинов или авторитета, но лишь возрождение «внутреннего человека», указанного апостолами способно на восстановление вечного Начала в человеке. Оно, согласно Бёме, было когда-то утрачено *человеческим родом* [Фокин, 2008, 8]. Любовь у него описывалась как духовная и чувственная категория бытия, что повлияло на романтизм в немецкой идеалистическо-философской традиции. Он считал, что, несмотря на христианское Откровение, *глубокая основа и тайна человека и всех тварей в сем мире, и изменение мира* [Беме, 2008, Гл. 9., Пар. 8], остается скрытой от человечества.

Ф.К. Баадер (1765-1841) развил характерные для романтизма представления о мире и обществе как расчленённой, но некоей органической целостности. В своей критике дуализма, И. Канта (1724-1804), Франц Баадер стремился преодолеть идущий еще от взглядов Декарта раскол между знанием и верой через обоснование концепта интуитивного познания вещей. Исходящие от Я. Бёме и германской мистики М. Экхарта (1260-1328) его теософские построения содержали мистическую диалектику саморазвития «Бога внутри человека» из образа Божия для самостоятельного освобождения его из тёмной «бездны» природы. Главными философскими понятиями, Баадер считал волю, в то же время существующую как первоначальное сознание, дух и личность, и ее свойства - вечную идею и вечную природу. Идея обуславливала форму, а природа была источником материи,

как реальности. Воля же определяла отношение между идеей (формой) и природой (материей).

Самое удивительное, что если в систему Баадера привнести дополнительное понимание идеи – как познания и материи – как чувствования реальности, а на место воли поставить личностное «Я» человека, то перед нами возникнет философская система Г. Тейхмюллера, ревностным сторонником которой был Иван Четвериков. Вслед за Я. Бёме Баадер проводил разделение между Богом в себе и Богом, выраженным в природе, не принимая тем самым пантеизм натурфилософии Шеллинга. В этом он сближался с М. Экхартом, считавшим, что человек способен познать Бога, ибо в душе есть «*божественная искра*», и надо, приглушив свою волю, пассивно предаться Богу. Тогда душа, отрешённая от всего земного, вознесётся до Божества, и, порывая с земным миром, сольётся с Ним. *В моей душе есть сила, воспринимающая Бога. Ничто не близко мне так, как Бог. Бог мне ближе, чем я сам себе* [Экхарт, 1912, 47].

Важно отметить, что этот немецкий мистик мыслил вполне социологическими категориями, говоря современным языком социологии. Он рассматривал «социальность» как первичность по отношению к бытовой жизни и общественным процессам, идеалистически трактуя её сущность как любовь, имеющую религиозное, и, в конечном счёте, сугубо Божественное происхождение. В этике Экхарта утверждаются, как полное самоотречение человека во имя Бога, так и полная свобода и автономность человека. Слияние человека с Богом есть снятие противоположности человека внешне телесного и внутренне духовного.

Именно благодаря тому, что человек в своем «Я» отказывается от внешнего, от всего своего, Бог *совершенно и полностью становится моим, таким же моим, как и своим, ни меньше, ни больше* [Экхарт, 1912, 47].

Абсолютная свобода Бога как личности явлена в творении, как возможности столь же органического общения индивидов в сотворенном. Баадер настаивал на личностном характере акта творения и выступал с резкой критикой философии Г. В. Ф. Гегеля, и его «динамического пантеизма».

Эти мистические рассуждения были подхвачены, по мнению Ивана Четверикова, В.С. Со-

ловьевым, и П.А. Флоренским. С тем, однако, его замечанием, что всем их размышлениям и анализам, не достает той основы, которую они могли бы почерпнуть только из психологии [Четвериков, 1916, 49].

В.С. Соловьев в последний период своей жизни утверждал, что *жизнь человека... есть... игра естественных сил, включая играющих и то, что играет... или идею жизни* [Соловьев, 2004, 41]. Влияние Платона (427-348 до Р.Х.) и его «пещеры» и идей проявлялось в нем все более. Человек становился у него просто элементом-частью общества, теряя уникальность, свободу и истинную любовь как важнейший атрибут личности.

И хотя Соловьев на словах признавал, что *в качестве субстанции божество необходимо обладает самоопределением и саморазличием, то есть, личностью и сознанием* [Соловьев, 2004, 41], но личность для него уже не данность человеческого бытия, осознаваемая человеком изначально. Это некое знание типа Абсолюта Гегеля приходящее к человеку в зависимости от этапов его развития.

Понятие личности он содержательно связал не с Абсолютом монизма и его образом в человеке, а с категорией все - единичного общего. На основании социологических факторов взаимозависимой жизни людей в обществе, Соловьев утверждал, что *бесконечное содержание, потенциально заключающееся в личности, действительно осуществляется в обществе, которое есть расширенная или восполненная личность. Так же как личность есть сосредоточенное или сжатое общество* [Соловьев, 1896, 868-869]. Тем самым он низвел метафизику до социума. А, человек как личность, произвольно разрывая рамки индивидуальной природы, подменяется у Соловьева *личностью общества, или Царства Божия* [Соловьев, 2004, 41] на земле. Христианская личность растворилась у него во всеединстве. Отсюда и личная любовь у Соловьева всецело зависит от социальных условий обусловленного обществом внешнего существования.

В то же время, творение Богом человека как творческой свободной личности, способной творить и добро и зло, по Флоренскому как раз и проявляет Бога как Любовь. *Христианская идея о Боге, как о Существенной Любви, как о Любви внутри Себя, а потому также вне Себя... в творе-*

нии мира, т.е. самостоятельного бытия... дала почву для признания твари... нравственно ответственной за себя [Флоренский, 1990, 289]. Примечательно, что Флоренский как в античном прошлом платоники, обожает называть человека тварью. Тем самым он приравняет его к вешному миру, хотя и обвиняет в «вещном походе» к человеческой любви современную ему психологию. Он или «забывает» постулат христианства о наличии в человеке «образа Божия», или постоянно игнорирует христианскую цель бытия – уподобление носителя «образа Божия» Христу. Творение мира Богом он выводит не из произволения Троичного Бога от преизбытка любви «из ничего», как об этом свидетельствовали мыслители христианской традиции, а из логической связки «есть любовь внутри, значит должна быть любовь вовне», что аналогично аристотелевской традиции. Философия считала, что Бог являет Собой Абсолют совершенства, а Библия, что Он дает всему *жизнь, и дыхание, и все* (Деян. 17., 5.), как сотворенное бытие. *Ничто не предшествовало Богу, и ничто не понуждало Его сотворить мир* [Алипий, 1997, 91]. Творение, по мысли теологов, произошло *из не-сущего в бытие* и создало *все как видимое, так и невидимое* [Иоанн, www] на основах любви, имеющей метафизический характер, служащей прообразом любви для людей. Таким образом, традиция христианства однозначно говорят, что именно избыточность Божественной Благодати явилась причиной сотворения мироздания, которое было создано принципом любви как причины и характеристики бытия.

Проведенное исследование сделано в русле междисциплинарной проблематики философии, социологии и психологии, в ракурсе которых любовь для философа являет собой метафизическое выражение личностных свойств человека, и имеет как социологический феномен большое значение для бытия.

Литература

1. Алипий (Кастальский), архим., Исайя (Белов), архим. Догматическое богословие. – Сергиев Посад.: Издательство Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997. – 288 с.
2. Беме Я., Аврора, или Утренняя заря в восхождении. - М.: Издательство Амфора, 2008. – 512 с.

3. Вундт В.М., Психология в борьбе за существование. // Новые идеи в философии. / Пер. Г. Котляр. № 10. 1914. – С. 93-131.
4. Вундт В.М., Очерк психологии. – СПб., 1896.
5. Гидденс Э., Социология. – М.: Едиториал УРСС, 1999. – 704 с.
6. Кузнецова Е.В., Любовь как особое качество социальных отношений. Кандидатская диссертация по специальности 22.00.01 - Теория, методология и история социологии (социологические науки), 2000. – 139 с.
7. Кузнецова Е.В., Социология любви: история, теория, проблемы: монография. // Введение. – М.: Издательский дом Городец, 2015. – 128 с.
8. Соловьев В.С., Оправдание добра. – М.: Издательство Институт русской цивилизации, 2012. – 656 с.
9. Соловьев В.С., Чтения о Богочеловечестве. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 256 с.
10. Соловьев В.С., Энциклопедический словарь: в 86 Т. // Личность. / Т. 17А. – СПб.: Издательство Брокгауза и Эфрона, 1896. – 497 с.
11. Фокин И.Л., Феноменология теогонической души в учении Я. Бёме // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2008. – № 1 (10). – С. 7-15.
12. Четвериков И.П. Психология любви. // Христианская жизнь. 1916. Апрель. Киев. – С. 48-53.
13. Четвериков И.П. Почитание Божьей Матери в России. - Герсбрук, 1943.
14. Четвериков И.П. Преподобный Сергей Радонежский. - Герсбрук, 1947. 64 с.
15. Четвериков И.П. Святитель Николай Чудотворец. - Герсбрук, 1948. 36 с.
16. Четвериков И.П. О Боге, как личном существе. - Stuttgart, 1950. 339 p
17. Эххарт М., Духовные проповеди и рассуждения. – М.: Издательство Мусагет, 1912. – 189 с.
18. Эххарт М., Об отрешенности. – М., СПб.: Издательство Университетская книга, 2001. – 432 с.

«Правила жизни Оскара Уайльда» и их влияние на формирование мифа об Уайльде в России Серебряного века

Сушко Е.Л.

Популяризации творчества Оскара Уайльда во многом способствовала публикация переводов публицистики и сказок английского писателя, написанных в символистском ключе и освещающих проблемы морали, нравственности и искусства как единого целого. Интерес к уайльдовской концепции искусства в России Серебряного века был связан с общими моментами этой концепции и символистского видения мира. Ключевые слова: эстетика Оскара Уайльда, русский символизм, символистское видение мира, символистские органы печати

Sushko E. L.

"Life Principles of Oscar Wilde" and their influence on formation of myth about Wilde in Russia of Silver Age. In many respects the publication of the translations of journalism and the fairy tales of the English writer written in a symbolist key and covering problems of morals, morality and art as a whole promoted public awareness of creativity of Oscar Wilde. Interest in the uayldovsky concept of art in Russia of the Silver age has been connected with the general moments of this concept and symbolist vision of the world.

Keywords: Oscar Wilde's esthetics, Russian symbolism, symbolist vision of the world, symbolist press organs

В опубликованных «Правилах Жизни Оскара Уайльда» было сказано: «**Художник**¹ - тот, кто создает прекрасное. Раскрыть людям себя и скрыть художника - вот к чему стремится искусство» [9]. И далее: «**Те, кто в прекрасном находят дурное**, - люди испорченные, и притом испорченность не делает их привлекательными. Это большой грех. Те, кто способны узреть в прекрасном его высокий смысл, - люди культурные. Они не безнадежны. **Но избранник** - тот, кто в прекрасном видит лишь одно: Красоту. **Нет книг нравственных или безнравственных**. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо. Вот и все. **Художник не стремится что-то доказывать**. Доказать можно даже неоспоримые истины. **Художник не моралист**. Подобная склонность художника рождает непростительную манерность стиля. **Не приписывайте художнику нездоровых тенденций**: ему дозволено изображать все» [10].

Н.С. Гумилев, в начале своего творческого пути активно сотрудничавший с брянским журналом «Весь», один из переводчиков поэзии Оскара Уайльда писал, что искусство тем прекрасней, чем взятый материал бесстрастней. Совпадение полное, словно это не высказывание великого Гумилева, а перевод Уайльда. **Мысль и Слово для художника** - средства Искусства. **Порок и Добродетель** - материал для его творчества» [10]. Это означало, что поэт в гораздо большей мере, чем художник, рискует удалиться от чистой эстетики, так как средства художественной выразительности, которыми он пользуется, существуют одновременно в рациональном и поэтическом дискурсах.

«Нас волнует только незримое, но это незримое — единственное. Что способно нас волновать, не может не волновать нас, не будучи понятным» [6, С. 72], - писал Н.С. Гумилев, тогда - сотрудник журнала «Весь». Точка зрения мо-

лодого Гумилева была созвучна брюсовской, отраженной в статье «Ключи тайн»: «Искусство - это глубинные интуитивные прозрения бездн» [6, С. 72].

Анализируя символистское освещение проблем искусства, остановимся более подробно на статье Д.С. Мережковского «Грядущий Хам», реакции В.Я. Брюсова на статью и параллельных моментах в освещении проблем искусства русскими символистами и Оскаром Уайльдом.

Д.С. Мережковский высказал мысль, утверждающую искусство как истинного Бога, Бога любви и свободы: «Бог есть - значит, человек свободен, человек - раб, значит, нет Бога. Я утверждаю, что никто не выйдет из этого круга!» [5, С. 3].

«Что значит слово Христа: Я научу вас истине, и истина сделает вас свободными?», - спрашивал своих читателей Д.С. Мережковский. Для него Бог был Дух истины, который «наставит вас на всякую истину. И на ту последнюю истину любви, которая сделает людей свободными. В первом царстве - Отца, Ветхом завете, открылась власть Божия, как истина; во втором царстве - Сына, Новом завете, открывается истина, как любовь; в третьем, и последнем царстве - Духа, в Грядущем завете, откроется любовь, как свобода. И в этом последнем царствии произнесено и услышано будет последнее, никем еще не произнесенное и не услышанное имя Господа Грядущего: Освободитель» [5, С. 3].

Мережковский писал о страшной опасности, угрожающей западной культуре изнутри самой западной культуры - «мещанстве», образно названном «грядущим хамом». Как оказалось, слова Мережковского не были услышаны русским обществом и Хам явился как «свиное рыло революции». То, что Мережковский именует Грядущим Хамом, Уайльд называет Искусством упадка и лжи.

«Одной из главных причин удивительной посредственности большей части современной литературы, несомненно, является упадок Лжи как искусства, науки и светского развлечения, - писал Уайльд. - Древние историки оставили нам замечательные художественные произведения, изложенные в форме фактов; современный же писатель преподносит нам сухие факты под видом художественных произведений. Blue-Book все больше и больше становится его идеалом метода и стиля. Он обзавелся занудным

document humain и жалким coin de la creation, и копошится в них с микроскопом. Его можно встретить в Национальной библиотеке или в Британском музее за бесстыдным изучением своего предмета. Его не хватает даже на то, чтобы воспользоваться чужими идеями, он желает черпать все прямо из жизни, и под конец его выносит на берег между энциклопедиями и личным опытом, с его героями, списанными с членов семьи или прачки, и таким количеством полезной информации, что она продолжает давить на его сознание даже в минуты глубокого созерцания» [10].

Проблемы русского общества начала XX в., «разрешившиеся» в революционной катастрофе, по мнению Д.С. Мережковского были лишь эпизодом в истории человечества. Для Уайльда русская революция была тесно связана с мечтой о высшей справедливости. В пьесе «Вера и нигилисты» Уайльд писал: «Сделаем наше будущее священным, и пусть свершится хотя бы одна революция, которая не вскормлена на убийствах и преступлениях» [9, С. 22].

В.Я. Брюсов, активно читавший в это время Уайльда, писал А. Белому в августе 1903 г.: «Я разочаровался в «Новом пути» еще и еще, и даже еще. Мережковские не могут допустить рядом с собой никакой мысли. Постепенно «Новый путь» наводняется тихими всхлипываниями слабоумных юношей, подражающих Дмитрию Сергеевичу. Антон Крайний поносит беллетристику «Русского богатства», но никогда «Русское богатство» не падало так низко, чтобы допустить на свои серые страницы ту позорную дрянь, которую горделиво печатает «Новый путь» [1, С. 152].

В. Брюсов и московские символисты считали, что «земной мир состоит из вещей, а мир идеальный - из идей - сущностей. Каждая же вещь материального мира есть воплощение некой общей идеи. Это означает, что идея (смысл) не тождественна вещи, поэтому предметный мир можно мыслить без всякого смысла, как «голую» предметность [3]. Для группы московских поэтов, объединившихся вокруг издательства «Скорпион», участие в «Новом пути» было неприемлемым. В.Я. Брюсову и его последователям был необходим журнал-манифест, где они могли бы теоретически обосновать свои взгляды на «новое» искусство, не всегда совпадавшие с идеями петербургской группы. По замыс-

лу Брюсова, таким журналом должны были стать «Весы».

Таким образом, новое искусство, возникшее в рассматриваемый период, испытывало острую необходимость не просто эстетически обосновать свои принципы, объяснить обществу свои цели и задачи, но и иметь свой печатный орган. Так появились журналы «Золотое руно», «Мир искусства», «Новый путь», «Весы».

Журнал «Весы» стал творческой лабораторией русского символизма. У его истоков стояли старшие символисты, в частности, В.Я. Брюсов. Соответственно, редакционная коллегия журнала более тяготела к искусству «дионисийскому» - экспрессивному, чувственному, гиперэмоциональному, «ночному».

Журнал «Весы» был основан Валерием Яковлевичем Брюсовым, главой московской группы символистов, выходил ежемесячно в московском издательстве «Скорпион», учрежденном в 1900 г. Брюсовым при поддержке, в том числе финансовой, С.А.Полякова. Инициатива создания издательства исходила от К.Д. Бальмонта. С.А. Поляков, переводчик и меценат, стал официальным главой редколлегии «Весов», хотя фактически политику журнала определял В.Я. Брюсов. Кроме них в редколлегии состояли известные поэты-символисты К.Д.Бальмонт, А. Белый, Ю.К. Балтрушайтис и переводчик М.Н. Семенов. По структуре это был журнал-манифест, особый тип издания, издающий орган: организации и объединения, сформировавшиеся внутри нового художественного направления, испытывали потребность в организации канала коммуникации со своей аудиторией.

«Весы» вышли в 1904 г., когда еще продолжал издаваться «Новый путь», и поэтому необходимо было четко определить его роль в ряду символистских журналов. Это было сделано в объявлении об издании нового органа, где подчеркивалось, что «Весы» – журнал идей. Основной предмет журнала – пропаганда эстетических идей творчества вообще и творчества символистов в частности. Был продуман и тип нового издания. В обращении «К читателям» говорилось, что «Весы» желают создать первый в России критический журнал. «Весы» стали явлением уникальным не только в русской, но и в мировой журналистике, а главное, они воплотили мечты Оскара Уайльда о подобных изданиях.

В частности, английский поэт, писатель и драматург писал в работе «Упадок искусства лжи»: ««<...> Полагаю, что над всеми возвышается литературный критик, поскольку его поле шире, видение пространнее, а материал ценнее, но вместе с тем каждое из искусств как бы требует своего критика. Актер – вот критик драмы. Он являет нам создание поэта в новых условиях, прибегая к методу, специфичному для его ремесла. Он имеет дело с письменным словом, и средством постижения у него становится действие на сцене, жесты, голос. Музыкальный критик – это певец, или скрипач, или флейтист. Гравёр лишает работу живописца ее прекрасных красок, зато в новом материале выявляет для нас истинное качество ее цветовой гаммы, тонов и оттенков, композиционных центров, таким образом делаясь ее критиком, поскольку критик тот, кто представляет нам художественное произведение в форме, отличной от той, что ему была изначально присуща, а использование нового материала - это акт и творческий, и критический» [10].

В первый год журнал имел два отдела: общие статьи по вопросам искусства, науки и литературы и «Хроника литературной и художественной жизни». Самым необычным был полный отказ от отдела беллетристики. Так Брюсов реализовал свое решение: чем печатать плохую беллетристику, лучше не публиковать ее вообще.

Брюсов предпринял рискованную попытку доказать, что возможен литературный журнал без привычного материала для чтения. Это была редакторская ошибка поэта, и не только потому, что читатели не принимали журнала без беллетристики, но и потому, что, пропагандируя «новое» искусство, публикуя сложнейшие эстетические изыскания, журнал не давал иллюстраций к этим поискам, не печатал художественных произведений, в которых новые принципы получили бы более или менее полное воплощение. По теоретическим статьям не очень подготовленному читателю порой трудно было понять, какие особенности делают стихотворение или рассказ произведением «нового стиля».

Эту ошибку пришлось исправлять. Через два года, столкнувшись с неуклонным падением тиража, «Весы» начали печатать беллетристику, и запрет был снят из-за публикации перевода М.Ф. Ликиардопуло сказок Оскара Уайльда.

Михаил Федорович Ликиардопуло в 1904 г. начал сотрудничать с журналом «Весы» в качестве обозревателя современной греческой литературы, но стал ведущим переводчиком и популяризатором творчества Оскара Уайльда в России. Личные контакты с английскими издателями и друзьями Уайльда способствовали тому, что некоторые переводы были выполнены М.Ф. Ликиардопуло непосредственно с рукописей Оскара Уайльда и первоначально опубликованы в журнале «Весы», а затем вышли отдельными изданиями. В собрание сочинений Уайльда под редакцией К.И. Чуковского (СПб., 1912, 1914) вошло 13 переводов Ликиардопуло. Переводы М.Ф. Ликиардопуло отличались верностью оригиналу, глубоким проникновением в суть авторского замысла, хотя и не всегда отвечали требованиям высокой художественности.

Кроме сказок, Михаил Федорович первым перевел на русский язык публичные лекции Оскара Уайльда «Сфинкс без загадки» и «Ценность искусства в домашнем быту». Причиной обращения к публицистике Оскара Уайльда послужила именно схожесть эстетических позиций английского писателя и русских символистов, что послужило упрочению сформированного мифа. В переводе Ликиардопуло «Сфинкс без загадки» читаем: «Въ лекции, которую я им?ю честь сегодня прочитать вамъ, я отнюдь не нам?рень предложить вамъ какое-нибудь отвлеченное опред?леніе красоты. Ибо мы, работники искусства, не можемъ принять какую-нибудь теорію красоты взаим?нь самой красоты и, будучи далеки отъ желанія изолировать ее формулой, взывающей къ разуму, мы, наоборотъ, желаемъ воплотить ее въ какой-нибудь матеріальной форм?, дающей радость душ? черезъ посредство чувствъ. Мы хотимъ создавать, а не опред?лять ее. Опред?леніе должно сл?довать за творчествомъ, а не творчество - приспособляться къ опред?ленію» [8, С. 12]. Эти слова были созвучны как мыслям самого Ликиардопуло, так и мыслям об искусстве многих представителей литературы Серебряного века.

К примеру, О.Э. Манделъштам в эссе «Франсуа Виллон» (1910, 1912), опубликованном в «Аполлоне», а затем включенном в сборник «Камень», писал: «Настоящее мгновение может выдержать напор столетий и сохранить свою целостность, остаться тем же «сейчас». Нужно только

уметь вырвать его из почвы времени, не повредив его корней — иначе оно завянет. Виллон умел это делать» [4, С. 264].

Поэтому поэту так дорог именно тот миг, который он характеризует словом «сейчас», миг между творением искусства и вечностью. Далее Ликиардопуло переводит: «Ничего н?тъ опасн?е для молодого художника, ч?мъ какая-нибудь концепція идеальной красоты: она неукоснительно поведетъ его или къ мелкой красивости, или къ безжизненной абстракціи; но, чтобы достичь идеала, его не надо лишать безжизненности. Надо находить его въ жизни и претворять его въ искусств?» [8, С. 13]. Ликиардопуло не мог не заметить близости переводимого текста с литературными манифестами своего времени. В частности, со статьей Вяч. Иванова «О поэзии Иннокентия Анненского», опубликованной в четвертом номере журнала за 1910 год».

В статье Вяч. Иванов писал: «Поэт-символист ... берет исходною точкой в процессе своего творчества нечто физическое или психологически конкретное и, не определяя его непосредственно, часто даже вовсе не называя, изображает ряд ассоциаций, имеющих с ним тонкую связь, обнаружение которой помогает многосторонне и ярко осознать душевный смысл явления, ставшего для поэта переживанием, и иногда впервые назвать его — прежде обычным и пустым, ныне столь многозначительным его именем» [2, С. 15].

Именно близость эстетических позиций русского англичанина и русских символистов окончательно закрепила миф о русском Оскаре Уайльде, поэте-изгнаннике, отвергнутом собственным народом, но понятном и принятом в России.

Литература

1. Белый А. Начало века. Мережковский и Брюсов. М.: АСТ, 2009. С. 152.
2. Иванов Вяч. О поэзии Иннокентия Анненского // «Аполлон», 1910. №: С. 15-19
3. Лосев А.Ф. Проблемы символизма и реалистическое искусство. М.: Художественная литература, 1976. 482 с.
4. Манделъштам О.Э. Франсуа Виллон // Манделъштам О.Э. Собрание сочинений в трех томах. М.: «Терра» «Terra», 1991. Т. 1. С. 264.
5. Мережковский Д.С. Грядущий Хам. М.: Скорпион, 1906. С. 3.

6. Рубинс М. Пластическая радость красоты. СПб.: Академический проект, 2003. С. 72.

7. Садовской Б. «Весы». Воспоминания сотрудника. М.: Водолей, 2010. С.84.

8. Уайльд О. Сфинкс без загадки//пер. М.Ф. Ликиардопуло. Приложение к журналу «Нива» на 1912 г. Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С-Петербург.

9. Уайльд О. Вера и нигилисты. М.: АСТ, 2011. С. 28

10. Уайльд О. Правила жизни // Интернет-ресурс: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/gilenson-izl-praktikum/uajld-ob-iskusstve.htm>

11. Уайльд О. Упадок искусства лжи. Интернет-ресурс: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/gilenson-izl-praktikum/uajld-ob-iskusstve.htm>.

Ссылки:

1 Курсивом главное выделял в рукописях сам Оскар Уайльд.

Миграционные процессы и социальное самочувствие россиян

Сушко В.А.

В современном мире в условиях расширения сфер общения между народами вопросы миграции являются важным социальным фактором развития российского общества. Они сложны и многогранны и вызывают большой интерес у учёных. Поэтому их изучение актуально.

Ключевые слова: методология социологического исследования, миграция, миграционные процессы, социальное самочувствие, качество жизни.

Sushko V.A.

Migration processes and social well-being of Russians
In the modern world in terms of expansion of spheres of communication between the peoples, questions about migration is an important social factor in the development of Russian society. They are complex and multifaceted and they are of the great interest to scientists. Therefore their study is actual.

Key words: methodology of sociological research, migration, migratory processes, social feeling, quality of life.

Вопрос качества жизни сейчас особенно значим для российского общества, поскольку во всех сферах жизни наблюдается большое количество нерешенных проблем. И, несмотря на то, что наша страна поднялась на более высокий уровень развития по сравнению, например, с 90-ми годами XX века, нужно еще очень многое изменить к лучшему, чтобы Россия могла оправдать звание социального государства. В современном российском обществе существует множество неразрешенных социальных проблем: бедность, низкая рождаемость, высокая смертность, коррупция, безработица, алкоголизм, наркомания, преступность, проституция, нарушения прав человека, детская беспризорность, особенно сложное положение пенсионеров и инвалидов, социальное неравенство, экстремистские движения, терроризм, неблагоприятная экологическая ситуация. Наряду с данными проблемами, одной из наиболее важных социальных проблем является миграционная проблема.

Достижение максимально высокого качества жизни населения является приоритетной целью социальной рыночной экономики. Одной из важнейших предпосылок, обеспечивающих реализацию этой задачи, является проведение эффективной политики благосостояния населения¹.

Проблему отношения к миграции можно рассматривать не только в контексте межрегиональных и межнациональных отношений, но и как самостоятельный показатель социально-экономического напряжения, прямо связанный с восприятием обобщенного «другого», раскрывающий отношение к социальной иерархии, мобильности и т. п. Восприятие чужого, человека извне, позволяет реконструировать представления некоей общности о себе, о своих качествах, происхождении, перспективах дальнейшего развития, обозначить точки наибольшей конфликтности и неопределенности в отношениях².

Функционирующие сегодня на общефедеральном и региональных уровнях механизмы уп-

равления процессами миграции неадекватны потребностям отечественного рынка труда, ситуации, складывающейся в стране в целом. При этом свойственные им недостаточная ориентированность на баланс интересов государства, общества, бизнеса и мигрантов и слабая проработанность лежащих в их основе институциональных практик способны усугубить имеющиеся трудности и породить новые. Внешняя (международная) миграция, связанная с межгосударственным перемещением населения, его движением через государственные границы, обрела статус одного из важнейших глобальных процессов, в значительной степени влияющих на мировую экономику.

Результатом происходящего стало формирование принципиально новой миграционной ситуации, важнейшими характеристиками которой признаются: беспрецедентное увеличение масштабов и расширение географии международных миграций; изменение структуры миграционных потоков в соответствии с потребностями глобализирующегося рынка труда (циркулярный характер миграции, увеличение доли высококвалифицированных мигрантов, феминизация); неуклонный рост и структурная непреодолимость нелегальной миграции; рост масштабов и расширение географии вынужденных миграций и ряд других. Вследствие развития коммуникационных и транспортных сетей практически не осталось стран, которые так или иначе не вовлекались бы в миграционные потоки, совокупность разнонаправленных переселений, совершающихся в определенное время в рамках той или иной территориальной системы, между ее частями³.

Многолетние исследования трансформации российского социума, опирающиеся на данные об общественном мнении, свидетельствуют о характерной консервации его структуры, ослаблении восходящей, да и горизонтальной социальной мобильности, разочаровании в прогрессивном потенциале реформ, снижении ожиданий и, как следствие, понижающем типе адаптации, характерном для значительной доли населения современной России⁴. На фоне тревожной подавленности растет стремление к стабильности, к поискам твердой основы если не будущего развития, то хотя бы сиюминутного существования. При этом взгляды все чаще обращаются назад: потерянное ощущение великой общности, смысла и перспектив общественного раз-

вития многие склонны искать в советском прошлом, периоде «развитого социализма»⁵. Этот утраченный золотой век наделяется теми свойствами, которых так не хватает современности, — экономической стабильностью, устойчивой и «справедливой» общественной структурой, развитой системой социального обеспечения, отсутствием значительного неравенства, а, следовательно, и конкуренции, разобщенности, гордым чувством принадлежности к великой державе, которую во всем мире уважают и боятся. Воссозданный таким образом характер идеального общества дает представление о типе ценностных дефицитов в социально-экономической и политической сфере и о действии компенсаторных механизмов, актуальных для сознания многих граждан современной России.

Важнейшей чертой идеализированного общественного устройства в подобных представлениях, безусловно, является социальная справедливость. Острое ощущение ее отсутствия, выражающееся в резком расслоении общества и бедности большинства населения, активизирует чувства обиды и раздражения. Негативный опыт адаптации (или не столь позитивный, как хотелось в начале реформ) привел многих к отрицательной оценке и перемен, и достижений тех, кто преуспел, и самих принципов достижительности. Успех для большинства ассоциируется с нелегитимностью, несправедливостью. Чувство ущемленности подсказывает многим простое решение: чтобы защитить скудные ресурсы, которые могли бы улучшить их благосостояние, необходимо сократить круг тех, кто вправе на эти ресурсы претендовать⁶.

Одна из основных причин формирования именно этнической идеи нации кроется в отсутствии иных сколько-нибудь значимых символических характеристик или объединительных оснований гражданского характера⁷, которые могли бы скрепить разобщенное и дезорганизованное большинство населения⁸.

В статье приведен анализ эмпирических данных, которые были получены в ходе анкетного опроса. Опрошены 300 человек в возрасте от 25 до 55 лет, являющихся гражданами России и проживающих в Москве на момент проведения опроса⁹. Процент опрошенных женщин составил 54%, мужчин — 46%. Структура распределения респондентов по возрасту выглядела следующим образом: 37% опрошенных были в возрасте 25-34 лет, 30% - в возрасте 35-

44 года, 33% - в возрасте 45-55 лет. Респондентам задавались различные вопросы, касающиеся их отношения удовлетворенности жизнью в различных сферах, уровнем жизни, самооценка преобладающего настроения, уверенности в завтрашнем дне и обеспокоенности социальными проблемами в обществе.

Характерно, что не только две трети русских респондентов выбирают этнический вариант самоидентификации, но и четверть тех, кто относит себя к другому этносу, предпочитают называться русскими, а не гражданами России. «Русская» самоидентификация отражает ценностно-иерархическую нагруженность этого этнонима, выходящую за рамки его нормальной функции – фиксации принадлежности к этносу. Молодые несколько чаще ощущают себя гражданами, а старшие – русскими, хотя во всех возрастных группах этническая составляющая самоидентификации превалирует, составляя в среднем по выборке около двух третей опрошенных.

Приверженность к гражданской самоидентификации более характерна для образованных респондентов, причем наиболее отчетливо эту приверженность демонстрируют те, кто по характеру своей деятельности общается с большим количеством людей или вовлечен в современные модели взаимодействия. Приверженность к этнической идентичности отчетливо выражена среди занятых неквалифицированным трудом; впрочем, в этой группе наиболее велика доля тех, кто вообще не осмысляет ситуацию в таких терминах.

Респонденты, приверженные к гражданской самоидентификации, чаще подчеркивают отсутствие принципиальных и иерархических различий между народами, критичнее относятся к качествам самих русских и более склонны признавать ответственность народа за переживаемые им проблемы, реже ссылаются на вину нерусских и необходимость предоставления титульной нации особых прав в России.

Оценочное отношение к этничности и соответствующие представления о привилегированном положении русских могут порождать конфликт при соприкосновении с представителями других национальностей, в поведении которых субъект не замечает признания своего превосходства¹⁰.

Характерно, что наиболее распространенные причины неприязни к мигрантам не до конца рационализированы: «Они ведут себя агрессивно и нагло, они опасны, я их боюсь», «Они

езде, их слишком много» и т. п. Это ксенофобские реакции в словарном значении слова. Они обусловлены страхом перед чужим, неизвестным. Таким фобиям, как правило, не сопутствуют сложные представления о характере социального взаимодействия, причинах и последствиях миграции, о конкуренции на рынке труда или культурной экспансии; они не дифференцируют приезжих по происхождению, этничности, целям их приезда. Подобная неприязнь поддерживается наиболее архаичными, рутинными страхами, которые внушены всем, что выходит за рамки повседневного опыта, и вызывают простейшую реакцию: стремление уклониться от дальнейших контактов с неизвестным, обеспечить для себя культурно однородную, предсказуемую среду обитания.

Негативное отношение к мигрантам объясняют традиционным недоверием к сфере торговли и предпринимательства, убежденностью, что приезжие «выживают коренное население с насиженных мест» и «живут лучше коренного населения», а также боязнью трудовой конкуренции. В последнем объяснении, однако, следует видеть скорее риторическую фигуру, нежели указание на реальную проблему.

Негативное отношение к мигрантам и дискриминационная политика в их отношении часто оправдываются ссылками на то, что они не представляют никакой экономической ценности для принимающей страны, а лишь стремятся «пожиться за счет коренного населения», — хотя очевидно, что вакансии, занятые мигрантами, нельзя назвать привлекательными¹¹.

Характерно, что российское население считает приезжих, как правило, менее враждебными, чем себя, т. е. настороженность русских имеет «опережающий» характер и превосходит воображаемую неприязненность чужаков. Два исключения из этого правила: отношение к «братским» народам (славянам и молдаванам), а также к американцам и западноевропейцам, которые подозреваются в более прохладном отношении к принимающей стороне. Такая неравномерность может указывать на большую значимость этих связей, ожидание более теплого и справедливого отношения, отсутствие которого воспринимается как нечто обидное.

Значительная доля мигрантов вытесняется за пределы пространства, признанного «своим», уже в силу их этнического происхождения: отторжению подвергаются не конкретные люди, а

целые регионы, поскольку их население маркируется как внешнее, враждебное. В основе неприязни к иноэтничным группам лежит «унитарное», изоляционистское представление о России как о стране, где живут русские.

Опасения в отношении нерусских граждан России в подавляющем большинстве случаев основаны на представлениях об ином характере их положения в государственной и гражданской структуре. Наиболее «логичным» следствием обостренного восприятия угроз, исходящих от нерусских (граждан или мигрантов), становится стремление к этнической гомогенизации, превращению России в унитарное, мононациональное государство.

Проблема отношения к мигрантам, судя по всему, не только стоит особняком в общей миграционной проблематике, но подчас выходит за ее пределы, характеризуя состояние российского общества в целом, его важнейшие ценностные представления и поведенческие аспекты. С некоторой натяжкой здесь можно применить известный афоризм: в современной России мигрантофобия возможна и без значительного числа мигрантов. Уровень враждебности по отношению к иноэтничным и иноконфессиональным группам, да и просто к приезжим, непропорционально велик в сопоставлении с реальными изменениями условий жизни коренного населения, которые вызывает или может вызывать миграция. Одним из доказательств этого тезиса может служить то обстоятельство, что осторожность, неприязнь и желание выдворить из своей среды обитания «чужаков» проявляются и по отношению к тем группам, чьих представителей большинство мигрантоненавистников редко видит хотя бы издали, не говоря уже о том, чтобы непосредственно контактировать с ними в повседневной жизни.

При этом нелюбовь к приезжим носит не идеологический характер (реальная база поддержки националистов не превышает пяти-семи процентов, рекрутируемых из маргинальных молодежных групп), а скорее инструментальный, бытовой, ситуативный. Негативное отношение к мигрантам сигнализирует о внутренних напряжениях в современном российском обществе, о значительной распространенности понижающего типа социальной адаптации, о непреодолимых барьерах, мешающих социальной мобильности, а также формированию позитивных жизненных стратегий и их реализации.

Неприятие «инородцев» зачастую имеет чисто поведенческие корни: сталкиваясь со слишком активным, экспрессивным культурным типом, обыватель испытывает растерянность, не знает, как реагировать, раздражается и развивает упреждающую (иногда встречную) агрессию. Враждебное отношение к мигрантам естественным образом способствует сплочению иноэтничных групп, их готовности помогать «своим», упорно стремиться к успеху. Все это, в свою очередь, воспринимается русскими как экспансия, желание занять лучшее положение в обществе, так или иначе «оттеснить коренное население», «выжить русских с насиженных мест».

Относительные экономические успехи чужаков (реальные или воображаемые) нарушают нормативные представления коренного населения о должном — «позиционно-иерархическом» — порядке гратификации, согласно которому местные жители (вообще русские) обладают заведомым преимуществом при распределении жизненных благ. То, что другие их обгоняют, воспринимается как жестокая несправедливость. Осознание собственной неудачи (несоответствия запросов и реальных достижений) делает невозможным позитивное отношение к другому, признание его успехов, более того, подталкивает к поиску в другом моральных изъянов, позволивших ему добиться большего¹². В целом миграция воспринимается большей частью российского общества как явление скорее вредное и опасное, нежели сулящее какие-либо выгоды России: соотношение положительных и отрицательных отзывов здесь составляет 15:85.

Разработка методической концепции социологического исследования обусловлена рядом характерных особенностей, которые присущи современному уровню изучения и исследования проблемы в системе социологического научного знания. Методическая концепция исследования проблемы влияния миграционных процессов на социальное самочувствие среди населения обосновывает необходимость вычленения в комплексе исследовательских методов конкретных технических разновидностей этих методов, которые позволят обеспечить решение поставленных задач на каждом этапе проводимого социологического исследования.

Несмотря на отнюдь не оптимистические взгляды на будущее, люди полны надежды. 43% ответивших считают, что через год они будут жить

лучше, 26% полагают, что их жизнь не изменится, и лишь 12% ожидают худшего. Возможно, причина этого в менталитете русского народа, который даже при тяжелых жизненных невзгодах всегда надеется и свято верит в лучшее будущее.

Вопрос о наиболее беспокоящих проблемах задавался в открытой форме. Открытая форма вопроса осложнила процесс анализа результатов, поскольку ответы давались респондентами в несистематизированном виде. Однако она имеет такое преимущество, как самостоятельное выражение истинного мнения без всякого рода давления или напоминания. При данных обстоятельствах респондентами вспоминаются наиболее наиболее проблемные.

Результаты анализа показали, что на первом месте среди проблем, беспокоящих людей, в наибольшей степени, находится коррупция (26%), которая характеризуется некоторыми респондентами как массовая. На втором месте имеет проблема нравственности, точнее безнравственности (20%), которая раскрывается через такие словосочетания, как «потеря нравственно-культурных ценностей и наследия», «отсутствие идеалов», «бескультурие», «воспитание молодого поколения без нравственных основ», «низкий уровень культуры, духовности», «отсутствие духовных ценностей», люди заявляют о существующей проблеме «морального здоровья нашей нации и молодежи».

По 15% набрали такие проблемы в нашем обществе, как недовольство органами власти и различные формы девиантного поведения. Недовольство органами власти выражалось индивидами как через односложные существительные, такие как «наше правительство», «власть», так и через словосочетания, где раскрывался источник недовольства – «ежедневные политические оппозиции», «несовершенное законодательство», «правовой беспредел», «бесправие народа», «политическая обстановка (конфликты, войны)» и другие.

А проблема миграции заняла 4 место. О ней заявляют 14% людей, раскрывая её через «миграцию», «гастарбайтеров», «приезжих». Эти цифры подтверждают остроту проблемы в нашем обществе. Кроме того, респонденты называли такую проблему, как «бедность» (12%), «низкий уровень жизни населения», «нищета большинства населения России». Беспокоят людей проблемы в образовании (9%), высокие цены и их рост (9%). При этом 8% людей серьёзно

обеспокоены социальной защитой отдельных групп населения, результаты которой выражаются в «бедственном положении пенсионеров, учителей, врачей», в «социальной незащищённости». Последнее место по степени распространённости проблем занимают такие негативные явления, как низкая социальная мобильность, криминал, пробки, агрессивность людей, пассивность населения, социальная несправедливость, бездомность, экономическое неравенство. Они набрали по 2%.

Несмотря на значительное снижение порога чувствительности к публичному выражению шовинистических, а порой и нацистских взглядов, многие еще не готовы поставить свою подпись под наиболее одиозными лозунгами и идентифицировать себя с открытыми поборниками этнической чистоты. Однако «в разумных пределах» большинство готово согласиться с подобными доктринами. В отсутствии механизмов гражданского взаимодействия, сколь-нибудь значительной социальной мобильности и весомого опыта межкультурных контактов такими критериями становятся самые очевидные, внешние, признаки принадлежности к общности: место рождения, язык, стиль одежды и поведения. В ситуации внутренней осады эти признаки превращаются в пароль, рассчитанный на отсеивание «чужих». Однако исходная задача при этом так и остается нерешенной: исключение чужаков не дает позитивных оснований для формирования общности «своих». Оценка количественных и качественных параметров данного рынка, а также складывающейся на нем ситуации позволяют говорить об особой - в контексте пореформенного российского социума - актуальности вопросов, связанных с: совершенствованием государственной политики в сфере миграции и отношения к мигрантам; модернизацией организационно-правовых основ формирования правового статуса пребывающих в Россию; разработкой единой концепции национальной миграционной политики в российскую экономику; четким определением экономических, политических и социальных приоритетов страны в сфере международной миграции; социальной адаптацией и интеграцией мигрантов в принимающее общество.

Учитывая в целом неоднозначные социальные и экономические эффекты, оказываемые внешней миграцией на принимающие сообщества и их экономические подсистемы, современ-

ные государства стремятся, так или иначе, регулировать данный процесс. При этом ведущей тенденцией последних лет становится очевидное ужесточение ограничительных мер в сфере миграции, характерное, в первую очередь, для развитых стран мира, правительства которых, будучи вынуждены считаться с масштабными потоками устремляющихся сюда мигрантов и отрицательными последствиями иммиграции, разрабатывают внутригосударственные и межгосударственные соглашения, лимитирующие въезд мигрантов. В соответствии с принципом государственного суверенитета каждое государство самостоятельно определяет правовой статус как своих, так и иностранных граждан, пребывающих на его территории, регламентирует вопросы въезда (выезда) последних, условия их нахождения в стране, транзитного проезда и осуществления ими трудовой деятельности. Вместе с тем, вопросы, касающиеся правового статуса мигрантов, регулируются международными договорами и соглашениями с учетом норм международного права.

Очевидно, что какой бы ни была ее модель, вопросы миграционной политики крайне важны в связи с необходимостью обеспечения национальной безопасности, поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов, сохранения устойчивого экономического роста положительного социального самочувствия коренных жителей. Основой выработки положений, инструментов и механизмов данной политики должен выступать глубокий, системно организованный анализ ситуации, складывающейся сразу в нескольких направлениях. Речь идет о тенденциях эмиграции и волнах иммиграции, легальных и нелегальных мигрантах, беженцах, вынужденных переселенцах, трудящихся-мигрантах и др. Допущение несовершенств в этой сфере чревато серьезными последствиями и ощутимыми негативными рисками, которым подвергается и Россия - государство, граничащее с 18-ю признанными им странами. И эти последствия мы уже можем наблюдать в частности в Европе. Вместе с тем, по мнению специалистов, внятная государственная политика по многим из перечисленных выше направлений отсутствует в Российской Федерации до сих пор, тогда как реально предпринимаемые меры зачастую носят ситуативный характер.

Ссылки:

1 Сушко В.А. Социально-территориальные особенности качества жизни в России // Научная перспектива, № 9, 2015. С.55.

2 Леонова А. Неприязнь к мигрантам как форма самозащиты // Отечественные записки, № 4, 2004.

3 Ионцев В.Л. Международная миграция населения: теория и история изучения. - М.: Диалог-МГУ. 1999.-С. 19

4 Гудков Л. Антисемитизм и ксенофобия в постсоветской России // Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997–2003 гг. М.: НЛО-ВЦИОМ-А, 2004. С. 272.

5 Подробнее о ностальгических и компенсаторных конструкциях в общественном сознании см.: Дубин Б. Лицо эпохи. Брежневский период в столкновении различных оценок // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 3 (65). С. 25–32.

6 Леонова А. Неприязнь к мигрантам как форма самозащиты // Отечественные записки, № 4, 2004.

7 Обсуждаемые характеристики российской национальной идентичности основаны на типологическом противопоставлении этнической и гражданской (или политической, как в западных странах) концепции нации.

8 О национальной нетерпимости в России см. также: Здравомыслов А. Национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 2 (58). С. 48–54.

9 Исследование «Самоидентификация как фактор формирования социального самочувствия» проводилось студентами социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 2015 г. под руководством автора, выборка составила 300 человек.

10 О проблеме иерархически-оценочного выстраивания общностей по принципу происхождения см.: Борусяк Л. Патриотизм как ксенофобия (результаты опроса молодых москвичей) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6 (74).

11 Леонова А. Неприязнь к мигрантам как форма самозащиты // Отечественные записки, № 4, 2004.

12 Гудков Л. К проблеме негативной идентичности // Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997–2003 гг. С. 280.

Влияние Кяхтинского договора на статус Российских православных миссий в Пекине

Тань Т.

В статье рассмотрены нормы Кяхтинского договора о Российских православных миссиях в Пекине, влияние Кяхтинского договора на организацию православных миссий в Пекине.

Ключевые слова: Кяхтинский договор; Российские православные миссии в Пекине; православная церковь в Пекине

Tan T.

Influence of the Kyakhtinsky contract for the status of the Russian orthodox missions in Beijing

The article deals with standards Kyakhtinsky treaty on the Russian Orthodox Mission in Beijing, the influence of Kyakhta treaty for the organization of the Orthodox Mission in Beijing.

Keywords: Kyakhta treaty; Russian Orthodox Mission in Beijing; Orthodox church in Beijing

Внимание исследователей давно привлекало влияние Кяхтинского договора на российско-китайские отношения. В работах П.Е.Скачкова, П.Т.Яковлевой, С.А.Шубиной, Чжан Суй, Цай Хуншэн, Ли Минбинь, Ян Юйлин, [5, с. 81] изучалось прежде всего воздействие «Кяхтинского договора» на экономические, военно-политические и культурные отношения России и Китая, но недостаточно обращалось внимания на его влияние на организацию Российских православных миссий в Пекине.

Для установления границы между Российской империей и Китаем по реке Халхе, в Пекин было отправлено посольство С.Л. Владислави́ча-Рагузинского. В результате трудных переговоров в 1727 году был заключён Кяхтинский договор. Намерением китайского правительства являлось предупреждение пограничных инцидентов и ясная демаркация средней части русско-китайской границы. 25 июня 1727 года начались переговоры между российским и китайским посольствами. 4 июля 27 августа имели место восемь встреч между ними. Наконец, все вопросы были решены. 21 августа китайский представитель Тулишэн написал доношение императору: «Вчера мы с русскими договорились о въезде членов русского каравана и миссии. Наши солдаты и телохранители пришли с ними. В итоге членов каравана – 200 человек. Членов миссии – 3 священнослужителя, 6 учеников и 2 причетника, в итоге – 11 человек». Император Юнчжен написал резолюцию: «Согласен. Разрешил». [1, л. 2] 1 сентября 1727 года «Кяхтинский договор» был оформлен.

В «Кяхтинском договоре» о миссиях было написано так: «Коен (название домов для караванов) или дом, который ныне для Российских в Пекине обретается, будет для Россиян и вперед приезжающих, оные сами будут жить в сем доме. А что Российский Посол, Иллирийской

Граф Савва Владиславич представлял о строении церкви, сделана в сем доме воспоможением вельможей, которые имеют надсмотрения в делах Российских; в сем доме будет жить один Лама (священник) ныне в Пекине обретающийся, и прибавятся другие три Ламы (священника), которые придут, как решено. Когда придут, дастся им корм, как дается сему, который прежде приехал, и при той же церкви поставлены будут; Россиянам не будет запрещено молиться и почитать своего Бога по своему закону; кроме того четыре мальчика учеников и два побольшего возраста, которые по Русски и по Латини знают, и которых Посол Российской, Илирийской Граф, Савва Владиславич, хочет оставить в Пекине для обучения языков, будут жить также в сем доме и корм дастся им из Царского иждивения; а когда выучатся, по своей воли да возмутся назад». [2, л. 11]

Текст тоговора был написан на русском и маньчжурском языках. Надо объяснить, что в то время цинское правительство знало о России очень мало, и смешивало православных священнослужителей с монахами тибетского буддизма ламами.

Кяхтинский договор устанавливал, что дипломатическая переписка по русско-китайским делам должна вестись с китайской стороны китайским судом, то есть палатой по делам внешних областей Цинской империи (Лифаньюань), а с русской стороны - сенатом или «трибуналом российским». Тем самым этот способ решения судебных дел позволял избежать затруднений, которые возникали при дипломатической переписке царя с китайским императором.

Кяхтинский договор узаконил также постоянное пребывание российской православной миссии в Пекине. Возможность поддерживать сношения с китайским правительством с помощью этой миссии имела важное значение, поскольку в Пекине в то время не было постоянного русского дипломатического представительства.

Миссия состояла из нескольких духовных лиц во главе с архимандритом и шести светских учеников для обучения китайскому, маньчжурскому и монгольскому языкам. В церковно-религиозном отношении она подчинялась Синоду Русской православной церкви, а политические указания получала от российского ведомства иностранных дел. Члены миссии уведо-

ляли русское правительство о политическом положении в Китае. Многие из них впоследствии внесли своими научными трудами ценный вклад в изучение Китая и способствовали развитию русско-китайских культурных связей. В июне 1728 года, Кяхтинский договор был ратифицирован. [4, с. 44]

Кяхтинский договор имел большое значение для установления постоянных русско-китайских дипломатических отношений, торговли между Россией и Китаем, для русско-китайских культурных связей. До заключения Кяхтинского договора, Первая российская православная миссия в Пекине являлась возникшим событием в отношениях обеих стран. Но после того заключения Кяхтинского договора, Российские православные миссии в Пекине стали государственными постоянными органами в Китае. Они были утверждены международным договором.

Кяхтинский договор стал юридическим основанием деятельности Российских православных миссий в Пекине. Позднее китайское правительство основывалось на его статьях в решении проблем, относившихся к ним. В этих государственно-правовых обстоятельствах Российских православных миссий в Пекине и миссионерами католической церкви в Китае, поэтому китайское правительство несколько раз высылало миссионеров католической церкви за границу, но эти события никогда не отразились на Российских православных миссиях.

Анализ статей договора позволяет установить, что осуществлением его норм стало строительство нового православного Храма во имя Сретения Господня для адбазинцев и русских купцов в Пекине. Так что, когда члены Второй российской православной миссии приехали в Пекин, храм был уже построен. Эта церковь стала местом православного богослужения с 1729 года до 1861 года.

Статья Кяхтинского договора о торговле содержала ограничение для российской стороны как в регламенте торговых операций, так и в отношении ассортимента товаров. Перенесение центра торговли на границу стало следствием стремления Китая отдалить Россию от центральных районов собственно Китая, что являлось одним из элементов проводившейся манчурями позднее политики изоляции страны. Поэтому российские караваны редко приезжали в Пе-

кин торговать, Российские православные миссии в Пекине начали иметь дипломатические задачи.

После того как Кяхтинский договор был ратифицирован и Вторая миссия прибыла в Пекин деятельность православной церкви в Китае продолжилась. Во время Второй российской православной миссии в Пекине активизировалась миссионерская деятельность. Как доложил Синоду в декабре 1731 года начальник миссии архимандрит Антоний Платковский, 9 китайцев крестились в православную веру 25 марта этого года. Число китайских православных, учтенных Российской православной миссией в Пекине, стало 25 человек. Кроме того, восемь китайцев хотели бы креститься. [3, с. 33; 4, с. 46] Так начиналось распространение православия среди китайского населения.

Литература

1. Китайский первый исторический архив (Пекин), ф. 14, оп. 7, ед. хр. 28, Год 1727.
2. Китайский первый исторический архив (Пекин), ф. 14, оп. 18, ед. хр. 7, Год 1727 (перевод приведен по русскому противному договору).
3. Часовников А. Краткая история русской православной миссии в Китае. Пекин, 1916. 221с.
4. Сяо Юйцю. Российские православные миссии в Пекине и русско-китайский культурный обмен в Династии Цин. Тяньцзинь: Жэньминь, 2009. 310с.
5. Ли Вейли. Исследования о Российских православных миссиях в Пекине // Вестник китайского северного ирригационного института. Чжэнчжоу, 2005, №4, 79-83с.

Структура Шанхайской организации сотрудничества: единство в многообразии

Янь Жун

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) построена на равноправии партнеров (государств-участников). В этой организации представлено несколько десятков самобытных евразийских и азиатских социокультурных общностей и как минимум девять цивилизационных мегакультур: российская православная, китайская конфуцианская, тибетская, тюркская суннитская, тюркская тенгрианская, индуистская, персидско-шиитская, российская буддистская, китайская мусульманская. Поэтому о доминировании того или иного государства-участника в рамках ШОС говорить сложно. Более того, подобная палитра культур актуализирует, а не нивелирует процесс межкультурного взаимодействия. Бесспорно, одной из задач ШОС является обеспечение единства в многообразии.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, Таможенный Союз, многополярный мир, евразийская интеграция, страны-участники, страны-наблюдатели, страны-партнеры, торгово-экономическая интеграция, международные отношения, доминирование

Yan Rong

The structure of SCO (Shanghai Cooperation Organization): unity in diversity

SCO (Shanghai Cooperation Organization) is based on the equality of partners (Member States). In this organization are represented few dozen original Eurasian and Asian socio-cultural communities and at least nine civilization megacultures: Russian Orthodox, Confucian Chinese, Tibetan, Turkic Sunni, Turkic Tengirchilik, Hindu, Persian-Shiite, Russian Buddhist, Muslim Chinese. Therefore, it is very difficult to speak about the dominance of any member state in the framework of the SCO. Moreover, such a palette of cultures actualizes rather than eliminates the process of cross-cultural interaction. Undoubtedly, one of the SCO's tasks is to ensure unity in diversity.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, the Customs Union, multipolar world, the Eurasian integration, member states, observer states, partner countries, trade and economic integration, international relations, domination

В настоящее время мы не можем говорить о доминировании в ШОС того или иного государства-участника. Несмотря на то, что вклад Российской Федерации в бюджет ШОС равен вкладу КНР, Секретариат ШОС размещается не в Москве, а в Пекине. Сами члены ШОС объясняют это тем, что «Китай предложил лучшие условия» [6, С. 29]. Но, тем не менее, мы не имеем оснований фиксировать главенство Китая в ШОС, тем более что другой важнейший орган ШОС - Исполком Региональной антитеррористической структуры (РАТС) - находится в Ташкенте [1].

Бесспорно, экономический и политический вес в ШОС такого мощного государства, как КНР, велик и рассматривается рядом исследователей равным весу США в ООН. В таком случае, именно России выгодно сотрудничество с Китаем в рамках ШОС, поскольку подобное сотрудничество предоставляет уникальную возможность для укрепления авторитета Российской Федерации в мире, особенно после наложения санкций.

Заметим, что в начале XXI века Россия вновь становится крупной мировой державой, но ее совокупная мощь и влияние в мире по сравнению с СССР значительно уменьшилась. При этом, как крупное государство, Россия не заинтересована в однополярном мире, поэтому она, естественно, стремится к многополярности. Однако, как государство пока еще недостаточно мощное экономически, Россия нуждается в поддержке союзников, поэтому членство в ШОС позволяет объединить усилия для поиска общих подходов к решению международных и региональных проблем. «Не являясь противником кого бы то ни было, ШОС стала объединением, нацеленным на решение конкретных проблем в интересах государств - членов», - пишет А. Лукин в работе «Россия и ШОС» [6, С. 30].

Вопрос о взаимосвязи ШОС с другими организациями в рамках европейской и евразийской

интеграции - довольно сложный. На евразийском пространстве и практически с участием тех же стран существует и такая организация, как Таможенный союз. Исполнительный секретарь Делового совета ШОС Сергей Канавский, говоря о взаимодействии ШОС и Таможенного Союза, считает, что «Таможенный союз и ШОС будут дополнять друг друга» [4].

Таможенный союз позиционировался как форма торгово-экономической интеграции ряда стран, что предусматривает общую таможенную территорию для взаимовыгодного экономического сотрудничества, но и как форма торгово-экономической интеграции. Таможенный союз в рамках Евразийского экономического сообщества - это форма торгово-экономической интеграции России, Белоруссии и Казахстана, к которым позже присоединились Киргизия, Таджикистан и Узбекистан.

ШОС, в свою очередь, - это форма торгово-экономической интеграции Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Таможенный союз предусматривает единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле товарами не применяются таможенные пошлины, а ШОС ратует за общую безопасность и совместное участие в борьбе с международным терроризмом. Получается, что главным отличием в составах ШОС и Таможенного Союза является присутствие или отсутствие Китая и Белоруссии. При этом между данными странами существуют дипломатические отношения [2].

Более того, еще в мае 2002 г. на встрече с начальником Генштаба НОАК ФУ Цюанью президент Республики Беларусь Александр Лукашенко заявил, что во взаимоотношениях Белоруссии и Китая нет проблем и закрытых тем, а также абсолютно никаких расхождений в двусторонних отношениях и по вопросам международного сотрудничества [8].

В своей внешней политике оба государства высказываются в поддержку создания многополярной системы международных отношений и в целом стараются поддерживать друг друга на международной арене. Заметим, что в последние годы политика А. Лукашенко связана с поиском партнеров по евразийской интеграции. Поэтому в июле 2015 г. Президент Беларуси Александр Лукашенко прибыл с дружеским визитом в Уфу, где принял участие в саммитах

БРИКС и ШОС. По итогам саммита ШОС Беларусь получила статус наблюдателя. Таким образом, теперь все члены Таможенного союза одновременно являются членами ШОС, а сам Таможенный союз по экономической мощи становится равным бывшему СССР. Возникает вопрос, какие же преимущества подобный расклад сил дает Беларуси, которая собирается получить статус наблюдателя в ШОС, начиная с 2005 г., и вот-вот получит подобный статус?

Хотя с 2005 г. по настоящее время Беларусь имела статус партнёра по диалогу в рамках ШОС, статус наблюдателя, естественно, открывает перед этим государством возможность участия в большем числе мероприятий и на более высоком уровне в рамках ШОС [9]. Теперь Беларусь сможет принимать участие как в открытых заседаниях Совета глав государств и/или Совета глав правительств (премьер-министров) государств - членов ШОС, так и в других открытых мероприятиях ШОС. Не менее важно, что в рамках ШОС страна получила право:

- присутствовать на открытых заседаниях Совета министров иностранных дел и Совещаниях руководителей министерств и/или ведомств государств-членов ШОС;

- участвовать без права голоса и с предварительного согласия председательствующего в обсуждении вопросов, входящих в компетенцию органов ШОС, распространять через Исполнительного секретаря ШОС письменные заявления на рабочих языках ШОС по интересующим их вопросам, входящим в компетенцию ШОС;

- получать доступ к документам и решениям органов ШОС, если соответствующие органы ШОС не вводят ограничения на их распространение [8].

Благодаря обретенным возможностям Беларусь становится важной диалоговой площадкой со странами, входящими в ШОС. В свою очередь, государства-участники ШОС являются стратегическими партнерами Белоруссии на международной арене.

Беларусь имеет стратегический характер отношений с Россией и Китаем. Вместе с Россией, Казахстаном и Кыргызстаном Беларусь входит в ЕАЭС. Беларусь также имеет амбиции более глубокого вовлечения в китайский проект Экономического пояса Шелкового пути, о чём шли переговоры во время майского визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Минск. Тад-

жикистан и Узбекистан – это важные торгово-экономические партнеры Беларуси по СНГ.

Ответ на вопрос о необходимости существования на евразийском пространстве одновременно и ОДКБ, и ШОС, и Таможенного союза объясняется лишь одной причиной: объединение России, Белоруссии, Китая, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Армении с учетом желающих присоединиться к ШОС Пакистана, Индии, Сирии, Израиля, а, возможно, и Ирана будет представлять собой огромную политическую и экономическую силу. Только можно ли говорить о тесной интеграции всех перечисленных выше государств, особенно в экономической сфере, в то время как экономика и культура этих стран слишком отличны друг от друга, равно как и промышленные мощности?

С другой стороны, вопрос объединения – это еще и вопрос политический. Именно сейчас по инициативе США идет активное строительство Транстихоокеанского партнерства. В начале февраля этого года соглашение о Транстихоокеанском партнерстве подписали представители двенадцати стран: США, Канады, Японии, Австралии, Вьетнама, Брунея, Чили, Малайзии, Мексики, Перу, Сингапура и Новой Зеландии. Фактически речь идет о свободном доступе американских товаров на тихоокеанские рынки. Получается, что ШОС и Таможенный Союз становятся важной силой сдерживания, поддерживающей баланс сил в противостоянии «Восток – Запад».

Сложности экономической интеграции ШОС важно осмыслить, так как при анализе «абсолютных цифр» оказывается, что совокупный потенциал стран ШОС составляет одну четвертую мирового потенциала. Для сравнения: совокупный потенциал США – 12,4%. На территории стран ШОС сосредоточено 25% мировых запасов нефти, 50% – природного газа, 35% – угля, 50% – урана. В рамках организации между странами-участниками активно развиваются двусторонние связи торгового и политического характера. Подобная тенденция создает благоприятные условия для развития многосторонней интеграции, в частности, для создания инвестиционных и транспортных проектов. На сегодня ШОС является для РФ выгодным шансом вернуть, а затем и укрепить, свои позиции на рынках Центральной Азии. Если же к перечис-

ленным выше цифрам прибавить данные по Таможенному союзу, то картина вырисовывается крайне привлекательная.

Экономическое сотрудничество стало одной из быстро реализуемых целей ШОС. Перспективы расширения ШОС, то есть пути дальнейшей интеграции, связаны как раз с экономическим элементом деятельности организации. Заметим, что за годы своего существования ШОС не приняла в свои ряды ни одного государства, хотя число государств-наблюдателей и государств-партнеров по диалогу растет день ото дня. Хотя на саммите в Уфе было принято решение о принятии в ШОС Индии и Пакистана, эти страны все еще являются наблюдателями. И хотя в рамках ШОС существует специальный механизм принятия новых членов, санкционная политика Запада в отношении РФ по-новому расставляет акценты в экономических приоритетах стран ШОС.

Заметим, что, например, для Индии тесные экономические отношения с Россией, Китаем и странами Центральной Азии весьма важны и всегда в центре дипломатической активности страны. Вступление в ШОС позволит стране «внести значительный вклад в развитие многостороннего экономического партнерства в рамках ШОС и способствовать диверсификации внешнеэкономических связей» [5].

Между тем прием в ШОС такой крупной и в целом успешно развивающейся страны, как Индия, серьезно увеличил бы международный авторитет и влияние организации. ШОС стал бы самой крупной международной организацией в мире после ООН по совокупной численности населения стран-членов.

Таким образом, экономическое сотрудничество стран ШОС является важной составляющей работы организации. Без экономической составляющей само существование ШОС становится невозможным. Поэтому в перспективе развития вплоть до 2020 г. странами-членами ШОС согласована Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС, утверждён план мероприятий по её реализации. Эти документы предусматривают постепенное формирование в рамках ШОС полноценного интеграционного пространства, подразумевающего свободное передвижение товаров, услуг, капиталов и технологий. В перспективе предполагается создание

Зоны свободной торговли (ЗСТ) ШОС, что превращает Таможенный союз из союзника в конкурента. Работа же Таможенного союза осложняется введенными против РФ санкциями.

Через полтора года жизни под санкциями не только Россия, но и Белоруссия и Казахстан вынуждены пересматривать финансово-экономическую политику своих стран, искать новых внешнеэкономических партнёров вне Таможенного союза и даже вне ШОС. В Казахстане все-речь опасаются, что введенные США и ЕС против РФ санкции окажут негативный эффект на другие страны и ШОС, и Таможенного союза.

Газета «Коммерсантъ» писала в январе 2016 г. о Казахстане: «Довольно большой процент граждан считает, что евразийские интеграционные проекты несут серьезные экономические и политические риски для страны. Есть риск, что в случае ухудшения инвестиционной привлекательности РФ пострадают и показатели Казахстана, ведь они, будучи членами Таможенного союза, идут в связке» [5].

В современных условиях, когда мир находится на грани Третьей мировой войны, как никогда актуальна задача по формированию нового - безопасного, устойчивого и полицентричного миропорядка, где центры силы не противостоят друг другу, а сотрудничают. Евразийские организации и союзы, такие как ШОС, ОДКБ, Таможенный союз, должны этому способствовать.

Изучив особенности евразийской интеграции и ШОС как ведущего союза в рамках современных интеграционных процессов, мы пришли к следующим выводам: в основе природы международной экономической интеграции всегда лежали и лежат процессы международного объединения специализированного труда и производства. Но одно дело - практика разделения труда и специализация внутри страны, регулируемые системой государственной внутренней экономической политики (налоги, таможенные пошлины, государственный заказ, цены и др. меры). И совсем другое дело - развитие международного разделения труда в рамках экономического сотрудничества, в котором властвуют законы и алгоритмы развития цивилизационных объединений.

В настоящее время важно понять, что в конечном итоге международное объединение специализированного труда (специализация про-

изводства) будет осуществляться в русле одной из концепций глобализации: либо западной, либо восточной, либо русской. Какая из них более целесообразна нынешним условиям и помогает преодолеть мировой системный кризис - решать каждой стране, каждому региону самостоятельно [3].

Итак, в настоящее время ШОС раздвинулась практически до границ Европы. При этом участие в ШОС строится исключительно на добровольных началах, потому что каждый из участников процесса вступления в ШОС чувствует объективную необходимость сотрудничества и взаимной поддержки - как в принципах построения мировой экономики, так и в создании системы коллективной безопасности.

Рост масштабов экономик членов ШОС и Таможенного Союза перешел в новое качество, определяющее правила всей дальнейшей экономической и политической жизни мира, при котором страны Запада не откажутся сотрудничать с этими организациями, но, возможно, заставят США и Европу взаимодействовать на равных со всеми другими странами планеты. Наконец, ШОС уже самой пятнадцатилетней историей доказала свою значимость для мировой политики, экономики и интеграции. В многополярном мире именно существование ШОС позволяет удерживать баланс сил между основными участниками мировой политики.

Сознание исключительной позиции России между Европой и Азией крайне важно для социального развития, внешнеполитической ориентации и социального развития Российской Федерации. Евразия стала тем выбором, который объединит Европу и Азию. Сильная евразийская власть может быть важным источником баланса между двумя экономическими и политическими моделями с обеих сторон континента (западной и восточной).

Благодаря активной деятельности ШОС Европа будет тесно связана с Азиатско-Тихоокеанским регионом, энергичным и полным сил. Таможенный союз может при этом стать важным экономическим объединением в евразийском регионе. При этом Шанхайская организация сотрудничества будет расширяться, становиться все более и более влиятельной в мире.

С точки зрения приоритетов российской внешней политики значение ШОС следующее. Шанхайская организация сотрудничества дол-

жна способствовать усилению политического, экономического и культурного влияния России в Евразии. Во-вторых, Шанхайская организация сотрудничества должна стать барьером, защищающим Россию от возможного столкновения с Европой. Наконец, эффективная деятельность ШОС поможет укрепить международный имидж России.

Литература

1. Барский К. М. Шанхайская организация сотрудничества: новое слово в мировой политике / К. М. Барский // Стратегия России в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества: сб. ст. / под ред. А. В. Лукина. М.: МГИМО – Университет, 2012. С. 8–22.
2. Воробьев В. От Шанхая до Шанхая. (К созданию Шанхайской организации сотрудничества) // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4. С. 11
3. Воронина Т.В. Трансформация линейно-стадиальной модели международной экономической интеграции в эпоху глобализации: при-
чины, формы, последствия // Фундаментальные исследования, № 6-3. 2014. С. 539-543.
4. Канавский С. Таможенный союз и ШОС будут дополнять друг друга // Вестник Кавказа. Интернет-ресурс: <http://vestnikkavkaza.net>.
5. Колегова О. Ю. Ключевые сферы международного сотрудничества в рамках ШОС / О. Ю. Колегова // Вестник МГИМО – Университета. 2013. № 6. С. 160–169. Электронный ресурс: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=1006528>
6. Комиссина И. Н., Куртов А. А. Шанхайская организация сотрудничества. М.: РИСИ, 2005. С.259-260.
7. Лукин А. Россия и ШОС. Аналитические записки. Москва: МГИМО – Университет, 2007. С. 29.
8. Хартия Шанхайской организации сотрудничества от 07 июня 2002 года // <http://www.pavlodar.com/zakon/>.
9. Хунбинь У: «Мы дорожим дружбой с Беларусью» // Вестник внешнеэкономических связей. №1/2007. С. 33 - 39.

Наши авторы

Антонов Анатолий Иванович - доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, академик-секретарь отделения демографии Международной академии прогнозирования; член оргкомитета Всемирного Конгресса Семей (с 1995 г.); лауреат социологической премии и серебряной медали им. Питирима Сорокина. antonov_ai@mail.ru

Аристова Людмила Юрьевна, Главный специалист Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук

Бобков Геннадий Александрович, д.б.н., Федеральный научный центр физической культуры и спорта (ФГБУ ФНЦ ВНИИФК), bod_dan3@mail.ru,

Бульжникова Юлия Алексеевна - аспирантка кафедры социологии семьи и демографии, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

Грудина Татьяна Николаевна - кандидат социологических наук, научный сотрудник кафедры социологии семьи и демографии, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

Гусарова Светлана Владимировна, учитель истории, МБОУ Одинцовская гимназия №7, samoupravlenie7@mail.ru

Гусева Марина Александровна - ФГБУ «Федеральный научно-клинический центр детской гематологии, онкологии и иммунологии им. Д. Рогачева» Минздрава России, кафедра социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Епархина Ольга Валерьевна - кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии исторического факультета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. gelaq@mail.ru

Жаворонков Александр Васильевич - доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. larkzhav@yandex.ru

Калинкин Леонид Александрович, д.м.н. Федеральный научный центр физической культуры и спорта (ФГБУ ФНЦ ВНИИФК), info@vniifk.ru,

Карпова Вера Михайловна - кандидат социологических наук, старший преподаватель, социологический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова.

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ. kravchenkoai@mail.ru

Краснова Татьяна Викторовна, старший преподаватель, МГУ имени Ломоносова

Кулапов Михаил Николаевич - доктор экономических наук, профессор, директор Образовательно-научного центра «Менеджмент» ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», e-mail: oncm.reu@mail.ru

Ляликова Софья Викторовна – лаборант кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Марон Аркадий Исаакович, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Национальный

исследовательский университет «Высшая школа экономики», amaron@hse.ru

Морозов Вадим Николаевич, д.м.н., Федеральный научный центр физической культуры и спорта (ФГБУ ФНЦ ВНИИФК), info@vniifk.ru,

Муратова Ирина Анатольевна, канд. пед. наук, доц., заведующий кафедрой иностранных языков для факультета журналистики факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, linguajourn@gmail.com

Новоселова Елена Николаевна - кандидат социологических наук, доцент, социологический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова

Павлова Мария Васильевна, начальник психологической лаборатории ФКУ ИК-4 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, e-mail: dogileva.mary@yandex.ru

Перевезенцева Юлия Алексеевна - аспирант социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. jpervezentseva@gmail.com

Поплавская Ирина Анатольевна – кандидат социологических наук, кафедра истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. tabirina@live.ru

Рахманов Азат Борисович - доктор философских наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. azrakhmanov@mail.ru

Семенова Эльмира Хусеевна - аспирантка, - Пятигорский государственный университет (ПГУ), superstar99@mail.ru

Сергеев Павел Александрович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник «Центра промышленных и инвестиционных исследований», Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, e-mail: p.sergeev@imemo.ru

Сизинцев Павел Васильевич - аспирант, Московская Духовная Академия, sizinpash@yandex.ru.

Синельников Александр Борисович - доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. sinelka@mail.ru.

Сушко Валентина Афанасьевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. valentina.sushko@gmail.com

Сушко Екатерина Леонидовна, старший преподаватель, Международный гуманитарно-лингвистический институт

Тань Тяньной, аспирант кафедры русской истории факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: t498724802@126.com

Толстых Светлана Сергеевна, аспирант, Федеральный научный центр физической культуры и спорта (ФГБУ ФНЦ ВНИИФК), seta_89@mail.ru

Янь Жун - аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, yarongrong.ok@163.com

